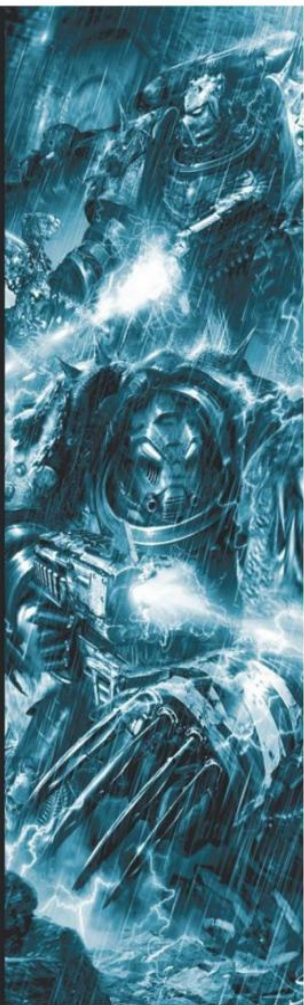

AARON DEMBSKI BOWDEN

SOUL HUNTER

A NIGHT LORDS NOVEL

WARHAMMER
40,000

Бойтесь этих костогесантников!

Преданные, отвергнутые светом Императора и преследуемые как еретики, они --- лютыежники сорок первого тысячелетия. Облаченные в символы смерти, Повелители Ночи остаются безжалостными охотниками и убийцами. Они никогда не раскаются в богохульстве, ставшем причиной их изгнания, и никогда не простят жертвы, принесенной их примархом. Они ведут свою войну с Императором, скользя во тьме между тиратами.

- [Аарон Дембски-Богден](#)

-

- [Часть первая](#)

- [Пролог](#)

- [I](#)

- [II](#)

- [III](#)

- [IV](#)

- V
- VJ
- VJJ
- VJJJ
- JX
- X

○ Часть вторая

- XJ
 - XJJ
 - XJJJ
 - XJV
 - XV
 - XVJ
 - XVJJ
 - XVJJJ
 - XJX
 - XX
 - XXJ
 - Эпυλογ
-

Аарон Дембски-Боуген

ЛОВЕЦ ДУШ

Новелители ночи

Сорок первое тысячелетие.

Уже более ста веков Император недвижит на Золотом Троне Терры. Он -- Новелитель Человечества и властелин триагов планет, завоеванных могуществом Его неисчислимых армий. Он -- полутруп, неуповимую искру жизни в котором поддерживают древние технологии, и ради чего ежедневно приносится в жертву тысяча душ. Упоэтому Владыка Империи никогда не умирает по-настоящему. Даже в своем нынешнем состоянии Император продолжает миссию, для которой появился на свет. Могучие боевые флоты пересекают кишачий демонати варп,

единственный путь между далекими
звездами, и путь этот освещен
Астрономиком, зримым проявлением
духовной воли Императора. Огромные
армии сражаются во имя Его на
бесчисленных мирах. Величайшие среди
его солдат — Агентус Астартес,
костические десантники, генетически
улучшенные супервоины.

У них много товарищей по оружию:
Имперская Гвардия и бесчисленные Силы
Планетарной Обороны, вечно бдительная
Инквизиция и техножрецы Агентус
Механикус. Но, несмотря на все старания,
их сил едва хватает, чтобы сдерживать
вечную угрозу со стороны ксеносов,
еретиков, мутантов. И много более
опасных врагов.

Быть человеком в такое время —
значит быть одним из миллиардов. Это
значит жить при самом жестоком и
кровавом режиме, который только можно
представить.

Забудьте о достижениях науки и
технологии, ибо многое забыто и никогда
не будет открыто заново.

Забудьте о перспективах, обещанных
прогрессом, о взаимопонимании, ибо во
траке будущего есть только война. Нет
мира среди звезд, лишь вечная бойня и
кровопролитие да слез жаждущих богов.

отца.

Во имя закланного
божества ---
сражайтесь!

Восстаньте,
Сыны мои, и гнев
несите к звездам,
Как мой штандарт.
Как память обо мне.
Восстаньте, мои
Повелители Ночи!

Примарх Конрад
Курц

на последнем
собрании Восьмого
легиона

Пролог

СЫН БОГА

Быть сыном божества --- проклятие.
Видеть то, что видел бог, знать то,
что он знал.

Эти видения, это знание раз за разом
разрывали его душу на части.

Его жилищем была келья, лишенная
всяких удобств и годная лишь на то, чтобы
оградить от внешнего вмешательства.
Запертый в этом ненавистном
святилище, сын бога кричал безответным
стенам о тайнах грядущего. Решетка
динамика древнего боевого шлема
придавала его сдавленным воплям
металлический, безжизненный оттенок.

Иногда мускулы его сводила судорога.
Могучие пласты мышц и сухожилий
сжимались вокруг твердых, как железо,

костей, заставляя сына бога согрозаться и
с хрипом втягивать воздух. Он не способен
был контролировать собственное тело.
Эти приступы могли продолжаться
часами, и тогда каждый удар двух сердец
мучительно обжигал нервы, проталкивая
кровь сквозь сведенные судорогой мускулы.
В те минуты, когда проклятый паралич
отпускал и резервное сердце затедрялось и
останавливалось, он приглушал боль,
колотясь головой о стены темницы. Новая
мучка отвлекала его от видений, горевших
по ту сторону зрачков.

Чногда это помогло, но ненадолго.
Вернувшиеся видения оттесняли слабую
боль, вновь отывая огнем его разум.

Сын бога, все еще облаченный в боевую
броню, бился головой о стену, раз за разом
вгоняя череп в сталь. Но, учитывая
покрывавший голову керамитовый шлем и
модифицированные кости скелета, его
усилия причиняли больше вреда стене, чем
ему самому.

Подвластный тому же проклятию,
что привело его генетического отца к
смерти, сын бога не видел окружающих

стен. Он не замечал и потока данных, пробегающих по сетчатке, когда дисплей боевого шлема отслеживал и выцеливал углы кельи, петли запертой двери и прочие незначительные детали обстановки. В левой верхней части дисплея проматывались графики жизненных показателей. Там периодически вспыхивали предупреждающие сигналы: то два его сердца начинали биться слишком часто даже для нечеловеческой физиологии хозяина, то дыхание прерывалось на целые минуты, пока тело сковывал припадок.

Такую цену он платил за сходство с котом. На такое существование обречен живой наследник бога.

Раб стоял у двери и прислушивался, считая минуты.

Крики хозяина, доносившиеся из-за темного закаленного металла, наконец-то утихли — по крайней мере на время. Раб был человеком, и чувства его оставались по-человечески ограниченными, однако, прижав ухо к двери, он смог различить

дыхание господина. Отрывистый, резкий, свистящий звук, превращенный вогдинамикати шлема в металлическое рычание.

Но, даже думая о другом, раба продолжал отсчитывать секунды, складывавшиеся в минуты. Это было легко: его приучили делать это инстинктивно, поскольку в варпе не работал как следует ни один хронометр.

Раба звали Септимусом, потому что он был седьмым. Шесть рабов до него служили на службе у господина, и ни один из этих шести не числился больше в экипаже корабля «Завет крови».

Сейчас коридоры ударного крейсера Астартес почти пустовали. Безмолвное кружево черной стали и темного металла, сосуды огромного корабля, некогда кипевшие жизнью: по ним сменяли сервиторы, спешившие по простым поручениям, и переходили из отсека в отсек Астартес. Здесь же сновали смертные члены команды, исполняя бесчисленные обязанности, без которых корабль не мог оставаться в

строю. В дни до великого предательства
тысячи душ именовали «Завет» домом ---
включая почти три сотни бессмертных
Астартес.

Время изменило это. Время и войны,
которые оно принесло с собой.

Коридоры были не освещены, но не
обесточены. В ударном крейсере
обосновалась утешенная чернота --- тьма
настолько глубокая, что она въелась в
стальные кости судна. Темнота
совершенно естественна для Повелителей
Ночи, ибо все они родились в одном
лишенном солнца мире. Для немногих
членов команды, обитавших в «Завете»,
тьма поначалу была нежеланным
спутником. Большинство раньше или
позже привыкло. Они все еще нуждались в
факелах и оптических усилителях,
поскольку оставались людьми и не могли
пронзать взглядом искусственную ночь,
как их повелители. Но со временем они
научились обретать во тьме спокойствие.

А затем привычка превратилась в
крепкую связь. Те, чей разум не стирался с
чернотой, впали в безумие. Им пришлось

заплатить жизнью за неудачу. Остальные покорились и приспособились к невидимому окружению.

Септимус понимал больше, чем другие. Все механизмы облагали душой. Он знал это еще с тех пор, когда был предан Золотому Трону. Иногда раб заговаривал с пустотой, понимая, что тьма обладает собственной волей, выражением разума самого корабля. Двигаться сквозь чернильную тьму, наводнившую судно, значило обитать внутри души ударного крейсера Астартес, вдыхать ощутимую ауру вероломной злобы «Завета».

Тьма не отвечала рабу, но присутствие корабля вокруг успокаивало. Ребенком Септимус всегда боялся тьмы. Этот страх так никогда понастоящему и не прошел, и сохранять рассудок среди бесконечной ночи позволяла лишь уверенность, что черные, безмолвные коридоры не враждебны.

А еще он страдал от одиночества. Ему было трудно признаться в этом даже себе самому. Куда проще сидеть в темноте и беседовать с кораблем — пусть

и не рассчитывая дожидаться ответа. Иногда Сентимус чувствовал себя бесконечно далеким от других рабов и слуг на борту судна. Большинство из них трудилось на Повелителей Ночи гораздо больше, чем Сентимус. От них его бросало в дрожь. Многие передвигались по кораблю с закрытыми глазами, ориентируясь в темных переходах по памяти, на ощупь и с помощью других чувств, о которых Сентимус предпочитал не знать.

Однажды, во время недель затишья, предшествовавших очередной битве в очередном безвестном мире, Сентимус спросил, что стало с шестью прежними рабами. Хозяин пребывал в уединении, вдали от боевых братьев, и возносил молитвы духам своего оружия и доспехов. Услышав вопрос, он устремил на Сентимуса пристальный взгляд черных, как пучота между звездами, глаз.

А еще он улыбнулся. Хозяин редко улыбался. Голубые вены, проступающие под бледной кожей Астартес, выгнулись, подобно чуть заметным трещинкам в чистом мраморе.

--- Примус...

Господин говорил мягко --- как и всегда, когда на нем не было боевого шлема, --- и все же в голосе его звучали глубокие, низкие обертоны.

--- ...был убит очень, очень давно. В сражении.

--- Вы пытались спасти его, господин?

--- Нет. Я не знал о его смерти. Когда это произошло, меня не было на борту «Завета».

Раб хотел спросить, попытался бы господин спасти Примуса, будь у него такая возможность, --- но, по правде сказать, опасался, что уже знает ответ.

--- Понимаю. --- Слуга облизнул пересохшие губы. --- А остальные?

--- Тertiус... изменился. Варна изменил его. Я избавился от Тertiуса, когда он перестал быть собой.

Это удивило Септимуса. Хозяин говорил ему прежде о важности слуг, которые могли противостоять безумию Варна и оставаться незатронутыми скверной Губительных Сил.

--- Он пал от вашей руки? --- спросил

Септимус.

--- Да. Я проявил милосердие.

--- Понятно. А что произошло с другими?

--- Они состарились. И умерли. Все, кроме Секундуса и Квинтуса.

--- Что стало с ними?

--- Квинтуса зарубил Вознесенный.

У Септимуса кровь похолодела в жилах от этих слов. Он ненавидел Вознесенного.

--- Почему? В чем была его вина?

--- Квинтус не нарушил никаких законов. Вознесенный убил его во время минутной вспышки ярости. Выместил злобу на ближайшем живом существе. К несчастью для Квинтуса, ближайшим живым существом оказался он.

--- А что случилось с Секундусом?

--- О судьбе второго мы поговорим в другой раз. Что заставляет тебя спрашивать о прежних слугах?

Септимус набрал в грудь воздуха, чтобы сказать правду, чтобы исповедаться в своих страхах и признаться в том, как он разговаривает с

корабельным траком, лишь бы
отгородиться от одиночества. Однако
судьба Тертиуса крепко засела у него в
мозгу. Смерть по вине безумия. Смерть из-
за скверны.

— Любопытство, — ответил раб
хозяину, солгав в первый и последний раз за
все время службы.

Звук тяжелых шагов вернул
Септимуса к настоящему. Он отошел от
хозяйской двери и перевел дыхание,
взглядываясь во трек коридора, откуда
раздались шаги. Взглядываясь, но не видя.

Впрочем, Септимус знал, кто
приближается. Они-то его видели. Они
увидели бы его, даже спрячься он где-нибудь
в близости, так что бежать нет смысла.
Они почували бы его запах и заметили
тепловую ауру его тела. Раб остался на
месте, мечтая лишь о том, чтобы сердце
перестало колотиться так отчаянно. Они
услышат и этот звук. Они постеются над
его страхом.

Септимус нажал на переключатель
маломощного фонаря. Тусклое желтое
свечение угасло, и коридор вновь погрузился

в абсолютную темноту. Слуга сделал это из почтения к приближающимся Астармес, а еще потому, что не хотел видеть их лиц. Порой трак облегал общение с полубогами.

Собравшись, Септимус закрыл ставшие бесполезными глаза и сфокусировался на слухе и обонянии. Тяжелая поступь, но на удивление нет доспехов. Шаги слишком широкие для смертного. Шелест ткани: плащ или туника. У, отчетливей всего, аромат крови: терпкий, металлический и густой, настолько сильный, что щекомал язык. Это был запах самого корабля, только сконцентрированный, очищенный и усиленный.

Еще один полубог.

Один из родичей хозяина пришел навестить брата.

--- Септимус, --- раздалось из темноты.

Раб судорожно сглотнул, не доверяя своему голосу, но зная, что должен ответить.

— Да, господин. Это я.

Шорох одежды. Прикосновение чего-то мягкого к металлу. Неужели полубог гладит дверь, ведущую в покои хозяина?

— Сентимус, — повторил второй полубог.

Его голос был не по-человечески низким, слова срывались на рык.

— Как там мой брат?

— Он еще не выходил, господин.

— Я знаю. Я слышу его дыхание. Ровнее, чем раньше... — Голос полубога звучал задумчиво. — Я не спрашивал у тебя, выходил он или нет, Сентимус. Я спросил, как он.

— Этот припадок глиней, чем обычно, но хозяин затолчал почти час назад. Я считал минуты. Самый долгий спокойный период с того момента, как болезнь им овладела.

Полубог хмыкнул. С таким звуком сталкиваются две грозовые тучи. На секунду Сентимуса пронзила тоска по прошлому: он не видел грозы — и даже не выходил под открытое небо — уже долгие годы.

--- Поосторожней с выражениями, вассал, --- сказал полубог. --- Слово «болезнь» подразумевает проклятие. А мой брат и твой господин благословен. Он видит глазами бога.

--- Прости меня, величайший.

Септимус уже стоял на коленях, низко склонив голову. Он знал, что полубог ясно видит в кромешном мраке его стиренную позу.

--- Я лишь повторяю те слова, которые использует мой господин.

Последовала глинная пауза.

--- Септимус, встань. Ты напуган, и это мешает тебе мыслить здраво. Я не причиню тебе вреда. Разве ты меня не узнаешь?

--- Нет, повелитель.

Это было правдой. Раб не умел различать голоса полубогов. В каждом ему слышалось низкое тигриное рычание. Улишь голос его господина звучал по-другому: львиный рык сглаживала тугость. Септимус понимал, что дело скорее в многолетней привычке, чем в настоящем отличии, и по-прежнему

терялся, пытаясь распознать других.

--- Но я попробую угадать, если такова
ваша воля.

Полубог изменил позу. Раздался
шорох ткани.

--- Сделай одолжение.

--- Думаю, вы лорд Кирион.

Снова минутное молчание.

--- Как ты догадался, вассал?

--- Потому что вы застелились,
господин.

Ответа Септимус так и не услышал,
но, даже несмотря на темноту, он мог бы
поклясться --- полубог улыбается.

--- Скажи мне, --- в конце концов
произнес Астартес, --- приходили ли
сегодня другие?

Раб сглотнул.

--- Лорд Узас был здесь три часа назад,
лорд Кирион.

--- Полагаю, удовольствия это тебе не
оставило.

--- Да, господин.

--- И что же мой возлюбленный брат
Узас здесь делал?

В тоне Кириона проскользнула

несомненная нотка сарказма.

--- Он прислушивался к словам моего господина, но сам не произнес ни звука.

Септимус вспомнил ледяной комок, подкативший к горлу, когда он остался в темном коридоре наедине с Узасом, слушая хриплое дыхание полубога и гудение его активированной боевой брони.

--- На нем были боевые доспехи, милорд. Не знаю почему.

--- Это не секрет, --- ответил Кирион, --- твой хозяин тоже все еще облачен в броню. Последний «припадок» случился с ним во время сражения, и мы не рискнули снять с него доспехи, чтобы не спугнуть видения.

--- Я не понимаю, господин.

--- В самом деле? Подумай, Септимус. Сейчас ты можешь слышать выкрики моего брата, но их заглушают динамики шлема и металлические стены кельи. Однако если кому-нибудь захотелось бы отчетливо услышать, о чем он кричит... Он выкрикивает пророчества прямо в вокс-сеть. Каждый, кто надел доспехи, может слышать его на наших коммуникационных

частотах.

От этих слов Септимуса пробрало холодом. Он представил, как все полубоги на борту корабля часами слушают мучительные крики его господина. По коже раба побежали мурашки, словно его поглатила сама тьма. Неприятное чувство, но какое именно — ревность, бессилие? Септимус не мог сказать наверняка.

— О чем он говорит, милорд? Что видится моему господину?

Кирион снова прижал ладонь к двери. На сей раз из его голоса исчез всякий намек на веселость.

— Ему видится то же, что виделось нашему примарху, — тихо ответил Астартес. — Сражения и жертвы. Бесконечная война.

Кирион был не совсем прав.

Он говорил так уверенно, потому что слишком часто имел дело с видениями брата. Однако на сей раз в пророчествах заклеянного воина проступила новая грань. Это обнаружилось девять часов

спустя, когда дверь наконец отворилась.

Облаченный в доспехи полубог, шатаясь, вывалился в коридор и прислонился к противоположной стене. Его мускулы огненными канатами стянули расплавленные кости, но боль — не самое худшее. Он умел справляться с ней и делал это уже множество раз. Страшнее была слабость. Уязвимость. Эти ощущения пугали его своей непривычностью, заставляя обнажить зубы в зверином оскале.

Движение. Сын бога уловил движение слева от себя. Все еще ослепленный жестокой головной болью, сопровождавшей припадки, он повернул голову к источнику движения. Способность чужать добычу, усиленная, как и все его чувства, зарегистрировала привычные запахи: дымный оттенок приторно-сладких курений, тусклую вонь пота и металлический привкус спрятанного оружия.

— Септимус, — проговорил сын бога.

Звук его собственного голоса показался чужим, сорванным и хриплым.

несмотря на динамики шлема.

--- Я здесь, хозяин.

Облегчение раба стенилось новой тревогой, когда он увидел, насколько ослаб его господин. Это было в новинку для них обоих.

--- Вас не было с нами ровно девятнадцать минут час и сепятнадцать минут, --- сказал раб, информируя своего повелителя, как и всегда после припадка.

--- Долго, --- констатировал полубог, выпрямляясь в полный рост.

Септимус наблюдал, как его господин расправляет плечи, и не забыл отвести в сторону тусклый луч фонаря. На пол упало бледное пятно света. Достаточно, чтобы увидеть, но коридор вокруг вновь погрузился в успокоительный трюк.

--- Да, повелитель. Очень долго. Припадки становятся все длиннее.

--- Так и есть. Кто приходил ко мне последним?

--- Лорд Кирион, семь часов назад. Я подумал, что вы умираете.

--- Какое-то время я и сам так думал.

Раздалось змеиное шипение

декомпрессированного воздуха --- это
полубог снял свой шлем. В полутраке
Септимус едва мог разглядеть тонкие
черты хозяина и глаза, черные, как два
столяных озерца.

--- Что явилось вам в видениях? ---
спросил раб.

--- Темные предзнаменования и
мертвая планета. Отправляйся в мою
оружейную и займись приготовлениями. Я
должен поговорить с Вознесенным.

--- Приготовления? --- Септимус
заколебался. --- Новая война?

--- Всегда есть новая война. Но
сначала мы должны кое с кем
встретиться. С тем, кто необходим для
нашего выживания. Мы отправляется в
путешествие.

--- Куда, милорд?

На губах полубога появилась редкая
улыбка.

--- Домой.

У НОСТРАМО

В беззвучии открытого космоса вращался одинокий астероид. Отделенный десятками миллионов километров от ближайшего астрального тела, он явно не мог быть спутником ни одной из планет сектора.

И это было хорошо. Очень, очень хорошо.

Для Кармана Сайна, с его острыми глазами и искусственной ухмылкой, вращавшаяся в безжизненном пространстве сегментума Ултима каменная глыба представлялась ослепительно прекрасной. Или, скорее, ослепительно прекрасным было то, что она воплощала. Деньги. Целая куча денег.

Его судно, хорошо вооруженный

сухогруз с иронически вычурным названием «Звездная дева», вращалось по свободной орбите над огромным астероидом. «Дева» была девушкой крупной. Во время точных маневров вес ей мешал, но, хотя среди женщин Сайн предпочитал худышек, объемистые обводы судна его более чем устраивали. Он готов был пожертвовать скоростью во имя прибыли.

Пираты Сайна не беспокоили: «Дева» пощенилась оружейными батареями, которые ее капитан закупил на средства от горнопромышленных афер. Обычно он ограничивался комиссией за находку, но в таких случаях, как этот, — а подобная удача выпадала нечасто, — Сайн выводил корабль на орбиту и отправлял вниз команды сервиторов, чтобы начать разработки. Вот и сейчас они уже были внизу: лоботомированные владыки собственного шахтерского тирка. С момента посадки прошло всего несколько часов, но его автоматические старатели уже трудились вовсю.

Развалившись на своем командном троне, Сайн разглядывал вращающийся на

обзорном экране астероида: серошкурый, с серебряными прожилками вен, неисчерпаемый источник наживы. Сайн в сотый раз за прошедший час покосился на сжатый в руке инфопланишет с данными планетарного скана. Когда взгляд его скользнул по числам напротив слова «адамантий», разработчик расплылся в улыбке.

Святой Трон, он был богат! Агентус Механикус заплатят целое состояние за груз драгоценной руды, но — что еще лучше — они отвалят поистине королевскую сумму за координаты астероида. Фокус заключался в том, чтобы оставить для разведывательных судов Механикусы достаточно руды в подтверждение ценности находки, но при этом до отказа набить трюм сырьем перед встречей с ними. Учитывая, сколько редкого металла залегало в недрах астероида, проблемы с этим не будет. Никаких проблем.

Сайн опять покосился на цифры, и его стазливую физиономию вновь озарила улыбка. Прикованный к инфопланишету взгляд превратился в хищный прищур, а

улыбка — в жадную ухмылку. Однако не прошло и трех секунд, как сигнал тревоги, раскатившийся по затуморенному мостику «Девы», стер веселье с лица разработчика. Сервиторы и люди заметались по круглому отсеку, занимая свои места.

— Отчет бы сейчас оказался очень кстати, — заметил Карман Сайн, не обращая ни к кому конкретно.

В ответ один из сервиторов у навигационной консоли выдал какую-то невнятицу на бинарном коде, едва не уронив при этом на пол нижнюю челюсть.

Сайн вздохнул. Он как раз собирался заменить этого сервитора.

— Не то чтобы я что-то понял, но благодарю за инициативу, — сказал Сайн. — А теперь хотелось бы услышать ответ от кого-то, кто еще способен говорить.

Кровь Императора, дело плохо. Если другой нелегальный торговец наткнулся на месторождение, придется заняться делом добычи, а доброт это обычно не кончается для всех участников процесса. Или, что еще хуже, приближающийся корабль мог принадлежать самим

Механикус. Тогда Сайну не светит ни комиссии за находку, ни полного трюма драгоценной руды, ни малейшей возможности заключить сделку.

Штурман Торк наконец-то оторвался от своего монохромного экрана и бегущих по нему ярких рунических строк. Его форма выглядела примерно столь же официально, как тундир Сайна: иначе говоря, оба они вполне уместно смотрелись бы в каком-нибудь притоне подулья.

--- Это сүдно Астартес, --- сообщил Торк.

Сайн фыркнүл:

--- Быть такого не может.

Однако побледневшее лицо Торка и его тегленный кивок заставили Сайна подавиться смешком.

--- Но так и есть. Он возник из ниоткуда, Кэр. Это ударный крейсер Астартес.

--- Вот так диковинка, --- үстехнүлся капитан. --- Что ж, по крайней мере они явились сюда не для горных разработок. Подведи нас поближе, я хочу на него посмотреть. Может, нам больше никогда

не выагет такого шанса.

Мягкие переливы звезд на обзорном экране медленно сменились контурами военного корабля. Огромного, темного и смертоносного. Ребристого, глинного и сулящего гибель. Темно-синего, отделанного бронзой, местами почерневшей от повреждений, полученных в сражениях столетней давности. Зазубренное копьё ярости, пронзившее века. Гнев Астартес, вознесенный к звездам.

--- Какой красавец! --- с чувством произнес Сайн. --- Хорошо, что они на нашей стороне.

--- Э-э-э... Он идет на сближение.

Отвернувшись от величественной картины, Карман Сайн нахмурился и уставился на Торка:

--- Что?

--- Корабль вышел на встречный курс. Он направляется к нам.

--- Нет, --- повторил Сайн, на сей раз без улыбки. --- Быть этого не может.

Торк по-прежнему не отрывал взгляда от своих экранов.

--- Очень даже может.

--- Кто-нибудь, дайте мне код его приемоответчика. И откройте канал связи.

--- У меня есть идентификационный код, --- откликнулся Торк, судорожно стуча по клавишам и вглядываясь в экран. --- Тут сказано, что корабль называется «Завет крови». Сведений о принадлежности нет.

--- Нет сведений о принадлежности? Разве это нормально?

--- Откуда мне знать? --- пожал плечами Торк. --- Я раньше никогда не встречал их кораблей.

--- Может, у Астартес так принято, --- предположил Сайн.

Это имело смысл. Независимость костогесантников от традиционной имперской иерархии была широко известна.

--- Может.

Особой уверенности в голосе Торка не прозвучало.

--- Что там с каналом? --- поинтересовался Сайн.

--- Канал открыт, --- проскрежетал

сервитор, чья голова была подсоединена к консоли связи несколькими черными кабелями.

--- Тогда давайте разберется с этим.

Сайн вновь плюхнулся на свой трон и включил вокс-передатчик:

--- Говорит капитан Карман Сайн, владелец торгового судна «Звездная дева». Этот астероид и все его природные богатства принадлежат мне. Насколько я знаю, я не нарушил ни одного местного закона о собственности на землю. Желая вам всего наилучшего, корабль Астартес.

Тишина в ответ. Весьма зловещая тишина, оставившая у Сайна ощущение, что Астартес на другом конце линии слышали его, но отчего-то решили не реагировать.

Он повторил попытку:

--- Если я ошибся и предъявил права на собственность, уже принадлежащую вам, благородные Астартес, я готов вступить в переговоры.

--- Переговоры?!

--- Заткнись, Торк.

Торк и не подумал заткнуться.

— Ты что, снятил? Если астероид принадлежит им, давай просто уберемся отсюда.

— Повторяю, Торк, заткнись. С каких это пор Астартес сами добывают для себя сырье?

Торк снова пожал плечами.

— Мы первыми предъявили права на этот участок, — упорствовал Сайн, чувствуя, как его уверенность тает с каждой секундой. — Я просто хочу оставить нам возможность выбора. Или я должен тебе напомнить, что на поверхности астероида все еще торчит больше сотни наших сервиторов и куча оборудования, стоящая несколько тысяч крон? Должен напомнить, что там, внизу, Эвридика? Без нее мы далеко не улетим, так ведь?

Торк побледнел и некоторое время ничего не отвечал. Само собой, штурман решительно настаивал на том, чтобы Эвридика оставалась на борту и чтобы ее вечное «мне скучно, я прогуляюсь» прекратилось раз и навсегда.

— Крейсер все еще движется на нас, —

сказал он в конце концов.

--- Боевым курсом? --- Сайн наклонился вперед на своем троне.

--- Возможно. Понятия не имею, как атакуют эти корабли. Но у них чертова туча носовых орудий.

Капитану Сайну хотелось думать, что он способен оценить хорошую шутку. Он любил постеляться не меньше любого другого, но происходящее стремительно утрачивало сходство с веселым розыгрышем.

--- Трон Бога-Императора, --- тихо выругался Торк. --- Их лэнс-излучатели активированы. Все... все оружие активировано.

--- Это уже просто нелепо, --- сказал Сайн.

Торговец снова щелкнул переключателем вокса, но на сей раз голос его предательски дрогнул, выдавая отчаяние:

--- Корабль Астартес «Завет крови». Во имя Бога-Императора, какие у вас намерения?

В ответ раздался насмешливый

шепот. Он прошелестел по мостику
«Девы», и Сайн кожей ощутил его
прикосновение --- словно первый порыв
ледяного ветра, предшествующего
шторму.

--- Восплачьте, ибо вам суждено
разделить судьбу вашего Императора-
Мертвеца, --- шепнул голос. --- Мы пришли
по ваши души.

Бой был недолгим.

Сражение в открытом космосе --- это
всегда балет в темне адажио, медленный
танец технологий, освещенный яркими
вспышками оружийных залпов и взрывов.
«Звездная дева» была очень неплохим
кораблем, когда дело касалось того, для
чего она была создана: перевозки грузов на
дальние расстояния, длительных
разведывательных вылазок и горных
разработок, а также отражения атак
алчных пиратских баронов. Ее капитан,
Картан Сайн, годами вкладывал в корабль
немалые суммы. Многослойные пустотные
щиты «Девы» поддерживались в идеальном
состоянии. Ее грозные батареи могли

соперничать с вооружением имперского крейсера таких же габаритов.

Бой длился ровно пятьдесят секунд, но несколько из этих секунд были подарком гибнущему судну: «Завет крови» израл с добычей, прежде чем нанести смертельный удар.

Ударный крейсер Астартес приблизился и начал атаку ураганным огнем лэнс-излучателей. Лучи сконцентрированной энергии рассекали пространство между судами, и за несколько мгновений пустотные щиты вокруг «Девы» вспыхнули ослепительным светом. Там, где энергетические копья ударяли в щиты, вокруг торгового корабля бежала радужная рябь, как растекающееся по воде масло.

Щиты «Девы» выдержали несколько секунд этой зрелищной пытки, после чего упали под напором военного корабля. Словно лопнувший мыльный пузырь, пустотные щиты затерцали, рассыпались яркими искрами и исчезли. Теперь «Деву» защищала лишь усиленная броня корпуса.

К этому времени Карман Сайн успел

организовать свой экипаж, и «Дева» ответила огнем. Канонада обычных орудий торгового судна была несравнимо слабее залпов лэнс-излучателей Астартес. «Завет крови» нагвизался. Его собственные щиты теперь бежали радужными сполохами под ударами «Девы», но — что стало удивило, но ничуть не обрадовало Сайна — и не гудали погаваться. Приближающийся корабль, будто не замечая вражеского огня, во второй раз разрядил лэнс-излучатели.

На этот раз «Деву» не прикрывала оболочка пустотных щитов, и лучи впились прямо в ее корпус. Клыки хищника вспороли стальную плоть жертвы. Лучи заплясали по обшивке, аккуратно разрезая броню меньшего судна. «Дева» едва отвечала, кренясь набок, теряя стабильность и содрогаясь от дюжины взрывов по всей глине корпуса. «Завет» тщательно выбирал цели. Огонь его излучателей сосредоточился на взрывоопасных секциях корабля: ядре реактора, плазменных батареях и топливных емкостях.

Затем ударный крейсер дал задний ход. Его двигатели взревели, отводя судно подальше от изуродованной жертвы.

В то время как «Дева» конвульсивно содрогалась и трещала по швам от тысяч взрывов, Картан Сайн с ненавистью уставился на обзорный экран, где грациозно ускользал прочь боевой корабль. На одну тошнотворную секунду капитану вспомнилось, как он охотился на гигантских серых рысей на Фалодаре. Перед глазами мелькнул момент, когда огромная кошка прикончила местного зверя, напавшего на лошадь, — свою излюбленную добычу. Рысь ударила одним молниеносным движением, распоров когтями горло и брюхо коня, а затем отскочила в сторону и принялась наблюдать, как добыча истекает кровью. Сайн никак не мог забыть этого. Тогда он даже заподозрил, что планета подверглась некой скверне, породившей у животных такое странное поведение.

— Ты помнишь Фалодар? — спросил он у Торка.

Ответа не последовало. Мостик

затопила сүмятица криков и тревожных сигналов: команда и сервиторы отчаянно пытались спасти разваливающийся на части корабль. Шум раздражал Сайна. Как будто их усилия могли к чему-то привести!

Сайн все еще не отрывал взгляда от обзорного экрана, когда лэнс-излучатели «Завета» нанесли последний удар. Капитан увидел, как луч ослепительно-белого, ранящего глаза света потянулся к нему, преодолевая нелюбимое расстояние между звездами.

А затем последовала пронзительно-яркая вспышка, тилосердно погасившая панику вокруг него раз и навсегда.

Эвридика Мерваллион видела гибель «Девы» на орбите. Она с ужасом наблюдала за тем, как «Дева» взорвалась под ударами лэнс-излучателей другого судна. Однако, даже глядя сквозь магнокуляры, Эвридика не смогла определить, кому принадлежал вражеский корабль, — расстояние оказалось слишком велико. Чьим бы ни было судно, оно почти мгновенно погавило

сопротивление «Девы» превосходящим огнем. Это, по всей видимости, означало, что смерть ожидала и Эвридику.

Что касается смерти, Эвридика представляла свою совершенно иначе. Виной тому, видимо, была ее мутация, но она всегда полагала, что конец наступит, когда Картан Сайн прикажет ей отыскать дорогу в особенно злобредном Варп-шторме, и что «Дева» станет очередной строкой «затерялась со всей командой в Море Душ» в какой-нибудь незначительной хронике. И уж точно Эвридика не надеялась, что дождется торжественного погребения в одном из подземных склепов Дома Мерваллион, — впрочем, это ее как раз ничуть не огорчало. В сравнении с другими навигаторскими Домами Дом Мерваллион немого стоил в ее глазах.

И, если говорить по-честному, в глазах остальных.

Мерваллионы были одним из самых незначительных семейств в многочисленном кластере малых домов, небольшим, лишенным богатства и

влияния и поставляющим весьма посредственных навигаторов. Все это привело к тому, что Навис Нобилите определила Эвридику на сомнительную (в лучшем случае) лоханку «Звездная дева» под командование такого скользкого типа, как Картан Сайн.

И все же, несмотря на все недостатки ее генов и родословной, Эвридика считала, что заслуживает лучшей смерти.

Лагерь — если это можно было назвать лагерем — еще не успели достроить. Вокруг посадочного модуля в центре базы суетились сервиторы, продолжавшие разгружать буровые установки и машины. В своем неказистом, дешевом и неудобном скафандре, со стеклянной сферой вместо шлема, Эвридика следила за черным небом, не обращая внимания на окружавших ее сервиторов. Те ковыляли мимо в модифицированных защитных костюмах, прилаживали, ввинчивали, вкручивали и откручивали детали и устанавливали технику на положенные ей места, приводя оборудование в рабочее состояние.

Эвридика не могла сдержат
раздражения. Какая глупая, бессмысленная
смерть! Даже если неведомый враг не
высадится на астероид, ей все равно некуда
идти. Челнок не предназначен для
перелетов через варн, так что ее
способность видеть свет Астрономикона
не стоит ни гроша. К тому же, даже
отыщи она способ выбраться с этого куска
скалы, у нее нет припасов для длительного
путешествия.

Все, что у нее есть, — это
неограниченный запас кислорода на
челноке, продовольствие примерно на три
недели и около сотни сервиторов, которые
все еще были полны решимости добывать
адамантий из недр богатого ископаемыми
астероида. Безмозглые рабы не понимали,
что их корабль теперь превратился в
груду костячатого мусора.

Уже не в первый раз Эвридика
пожалела, что согласилась работать на
Сайна. Разумеется, особого выбора у нее не
было.

Три года назад Эвридика, одетая в
черную тогу, которую члены ее семейства

традиционно носили во время пребывания на Терре, преклонила колени перед целестархом Дома Мерваллион в его тронной комнате.

--- Отец, --- произнесла она, не поднимая головы.

--- Эвридика, --- ответил он.

Голос целестарха, безжизненный и пресный, металлическибрякнул сквозь громоздкую вокс-установку, затенявшую нижнюю часть его лица.

--- Дом призывает тебя.

От слов отца ее охватил озноб. С этого момента все будет по-другому. В двадцать пять стандартных лет наконец-то настал ее черед исполнить долг и поступить на службу. И все же девушка не могла взглянуть отцу в лицо. Эвридика знала, что ему только чудом удалось пережить крушение спидера шесть месяцев назад. На лечение было потрачено немало денег и времени, но и сейчас он едва походил на человека, которого Эвридика помнила с детства. Дом Мерваллион, даже будучи частью Навис Нобилите, не мог позволить себе спустить

целое состояние на полный курс регенеративной терапии для целестарха. Эвридике больно было видеть отца таким.

Но он сам взвалил на себя это бремя. Целестарх решил вновь разжечь старую вражду с Домом Джезире и подписал контракт, который привел к смерти их наследника. По мнению Эвридики, если Джезире приложили руку к похоронам спидера, то отец вполне это заслужил. Она не одобряла междоусобицы и вендетты, которые связывали навигаторские Дома крепче любых кровных уз.

— Кто заплатил за таланты нашего дома, отец?

Сказать, что она мечтала об этом дне, было бы большим преувеличением. У нее точно не гудела о нем с затиранием сердца. Учитывая незавидную репутацию Дома Мерваллион и тот факт, что она была восьмой дочерью, которой не светило даже понюхать отцовское наследство, Эвридика всегда осознавала, что ей предстоит служить на какой-нибудь пассажирской развалине. Ни славы, ни чести, ни приключений — лишь грошовой

жалованье в семейную казну.

И все равно сейчас, когда день настал, девушка на секунду отдалась воображению. В сердце ее вспыхнула надежда, а на лице появилась улыбка. Быть может, имперский военный корабль выбрал ее в проводники по Морю Душ и она примет участие в одном из бесконечных крестовых походов. Быть может, даже Астармес...

— Свободный торговец, — ответил отец. — Карман Сайн.

Это для нее ничего не значило. Ничего, кроме надежды, угасшей, как свеча на ветру. Ни один сколько-нибудь влиятельный клан свободных торговцев не опустится до того, чтобы нанять дочь Дома Мерваллион.

Однако, как ни странно, прошедшие три года были вовсе не так уж плохи. Конечно, ей приходилось постоянно отбиваться от настойчивых ухаживаний Сайна, зато во время службы навигатором на «Дебе» она повидала большую часть сегментума. Эвридика узнала корабль и команду. Во сне и наяву, в скрине

перезгородок и гудении двигателя она слышала голос старой прелестницы. «Дева» была добродушной пожилой дамой, и ее жалобы никогда не переходили в громкий протест. Она нравилась Эвридике.

И все же удовлетворения девушка не испытывала — особенно если учесть, что и денег было негусто. Конечно, она получала больше, чем ожидала, и даже ухитрялась откладывать понемногу из того, что оставалось после выплаты десятины Дому Мерваллион, но жизнь ее вряд ли можно было назвать комфортной. Сайн вечно тратил огромные суммы на обустройство своей пухлой тилашки, что выглядело комичным до слез в свете последних событий. Отличная работа, капитан Сайн. Все эти пушки, бесспорно, выручили тебя в трудную минуту.

Еще раз окинув взглядом лагерь и его деловитых обитателей, девушка, не повышая голоса, выдала поток таких проклятий, которые заставили бы любого из членов ее семьи в ужасе потолкнуться за ближайшее создание. Несколько слов из этой

тирады она изобрела только что, но в их физиологическом значении можно было не сомневаться.

А секунду спустя все ее прошлые заботы и вовсе утратили смысл. Безоружная, затерянная на астероиде, не столь богатая, как хотелось бы (и обреченная умереть в течение ближайшего месяца), Эвридика увидела, как звездное небо прочертил огненный шар. Шар стремительно приближался к поверхности астероида.

--- Томаш? --- позвала она в микрофон вокса, обращаясь к управляющему горными работами.

Девушка была здесь не в полном одиночестве, но вряд ли дюжина техников и горстка солдат могли что-то сделать с врагом, в мгновение ока уничтожившим «Деву».

--- Да, госпожа? --- раздался ответ с другого конца лагеря.

--- Э-э-э. У нас проблемы.

--- Я знаю, госпожа. Мы их отсюда тоже видим. Вам следует укрыться в безопасном месте.

--- Да? И где же это безопасное место?

Томаш не ответил. Девушка оглянулась через плечо на четверых телохранителей: они не отходили от навигатора ни на шаг, когда та покидала покои для медитации. Эти четверо тоже уставились на горизонт, откуда что-то приближалось.

--- Леди Мерваллион, --- передал по воксу их командир Ренвар, --- мы должны уходить отсюда. Поидемте с нами.

--- Спасибо за предложение, но я предпочитаю умереть здесь.

--- Госпожа...

--- Бегите, если хотите. Думаю, раз Сайн мертв, вы уже не обязаны охранять меня ценой собственной жизни.

--- Госпожа, резервный лагерь...

--- Больше чем в двух неделях ходьбы отсюда, --- растаяла она. --- Полагаете, вы сможете обогнать их катер?

--- Госпожа, прошу вас. Мы должны идти.

--- Я никому ничего не должна. Мы не успеет поднять челнок в воздух, и, даже если успеет, нас, скорее всего, подстрелят.

И хотя вы, ребята, очень важно
смотрите со своими гробовиками,
сильно сомневаюсь, что они вам помогут
против наших гостей.

Солдаты обменялись тревожными
взглядами.

--- Госпожа, --- сказал Ренвар, избегая
смотреть ей в глаза, --- не могли бы вы
использовать... вашу силу?

--- Мое что?

--- Ваше... око, миледи. Со всем
уважением. Не могли бы вы сбить их?

Ее лоб зудел. Скрытый черной
банданой, третий глаз Эвридики --- дар ее
навигаторского наследия --- мягко
пульсировал под повязкой. Девушке
хотелось почесать его, но мешал
стеклянный шлем.

Что она могла сказать? Что ее силы
иссякли? Что око не предназначено для
того, чтобы сбивать корабли? Что она
никогда не пробовала использовать его
таким образом?

--- Просто уходите, --- выдохнула
Эвридика. --- Сэйн мертв. Нам отсюда не
выбраться, и я не пойду с вами в запасной

лагерь.

Мужчины молча зашагали прочь, и она явственно почувствовала их облегчение. Необходимость находиться с ней рядом доставляла солдатам мало радости. Их работу сопровождал вечный страх. Девушка была слишком иной. Она прозревала варн, а ни один человек в здравом уме не желал иметь ничего общего с теми, чей взгляд прикован к эмпиреям.

Это никогда ее не расстраивало. Так повелось с рождения. Робость, которую испытывали в ее присутствии другие люди, стала настолько привычной, что Эвридика ее почти не замечала.

--- Томаш?

--- Да, госпожа?

--- Вы забираете с собой сервиторов?

--- Мы собирались оставить их здесь как прикрытие, миледи.

Она хмыкнула. Чертовы трусы. Эвридика молча наблюдала, как техники и солдаты вприпрыжку пустились на юг, легко взлетая над поверхностью в низкой гравитации.

Вскоре она осталась одна, не считая сотни продолжавших разгрузку сервиторов. Огонь в небесах разрастался, постепенно приближаясь. Кто или что бы ни убил Сайна и остальных членов экипажа -- Эвридика не назвала бы их друзьями, хотя Торк был не так уж и плох, -- оно направлялось сюда, чтобы прикончить и ее.

-- Вот ведь, -- сказала девушка, прибегая к выражению, часто употреблявшемуся в ее последней тираде, -- дерьмо!

В десантную группу входили четыре полубога и один смертный. Септимус в старом скафандре тащился позади лордов Кириона, Узаса, Ксарла и своего хозяина. Трап угрожал под ногами Астартес, когда те начали спускаться к серебристо-серой поверхности астероида.

Смертный раб позволил себе на мгновение задержаться, с улыбкой глядя в небо. Пусть и не настоящее небо -- просто усыпанная звездами чернота, без облаков и солнечного света, -- но и этой перемены

хватило, чтобы раб продолжал улыбаться, следуя за полубогами.

Хозяин Септимуса вел небольшой отряд. Астартес был в полном боевом облачении. Очищенный шлемом воздух отдал хитикатами. Дисплей визора, красноватый из-за рубиновых линз шлема, очерчивал силуэты суетившихся в маленьком лагере сервиторов. Темные латные рукавицы сжимали древний болтер, заряженный и готовый к бою, — однако полубог сомневался, что ему придется стрелять.

— Сервиторы, — передал он тем, кто остался на борту «Завета». — Сервиторы-техники, предназначенные для горных работ. Я насчитал сто семь.

— Великолепно, — протяжно отозвался вокс.

Голос прозвучал как хлюпающее, хлопочущее рычание — так мог бы рычать волк с глоткой, сплошь усеянной опухольями. Вокс-передатчик Септимуса позволял ему слышать переговоры полубогов, и при звуках голоса Вознесенного раб согрознулся.

Отряд с выработанной многолетним

опытом сноровкой продвигался по лагерю. Занятые своими делами сервиторы словно не замечали гостей. Бионические рабы были запрограммированы так, что могли сосредоточиться лишь на одной операции.

--- Сто семь, согласно последнему подсчету, --- повторил хозяин Септимуса. --- Большинство из них легко можно приспособить для наших нужд.

--- Кому есть до этого дело? --- рявкнул другой голос.

Септимус увидел, что шедший впереди Ксарл остановился. Боевая броня Ксарла была украшена черепами, человеческими и нечеловеческими. Еще больше черепов свисало на цепях с его пояса, многоярусным каскадом покрывая бедра.

--- Мы пришли сюда не за безмозглыми рабами.

--- Да, --- пророкотал еще один, судя по тону, Узас. --- Мы не должны здесь задерживаться. Магистр Войны призывает нас на Крит.

--- Септимус, --- сказал хозяин, оборачиваясь к слуге, --- проверь, тот ли

это астероид, что мы искали.

Септимус кивнул, уже сканируя пригоршню песка и мелких камешков. На экране его портативного ауспика вспыхнула череда зеленых столбцов, полностью соответствующих заранее введенной диаграмме.

— Подтверждаю, господин.

Над ними возвышался грузовой посадочный модуль «Девы». Его вооружение было стихотворным — но тут, в самый неподходящий момент, единственная лазерная пушка челнока развернулась и открыла огонь по стоявшим внизу полубогам. Внутри прикованного к земле сидна перед рулевой консолью устроилась Эвридика Мерваллион. Наводя пушку с помощью неисправного целеуказателя, она тихо проклинала размытое изображение и заодно себя, поскольку непрерывно тазала.

Отряд оставался невредимым, укрывшись за шестиколесными погрузчиками руды и буровыми тракторами. Астартес с интересом следили за тем, как одинокая пушка выплескивает свою жалкую ярость, бичуя

красными лучами пыльную землю далеко в стороне.

--- Мы под обстрелом, --- передал Кирион на «Завет».

Голос костодесантника звучал так, словно происходящее немало его развлекало.

--- Если это можно так назвать, --- заметил хозяин Септимуса.

--- Сейчас я его достану, --- сказал Ксарл, поднимаясь из укрытия с болтером в руке.

Оружие рывнуло один раз. Эхо выстрела раскатилось по вокс-сети, но заглохло в безвоздушной атмосфере. Борт челнока украсился огненным цветком. Единственная пушка взорвалась, пораженная болтерным снарядом.

--- Еще одна блистательная победа, --- хохотнул Кирион в тишине, последовавшей за выстрелом.

Септимус тоже не смог сдержать улыбку.

--- Вы правда считаете, что у нас есть время на эти глупости? --- проворчал Ксарл.

--- Там внутри остался кто-то живой, --- негромко проговорил хозяин Сентимуса.

Отделение уставилось на челнок, оценивая его массивные обводы и распахнутый зев погрузочного отсека, озаренный изнутри тусклым желтым светом.

--- Мы должны найти их.

--- Это недостойная добыча, --- возразил Ксарл.

Узас согласно пробурчал:

--- Нас призывает Магистр Войны. Битва на Крите ждет нас.

--- Да, --- отозвался Ксарл, --- эти слабаки сгниют здесь и без нашей помощи.

Кирион втешался, оборвав боевых братьев:

--- Эти слабаки могут управиться с сотней сервиторов. Почти наверняка они разбираются в технике. Они будут нам полезны.

--- Нет, --- выдохнул хозяин Сентимуса. --- Они представляют собой нечто гораздо большее.

Увешанный черепами Ксарл и Узас,

носивший поверх темной брони плащ из светло-коричневой кожи, которую он в свое время содрал с целого семейства властителей тира-уля, неохотно кивнули.

— Что ж, займется пленником, — подытожил Ксарл.

— Повелители Ночи, — голетел голос их хлюпающий рык Вознесенного, — выдвигайтесь.

Внутри они разделились. Челнок был довольно большим, так что даже поодиночке им пришлось бы потратить не меньше четверти часа на то, чтобы обыскать все отсеки. Узас взял на себя трюм и погрузочную палубу. Ксарл отправился обследовать мостик и кают-компанию. Кирион остался снаружи приставлять за сервиторами. Сентилус и его хозяин двинулись к технической палубе.

Держась за широкую спину господина, Сентилус вытащил собственное оружие. В каждой руке он сжимал по лазерному пистолету стандартной гвардейской

модели.

--- Убери это, --- сказал хозяин, не поворачивая головы. --- Если ты пристрелишь ее, я тебя убью.

Септимус поспешно сунул пистолет в кобур. Они шагали вдоль ряда заглушенных генераторов, каждый высотой в два человеческих роста. Металлический настил палубы звенел под подошвами ботинок.

Септимус не обратил внимания на угрозу --- для полубогов это было обычным делом, --- но кое-что в словах повелителя его заинтересовало.

--- Ее? --- спросил он хозяина по прямой вокс-связи.

--- Да, --- ответил тот, не замедляя шага.

Оружие Астартес оставалось в кобуре, но его покрытые латными рукавицами пальцы напряженно сжались.

--- Даже если бы она не явилась мне в видении, я все равно почувал бы запах ее кожи, ее волос, ее крови. Наша добыча --- женщина.

Септимус кивнул, прикрывая глаза от

жгучего сияния ламп дневного света. Ряд светильников тянулся вдоль всей комнаты, как и в трех предыдущих отсеках.

--- Здесь слишком светло, --- пожаловался раб.

--- Вовсе нет. Корабль в режиме энергосбережения. Просто ты привык к «Завету». Будь наготове, Септимус. Ни при каких обстоятельствах не смотри ей в лицо. Это тебя убьет.

--- Господин...

Полубог предостерегающе поднял руку:

--- Тихо. Она идет.

Септимус не слышал ничего, кроме тихих щелчков вокса: хозяин переключал каналы, чтобы оповестить остальных.

--- Я нашел ее, --- сказал полубог и хладнокровно развернулся, чтобы перехватить ринувшуюся на него визжащую фигуру.

Эвридика притаилась в затененной нише между гудящими генераторами. Ее единственным оружием был лот, который она откопала среди

инструментов. Хотя девушка упрямо хмурилась и убеждала себя, что утрет в бою, при виде двух приближающихся фигур решимости у нее изрядно поубавилось. Один из них был обычным человеком, вооруженным двумя пистолетами. Зато другой — великаном, ростом выше двух метров, облаченным в древние боевые доспехи. Астартес.

Прежде ей не приходилось встречаться с костодесантниками, и зрелище было не из приятных. Благоговение смешалось со страхом, и этот коктейль жутким колом осел на дне желудка. Во рту стоял кислый привкус, от которого девушка не могла избавиться, как бы судорожно она ни сглатывала. Зачем Астартес напали на них? Почему убили Сайна и уничтожили «Деву»?

Эвридика отступила в тень, пытаясь унять отчаянный стук сердца и сжимая локот в потных ладонях. Может, стоит целиться в сочленение доспеха между плечом и воротом? Трон, какой бред! Она уже мертва, и ничего тут не поделаешь. С угрюмой устешкой девушка мысленно

извинилась перед всеми, кого когда-либо
оскорбила... всеми, кроме Сайна. Он всегда
был козлом.

Несмотря на все свои недостатки, не
последним из которых являлся слишком
острый язык, трусостью Эвридика
Мерваллион не отличалась. Она была
дочерью навигаторского Дома — пусть
сейчас их имя не стоило и плевка. Она
смотрела в безумие варпа и всегда
приводила свой корабль куда нужно в
целости и сохранности. При виде
крадущегося к ней полубога внутренности
Эвридики сводило от страха и нестерпимо
ломило в висках, но девушка твердо
натеревалась сдерживать данную себе
клятву. Она погибнет, сражаясь.

Чужаки медленно приближались по
сетчатой палубе. Лоб Эвридики чесался
все сильнее. Свободной рукой навигатор
стянула черную шелковую повязку.
Рециркулированный воздух челнока
неприятно защищал ее третий глаз, хотя
тот и был закрыт. Так же естественно,
как другие делают вдох, она медленно
приоткрыла око. Покалывание усиливалось.

теперь гранича с болезненным зудом. Когда воздух коснулся молочно-белой поверхности ока, по телу Эвридики пробежала дрожь. Мерзкое чувство уязвимости. Третий глаз ничего не видел, но ощущал щекочущее прикосновение теплого, стерильного воздуха всякий раз, когда девушка двигалась.

Теперь она была готова. Эвридика снова сжала лот обеими руками.

Гигант неторопливо прошел мимо, и в этот момент Эвридика с криком набросилась на него.

Глухо лязгнув, железный прут отскочил от кератитового шлема. Станный звук: наполовину металлический звон, наполовину приглушенный стук. Эвридика вложила в затах всю силу и порожденную отчаянием ярость. Такой удар проломил бы человеческий череп, и, выбери она цель чуть хладнокровней, Септимус валялся бы уже на полу с пробитой головой. Однако девушка выбрала костодесантника. Это было ошибкой.

Лот трижды опустился на шлем.

прежде чем Эвридика осознала две вещи. Во-первых, голова великана едва вздрагивала под градом ее неистовых ударов. Череполикий шлем, свирепостоявившийся на нее рубинами линз, лишь чуть ощутимо вибрировал при каждом соприкосновении с лотом.

Во-вторых, она висела в воздухе. Это открытие повергло Эвридику в панику. Астартес перехватил девушку, когда та прыгнула на него, и держал на весу за горло.

Эвридика поняла это, когда гигант сжал пальцы. Приток воздуха оборвался так внезапно, что навигатор не успела даже пискнуть. Железный прут опустился в последний раз и со звоном полетел на пол, скользя по предплечью воина. Но девушка этого уже не слышала: в ушах ее отдавался только лихорадочный стук собственного сердца. Болтаясь в воздухе, Эвридика попыталась отбиваться ногами, но ее ботинки лишь бессильно молотили по нагруднику и набедренникам костодесантника, причиняя тому еще меньше вреда, чем злополучный лот.

Он не утирал. Ее око... не могло его убить. Всю жизнь Эвридику потчевали байками о том, что любое живое существо, заглянувшее в третий глаз навигатора, обречено умереть некой таинственной и мучительной смертью. Наставники Эвридики утверждали, что таково побочное действие навигаторского гена -- ее проклятой и благословенной мутации. Никто не понимал, отчего так происходит. Но крайней мере никто из членов Дома Мерваллион, -- хотя девушка и осознавала, что учителя ее были не из лучших.

И вот теперь она смотрела на гиганта широко распахнутым третьим глазом, щуря человеческие глаза от боли. Но Астартес и не думал утирать.

Однако девушка не ошибалась. Если бы полубог заглянул в ее незрячее око, затаенное пленкой цвета прокисшего молока, он бы тут же упал бездыханным. Но глаза за рубиновыми линзами шлема были закрыты. Астартес знал, кто перед ним. Он предвидел эту минуту, а истинному охотнику не обязательно

использовать все пять чувств, чтобы
настигнуть добычу.

Зрение Эвридики затуманилось. Она
не была уверена, действительно ли воин
притянул ее к себе, но его череполикий
шлем -- выцветшая кость и кровавые
рубины глаз -- внезапно заполнил все
вокруг. Голос великана был не по-
человечески низким: он рокотал, как
раскаты далекого грома. Когда свет в
глазах девушки окончательно потерял
стенившись чернотой небытия, вслед за
ней в непроглядный колодез полетели
слова полубога:

-- Меня зовут Талос. И ты пойдешь со
мной.

Хозяин Септимуса последним
покинул астероид. Он стоял на
каменистой поверхности, где подошвы его
ботинок навечно отпечатались в
серебристо-серой пыли. Подняв голову,
Астартес глядел на звезды. Незнакомые
звезды, совсем не те, что он видел, когда в
последний раз стоял на этой земле и
смотрел в это небо. Астероид когда-то

был мирот — планетой, очень далекой
отсюда.

— Талос, — треснул вокс голосом
Кириона, — сервиторы уже погружены.
Пленница готова к транспортировке на
палубу «Завета», предназначенную для
мертвых. Время уходит, брат мой. Твои
провидения не солгали, и мы многое здесь
нашли. Но Магистр Войны призывает нас
на Крит.

— Что с теми, кто сбежал?

— Узас и Ксарл прикончили их. Угем.
Время поджимает.

Талос опустился на колени. Пыль
облепила черно-синие доспехи Астартес
тепелной пленкой. Как песок сквозь
пальцы, горстка пыли просыпалась из его
открытой ладони.

— Время изменяет все, — шепнул
Талос.

— Не все, провидец.

Это был Ксарл, уже
присоединившийся к остальным на борту
катера. Голос его звучал непривычно тихо,
словно и он чувствовал благоговение при
виде мертвой планеты.

— Мы ведём ту же войну, что вели всегда.

Талос отряхнул ладоны, встал и направился к ожидавшему его «Грозовому ястребу». Готовые к обратному полёту на орбиту, к «Завету», двигатели взревели, взметнув в небо фонтаны пыли.

— Долгую же дорогу пришлось проделать этому обломку, — задумчиво проговорил Кирион. — Десять тысячелетий свободного плавания.

Узас фыркнул. Не то чтобы он не понимал эмоциональной значимости момента — просто сам не испытывал никаких чувств. Ему было плевать.

— Неплохо снова побывать дома, а? — сказал он, все ещё ухмыляясь.

Дом. Слово оставило в сознании Талоса огненный след. Мир вечной ночи, где шипы из тёмного металла вонзались в угольно-чёрное небо. Дом. Нострада. Родной мир Восьмого легиона.

Талос, конечно, был там, когда всё закончилось. Все они были там. Тысячи воинов легиона стояли на палубах ударных крейсеров и боевых барж, наблюдая за тем,

как на окутанный сүтрачной пеленой мир
рушится смерть: пронзая облачные
покровы, пробивая дыры в плотной тьме
атмосферы и озаряя все гибельным светом
--- оранжевым пламенем подземного огня,
вырвавшегося на свободу и пожирающего
материки. Кора планеты лопнула, словно
разорванная гневом самих богов.

В каком-то смысле так оно и было.

Десять тысячелетий назад Талос
видел, как горел, содрогался и рушился его
родной мир. Он видел гибель Нострато.
Это была жертва. Это было возмездие.
Это было --- как убеждал он себя ---
правосудие.

Десять тысяч лет. Для Талоса,
жизнь которого изтерзалась от сражения до
сражения, от одного крестового похода до
другого, прошло всего несколько
десятилетий с того дня, как его планета
сгорела. Извращенные законы адской
бездны, где легионы предателей укрылись
от гнева Империи, подчинили время
своей непостижимой логике. Вести счет
лет было безумием. Большинство братьев
давно бросили это занятие.

Ботинки Талоса простучали по
трапу «Громого ястреба». Оказавшись в
тамбуре, он тельком взглянул на толпу
лоботомированных сервиторов, покорно
выстроившихся в десантном отсеке, и
ударил кулаком по панели запирающего
устройства. Трап свернулся, и
противовзрывные двери захлопнулись под
хриплый рев гидравлики.

--- Думаешь, мы когда-нибудь еще
набредем на такой большой осколок? ---
спросил Кирион, когда «Громоу ястреб»
взмыл в небо. --- Тут, должно быть, не
меньше половины континента с корой
вплоть до ядра.

Талос молчал. Он все еще видел
ревущее пламя, прорвавшееся сквозь тучи
за секунду до того, как родной мир
рассыпался на части у него на глазах.

--- Обратно на «Завет», --- в конце
концов произнес он. --- А затем на Крит.

Внезапность

ненадежный клинок, бесполезный в сражении.

Он ломается, когда войска вновь обретають боевой дух. Он разлетается на части, когда офицеры удерживають солдат от бегства. Но страх не исчезает никогда. Страх --- это меч, который от использования становится лишь острее. Так дайте же врагу знать, что вы на подходе. Пусть собственные страхи сразят их с наступлением тьмы. Когда солнце планеты рухнет за горизонт... Когда на город опустится его последняя ночь... Пусть вой из десяти тысяч глоток возвестит об ударе десяти тысяч когтей. Повелители Ночи идут. У

никто, встав у нас на пути, не увидит следующего рассвета.

Военный теоретик
Малкарион

Выдержка из книги
«Темный путь»

Талос шагал по коридорам «Завета». Воин был облачен в боевую броню, но решил не стеснять себя шлемом. Это лишило Астартес усиливающих зрение сенсоров, зато позволило наслаждаться естественной ясностью, с которой его взгляд пронзал чернильную тьму корабля.

Смертные члены экипажа с трудом видели в темноте. Их глаза были слишком слабы, чтобы уловить остаточное свечение почти обесточенных корабельных ламп. Смертным дозволялось носить с

собой фонари, освещающая дорогу по сүтрачным переходам. Для рожденных на Ностратосе Астартес тьмы просто не существовало. Талос шел по широким коридорам, приближаясь к залу военного совета, который Вознесенный давным-давно избрал как покои для медитаций. Благодаря врожденно острому ночному зрению и генетическим операциям, проведенным на его мозге при вступлении в Восьмой легион, космогесантник различал внутреннюю обстановку «Завета» так ясно, словно ее озарял рассвет иного, натного более яркого мира.

Кирион, тоже в боевой броне, шагал рядом. Талос искоса взглянул на брата, отмечая морщинки, проступившие вокруг его черных глаз. Странно было видеть признаки старения на лице одного из воинов легиона, но Талос понимал, что происходит. Кирион боролся с собственным проклятием -- и оно тяготило брата куда сильнее, чем видения тяготили Талоса.

-- Ты не войдешь со мной, -- заметил Талос, -- так зачем же ты здесь?

-- Может, и войду.

Оба знали, что это вряд ли произойдет. Кирион старался любой ценой избежать Вознесенного.

--- Даже если бы ты и вправду хотел войти, Чернецы преградят тебе дорогу.

Привычные к окружающей их мертвенной тишине, они шли сквозь лабиринт залов огромного корабля.

--- Может, преградят, --- ответил Кирион. --- А может, и нет.

--- Так и быть, я позволю тебе мешаться этой иллюзией еще пять минут, Кай. И не говори потом, что я не великодушен.

Талос поскреб наголо обритый затылок. Один из портов имплантатов, хромовый разъем в позвоночнике над лопатками, последние несколько дней побаливал. Талос ощущал это как раздражающую, монотонную пульсацию на грани восприятия. Симбиотическое соединение, подключавшее тело к госпеху, чуть слышно гудело. Надо было поскорее ублажить машинный дух брони. Сентимусу придется взяться за дело, стешивая масла и притирания, которыми

Талос пользовался для обработки воспаленных разъемов. Он слишком много времени проводил в битвах, и нейросоединения тела с доспехами уже не справлялись с нагрузкой. Пределы выносливости были даже у его нечеловеческого организма.

В лучшие времена как минимум несколько слуг и техноагентов легиона занимались бы уходом за его бионическими имплантатами и следили за состоянием генетических модификаций в промежутках между сражениями. Сейчас у него оставался единственный раб. Вдобавок, каким бы искусным техником ни был Септимус, Талос не позволял никому приближаться к себе в те минуты, когда оставался без доспехов: ни собственному вассалу, ни уж тем более боевым братьям.

--- Ксарл ищет тебя.

--- Я знаю.

--- И Узас тоже. Они хотят знать, что ты видел во время приступа.

--- Я им сказал. Я всем вам сказал. Я видел Нострато --- осколок нашего родного мира, вращающийся в пустоте. Я видел

женщин-навигатора. И я видел тот корабль, что мы уничтожили.

— И все же Вознесенный вызывает тебя, — покачал головой Кирион. — Мы ведь не идиоты, брат. По крайней мере большинство из нас. За состояние рассудка Узаса я не поручусь. Но нам известно о твоей предстоящей встрече с Вознесенным, и нетрудно догадаться, в чем причина.

Талос покосился на него:

— Если ты собрался подслушивать, то должен знать, что это пустой номер. Тебя не пропустят внутрь.

— Тогда я подожду тебя снаружи, — устехнулся Кирион. — Чернецы такие превосходные собеседники.

Сдаваться он, похоже, не собирался.

— Так Вознесенный из-за этого тебя вызвал? Дело в твоих видениях?

— Дело всегда в них, — просто ответил Талос.

Остаток пути они прошли в молчании.

Зал военного совета располагался в самом сердце корабля — огромное круглое

помещение с четырьмя высокими
двустворчатыми дверями,
открывавшимися на четыре стороны
света. Астартес подошли к южной двери,
рядом с которой возвышалась пара
гигантских фигур.

Двое Чернецов, избранных воителей
Вознесенного, несли молчаливую стражу.
Каждый боец в этом элитном
подразделении был облачен в один из
немногих уцелевших комплектов бесценной
терминаторской брони. С массивных
наплечников из сверкающего серебра и
черной стали щерились черепа саблезубых
львов Нострато. Талос узнал воинов по
знакам отличия на доспехах и кивнул в
знак приветствия.

Один из терминаторов, по броне
которого вились надписи из
выгравированных золотом ностратских
рун, прославляющих его многочисленные
победы, встретил Талоса и Кириона
низким рыком.

--- Братья, --- сказал он, раскатывая
каждый звук.

--- Чемпион Малек.

Отвечая, Талосу пришлось глядеть
вверх. Ростом за два метра, он и сам был
на голову с лишним выше большинства
смертных --- но Малек в древней
терминаторской броне приближался к
трел.

--- Пророк.

Голос, гудевший из клыкастого
шлема, брякнул металлом.

--- Вознесенный вызвал тебя.

Свои слова он подчеркнул
угрожающим движением когтистой
перчатки, по которой пробежали
энергетические всполохи.

--- Тебя, --- повторил Чернец, --- и
только тебя.

Кирион привалился к стене, широким
жестом пропуская брата вперед. Его
театральный поклон заставил Талоса
улыбнуться.

--- Входи, пророк, --- произнес другой
Чернец.

Талос узнал его по тяжелому
бронзовому молоту, который стражник
держал на плече. Вместо полуметровых
бивней, любимых Малекот,

терминаторский шлем второго воина украшал злобещего вида костяной роз, торчавший посреди лба.

--- Благодарю тебя, брат Гарагон.

Талос давно уже бросил попытки отучить остальных называть его «пророком». С тех пор как Чернецы переняли эту привычку у Вознесенного, прозвище распространилось по всему кораблю и пристало намертво.

В последний раз оглянувшись на Кириона, Талос вошел в зал. Двери со скрежетом и шипением сошлись у него за спиной.

--- Ну что, --- обратился Кирион к безмолвным гигантам-терминаторам, --- как жизнь?

В комнате были только двое: Талос и Вознесенный. Двое, сидящие друг против друга у овального стола, за которыми некогда утешалось две сотни воинов. По периметру комнаты выстроились ряды отключенных когитаторов и вокс-установок. Столетия назад их обслуживали многочисленные рабы легиона

и целая армия сервиторов. Теперь все силы поредевшей команды «Завета» сосредоточились на мостике и других жизненно важных секциях корабля.

--- Талос, --- раздалось драконье рычание с противоположного конца стола.

Темнота была абсолютной, настолько глубокой, что даже Талосу понадобилось несколько секунд, чтобы приспособиться и начать различать очертания фигуры собеседника.

--- Мой пророк, --- продолжал Вознесенный.

Голос его напотинал утробное ворчание варп-двигателей.

--- Мое око в незримом.

Но мере того как трак перед глазами Талоса рассеивался и картина прояснялась, из темноты выступал силуэт, отдаленно напотинающий человеческий. На Вознесенном был тот же древний доспех, который столь почитали Чернецы, но... измененный.

Извращенный. В буквальном смысле. По поверхности брони то и дело пробегали отблески варпа --- но от колдовских огней в

комнате не становилось светлее.

--- Капитан Вангред, --- отозвался Талос, --- я явился по вашему приказу.

Вознесенный медленно выпустил воздух из легких --- звук, выражавший наполовину изумление, наполовину наплевистость, дуновением ветра пронесся по комнате. У существа это было ближайшим аналогом смеха.

--- Мой пророк. Когда наконец ты перестанешь употреблять мое старое имя? Это уже не смешно. Не оригинально. Наши забытые звания ничего не значат. Ты знаешь это не хуже меня.

--- Я вижу в них смысл.

Талос смотрел, как Вознесенный двинется к столу. С каждым шагом существа зал ощутимо вздрагивал.

--- Поделись со мной своим даром, Талос, а не предвзятыми обвинениями. Я это контролирую. Я не пешка Губительных Сил, не инструмент их воли.

Комната вновь содрогнулась, когда Вознесенный сделал следующий шаг.

--- Я. Контролирую. Это.

Талос сунул глаза, услышав давно

знакомую песню.

--- Как скажете, брат-капитан.

Его слова вызвали еще один протяжный вздох, одновременно нежный и угрожающий, как лезвие, ласкающее обнаженную плоть.

--- Говори, Талос, прежде чем я потерял остатки терпения. Я потворствовал твоей прихоти отыскать вращающийся в пустоте кусок камня. Я позволил тебе вновь ступить на землю нашего погибшего мира.

--- Моей прихоти? Моей прихоти?

Талос грохнул кулаком по столу. Удар был достаточно сильным, чтобы по крышке побежала сетка трещин.

--- В видении мне явился осколок нашего мира, плывущий в беспросветной тьме, и я привел нас туда. Даже если ты не веришь, что это знамение, корабельная команда пополнилась сотней новых сервиторов. И навигатором. Легион немало выиграл от моей «прихоти», Ванред. И ты это знаешь.

Вознесенный перевел дыхание. Воздух втягивался в его мутировавшую гортань с

таким звуком, словно неподалеку забывал баньши.

--- Ты будешь обращаться ко мне с должным уважением, брат.

Слова ничего не значили, но завуалированная угроза, мягкая, как касание кошачьей лапы, заставила Талоса похолодеть.

--- Я перестал уважать тебя, когда ты превратился в... это.

--- Устав следует соблюдать. Мы --- Восьмой легион. Мы не поддались тому безумию, что поглотило остальных, потерпевших вместе с нами поражение на Терре.

На это нашлась бы сотня ответов, и каждый из них с равной вероятностью гарантировал бы Талосу безвременную кончину. Тяжело сглотнув, воин просто сказал:

--- Да, сэр.

Сейчас было неподходящее время для споров. Да и когда оно было подходящим? Слова ничего не могли изменить. Скверна слишком глубоко укоренилась в Вознесенном.

--- Отлично, --- улыбнулось существо. ---
А теперь поведай мне, какие еще истины
ты узрел. Расскажи о том, что имеет
значение. Расскажи мне о войнах и...
назови тех, кому суждено погибнуть.

И Талос заговорил, вновь погружаясь в
огненную пучину воспоминаний...

...Вначале есть лишь ничто. Ночь,
трак. Почти как дома.

Тьма утирает в огне. Раскаленное
добела, ослепительное как солнце, пламя
охватывает все его чувства. Он
спотыкается и падает --- падает на
колени, на красные камни чужого мира. Он
теряет свое священное оружие... болтер и
меч... Когда зрение проясняется, их нет у
него в руках.

Тело его внезапно наполняется силой.
Сенсоры госпехов регистрируют снижение
жизненных показателей и наводняют кровь
стимуляторами --- он должен оставаться в
бою даже тогда, когда нечеловечески
совершенный организм утоляет о
передышке. Энергетики бьются в его
крови, подстегивая работу мышц и

отключая нервы.

Когда приток стимуляторов достигает мозга, туманная дымка в глазах рассеивается. Случайность или предопределение, не важно. Везде рассыпаны груды щебенки. И там, изломанный и бессильно распростертый, как марионетка с перерезанными нитками, лежит еще один воин в цветах Восьмого легиона. Талос бросается к нему, зная, что должен добратся до навшего брата первым.

Это ему удастся. Датчики прицела гудят и потаргивают, наводясь на цели. Другие фигуры движутся сквозь дымные клубы, и все же он первым оказывается рядом с искаленным телом. Но ни меча, ни болтера...

В перекрестье прицела попадает клинок убитого воина. Целеуказатель воспринимает его как возможную угрозу, и по сетчатке бегут спецификации меча. Моргнув, Талос убирает данные о составе сплава и мощности батарей и хватает рукоять обеими руками. Нажатие большого пальца на активирующую руну --

и меч, взревет, оживает.

Соперники приближаются. Ему надо действовать быстро.

Ценное лезвие целует броню мертвого Астармес. Несколько безумных секунд оно взрывается в доспех, прежде чем пробить керамитовую пластину. Талос режет быстрыми взмахами и отбрасывает меч в сторону, как только работа завершена.

Впереди гудит Узас. Огнит прыжком он подлетает к трупу и, не обращая внимания на Талоса, срывает с воина шлем. К тому моменту, как шлем оказывается у него в руках, Талос уже заканчивает обирать мертвеца и отходит с добычей. Отрезанное предплечье. Если убрать мертвую плоть, боевую перчатку можно переделать...

...Вознесенный снова выдохнул: полустех-полувздох.

--- Кто это был? --- спросил он. --- Кто падет и чьи останки ограбят?

--- Это был... На нем была...

...полunoчно-синяя броня, как и на всех в легионе. Но налнчнк шлема выкрашен в темнo-красный: оскалившисл багровый череп. Талос...

— ...не смог рассмотреть, — ответил он Вознесенному. — Думаю, это был фаровен.

Талос сжал правую руку в кулак, прислушиваясь к тихому рычанию сервоприводов в каждом суставе. Перчатка стала жесткой, и Септимус уже несколько раз повторял, что скоро ее придется заменить. Она просто-напросто была очень старой. Латная рукавица изнасилась с годами, и, хотя многие детали доспеха обновлены, обе перчатки принадлежали оригинальному комплекту брони Марк IV.

Мысль о том, что приходится грабить павших, не тяготила его, как могла бы тяготить обычного смертного. Легион Повелителей Ночи многое утратил с тех пор, как их попытка захватить Трон Терры завершилась провалом. Возможности создавать новые доспехи почти не было, так что

тародерство превратилось в осознанную
необходимость на этой бесконечной войне.

Талос разжал кулак, медленно
пошевелив пальцами.

--- Да, --- сказал он, глядя на
собственную руку и думая о той ночи,
когда эту перчатку заменит другая. ---
Это был Фаровен.

Вознесенный издал звук, который
Талосу приходилось слышать уже не раз.
пренебрежительный стешок, короткий и
черствый.

--- Когда он утрет, ты можешь
забрать все. Его гибель не станет потерей
для легиона. А теперь продолжай. Взрыв.
Дым и обломки. Вы обдираете с Фаровена
снаряжение. А потом?

Талос закрыл глаза.

--- А потом...

...он видит свой меч. Клинок лежит в
россыпи щебенки, и пыль уже притушила
блеск его лезвия. Талос карабкается к
нему. Под подошвами хрустит каменная
крошка, еще недавно бывшая частью
высокой стены мануфактории.

Меч у него в руках — совершенный сплав формы и функциональности. Рукоять и гарда выполнены из бронзы и отполированной слоновой кости, образуя раскинутые ангельские крылья. Между крыльями в основание клинка вделаны рубины размером с глаз мертвого, выточенные в форме алых слез. Клинок выкован из адамантия и позолочен, а вдоль него бежит цепочка рукописных рун высокого готика — список поверженных врагов.

Талос не убивал никого из них, потому что клинок был выкован не для него. Сейчас он сжимает рукоять, ощущая, как тяжесть похищенного оружия наполняет его уверенностью. Меч лежит в руке так же удобно, как и десять лет назад, когда Талос вырвал его из руки утирающего имперского чемпиона.

Аурум. Клинок звался Аурум — силовой меч благородного капитана Думана из легиона Кровавых Ангелов. Поцелуй меча нес смерть: как и в любом энергетическом оружии, разрушительное силовое поле с каждым ударом рассекало

материю. Однако Аурум выковали в дни
молодости Империи, когда техножрецы
Марса были не только хранителями
секретов, но и мастерами.

Трижды братья по легиону пытались
убить Талоса за этот меч. Трижды
Талосу пришлось оборвать жизнь брата,
чтобы сохранить добычу.

Он встает, активирует силовую
ячейку в рукояти, и пыль на лезвии
мгновенно сгорает с легким шипением.

Вдоль клинка пляшет рукотворная
толня, достаточно яркая, чтобы ранить
его ностратские глаза.

Талос шагает по развалинам. Звук
битвы возвращается. Пыль оседает. Ему
надо отыскать свой болтер прежде, чем
враг хлынет в сектор, подвергшийся
сокрушительной бомбардировке.

Он... он не может найти оружие. Что
это за проклятый шум? Что за грохот?
Мир раскалывается на части...

Кровь Хаоса, где же болтер...

Он...

...пошатнулся под весом воспоминаний.

столь же реальных для него сейчас, в зале совета, как и во время пророческого припадка. Вознесенный недовольно буркнул:

--- В чем дело? Что случилось дальше?

--- Солнце, --- пробормотал Талос. --- Солнце...

...погасло.

Он поднимает голову к небу, забыв о поисках болтера. Секундой раньше над миром царил полдень, но сейчас небеса потемнели, словно внезапно обрушились сумерки. Затмение. Должно быть, это затмение.

Так и есть.

Условно говоря.

Перекрестье прицела заполняет тупша колосса, поглотившего солнце. По сетчатке Талоса бегут неровные строчки данных, спроецированные сенсорами шлема, --- но Талос этого не замечает.

Тревожные сигналы пищат синхронно со вспышками предупреждающих рун, и, глядя вверх, Талос вспоминает, почему взрыв сравнял с землей эту часть города.

Он смотрит на причину взрыва.

Класс «Владыка войны». На экране визора вновь и вновь вспыхивают эти слова, тревожные сигналы сливаются в пронзительный визг, словно Талос и без того не знает, что перед ним. Как будто ему нужно объяснить, что это сама смерть. Сорок с лишним метров воплощенного гнева Механикус явились, чтобы уничтожить их всех. Титан выше любого из уцелевших городских зданий.

Его исполинские орудия поворачиваются, наводясь на крошечные фигурки Астартес внизу. Его руки — пушки глиной с поездов — раздирают небеса воет тысячи приводов. Он пока только целится, он еще не стреляет. Пушки опускаются ниже. Ниже.

Город вновь сотрясается — еще до начала обстрела, просто от поступи железного бога. Вокс оживает и разражается гневными выкриками, а имперская боевая машина все ближе.

— Тяжелый калибр! — ревет он в общий канал вокса. — «Лэндрейдеры» и «Хищники», все орудия на титана!

Он даже не знает, осталась ли в строю хоть одна из боевых установок, но, если они не организуют хоть какой-нибудь ответный огонь, титан прикончит их всех.

Со звуком рвущегося небоскреба титан делает еще один шаг.

И со звуком, с которым рвётся мир, он дает залп.

Талос...

...открыл глаза и лишь после этого понял, что все это время они были закрыты.

Пока Талос находился во власти видения, Вознесенный подобрался ближе.

--- Титаны нам не в новинку, --- сказал существо. --- Мир-кузня --- главная цель Магистра Войны в скоплении Крит.

Талос покачал головой. Губы его чуть искривились, когда он различил в темноте контуры рогатой башки Вознесенного.

--- Нас перережут, как скот. Мы встанем на пути божественных машин Механикус, и их огонь выжжет нам глаза.

--- А что насчет сил самого

Магистра Войны? --- упорствовал
Вознесенный.

Настойчивость в его клокочущем
голосе уже граничила с нетерпением.
Талос подумал о доведенном до кипения
котелке.

--- Что насчет них, сэр?

--- Мой пророк, --- прогрохотал
Вознесенный с непривычной ноткой
приязни.

Талос закинул голову, чтобы
посмотреть в лицо командиру, и с трудом
подавил гневный рык. Вознесенный
пытался скрыть раздражение, --- вероятно,
для того, чтобы его ручной провидец не
вышел из себя до окончания вопроса.

--- Талос, брат мой, ты видишь так
много --- и в то же время так мало.

Вознесенный улыбнулся, но избыток
кляков и ядовитая слюна изрядно испортили
впечатление от улыбки. Талос пристально
всмотрелся в черные глаза своего
повелителя --- в обезображенное лицо того,
кем он некогда восхищался.

--- В этом и состоит мой вопрос, ---
осклабился Вознесенный. --- Где они? Ты их

видишь? Ты видишь Черный легион?

--- Я не...

...вижу их. Нигде.

Наверху схватились железные боги. Титан против титана в руинах обреченного города. В небе бьется шквал артиллерийского огня и слышится громовой скрежет --- это боевые машины выедают друг на друге свою ярость. Титаны позабыли о битве, развернувшейся у них под ногами, и Повелители Ночи --- те, что еще способны сражаться, --- перегруппировываются в тени их исполинских фигур.

Талос добирается до своей машины. Покатый, темный корпус «Лэнгрейджера» --- словно маяк в ревущем неистовстве боя. У в этот момент Астартес замечает Кириона: еще наполовину засыпанного щебенкой, почти в километре отсюда.

Идентификация проходит не сразу. Расстояние велико, так что поначалу Астартес видит лишь кого-то, с трудом выбирающегося из-под обломков. Глаз чисто случайно регистрирует движение.

Моргнув, Талос приближает изображение. На сетчатке вспыхивает икона -- Кирион -- и оповещение от системы целеуказателя, что выбрана неверная цель.

Он срыгается с места.

Еще рунические символы. Другая цель: Узас, «неверная цель». Узас первым добирается до Кириона, скатываясь по щебеночному склону за спиной у раненого Астартес. Талос бежит быстрее, мчится изо всех сил, предчувствуя, что сейчас произойдет.

Узас поднимает топор и...

-- ...и что?

-- И ничего, -- ответил Талос. -- Как я уже говорил, Магистр Войны отправит нас сражаться с легионом титанов Крита, и мы понесем тяжелые потери.

Вознесенный позволил молчанию затянуться на несколько секунд. Эта тишина выражала его неодобрение лучше, чем любые слова.

-- Я могу идти, повелитель? -- спросил Талос.

-- Я более чем недоволен этим

скрутым отчетом, брат мой.

Талос криво, но искренне усмехнулся:

--- Я постараюсь угодить моему командиру в следующий раз. Насколько я в курсе, ясновидение --- не точная наука.

--- Талос, --- протянул Вознесенный, --- ты совсем не так остроумен, как тебе кажется.

--- Вот и Кирион говорит то же самое, сэр.

--- Ты можешь идти. Мы приближаемся к Криту, так что проследи за последними приготовлениями. Через час твой отряд должен быть облачен во тьму. Сначала мы ударим по миру-тюрьме Критского скопления, а затем по миру-кузне.

--- Будет исполнено, сэр.

Талос уже выходил из комнаты, когда Вознесенный прочистил горло. Звучало это так, словно он пытался заглотить нечто еще живое.

--- Мой дорогой пророк, --- широко улыбнулся Вознесенный, --- как поживает пленница?

МАГИСТР ВОЙНЫ ПРИЗЫВАЕТ

Нострато пал, и с ним
погибло наше прошлое.

Империя охвачена
пламенем, и будущее сгорит
лишь пепел.

Хорус проиграл, потому
что его планы возросли из семян
безумия, а не мудрости.

А мы проиграли, потому
что последовали за ним.

Нам не преуспеть, пока мы
связаны чужой волей, пока
подчиняемся приказам
командиров, в чьих жилах
течет чужая кровь.

В грядущем мы должны с
большим тщанием выбирать, в
каких войнах сражаться.

Выдержка из книги
«Темный путь»

Поначалу Эвридика испугалась, что ослепла. Вокруг царилась крошечная тьма. Девушка села и дрожащими руками ощупала сравнительно мягкую койку под собой. В воздухе висел сильный запах меда и машинного масла, и единственным звуком, кроме ее дыхания, был приглушенный, но непрерывный фоновый гул.

Она узнала этот звук. Корабельные двигатели. Где-то на гальвей палубе гигантские двигатели корабля работали, обеспечивая варп-переход.

Память возвращалась, а с ней вернулся и образ шлема-череп с горящими рубинами глаз. Астартес захватил ее в

плен.

Талос.

Эвридика прижала ладони к горлу. Горло саднило --- больно касаться и трудно дышать. Секундой позже она поднесла руку ко лбу. Пальцы наткнулись на холодный металл. Узкий легкий обруч из железа или стали... закрепленный у нее на лбу и закрывающий третий глаз. Девушка нащупала крошечные заклепки в тех местах, где пластину просверлили и привинтили к ее черепу. Обруч был как раз такой ширины, чтобы надежно пленить ее генетический дар.

Внезапно раздался лязг открывающейся двери и визг ржавых петель. Луч света, желтого и тусклого, рассек скопившийся в комнате мрак. Эвридика отпрянула, щуря ослепленные светом глаза и пытаясь рассмотреть его источник.

Фонарь. Фонарь в чьей-то руке.

--- Проснись и пой! --- выдал хозяин лампы.

Он вступил в комнату --- Эвридика могла пока разглядеть лишь неясный

силуэт — и, кажется, что-то подкручивал
в своем фонаре. На секунду все вновь
погрузилось во мрак.

— Хаос поberi эту рұхлядь, —
проворчал человек.

Эвридика не знала, что делать. Ее
так и подмывало накинуться на
пришельца, сбить его с ног и смыться. И ей
бы это удалось, точно удалось, если бы
голова не кружилась так сильно. Когда
девушка снова смогла видеть — пусть
какое-то мгновение, — она поняла, как ее
тошнит. Просто выворачивает. Эвридика
сомневалась, что сможет хотя бы встать.

Освещение восстановилось, когда
человек переключил фонарь с
центрированного луча на общий режим. Все
такой же тусклый, конус света упал на
потолок и наполнил кабину мягким
сиянием, похожим на огоньки свечей.

Вернувшееся зрение вызвало новый
приступ тошноты, и Эвридику вырвало
остатками последней трапезы,
случившейся еще на борту «Звездной девы».
Обед готовил Торк. Девушка перевела
дыхание и выдарила:

--- Трон... его стряпня и без того была
задкой...

Звук собственного голоса неприятно
ее порастил --- такой же глухой и слабый,
как свет фонаря. Этот Астартес, Талос.
Он чуть ее не заглушил. От одного
воспоминания кровь стыла в жилах. Глаза,
впившиеся в ее лицо, багрово-алые,
бездушные и бесчеловечные...

--- Не произноси это слово, --- мягко
сказал пришедший.

Она обернулась к нему, вытирая рот
рукавом и старгивая слезы напряжения. На
вид мужчине было лет тридцать ---
тридцать пять. Взлохмаченные волосы
пепельными прядями рассыпались у него по
плечам, а соломенного цвета щетина
показывала, что он уже несколько дней не
брался за бритву. Даже сейчас, когда
зрачки пришельца расширились в
темноте, его глаза отливали нефритовой
зеленью. Он был бы красив, не будь
похитителем людей и сукиным сыном.

--- Какое слово? --- спросила она,
ощупывая ноющую шею.

--- То самое слово. Не упоминай

имперские проклятия и клятвы на этом
корабле. Ты рискуешь оскорбить полубогов.

Эвридика не смогла распознать его
акцент, но речь незнакомца звучала
непривычно. Вдобавок он очень осторожно
подбирал слова, тщательно составляя
фразы.

--- А какое мне до этого дело?

Она сумела вложить в вопрос
достаточно дерзости, чтобы гордиться
собой. Не позволяй им увидеть твой страх.
Покажи зубы, детка.

Человек снова заговорил. Его голос
казался особенно мягким по сравнению с ее
вызывающим тоном.

--- Потому что и в лучшие времена
они не отличаются терпением, ---
ответил незнакомец. --- Если ты их
разозлишь, они тебя убьют.

--- Голова болит, --- пожаловалась
Эвридика, вцепившись в край койки.

Горло перехватило, рот наполнился
слюной. Трон, сейчас ее снова стошнит.

Так и случилось. Незнакомец сделал
шаг назад, избегая пятна рвоты.

--- У меня голова раскалывается! ---

трачно сообщила Эвридика, сплевывая последние остатки Торковой страсти.

--- Последствия операции. Мои хозяева не хотели, чтобы ты убила меня, когда проснешься.

Эвридика снова ощутила металлическую пластину, охватывающую лоб и ослепляющую третий глаз. Паника, которую, по ее мнению, девушка так ловко скрывала, вырвалась из-под контроля и напомнила, что есть гораздо большие неприятности. С трудом разобравшись с кашей, творящейся в голове, Эвридика озвучила первый из тысячи неотложных вопросов:

--- Почему я здесь?

Незнакомец ответил теплой и чистосердечной улыбкой, которую Эвридика с удовольствием стерла бы с его стазливой физиономии ударом кулака.

--- Что, демоны тебя поберут, здесь стешного? --- рявкнула она.

--- Ничего.

Улыбка пропала, но в глазах его остались веселые искорки.

--- Извини. Мне говорили, что это

первое, о чем спрашивает любой человек, понававший на борт. Это было первое, о чем спросил я.

--- По-твоему, это смешно?

--- Нет. Просто я только что сообразил, что с твоим появлением я уже не самый новый на службе у наших хозяев.

--- Как долго я была в отключке?

--- Восемь стандартных часов.

Септимус посчитал с точностью до минут, но сомневался, что ее интересуют такие детали.

--- И тебя зовут?..

--- Септимус. Я слуга лорда Талоса. Его оружейник и вассал.

Он начал ее раздражать.

--- Ты странно говоришь. Медленно, как дебил.

Септимус покорно кивнул:

--- Да. Прости, я привык к ностратскому. Я не говорил на низком готике уже... --- Он помолчал, вспоминая. --- ...уже одиннадцать лет. И даже тогда он не был моим родным языком.

--- Что такое «ностратский»?

--- Мертвый язык. На нем говорят

полубоги.

--- Полубоги... Астартес?

--- Да.

--- Они притащили меня сюда.

--- Я помогал доставить тебя на борт, но да, таково было их решение.

--- Зачем?

Септимус прочистил горло и уселся на койку, прислонившись к стене. Похоже, он устраивался тут надолго.

--- Тебе следует кое-что уяснить. Уйти с этого корабля можно только одним способом, и способ этот --- смерть. Тебе предложат выбор. Очень простой выбор: жить или умереть.

--- Какой же это выбор?

--- Жить, чтобы служить им, или умереть, чтобы уйти.

Вот правда и всплыла, подумала Эвридика с горькой утешкой. Девушка чувствовала хрупкость собственной улыбки, словно за сжатыми зубами прятались все ее страхи. От этого задегел язык и перехватывало дыхание.

--- Я не идиотка и знаю историю. Эти Астартес --- изменники. Они предали Бога-

Императора. Думаешь, я стану служить
им? Трон, нет. Ну за что.

Септимус передернулся:

--- Поосторожней с этим словом.

--- Да катись ты в варн! И твои
хозяева со своей службой пусть тоже
катятся в варн!

--- Жизнь у них на службе, --- задумчиво
проговорил Септимус, --- совсем не то, чем
кажется тебе сейчас.

--- Просто скажи, чего им от меня
надо, --- потребовала Эвридика.

Голос ее дрогнул, так что девушке
пришлось опять стиснуть зубы.

--- У тебя есть дар. --- Септимус
постучал пальцем по лбу. --- Ты
прозреваешь в Империи.

--- Этого не может быть, ---
пробормотала она, на секунду растеряв всю
решиность. --- Этого просто не может
быть.

--- Мой господин предвидел, что ты
покажешься в том мире, --- настаивал раб. ---
Он знал, что ты будешь там, и знал, что
ты согласишься легиону.

--- В каком еще мире? Это был всего

лишь астероид.

--- Не всегда. Когда-то он был частью планеты. Их родной планеты. Но сейчас важно не это. Ты можешь вести корабль по Морю Душ, вот почему ты здесь. Легионы уже не тот, что прежде. Они бежали от Света Императора много веков назад. Их... как же это называется? Инф... инфа... Проклятье! Их ресурсы на исходе. Их оружие и боевые машины ржавеют без должного ухода. Их смертные слуги старятся и умирают.

Эвридика не смогла сдержать устешку:

--- Ну и отлично. Они предали Бога Императора.

Она почувствовала, что к ней возвращается боевой азар, и рискнула ухмыльнуться еще раз:

--- Как будто меня волнует, стреляют ли их пушки или нет.

--- Все не так просто. Их инф... инфра...

--- Инфраструктура.

Трон, какой простофиля!

--- Да. То самое слово.

Инфраструктура легиона разрушена. Много знаний потеряно и много верных душ: сначала во время Великой Ереси, затем в войнах...

Девушка едва не брякнула «сердце кровью обливается», но ограничилась толчаливой улыбкой. Только бы он не догадался, как ей на самом деле страшно.

Несколько секунд Септимус наблюдал за ней, не говоря ни слова.

— Неужели до прихода сюда твоя жизнь была настолько замечательной, — в конце концов сказал он, — что эта возможность совсем тебя не интересует?

Эвридика фыркнула. На такой вопрос даже не стоило отвечать. Стать рабыней еретиков и мутантов — вряд ли это можно было рассматривать как удачный карьерный ход. Удивительно, что ее еще не начали пытать.

— Сейчас ты не можешь рассуждать здраво, — улыбнулся Септимус, поднимаясь с койки.

Эвридика нервно сглотнула, только теперь заметив, что у раба на поясе два пистолета в кобурах, а к его голени

приготован мачете глиной с ее предплечье.

--- Ты увидишь то, чего никогда не увидеть другим смертным.

Неужели он полагает, что это звучит заманчиво?

--- Вечное проклятие не стоит пары тройки тайн.

Девушка внимательно наблюдала за Септимусом, за улыбкой в его глазах и расслабленной позой. Непринужденная грация, с которой тот опирался о стену, нервировала Эвридику. Он мало походил на бешеного еретика, каким, по ее мнению, полагалось находиться на борту судна Архиврага.

--- Зачем ты здесь?! --- взорвалась она. --- Зачем они послали тебя?

--- Ты боишься и поэтому сердишься. Я тебя понимаю, но лучше бы ты была осмотрительней. Я обязан пересказать хозяину каждое слово этого разговора.

Не лучшее известие, однако она не позволит себя запугать!

--- Зачем они послали тебя?

--- Акклиматизация. --- Он снова улыбался. --- Тебе легче говорить с другим

смертным, чем с одним из Астартес.

--- Как ты попал сюда? --- спросила
Эвридика. --- Тебя тоже захватили силой?

Он пожал плечами, и в полутраке
раздался шорох мягкой материи.

--- Это долгая история.

--- Времени у меня достаточно.

Корабль внезапно тряхнуло.
Крепления затрещали от перегрузки.
Септимус удержался на ногах, вцепившись
в запирающее колесо люка. Эвридика
выругалась --- ее приложило затылком о
стену, да так сильно, что наверняка
выскочит шишка. Несколько секунд в
глазах у девушки плясали цветные пятна.

--- Нет, --- отозвался Септимус,
повышая голос, чтобы перекричать
скрежет непрекращающейся болтанки, ---
как раз времени у нас нет.

Эвридика раздраженно стахнула с
глаз слезы боли, прислушиваясь к
возмущенному вою металла. Этот звук
тоже был ей знаком. Он означал, что судно
выныривало из варна, прорываясь в
реальное пространство.

И делало это слишком торопливо.

--- Где мы? --- выкрикнула она.

В ответ раздалось общее восклицание. Перетежаемое треском помех, оно эхом прогремело из тысяч динамиков на всех палубах «Завета».

--- Вирис колрата дат сетикара тех гасоваллиан. Солрүтис ве за гжасс.

--- И что это должно означать? --- прокричала она Септимүсү.

--- Это... сложно перевести, --- бросил он, уже поворачивая запирающее колесо.

--- Трон Господень... --- пробормотала она, едва слыша собственные слова в треске и грохоте. --- Хотя бы попробуй!

«Сыны нашего отца, восстаньте, облаченные во тьму. Мы несем ночь».

--- Это означает, --- он оглянулся через плечо, --- «Братья, облачитесь в доспехи. Мы идем на войну». Но, как я уже говорил, это не точный перевод.

--- Войну? Где мы?

Септимүс с усилием открыл люк и протиснулся в овальное отверстие.

--- На Крите. Магистр Войны, да будет благословенно его имя, призвал нас на Крит.

Септимус остановился в дверях. Он ждал.

--- До Крита было много дней пути, --- растерянно произнесла девушка. --- Даже неделя.

--- Моим хозяевам ведомы разные тайны. Они знают варп и ведущие сквозь него тропы: в тених, вдали от света Ложного Императора. Когда-нибудь и ты научишься ходить по ним. --- Септимус замолчал, словно ожидая от нее ответа. --- Так ты идешь со мной?

Эвридика несколько секунд палилась на него в немот изумлении. Это что, шутка?

Похоже, он не шутил.

Нетвердо встав на ноги, она колебанием приняла его протянутую руку. Корабль опять согнулся, и Эвридика поняла, что на сей раз дело не в варп-двигателе.

Септимус вывел ее из каюты, освещая дорогу фонарем. От него не укрылось выражение лица девушки, которое становилось все тревожней при каждом рывке корабля.

--- Орудийный огонь, --- успокаивающе сообщил он. --- Мы под обстрелом.

Эвридика кивнула, хотя совершенно не понимала, что в этом утешительного.

--- Куда мы идем? --- спросила она.

--- Мой господин объяснил мне план атаки легиона.

--- И?

--- И мы должны быть готовы на тот случай, если этот план не сработает. Тебе известно, что такое «Громоподобная стрельба»?

Окружив мир под названием Солас плотным кольцом, суда военного флота Крита стойко оборонялись, карая захватчиков за попытку напасть на имперскую планету. В летописи это впоследствии вошло как величайшее космическое сражение, когда-либо проходившее в этом секторе, и жертвы исчислялись миллионами.

«Завет крови» ворвался в реальное пространство в самый разгар орбитальной войны.

Скопление Крит.

Пять миров, разбросанных по пяти солнечным системам, но заключивших торговый и оборонительный союз. Они были приведены к Согласию десять тысячелетий назад, во время Великого Крестового Похода, и представляли собой империю внутри империи — бледную копию прекрасного Ультратара на галактическом востоке.

Геркас и Нашратар, два мира-улья с трудолюбивым, законопослушным, постоянно растущим населением, составляли ядро кластера. Их, в свою очередь, снабжал Палас — аграрный мир, с таким превосходным климатом и обильными урожаями, что он обеспечивал продовольствием все скопление.

Четвертым миром был сам Крит Прайм, названный в честь имперского командующего, который привел регион к Согласию после многовекового упадка Древней Ночи. Некогда планета была густонаселенным миром-ульем, третьим после Геркаса и Нашратара. Несколько тысячелетий назад месторождения

полезных ископаемых на Крите
истощились в результате непрерывных
разработок Механикус, и экономика
планеты рухнула. В течение десятков
лет все больше транспортов с беженцами
покидало Крит, и, когда планета
окончательно опустела, ее реколонизовали
самы Агентус Механикус.

К концу сорок первого тысячелетия
Крит Прайм превратился в
процветающий мир-кузню, где
производилась экипировка для отличных
вытупитрованных и многочисленных полков
Высокорожденных Крита, входивших в
состав имперской гвардии. Планета
также была родным миром одного из
легионов титанов, Легио Маледиктус.

Пятым, и последним миром была
Солас. Здесь, вокруг орбитальной верфи-
крепости, сосредоточилось ударное ядро
имперских сил.

Планета под звездным фортот была
третьим населенным миром скопления, но,
в отличие от Крита Прайм, не обладала
полезными ресурсами и минеральными
ископаемыми. Посреди каменной

безжизненной пустыни возвышались тюремные комплексы-ульи, куда свозили сотни тысяч преступников из Критского скопления и соседних секторов. Мир-тюрьма, охраняемый мощью Империи, служил базой Имперского флота и подразделений Астартес, боровшихся с пиратскими группировками. Только Крит Прайм в аугментической глани Механикус был более труднодоступной целью.

Лорд-адмирал Валианс Арвентур командовал непобедимыми силами Критского боевого флота. В его распоряжении находились бесчисленные корабли поддержки и дюжины крейсеров, возглавляемые блистательным флагом, желчужиной в адмиральской короне. Гигантский гранд-крейсер класса «Мститель», «Меч Бога-Императора», хребет которого щетинился острыми шпильками кафедральных соборов, был обителью тысяч и тысяч душ.

Даже если бы могущество Трона в секторе ограничивалось только этим, и тогда бы флот лорд-адмирала Арвентура представлял собой грозного и

неустрашимого противника. Однако командующий мог также рассчитывать на поддержку благородных Астартес из ордена Странствующих Десантников, которые уже много лет вели борьбу с пиратскими бандами сектора. Их фрегат класса «Гладиус» под названием «Раскол» смертоносным клинком угрожал еретикам, остелившимся разбойничать на имперских торговых путях.

Солас и стала первой целью, на которую Магистр Войны обрушил свой гнев. Сломить оборону планеты, сокрушить мощь священного флота и уничтожить Астартес — и скопление Крит наверняка падет. Таков был план великого Разорителя.

План Вознесенного четко вписывался в эти рамки. Полагаясь на свои стратегические и тактические способности, он рассчитывал отличиться в глазах Магистра Войны.

Талос огляделся. Рубиновые линзы шлема придавали внутреннему отсеку посадочной капсулы красноватый оттенок.

Отделение Талоса не занимало и половины из двенадцати тронов, которыми была оснащена капсула. Скоро им понадобится пополнение. В последние годы десятого рота Восьмого легиона понесла такие потери, что Вознесенный в лучшем случае мог повести в бой не больше полусотни Астартес.

Создание новых бойцов было долгим и трудоемким процессом, а на борту «Завета» остро не хватало хирургов и техников, способных с помощью генетических манипуляций в течение десяти лет превратить обычного мальчишку в Астартес.

Ксарл никогда не упускал случая посетовать при виде пустых тронов. Каждый раз, когда отделение собиралось вместе: в посадочной капсуле, «Громоподобной ястребе», абордажной шлюпке или «Лэндрейдере»... каждый раз, когда они выстраивались наготове в последние минуты перед сражением, Ксарл заводил этот разговор.

--- Нас осталось четверо, --- проворчал он точно по расписанию. --- Плохи дела.

— А меня так просто бесит, что на Венригаре выжил Узас, — отозвался по воксу Кирион. — Мне не хватает Сар Зелла. Слышишь, Узас? Очень жаль, что смерть выпала ему, а не тебе.

— Кирион, мой возлюбленный братишка, — прорычал Узас, — захлопни дверь.

На секунду Талос вновь очутился в своем видении, где Узас скатывался с кучи щебня за спиной Кириона и заносил топор...

— Готовность шестьдесят секунд! — гаркнул механический голос из динамиков капсулы.

С головокружительным рывком восприятия Талоса выдернуло в реальность.

— Я хотел бы заметить, — сообщил Кирион, — что это самое дурацкое использование наших сил на моей памяти.

— Замечание принято, — негромко ответил Талос.

Не он решил использовать для высадки десантную капсулу, но жаловаться сейчас не имело смысла — все равно уже ничего не изменишь.

--- Более того, --- Кирион
проигнорировал упрек в голосе брата, ---
нам всем крышка. Я это гарантирую.

--- Придержи язык.

Талос развернулся к Кириону, и ремни
безопасности скрипнули, туго обхватив
громоздную броню.

--- Достаточно, Кирион. Вознесенный
отдал приказ. А теперь рассчитайтесь.

--- Узас, здесь.

--- Ксарл, готов.

--- Кирион, здесь.

--- Принято, --- закончил переключку
Талос. --- Облаченные во тьму, по моему
сигналу. Раз. Два. Три. Старт.

Все четыре заплочных генератора
включились, питая энергией госпехи и
поднятая уровень физических
возможностей костодесантников далеко за
пределы их и без того сверхчеловеческой
мощи. Дисплей визора Талоса
активировался, прогоняя по красному фону
белые строчки текста: системные данные,
счетчики боеприпасов и десятки
стилизованных рунических символов,
вспыхивающих на краю поля зрения.

Моргнув, он приблизил три из них и нахмурился: одна из рун то и дело пропадала из фокуса.

--- Узас, --- позвал он, --- твоя руна идентификации все еще нестабильна. Ты говорил, что разберешься с этим.

--- Мой оружейник... внезапно скончался.

Талос сжал зубы. Узас всегда жестоко обращался с рабами, будь это слуги легиона или аугментированные сервиторы. Астартес считал их бесполезными изгрудками, предназначенными для удовлетворения его прихотей. Доспехи Узаса оставались в рабочем состоянии лишь потому, что он грабил навиших братьев с куда большим рвением, чем другие Повелители Ночи.

--- Брат, у нас и без того мало ресурсов. Ты не можешь мешать своей кровожадности, убивая рабов.

--- Может, я позаимствую у тебя Сентимуса, чтобы он починил мой доспех.

--- Может, --- ответил Талос, подумав про себя: «Как бы не так».

--- Сорок пять секунд, --- проскрежетал

голос пускового сервитора.

--- Зачехлите оружие на время перелета! --- приказал Талос.

Он в последний раз проверил болтер, поворачивая его в руках. Прекрасное оружие, верно служившее ему еще до Великого Предательства. Талос стрелял из этого болтера на Усстваане V, скосив бесчисленных бойцов из легиона Саламангр во время той судьбоносной битвы. Даже просто сжимать оружие в латных рукавицах было приятно --- он почувствовал прилив возбуждения, столько же реального и осязаемого, как поток боевых стимуляторов, поступавших в кровь через порты для внутривенных вливаний в его позвоночнике и запястьях.

Болтер носил имя Анафема. Имя, выгравированное в его черном металле лезвием ностратскими рунами. Талос опустил оружие к правому бедру, словно вкладывая пистолет в кобур. Затем, моргнув, выбрал небольшую пиктограмму на краю дисплея. Широкая электромагнитная полоса, проходившая по длине болтера, активировалась. Со звоном

металла о металл болтер
примагнитился к его ноге, дожидаясь той
минуты, когда начнется сражение и
высвобождающая рүна будет активирована
еще одним движением века.

Закончив с болтером, Талос проверил
свой вложенный в ножны клинок. Меч был
слишком глинным, чтобы носить его на
бедре во время перелета, и крепился к
наклонной стене капсулы
электромагнитными зажимами.
Ангельские крылья на гарде белели, как
чистейший тратор. Рүбиновые слезы
между нити поблескивали в красном
полутраке -- чуть темнее, чем внутреннее
пространство капсулы, они казались
каплями крови на крови.

Аурүм и Анафема, орудия его
ремесла, его боевые реликвии. Сердце
Талоса забилося чаще, а губы изогнулись в
усмешке.

-- Смерть Ложному Императору, --
выдохнул он, словно шепча проклятие.

-- Что ты сказал? -- спросил по воксу
Ксарл.

-- Ничего, -- ответил Талос. --

Подтвердить проверку оружия.

--- Оружие зачехлено.

--- Готово.

--- Есть.

--- Тридцать секунд, --- снова
протрещали динамики.

Десантная капсула класса «Клешня
страха» затряслась --- двигатели набрали
полную мощность. Хотя капсула
отстреливалась из пускового устройства,
работа двигателей была необходима,
чтобы выйти на цель.

--- Десятая рота, Первый Козоть, ---
Талос говорил по общему вокс-каналу, ---
готовы к десантированию.

--- Принято, Первый Козоть.

Прозвучавший в ответ голос был
низким --- слишком низким даже для
Астартес. Вознесенный был на мостике и
обращался к идущим в бой отрядам. Талос
прислушивался к перекличке остальных
отрядов, не обращая внимания на
усиливающуюся тряску.

--- Второй Козоть, готовы.

--- Пятый Козоть, готовы.

--- Шестой Козоть, есть.

--- Седьмой Козоть, на старте.

--- Девятый Козоть, готовы.

--- Десятый Козоть, готовы.

Талос знал, что ни одно из отделений не могло похвастаться полным составом. Время было безжалостно. Проклятые Кровавые Ангелы вырезали всех бойцов из Третьего Козтя в битве при Деметриане. Воины из Четвертого и Восьмого погибали один за другим, пока последние выжившие бойцы не влились в другие обескровленные Козти. Ужас когда-то состоял в Четвертом. Как раз это приобретение не приводило Талоса в особый восторг.

--- Это Талос, Первый Козоть.
Подсчет наличного состава.

--- Второй Козоть, семь душ.

--- Пятый Козоть, пять душ.

--- Шестой Козоть, пять душ.

--- Седьмой Козоть, восемь душ.

--- Девятый Козоть, четыре души.

--- Десятый Козоть, шесть душ.

Талос снова покачал головой. Включая его отделение, их было тридцать девять. Небольшой контингент

остался на борту «Завета» с Вознесенным, но цифры все равно не радовали. Тридцать девять бойцов легиона готовы к высадке. Тридцать девять из сотни с лишним.

--- Подсчет наличного состава подтверждаю, --- произнес он, зная, что каждый Астартес на борту подключился к этому каналу.

Талос не сомневался, что истинное значение последних цифр от них не ускользнуло.

--- Десять секунд, --- прогудосил сервитор.

Шесть капсул теперь бок о бок вибрировали в своих гнездах, как ряд клыков, пробивающихся из челюсти великана.

--- Пять секунд.

Голоса в воксе словно сорвались с цепи. Десятки Астартес вопили, призывая лить кровь, сеять ужас и мстить во имя примарха. В капсуле Первого Когтя Ксарл громко и заливисто взвыл в приступе безудержного ликования. Кирион шептал что-то неразборчивое --- скорее всего, просил о благословении машинных духов.

своего оружия. Узас выкрикивал клятвы, сүля кровавые жертвы Гүбительным Силам. Он называл их по именам, захлебываясь словами, как фанатик в религиозном экстазе. Талос с трудом подавил желание вскочить с противоперезгрузочного трона и пристрелить брата.

--- Три.

--- Два.

--- Огун.

--- Пүск.

ВОЙНА В КОСМОСЕ

В течение веков тактики утверждали, что любой план работает только до реальной встречи с противником. Я не трачу время на то, чтобы предугадать планы врагов, брат. Мне абсолютно безразлично, что враг собирается делать, потому что ему никогда не будет дозволено осуществить свои замыслы. Пробуди в их сердцах истинный ужас, брат, и они позабудут о планах в отчаянных попытках спасти собственную шкуру.

Примарх Конрад
Курц

Предположительно
из беседы с его
братом

Сангвинием,
притархом Кровавых
Ангелов

Военные действия в открытом космосе представлялись Вознесенному куда более изысканными, чем любая стычка на поверхности.

Сам он достиг непревзойденного мастерства в боевых искусствах, и когти его пожали обильный урожай человеческих жизней, однако зверство планетарных войн не шло ни в какое сравнение с чистотой и отточенностью костических поединков.

Даже в те годы, когда он еще не превратился в Вознесенного, а был всего лишь капитаном Вандредом из десятой роты легиона Повелителей Ночи, величайшее удовольствие ему доставляли именно орбитальные войны и сражения в глубоком космосе, где действие

разыгрывалось как по нотам.

И он не ограничивался простым наблюдением. Нет, он гордился тем, что срежиссировал немало таких безупречных баталий, и пронес эту гордость через все изменения. Суть состояла в том, чтобы приспособить восприятие к масштабам и многомерности космических сражений. Разум большинства — как смертных, так и Астартес — не в состоянии был точно определить расстояние между кораблями, представить их габариты и повреждения, которые разные виды оружия наносят корпусам из различных сплавов...

Это был его дар. Вознесенный знал космическую войну. Его разросшийся, искаженный мозг воспринимал всю ее грандиозность так же четко, как обычный человек ощущает оружие в собственных руках. Корабль был его телом, даже без примитивных нейропрошивок Механикус, связывавших человека и машину. Вознесенный сливался с духом «Завета» благодаря измененному восприятию и тому, что знал крейсер как самого себя. Стоя на мостике, он нутром чувствовал

пульс корабля. Взявшись за порученья, слышал торжествующий рев «Завета» во время артиллерийской канонады. Остальные ощущали лишь дрожь, но им было не понять таких тонкостей.

«Завет крови» не раз выходил из переделок, где шансы на спасение были минимальными, и успел поучаствовать в самых кровопролитных войнах Восьмого легиона. Его репутацию — а заодно и репутацию того потрепанного отряда, который некогда был десятой ротой, — подтверждал глинный список одержанных в костосе побед. Одержанных во многом благодаря искусству Вознесенного.

Когда его драгоценное, возлюбленное судно вырвалось в реальное пространство, создание, в прошлом звавшееся капитаном Вангредом, обернулось к обзорному экрану. Выполненный в форме глаза, он занимал большую часть передней стены стратегической палубы. Собственные глаза Вознесенного остались незатронутыми мутациями, искажившими его тело. Они по-прежнему были обсидианово-черными, как у всех уроженцев

Нострато, и поблескивали отраженным светом десятков консолей и пробегавших по экрану вспышек разрывов.

В стратегии приходилось поддерживать более яркое освещение, чтобы смертные члены команды без усилий справлялись со своими обязанностями. Вознесенный на секунду оторвался от экрана и окинул взглядом многоуровневый отсек, проверяя, все ли готово к бою.

Кажется, да.

Сервиторы трудились на положенных местах, с гудением и бормотанием стуча по консолям пальцами человеческих и бионических конечностей. Смертные, включая нескольких бывших имперских офицеров, работали на своих командных пультах или руководили группами сервиторов. Лишь несколько консолей стояли заброшенными. Операции, которыми управляли с мостика, были слишком важны, чтобы позволить им пострадать от нехватки персонала. Все было почти так, как и должно быть, как было до Великого Предательства, до того,

как началось медленное угасание легиона, —
и Вознесенный упивался этими
отголосками былого величия.

За время, достаточное для одного
удара сердца, Вознесенный успел
разглядеть все, что нужно, и вернулся к
экрану.

И — вот она. Война в своем
величайшем воплощении. Кровавый
спектакль, каждую секунду отнимающий
сотни, а то и тысячи жизней. Несколько
мгновений Вознесенный позволил себе
наслаждаться зрелищем, радуясь каждому
стертоносному взрыву, — независимо от
того, какая из сторон несла потери.

Наслаждение грозило перейти в
эйфорию, и тогда Вознесенный с усилием
заставил себя сосредоточиться. Титул
достался ему не за слабость и потакание
собственным желаниям. Долг превыше
всего.

Война в костосе всегда напоминала
Вознесенному о бешенстве пожирающих
добычу акул. На поверхность его
искаженной варпом памяти редко
всплывали воспоминания о детских годах.

но одно из них возвращалось всякий раз, когда разум и чувства Вознесенного хватывала лихорадка костического сражения.

Ребенком он несколько раз ездил с отцом на побережье и там наблюдал, как безглазые шельфовые акулы сбиваются в стаю для охоты на больших океанских китов. Это не было настоящей стаей, потому что хищники редко действовали сообща, — они всего лишь не убивали друг друга, пока преследовали общую жертву. Когда акулы одновременно бросались на незащищенный китовый бок, или руководило не чувство товарищества, а инстинкт. Инстинкт, повелевавший как можно быстрее прикончить добычу.

Сейчас Вознесенному казалось, что костическая война — это та же охота. Каждый корабль был акулой, плывущей в трехмерном пространстве поля боя, и лишь самые одаренные командиры могли обуздать свои инстинкты и собраться в эффективную охотничью стаю. Измененный варпом Астартес глядел на экран и улыбался, обнажая черные десны и

заостренные клыки. Он не был командиром флота, и объединение разрозненных сил никогда не входило в число его талантов.

Как раз наоборот. Он отнюдь не стремился к созданию тактического союза в рядах тех флотов, где ему довелось сражаться. Все, что ему было нужно, — это расстроить порядок вражеской армады.

Самый простой способ выиграть космическую войну заключается в том, чтобы не дать командирам противника действовать согласованно. Если их единство нарушено, вражеские корабли можно изолировать, отсечь от основных сил и уничтожить по одному.

Именно за этот подход Вознесенный не раз удостоивался похвалы Ночного Призрака. Как говорил сам примарх, ни к чему знать планы врага. Враг должен быть повержен прежде, чем вступить в игру.

Флот вторжения Магистра Войны прибыл в систему Крита несколько дней назад. Вознесенный понял это, как только

ударный крейсер Повелителей Ночи
вынырнул из варна. Десятки искореженных
корабельных тш -- жертвы первых фаз
кампании -- беспомощно болтались в
вакууме. Судя по надписям на их корпусах,
они принадлежали обеим
противоборствующим сторонам.

Вознесенный приказал штурману
поскорей провести «Завет» через это
толчаливое кладбище и не жалеть
двигателей, пока крейсер не достигнет
основного театра военных действий. Там
флот Магистра Войны наконец-то
вынудил силы Трона занять глухую
орбитальную оборону.

Взгляд существа впивался в древние
ммена, мелькавшие на гололитическом
дисплее. Легендарные суда, прошедшие
через тысячелетия войны, -- названия и
регалии были врезаны в память
Вознесенного, несмотря на неумолимый
ход времени.

Вот «Железный магнат»,
принадлежавший легиону притарха
Пертұрабо. Вот «Сердце Терры» -- на
шкуре корабля все еще виднелись шрамы.

заработанные во время осады планеты, давшей ему имя. А в самом центре кровавого шторма, окруженный десятками меньших судов, виднелся «Дух мщения».

Вознесенный махнул клешней в его сторону:

--- Пока передаете идентификационные коды, двигайтесь к фламану Магистра Войны, а затем выходите из рядов, обгоняйте корабли союзников и вступайте в бой.

«Завет крови» понесся в вихрь орбитальной битвы. Вознесенный представил командные команды имперских судов в ту секунду, когда их наблюдатели обнаружили еще один могучий корабль, присоединившийся к силам Архиврага. Воем сирены, летят приказы... Как восхитительно вообразить все это, пусть всего на одно мгновение!

Но «Завет» был уязвим. Его двигатели раскалились добела, пока он отстал от «Духа мщения» и авангарда Хаоса.

Следовало действовать быстро.

Вознесенному хватило одного взгляда

на экран, чтобы понять, что исход сражения уже предрешен. Имперский флот обречен. Существо встопорилось в пиктограммы, пляшущие по голографическому дисплею проекционного стола перед его командным треном, слишком большим для обычного космодесантника. Наблюдая за их медленным танцем в пространстве, Вознесенный в течение секунд смог предсказать конечный расклад. Достаточно было просчитать все варианты передвижения каждого судна относительно других участников танца. Перед его глазами разворачивалась игра многих -- но не бесчисленных -- возможностей.

Вознесенный снова взглянул на обзорный экран. Силы Ложного Императора были еще достаточно многочисленны, чтобы нанести серьезный урон флоту Магистра Войны, и это следовало принять в расчет. Победа, доставшаяся слишком дорогой ценой, -- не победа.

Улыбка выжала из его глаз

маслянистые кровавые слезы. Темные капли потекли по белой, как фарфор, коже, под которой проступали черные кабели вен. От улыбки мускулы лица напряглись, раздражая слезные железы. Вознесенный не привык так широко улыбаться. Столь грандиозной потехи ему не выпадало уже давно, да еще и на глазах у Магистра Войны!

Пришло время сыграть по-крупному.

Имперскую стаю возглавляли два корабля. Две цели, которые надо было уничтожить, чтобы развеять надежды Трона на тактическое единство. Вознесенный мысленно отметил обе цели и изложил свои пожелания командиром стратегии. Теперь офицеры и сервиторы трудились, чтобы воплотить в жизнь его план.

«Завет крови» стрелой мчался сквозь поле боя, принимая на щиты случайные удары тех немногих истребителей и легких крейсеров, которые сумели вовремя среагировать на его появление. Стремительным бронзово-черным соколом

он скользнул между двух кораблей сходящего размера, игнорируя их бортовые залпы.

К тому времени, когда имперские крейсера развернулись, чтобы начать преследование, их уже атаковали другие суда. Новые противники несли золото и чернь Черного легиона — Астартес самого Магистра Войны.

«Завет крови» даже не заметил ход. Повелители Ночи преследовали более крупную дичь.

Ударный крейсер Астартес был мощным кораблем, идеально приспособленным для орбитальной бомбардировки и прорыва блокады. Он был грозным врагом и в космических поединках: хотя ему не доставало наступательного потенциала боевых барж или тяжелых крейсеров имперского флота, благодаря отличному вооружению и многослойной защите он мог с легкостью справиться с большинством судов того же габарита. Присоединись Вознесенный к орбитальной битве над Солас и обрушь на противника ярость оружейных батарей и лэнс-излучателей «Завета», Повелители

Ночи внесли бы значительный и достойный похвалы вклад в кампанию.

Однако этого было недостаточно.

Величайшим оружием ударного крейсера Астармес служил его груз. Конечно, пушки «Завета» способны сравнять с землей город, а щиты часами могли выдерживать самую жестокую бомбардировку, но самые смертоносные его снаряды были уже заряжены в десантные капсулы и ожидали пуска.

Огромный крейсер Повелителей Ночи весил миллионы тонн, однако, несмотря на свои габариты, отличался редкостным изяществом. Медленно и плавно, подобно гигантской акуле, он скользнул навстречу гораздо большему кораблю класса «Готика» — «Решительному». Имперский крейсер был в равной мере боевым кораблем и памятником. Хребет его ощеринился шпилями кафедральных соборов, а воинственная красота судна служила источником вдохновения для целой флотилии кораблей поддержки, которые вальсировали вокруг него, как спутники вокруг планеты.

Залп

лэнс-излучателей

«Решительного» ослепил обзорный экран «Завета». Большой корабль все еще целился по атакующим его судам. Магистра Войны -- у него не было времени направить оружейные батареи на новоприбывшего. Однако корабли поддержки, кружившиеся в его тени, устремились навстречу ворвавшимся в их стаю крейсеру Повелителей Ночи.

На глазах Вознесенного одна из пиктограмм на гололитическом дисплее, расположенная позади той, что обозначала «Завет», мигнула и погасла. «Недреманное око» -- корабль Черного легиона из личной флотилии Магистра Войны -- отправился в небытие, разлетевшись на куски от последнего залпа «Решительного».

«Странно, -- подумал Вознесенный, -- пережить тысячелетия, чтобы так глупо погибнуть здесь». «Недреманное око» участвовал в Осаде Терры десять тысяч лет назад. Теперь от него не осталось ничего, кроме кучи костячского мусора и бесславной памяти о поражении.

А затем настал черед «Завета».

Стратегиум вновь согрознулся, и весьма ошутимо.

Но Вознесенный знал, что щиты выдержат. Он собственной шкурой ощущал удары, сыплющиеся на обшивку крейсера. На траверзе три ведущих огонь корабля и... что-то еще.

--- Щиты держатся, --- выкрикнул мертвый офицер, обернувшись к командному трону. --- Мы под обстрелом трех легких крейсеров и звена истребителей.

«Истребители, --- хмыкнул Вознесенный. --- Как забавно».

Он немедленно добавил поступившую информацию к танцу пиктограмм, разворачивающемуся у него перед глазами. Его первоочередной мишенью был «Решительный», потому что пустотные щиты огромного корабля уже отключились. С того момента, как на гололитическом дисплее вспыхнула схема сражения, Вознесенный оценил позицию «Решительного» и понял, что тот вышел из боя, чтобы восстановить пустотные щиты. Эскадра поддержки, кружившая

вокруг имперского крейсера, как нагальщики вокруг мертвой туши, только подтверждала это предположение. «Решительный» был одним из крупнейших кораблей имперского флота и, судя по количеству защищавших его судов, ключевым звеном обороны.

Вознесенный прорычал приказ к сложному маневру, и переборки «Завета» затрещали от перегрузок. Сейчас крейсер Повелителей Ночи находился ниже «Решительного». С воем турбин он начал набирать высоту. Щиты все еще держались, подергиваясь рябью под шквалом огня. Ударный крейсер полчался вверх, почти под прямым углом относительно правого борта «Решительного». При таком курсе в него почти невозможно было попасть, но бортовые батареи огромного корабля все равно разразились залпом. По канонам крестической войны это был необычный маневр. Традиционное движение параллельно борту вражеского корабля позволило бы обменяться залпами бортовых орудий, пока два судна проходят

мито груз груза. Но своим вертикальным маневром Вознесенный, казалось, не достиг ничего. Хотя залп «Решительного» впустую ушел в пространство, батареи «Завета» тоже не смогли бы поразить цель — если бы они вообще выпалили. Однако орудия Повелителей Ночи молчали.

В стратегии «Завета» смертных членов экипажа все еще мучило после бешеных перегрузок. Кто-то стонал, несколько человек грохнулись в обморок. Вознесенный смахнул со щек кровавые слезы восторга.

Это было божественно.

— Подтвердить! — приказал он сервитору, обслуживающему консоль запуска капсул.

— Седьмой, Девятый и Десятый Когти десантировались, — пробормотал в ответ получеловек-полумашина.

— Контакт? — требовательно спросил его повелитель.

— Подтвержден, — последовал монотонный ответ. — Абордажные капсулы подтверждают успешный контакт.

Секундой позже сквозь треск статики в вокс-динамиках стратегиума пробился знакомый голос.

--- Вознесенный, --- произнес с низкими обертонами Астартес, --- говорит Аггемар из Седьмого Когтя. Мы внутри.

От всех этих улыбок на глазах измененного варпом существа выступили новые кровавые слезы. Они только что нанесли удар в самое сердце вражеского флота, и, пока офицеры «Решительного» сообразят, что к чему, три отделения Астартес уже начнут прорубать дорогу к командным палубам.

Это было воистину божественно. «Решительный» и находящееся у него на борту флотское командование можно списать со счетов. Как только экипажи других имперских судов услышат о бойне, развернувшейся на борту их ключевых кораблей, страх распространится, подобно злокачественной опухоли.

Первый готов, второй на очереди.

--- Пулевой! --- проревел Вознесенный, когда стратегиум согрознулся от очередного залпа. --- Курс на «Меч». Всю

энергию к двигателям!

Офицер, стоявший рядом с троном, деликатно откашлялся.

--- Повелитель... Щиты вражеского флагамана еще держатся.

Но ненадолго.

--- Вектор сближения: «крадущийся хищник».

--- Есть, милорд.

Вознесенный облизал губы черным языком.

--- Когда мы будем проходить мимо его носа, огонь из всех лэнс-излучателей и торпедных установок по секции корпуса шестьдесят три. Выстрел бомбардировочной пушки должен точно совпасть с ударом наших торпед и лэнс-излучателей.

Это было нелегкой задачей. Дюжина сервиторов и мертвых офицеров согнулись над своими консолями, лихорадочно вводя команды и делая вычисления.

--- Ваш приказ будет выполнен, милорд, --- отрапортовал ближайший офицер.

Вознесенный не мог вспомнить имени этого человека. Или, что более вероятно, никогда не удостоился спросить, как того зовут. Существо знало лишь, что мертвый выполняет обязанности его адъютанта на командном мостике, и это все, что ему нужно было знать.

--- Говори, человек.

--- Мой повелитель, Вознесенный Темными Богатами... Следуя этому вектору атаки, мы на пятнадцать секунд окажемся в зоне поражения орудий «Меча».

--- На тринадцать, --- поправил его Вознесенный с улыбкой, уместно смотревшейся бы на черепе. --- Именно поэтому, как только мы произведем залп из носовых орудий, корабль выполнит «пике Коронус» на полной тяге с перегрузкой двигателей левого борта на семьдесят процентов. Мы уйдём в «бочку» на десять секунд, держа нос как можно ниже и сохраняя максимально возможный угол рыскания.

Офицер побледнел, насколько это было возможно для человека, чьей кожей десятилетиями не касался солнечный

свет.

--- Повелитель... «Завет» --- слишком большой корабль для...

--- Молчать. Ты скоординируешь эту атаку с огнем орудий главного калибра «Железного магната», «Духа тщения» и «Пламенного клинка». Свяжись с их стратегами и доложи о наших намерениях.

--- Как прикажете, милорд.

Офицер нервно сглотнул. Его глаза, отметил Вознесенный, были густо-карили, почти черными. И взгляд их не метался нервно по сторонам, как происходило с большинством смертных в присутствии Вознесенного. Однако офицер все же остерегался говорить правду в лицо господину, и не без оснований. Споры с Астартес всегда заканчивались болью и кровью.

«Завет» испустил долгий, мучительный стон, угодив под залп очередного крупного крейсера. И снова корабль Повелителей Ночи не стал открывать ответный огонь: он рвался к избранной цели, доверив щитам принять

на себя всю тяжесть ударов.

--- Говори, человек, --- повторил Вознесенный. --- Развлеки меня своими соображениями в эти секунды, когда мы неуклонно движется к победе.

--- «Нике Коронус», господин. Наши могут прикончить огни перегрузки, а маневровые двигатели выйдут из строя на несколько недель. Риск...

--- Приемлем, --- кивнул офицеру Вознесенный. --- Магистр Войны наблюдает за нами, смертный. А я наблюдаю за тобой. Выполни мой приказ, или тебя заменит тот, кто способен это сделать.

Офицеру следовало понять, что дискуссия окончена. Когда, отвернувшись к своему посту, человек пробормотал: «Проклятый корабль развалится на куски», он должен был знать, что Вознесенный его услышит.

--- Офицер мостика! --- окликнул Астартес.

Человек не обернулся. Он был слишком погружен в работу с консолью --- отсылал сервиторам стратега приказы на

бинарном коде, готовясь к навигационным
безумию.

--- Да, милорд?

--- Если маневр не будет выполнен
безукоризненно, я скорплю тебе твои
собственные глаза. Затем освежую, и ты
подохнешь этой же ночью, утешая меня с
поощае.

На мостике воцарилось молчание. По
лицу Вознесенного расплылась слюнявая
ухмылка.

--- Мне плевать на перегрузку
маневровых двигателей и на работ,
которые сдохнут во время ремонта. Мне
нужно «пике Коронус» — настолько точное,
насколько способно выполнить это судно, и
скоординированное с огнем трех названных
мной кораблей. А теперь за работу!

Это было за гранью дерзости.

«Железный магнат», «Дух мщения» и
«Пламенный клинок» заняли огневые
позиции, поддерживая маневр «Завета»
одновременным залпом крупнокалиберных
орудий — хотя расстояние до цели было
слишком велико. Вознесенный подозревал,

что капитаны союзных судов приняли участие в плане Повелителей Ночи в основном из любопытства, а вовсе не потому, что поверили в его исполнимость. Что ж, если им не хватает решимости, это их проблема.

Почти каждый капитан — независимо от того, на чьей стороне он сражался, — хотя бы на мгновение устремил взгляд на «Завет крови»: единственное судно флота Магистра Войны, прорвавшее вражескую линию и несущееся к огромному гранд-крейсеру класса «Мститель», «Меч Бога Императора». И многие из этих капитанов, к вящему своему изумлению, осознали, что корабль входит в начальную стадию кистоломного, головокружительного, безумного «пике Коронус».

Начав маневр, «Завет» попал под обстрел невероятной мощности. Когда крейсер Повелителей Ночи вошел в зону поражения гигантского корабля, на него обрушилась вся ярость носовых лэнс-излучателей и батарей имперского судна, уже поливавших огнем вражеские порядки.

«Завет» принял на себя убийственный залп, предназначенный для другого судна Хаоса. Не прошло и секунды, как его щиты треснули и погасли.

Для постороннего наблюдателя это выглядело так, словно «Завет крови» решил пожертвовать собой и пошел на таран. И эта жертва не была бы напрасной. Огромная масса и инерция корабля, а также запас взрывчатых веществ у него на борту разнесли бы щиты имперского судна и спалили «Меч» дотла.

Но «Завет» не собирался идти на таран.

Как только его щиты пали, он открыл ответный огонь. Космическую черноту пронзили копья лэнс-излучателей, оружейные снаряды и потоки плазмы, извергающиеся из носовых батарей, и вдобавок выпущенная с точностью до секунды единственная мелтабомба, предназначенная для планетарных бомбардировок.

Смертоносный шквал ударил по «Мечу» как раз в тот момент, когда его поразил массированный огонь трех

остальных судов Хаоса. Это было настолько близко к охотничьему союзу акул в черных морях Нострато, насколько мог представить себе Вознесенный, — но сейчас командира Повелителей Ночи занимало совсем другое.

Всей этой бичующей костью ярости эгва-егва хватило на то, чтобы достигнуть цели Вознесенного. Колоссальный «Меч Бога-Императора», гордость боевого флота скопления Крит, флагман лорд-адмирала Валианса Арвентура, больше не скрывался под непробиваемой рябью энергетического кокона.

Его щиты пали, сметенные внезапной и неистовой атакой ударного крейсера Астартес.

Вознесенный не был глупцом. Он знал космическую войну, знал силу своих противников и мощь их оружия и кораблей. Он знал и то, что «Меч Бога-Императора» битком набит предохранительными устройствами и силовыми генераторами. Удар Вознесенного не нанес вражескому флагману настоящего урона — за

исключением того, что на время перегрузил его щиты, обрушив на них слишком мощный энергетический импульс. Через несколько секунд, самое большее через минуту, щиты должны были восстановиться — многослойные и непроницаемые, как и прежде.

«Завет крови» вывернул более резко, чем мог позволить себе крейсер его габаритов, и нырнул в потенциально смертельную нисходящую «бочку» вдоль корпуса гигантского судна, столкновения с которым только что избежал. Экипаж услышало воет тревожных сирен. Вслед за кораблем, стрелой летящему вниз, ударил второй залп бортовых батарей «Меча». «Завет» не отвечал. Единственный выстрел могучего имперского флагмана вдребезги разнес батареи левого борта.

За все еще вращавшимся кораблем тянулся шлейф обломков. И тут, посреди головокружительного падения, Вознесенного посетило неповторимое, захватывающее чувство полного слияния с битвой.

Здесь.

Сейчас.

В ту секунду, когда имперские орудия разрывали его корабль на куски, Вознесенный ощутил миг абсолютной ясности и прорычал одно-единственное слово:

--- Пуск!

--- Три, --- прозвучал голос сервитора.

--- Два.

--- Один.

--- Пуск.

Талос почувствовал, как пол дернулся и ушел из-под ног. В его теле напрягся каждый мускул. Это не походило на ощущение падения или обморок. Нет, измененный вестибулярный аппарат костюгесантника был устойчив к неустойчивой гравитации и обманам восприятия. В то время как человек уже изукрасил бы капсулу рвотой и потерял сознание от жестких перегрузок, находившиеся на борту Астартес испытывали лишь легкий дискомфорт.

--- Контакт через пять секунд, --- проскрипел механический голос капсулы.

звучавший отовсюду и одновременно от нигде.

Талос услышал, как Узас сипит в вокс, нетерпеливо отсчитывая секунды.

Сам Талос вел отсчет про себя. На последней секунде он вжался в спинку трона. Маневровые двигатели капсулы включились с рывком, почти таким же резким, как последовавший через секунду удар. Абордажная капсула врезалась в борт корабля с сокрушительной силой, достаточной, чтобы пробить обшивку. Трохот столкновения отозвался внутри капсулы драконьим ревом.

На дисплее сетчатки вспыхнула угловатая ностратская рұна. Не обращая внимания на тряску, Талос ударил кулаком по кнопке разблокировки ремней безопасности.

Ограничители разошлись. Четверка Астартес Первого Когтя без колебаний покинула кресла, сжатая оружие в темных бронированных перчатках.

Люк капсулы откинулся под визг истерзанного металла и шипение декомпрессирующегося воздуха. Глядя в

глубь глинного арочного коридора ---
первого, что они увидели на борту «Меча
Бога-Императора», --- Талос включил вокс
и отпартовал уверенно и спокойно:

--- «Завет», это Первый Козоть. Мы
внутри.

«МЕЧ БОГА-ИМПЕРАТОРА»

Яд просочится сквозь
любой доспех.

Если перед вами оказался
непобедимый противник, просто
напитайте его кровь ядом, и его
собственное сердце быстро
разнесет отраву по телу.

Страх действует так же.

Запомните это. Страх ---
это яд, способный сокрушить
любого врага.

Военный теоретик
Малкарион

Выдержка из книги
«Темный путь»

Лейтенант Керлин Вит слушал переговоры по вокс-сети, не покидая своего поста рядом с мостиком.

От высшего командования поступил приказ: отразить атаку абордажного отряда, сейчас бесчинствующего на технических палубах под мостиком. Керлин знал, что на корабль проникло еще несколько абордажных партий, но с ними разберутся другие. Вит получил приказ и собирался выполнить его в точности. Его люди охраняли мостик, и к ним уже спешило подкрепление.

Лейтенант несколько не волновался. «Меч Бога-Императора», где Вит прослужил последние двадцать лет, был одним из величайших судов Его Божественного флота. Более двадцати пяти тысяч членов экипажа называло корабль домом, хотя значительную их часть составляли рабы и жалкие

сервиторы, вкалывающие в семь потов на инженерных палубах. Такие корабли не берут на abordаж.

По крайней мере, мысленно поправил себя Вит, если abordажникам дорога жизнь.

Конечно, «Меч» больше не сражался на передовой. Верно и то, что прославленный корабль давно уже не входил в состав основных военно-морских формирований Империи, что не мешало ему оставаться сверкающей желчужиной в короне боевого флота скопления Крита. Крейсера класса «Мститель» были кулачными бойцами — они сражались на близкой дистанции и предназначались для того, чтобы ворваться в рой вражеских кораблей и разнести все и вся. У «Мстителей» хватало на это огневой мощи, но Империя чем дальше, тем больше переходил от нападения к защите, и крейсера-задиры впали в немилость у флотского командования.

Так говорил себе Керлин. И в это он верил, потому что это не раз обсуждали при нем офицеры.

Его любимый «Меч» никогда не сходил с дистанции. Он просто временно вышел из моды. Керлин не уставал себя в этом уверять — ведь, несмотря на то что он был простым солдатом, сердце его переполняла гордость. Ему выпала честь служить на великом корабле. Больше всего лейтенант Керлин Вит мечтал вновь очутиться на передовой. Ему страстно хотелось взглянуть в иллюминатор и увидеть черную язву искаженного варпом пространства — Великое Око, источник могущества Архиврага.

Так что сейчас он совсем не тревожился. «Меч Бога-Императора» оставался непобедимым и неуязвимым. Дрожь, сотрясавшая корабль, была не чем иным, как непрерывной канонадой его собственных орудий, яростно бичевавших пособников Архиврага. Щиты отключались недавно, но на восстановление им понадобилось не больше минуты. И даже если щиты падут снова, корпус корабля укроет экипаж броней, крепкой, словно вера праведника.

Ничто в этом мире не способно

уничтожить «Меч».

Он мысленно повторил эти слова без тени отчаяния. Тот факт, что кто-то предпринял попытку абордажа... Безумие, не иначе. Кто, находясь в здравом рассудке, решился бы на подобный шаг? Лейтенант не в состоянии был представить, что за странную тактику выбрал враг. Какой неразумный командир впустую пожертвовал жизнями своих солдат, забросив их на корабль, на защиту которого готовы выступить двадцать тысяч душ?

Пришло время преподать первому абордажному отряду хороший урок.

Если верить вокс-переговорам из стратегиума, кораблю абордажников пришлось проглатать весьма впечатляющие трюки, чтобы доставить команду на борт «Меча».

Как бы там ни было, они ухитрились пробраться на судно, десятилетия не видевшее захватчиков. Возможно, адмирал — да будет благословенно его имя — прав. Возможно, ситуация действительно серьезная.

Но у Керлина была репутация человека, привыкшего разбираться с серьезными ситуациями. Вот почему именно его обычно избирали для охраны командных палуб.

Вит возглавлял прославленный взвод, известный как «Гелиос-9». Солдаты его отличались безукоризненным послушанием и стрелковым мастерством, каким незазорно было бы похвастаться и снайперу из имперской гвардии. Он сам подбирал мужчин и женщин для «Гелиос-9» и за последние десять лет дважды отказывался от повышения, чтобы остаться на той должности, которую считал наиболее для себя подходящей. Если бы он командовал дюжиной отрядов, это означало бы, что наряду с отборными бойцами у него под началом оказалось бы немало посредственных. Возглавляя «Гелиос-9», он был уверен, что в подчинении у него лучшие из лучших.

Даже форма солдат из «Гелиос-9» позволяла понять, что те серьезно относятся к делу. Время от времени их отправляли в глубины корабля, чтобы

навести порядок среди работающих там преступников и отребья. При виде их темной и гладкой панцирной брони с горящим на нагруднике символом солнца каждому рабу и слуге становилось ясно, что сейчас лучше выглядеть занятым и не отступать от правил. «Гелиос-9» — «Солнечники» или «Девятки», как их прозвали в поселениях невольников в корабельном чреве, — были хорошо известны своей жестокостью. В основе их репутации лежало беспощадное служебное рвение. «Девятки» заработали столько трагичную славу тем, что неоднократно казнили рабов при малейших признаках неповиновения или уклонения от обязанностей.

В состав «Гелиос-9» входило пятьдесят мужчин и женщин, сейчас рассредоточенных по командным палубам. Сорок девять избранных убийц Вима в полной боевой готовности ожидали встречи с врагом. Сам он во главе первого отделения прикрывал трон адмирала.

Каждый боец «Гелиос-9» был вооружен мощным гробовиком, позволявшим

наносить максимальный ущерб при стрельбе на близкой дистанции, не повреждая при этом корпуса судна. Витуп не требовалось смотреть на своих людей, чтобы знать — они готовы к бою. Они родились для боя, и каждый день тренировок увеличивал их готовность. Ничто не способно сломить их.

Вера лейтенанта Керлина Вирта оставалась нерушимой до тех пор, пока по воксу не поступили первые отчеты.

— ...болтеры! — прокричал чей-то искаженный помехами голос.

Слово заставило лейтенанта нервно сглотнуть. Болтеры. Это не предвещало ничего хорошего.

В наушниках трещали другие голоса — рапорты хлынули от всех рассеянных по кораблю отрядов. Передача то и дело прерывалась помехами, ее искажали звуки кипящего на палубах боя и сражения снаружи. Но до Вирта доносилось все больше не нравившихся ему слов, слов, которых он предпочел бы не слышать.

— ...нужны тяжелые орудия для...

— ...отступает...

--- ...Трон Императора! Мы...

Стоя посреди низкого сводчатого помещения главного мостика, Керлин постучал пальцем по бусинке вокса в ухе и придвинул к губам излучатель микрофона.

--- Говорит Вит. Команды инженеру?

--- Так точно, лейтенант, --- проотрещал в наушнике ответ от подразделений, охранявших плазменные двигатели корабля.

Если память ему не изменяла, инженеры защищали «Младшие боги», «Шуты смерти», «Пятьдесят везунчиков» и «Глаза мертвеца». Вит понятия не имел, кто из офицеров вышел с ним на связь, --- вокс-передача не отличалась четкостью, --- однако все они были опытными и надежными бойцами. Конечно, не по стандартам «Гелиос-9», но все же лучшие среди худших. Передача то и дело прерывалась пронзительным визгом помех, которые вонзались в гудящую от похмелья голову Керлина, словно ржавые гвозди.

--- Я тут слышу по воксу всякую чепуху насчет болтеров и смерти, сорвавшейся с

цени...

--- Так точно, лейт... --- повторил голос. --- Вам следует знать, что у нас на борту...

--- Кто? Кто у нас на борту?

--- ...ст...

--- Офицер? Командующий отрядом обороны инженеров, это Вит, повторите.

--- ...Ас...ес...

Великолепно. Просто великолепно.

Легче было отвлечься от битвы и вернуться к происходящему на мостике. Здесь кипела беспорядочная активность: офицеры флота кричали и перебегали от консоли к консоли, занятые развернувшись в костре сражения. Сервиторы гудели и бормотали, выполняя приказы. Почти сотня членов экипажа, людей и лоботомированных рабов, трудились для того, чтобы корабль и дальше продолжал обрушивать смертоносный огонь оружейных батарей на врагов Золотого Трона.

Сосредоточившись, Вит выкинул все это из головы. Теперь его мир состоял

лишь из обрывков вокс-переговоров и небольшого участка пространства вокруг трона лорд-адмирала Арвентура. Трон возвышался на платформе, откуда можно было наблюдать за всем мостиком. Сухощавая, облаченная в мундир фигура адмирала располагалась на троне с выгнутым удобством, несмотря на изогнутую спинку сооружения, выточенную из ребер какого-то дикийвинового ксеноса. Адмирал Валианс Арвентур полулежал в этом костяном кресле. Из висков его густо торчали кабели и провода, соединявшие человека с троном, а уже через трон — с системами корабля.

Вит знал, что сознание адмирала, прикрывшего глаза и на первый взгляд погрузившегося в размышления, слилось с машинным духом «Меча». Он знал, что для адмирала обшивка судна стала его собственной кожей, а команда, напряженно трудившаяся в стальных залах, была кровью, пульсирующей в венах.

Но и это мало касалось Витана. Оберегать жизнь старика — вот и все, что имело значение. У адмирала была своя

война, а у Виты, похоже, своя.

Корпус корабля все еще грохотал под ударами вражеской артиллерии, однако тряска на секунду прекратилась.

--- Сэр, --- обратился к Керлину один из стоявших в первом ряду бойцов, --- я узнаю этот звук. Я служил на «Децимусе» и участвовал в нескольких абсордажных операциях вместе с Астармес. С орденот Странствующих Десантников, сэр.

Керлин не обернулся. Взгляд его остался прикованным к запертым и загерметизированным дверям, ведущим к отсекам правого борта. Грохот приближался оттуда, и сейчас лейтенант тоже его узнал. Ему потребовалась лишняя секунда, потому что он никак не ожидал услышать этот звук на борту собственного корабля.

Никакой ошибки --- это был характерный гул болтерной стрельбы.

Их взяли на абсордаж Астармес-Астармес-предатели.

Теперь подтверждения поступали из всех источников. Офицеры связи передавали друг другу, что ушедший в пике

корабль был опознан как судно Астартес-отступников и во флотском регистре проходит под именем «Завет крови».

Эта информация принесла бы гораздо больше пользы до того, как Вит оказался отрезанным на командной палубе с полусотней бойцов.

--- «Гелиос-девять», --- передал он солдатам, рассредоточенным по периметру зала, --- враг приближается к дверям правого борта. Не давайте пощады!

Он решился коротко взглянуть на лорд-адмирала. Старик обливался потом и скрипел зубами, словно находился во власти мучительного кошмара.

Взрыв, швырнувший правую дверь внутрь отсека, вернул внимание лейтенанта к его непосредственным обязанностям.

Когда Талос выбрался из-под искореженных обломков обшивки, пробитой капсулой, в одной руке он крепко сжимал Аурум, а в другой --- Анафету. Несмотря на то что в течение следующих десяти минут Астартес несколько раз

сталкивались с противником, Талос сделал не больше одного выстрела. То же можно было сказать о Кирионе и Ксарле. Отделение берегло боеприпасы до того момента, когда они действительно понадобятся, — до выхода на капитанский мостик.

Кансула врезалась во вражеский корабль в районе одной из многолюдных артиллерийских палуб верхнего уровня, так что продвижение к мостiku превратилось в кровавую резню, отнимавшую время и изрядно раздражавшую Астартес.

Всех, кроме Узаса. Расчищая дорогу в толпе на смерть перепуганных людей, оборонявшихся рабочими инструментами и бесполезными сейчас пистолетами, Узас наслаждался каждым мгновением бои. Рев его болтера отдавался в голове Талоса ударами молота, болезненными и действующими на нервы.

В конце концов Талос схватил брата и приложил о стену сводчатого коридора. Не обращая внимания на отступающую по переходу и отстреливающуюся кучку

артиллеристов, он треснул Узаса
затылком о металл и прорычал в решетку
его шлема:

--- Ты транжиришь боеприпасы.
Контролируй себя.

Узас вывернулся из захвата и
прохрипел:

--- Добыча.

--- Это недостойная добыча. Используй
мечи. Сосредоточься.

--- Добыча. Все они --- добыча.

Кулак Талоса врезался в забрало
Узаса, оставив в керамике солидную
вмятину. Голова второго костогесантника
снова впечаталась в стену с грохотом,
перекрывшим звуки выстрелов. О
наплечник Талоса звякнула пуля,
выпущенная кем-то из мертвых на другом
конце коридора. Астартес, не обращая
внимания, затормозил, очищая дисплей от
вспыхнувших тревожных рун.

--- Контролируй себя, или я прикончу
тебя прямо здесь и сейчас.

--- Да, --- наконец пробормотал Узас. ---

Да. Контроль.

Он потянулся за выпавшим из руки

болтером. Талос заметил, с какой неохотой боевой брат прикрепил оружие к набедренному зажиму и обнажил цепной меч.

Надолго его выдержки не хватило. Когда отряд ворвался в другой отсек, где находилось одно из крупнокалиберных орудий гранд-крейсера, Узас открыл огонь по сервиторам. Люди успели сбежать несколькими секундами раньше, но несчастные лоботомированные рабы не получили приказа отступать.

Талос вел отряд вперед, больше не заботясь о том, следует ли за ним Узас. Пусть загнывает рабов сколько душе угодно. Пусть тратит время и силы на безмозглых сервиторов в пустой надежде увидеть в их глазах хоть проблеск страха.

Астартес тчались по коридорам, убивая любого, кто осмеливался заступить им дорогу. У большинства мертвых не хватало мужества сражаться или было достаточно здравого смысла, чтобы вовремя унести ноги, — однако бежали не все.

Сержант Ундин из отряда «Последнее

предупреждение» остался на боевом посту, как и все семеро его бойцов. Их гробовики обрушивали залп за залпом на приближавшихся по узкому переходу Астартес.

По скошенным к вискам линзам Талоса продолжали пробегать тревожные сигналы. Сенсоры шлема приглушили грохот лупящих по доспехам пуль до стука градин, отскакивающих от мостовой. Мужественное сопротивление Ундина и его храбрых солдат закончилось парой секунд позже, когда Талос прошел сквозь них, несколько раз взмахнув Аурүмом и сердито выругавшись. Эти задержки уже порядком его достали. Хотя гробовики не могли причинить особого вреда доспеху, случайная пуля, угодившая в гибкое сочленение сустава, еще больше затемила бы продвижение.

Не все из тех, кто не успел бежать, пытались вступить в бой. Десятки мертвых застыли, окатенев от ужаса и тупо глядя на тарширующих титогигантов из худших кошмаров человечества. Люди стояли, разинув рты,

бортмача бессмысленные литании и бесполезные молитвы и провожая взглядами явившихся к ним во плоти Астарес-отступников.

Талос, Кирион и Ксарл не тратили на таких время. Но, судя по реву цепного мечика за спиной, Узас не мог оставить в живых даже этих парализованных страхом бедняг.

«Наконец-то», — подумал Талос, когда они свернули за очередной угол.

— Мостик за этими дверями, — сообщил Ксарл, кивнув на запечатанный портал.

Там, в конце просторного коридора, угрюмо возвышалась запертая гвустворчатая дверь. Узас забарабанил по ней кулаком, но добился лишь того, что на металле появилась небольшая вмятина, а проход огласился звоном кератита по агамантию — камня о металл.

— Добыча! — проклекотал Узас.

До остальных донеслось мокрое хлопанье — Узас истекал слюной в свой шлем.

— Добыча...

--- Заткнись, выродок! --- рыкнул Ксарл.

Остальные не обращали на Узаса внимания. Тот начал скрестить переборку когтями, словно зверь, рвущийся из клетки на волю.

--- Взрывчаткой эти двери не возьмешь, --- заметил Кирион. --- Слишком толстые.

--- Тогда цепными мечами. --- Ксарл уже включал свой.

Талос покачал головой, поднимая Аурум.

--- Слишком медленно. Мы и так потеряли путь времени, --- сказал он и шагнул вперед, занося трофейный силовой клинок.

«Гелиос-9» был готов к атаке Повелителей Ночи.

Бойцы заняли позиции согласно приказам Вима. Большое количество смежных коридоров обеспечивало достаточно укрытий и защищенных огневых точек. Личный состав мостика был целиком поглощен орбитальной войной. Все знали свои обязанности, и

хотя люди то и дело нервно поглядывали на правую дверь, каждый присутствующий на мостике офицер должен был уделять все внимание развернувшейся за бортом битве. Космическая война заставляла членов команды сгибаться над консолями и всматриваться в панораму сражения на обзорном экране.

Никто, а в особенности бойцы «Гелиос-9», не ожидал, что укрепленные двери сдадутся так легко. Более толстой, откованные из многослойного металла, двери незыблемо простояли почти две тысячи лет, с тех самых пор, как корабль сошел со ступеней.

Услышав взрыв, Вит изрыгнул проклятие. Астартес-предатели проделали в двери отверстие, достаточно глубокое, чтобы заложить взрывчатку и разнести в куски переборки командной палубы.

Трон Императора, где же подкрепление?!

— «Гелиос-девять»! — прокричал лейтенант в микрофон вокса, даже не зная, слышат ли его солдаты за шутот. —

Отразить атаку!

За спиной Вима и его подчиненных старый адмирал открыл глаза — налитые кровью, пронзительно-голубые и сужившиеся от ярости.

Взрыв и последовавшая за ним связка ослепляющих гранат стали поворотным событием, которое навсегда вывело могучий «Меч Бога-Императора» из боя.

Во многих летописях, посвященных описанию Критской войны, гранд-крейсер класса «Мститель» останется мощной составляющей имперской обороны вплоть до последних минут существования. Конечно, захват мостика был чувствительным ударом, искалечившим корабль и лишившим его прежней боеспособности, однако крейсер продолжал доблестно сражаться.

История может оказаться чертовски забавной, если пишут ее побежденные.

Любопытно, что имперские хроники скромно умалчивают о том, как бесславно «Меч» провел заключительные полчаса своей жизни, как угасла его благородная

ярость и развеялись надежды на славный последний бой. Вместо этого орудия «Меча» отстреливались слепо и вяло, пока крейсера Магистра Войны последовательно разносили гигантский корабль на куски. Среди нападавших был и «Завет крови», не постеснявшийся открыть огонь по кораблю, на борту которого находились его собственные Астарτες. Магистру Войны требовалась быстрая и решительная победа, а Астарτες, участвовавшие в абордажных операциях, были обучены отступать немедленно после выполнения боевых задач.

Ослепляющие гранаты, брошенные Первым Когтем, со стуком покатились по мозаичному полу и сдетонировали с интервалом в полсекунды. Из каждой гранаты повалили густые клубы черного дыма. Хотя дымовой завесы не хватило, чтобы затянуть даже половину обширного помещения мостика, цель диверсии заключалась не в этом. Четыре гранаты прокатились по палубе к передней артиллерийской консоли и взорвались там, ослепив дюжину офицеров и

сервиторов, управлявших носовыми орудиями.

Люди выбрались из слепящих дымовых клубов, но прикованные к консолям сервиторы остались на местах, монотонно сигнализируя о неполадках — слабое электромагнитное излучение дымового облака лишило их зрения.

В эту секунду носовые орудия «Меча» затолчали.

На гругом корабле Вознесенный расплылся в ухмылке — он понял, что Первый Козоть достиг мостика.

На командной палубе «Меча» несколько членов команды воззвали к милости бессмертного Повелителя Человечества. Впрочем, лишь самые благочестивые и самые отчаявшиеся из них верили, что Бог-Император и вправду придет к ним на помощь.

Бойцы «Гелиос-9», которыми Император послал благословение в виде угловатых консолей и заграждений, все, как один, навели оружие на разбитую дверь.

Из проема выдвинулась фигура чернее

клубящихся за ней теней. Вит увидел чудовищного великана, по всем статьям слишком громадного, чтобы быть человеком, закованного в массивную керамитовую броню --- броню, изготовленную в незапамятные времена. За какой-то миг лейтенант отметил мельчайшие детали. В одной руке чудовище сжимало золотой клинок глиной с самого Вита; клинок искрился смертоносной энергией и все еще ронял с острия капли расплавленного металла из расщелин и трещин. В другой руке прищельца был гигантский болтер с широким дулом, зиявшим, словно пасть хищника.

На нагруднике шлема был изображен череп --- цвета выбеленной временем кости --- на темно-синей краске доспеха --- с красными, подсвеченными изнутри глазами линзами. Вокруг левого наплечника был обмотан древний, потрепанный и обожженный свиток с метками пулевых попаданий. Крембовую поверхность бумаги исчертили руны, чуждые Виту. С другого плеча свисала

связка коротких цепей, на которых, словно
зловещего вида фрукты, болтались
окоченевшие бронзой черепки. Черепки
позвякивали при каждом движении
чужовищного гостя.

Но одна деталь особенно неприятно
поразила слезящиеся глаза Вима.
Изуродованный имперский орел на
нагруднике гостя, вырезанный из слоновой
кости и затем перечеркнутый ударами
меча в простом, но наглядном акте
богохульства.

Командир «Гелиос-9» не знал и не мог
знать, что Повелитель Ночи парой лет
раньше снял свой нагрудник с убитого
костодесантника из ордена
Ультратаринов. Вим понятия не имел,
что десять тысячелетий назад, когда
этот воин впервые облачился в боевую
броню, только избранному Третьему
легиону, Детям Императора, была
дарована привилегия иметь символ
аквилы на доспехах. Вим не догадывался,
что в теперешнем ношении Талосом этого
нагрудника — пусть и оскверненного —
заклучалась немалая доля иронии.

Зато Вит знал наверняка — и только это имело значение, — что Астартес-предатель проник в самое сердце обороны «Меча» и что, если он, Вит, сейчас не сбежит (а возможно, и если сбежит), его ждет неминуемая смерть.

Виту многое можно было поставить в упрек. Возможно, посредственный офицер, вне всяких сомнений, он слишком налегал на выпивку. Но он не был трусом. Он намеревался умереть с теми же словами на устах, с которыми множество солдат Императора отправлялось в вечность в течение тысячелетий:

— За Императора!

Но, каким бы благородным ни был этот призыв, крик лейтенанта полностью утонул в том, что совершил в следующую секунду Повелитель Ночи.

Сетчатку Талоса бомбардировали вспыхивающие на визоре руны. Цель, цель, еще одна цель, белый контур идентифицированного целеуказателем гробовика. Шагнув в комнату, Талос не поднял оружия и не стал искать укрытия.

Выгвинувшись из разбитой двери, он запрокинул голову, очищая визор от назоиливых рун, и завопил.

Обычному человеку ни чем не издать такой крик: оглушительный и дикий, словно рев царя ящеров --- карнозавра. Динамики шлема усилили и без того нечеловечески громкий вопль до невозможности. Крик, поднимаваемый воздухом из трех легких Астартес, звучал, не затихая, почти пятнадцать секунд, отражался от стен и гремящим потоком катился по коридорам «Меча». Люди, подключенные к консолям, ощутили его всем телом --- это затрепетали стальные кости судна. Техножрецы и сервиторы, связанные с системами корабля, почувствовали, как машинный дух «Меча» согрознулся в ответ на небывалый вопль.

На мостике лорд-адмирал Валианс Арвентур, слившийся с машинным духом «Меча» куда теснее, чем кто-либо еще, начал плакать кровью.

Все это прошло незамеченным для бойцов «Гелиос-9», окруживших своего

командира. Солдаты Вима, как и все остальные смертные в циркулярном помещении мостика, упали на колени, прижав ладони к кровоточащим ушам. Кое-кто из них с радостью покончил бы собой, лишь бы не слышать душераздирающего вопля. Так бы они и поступили, если бы могли дотянуться до вышедших из рук гробовиков.

Талос опустил голову, и рунные целеуказателя вспыхнули снова. Дымные облака стали реже, зато расползлись почти по всей командной палубе. Смертные на мостике валялись без движения. «Меч» завис неподвижно, большая часть его орудий молчала. Талос представил, как флот Магистра Войны стягивается сейчас к поверженному гиганту и как глаза каждого капитана горят жаждой убийства.

Времени было в обрез. У Козмей, высадившихся на борт «Меча Бога Императора», оставалось лишь несколько минут, чтобы завершить миссию и вернуться к капсулам, — иначе им пришлось бы погибнуть вместе с кораблем.

И в этот момент произошло то, чего Талосу не забыть до последнего часа жизни. Сквозь разделяющее их пространство, облака дыма и толпы спотыкающихся людей взгляд адмирала встретился с его взглядом. Из глаз старика катились густые кровавые слезы. Такие же ручейки стекали из его носа и ушей, но выражение лица было совершенно недвусмысленным. Никогда за все бесчисленные годы сражений со слугами Ложного Императора ни один из имперских доходяг не глядел на Талоса со столь чистой, незатумненной ненавистью.

В течение одной драгоценной, согревающей сердце секунды Талос позволил себе смаковать это чувство, а затем прошептал два слова: «Охотничье зрение».

Машинный дух брони повиновался негромкому приказу, и красноватый оттенок глазных линз уступил место глубокому, насыщенному синим тоном. Сквозь дым и даже сквозь металл консолей и рабочих станций проступили очертания мертвых: оранжевые, красные и желтые

тепловые мажки на синем прохладном фоне.

Кирион, Ксарл и Узас ступили в комнату следом за Талосом. Пророк услышал, как боевые братья шепнули ту же команду, активировав охотничье зрение.

Включив тепловизоры, они двинулись вперед. Клинки и болтеры поднялись, чтобы пролить кровь лучших из лучших, сугорожно бросившихся за собственным оружием.

Адмирал умер последним.

К этому времени командная палуба превратилась в склеп. Когда дым наконец-то рассеялся, втянувшись в решетку аварийных воздухоочистителей, стали видны сотни искаленных тел офицеров, мостика и их павших защитников, «Гелиос-9». Четверо Повелителей Ночи бродили по комнате и крушили ценными печатями консоли, превращая нервный центр «Меча» в груду обломков.

Имена убитых ничего не значили для Талоса, и поэтому он понятия не имел, что последним, кто до конца вел стрельбу

и пал у самого адмиральского трона, стал
Керлин Вит.

Вит с хрипом испустил последний
вздох. Легкие его оказались пробиты, и сил
не хватало даже на то, чтобы оторвать
подбородок от груди. Талосу он был
неинтересен — докучливое терпальное
пятно, от которого Астартес избавился
простым тычком золотого меча. Когда
Вит упал, Талос ногой спихнул его с
тронного возвышения и мгновенно забыл о
нем. Голова Вита с силой ударилась о
поручень, и человек медленно соскользнул в
объятия смерти.

Лорд-адмирал Валианс Арвентур
смотрел вверх, на существо, которому
предстояло стать его убийцей. Кровавые
линзы Талоса уставились вниз, на
старика, прикованного к креслу. Теперь
стало понятно, почему адмирал не встал
на защиту мостика. Ниже талии его
человеческое тело обрывалось. Стянутый
тундиром торс был подсоединен к
командному трону пучками кабелей,
вшитых прямо в кости таза и связывавших
старика с кораблем так же прочно, как

выходившие из затылка провода соединяли его сознание с машинным духом «Меча».

Талос потратил примерно секунду, раздумывая, когда адмирал подвергся этой жестокой, искалечившей его операции и сколько времени он провел здесь — живой орган подчиненного ему корабля, прикованная к трону мешанина из плоти, кабелей, проводов и трубок системы жизнеобеспечения.

Он потратил секунду, а затем, поддавшись любопытству, потратил еще одну и спросил:

— Зачем ты сотворил это с собой, смертный?

Ответа Астартес так и не получил. Небритый подбородок адмирала угрожал — тот пытался заговорить.

— Бог-Император, — шепнул старик.

Талос снова активировал силовой меч и покачал головой:

— Я видел твоего Императора. Несколько раз до того, как он предал всех нас.

Меч погружался в грудь адмирала с тошнотворной плавностью: медленно,

гюйт за гюйтом. Запылившаяся белая
униформа боевого флота скопления Крит
мгновенно обугливалась там, где ее
касался силовой клинок. Острые мечи
вышло из спины мертвого и вонзилось в
кость командного трона, соединив
адмирала с его боевым постом еще одной,
последней связью.

Эффект последовал
незамедлительно. Лампы на мостике
затигали, и весь корабль застонал и
забился в судорогах, как раненый кит в
черных морях Нострато. Смерть
адмирала сокрушила машинный дух судна.
Талос одним рывком выдернул клинок.
Кровь зашипела на лезвии, быстро
испаряясь от жара.

— У, — сказал Повелитель Ночи
утирающему, — он не был богом. Хотя
человеком он тоже не был... — Астартес
улыбнулся. — ...но уж точно не богом.

Адмирал снова попытался
заговорить, протягивая трясущиеся руки к
Талосу. Повелитель Ночи перехватил
хрупкие запястья старика и сложил его
руки на груди, поверх нанесенной мечом

раны.

--- Он никогда не был богом, --- мягко повторил Талос, --- утирая, унеси с собой эту истину.

С последним вздохом адмирала огни на мостике погасли навсегда.

Экипаж «Меча Бога-Императора» мог бы вернуть контроль над судном, если бы не два прискорбных обстоятельства.

Первое и главное --- отряды техников и солдат, ворвавшиеся на мостик, обнаружили, что все консоли и панели управления разбиты взрывом. На обломках ясно были заметны следы цепных клинков Первого Когтя. А затем, включив приборы ночного видения, чтобы хоть что-то разглядеть в темноте, предпологаемые спасители обнаружили адмирала мертвым на его троне. На лице мертвеца застыло жуткое выражение --- смесь боли, ненависти и ужаса.

Пусть командная палуба и оказалась разрушена до такой степени, что полотки нельзя было устранить на месте, но унтер-офицером «Меча» требовалось всего

лишь заставить корабль двигаться, чтобы вывести его из боя. Броня гранд-крейсера с легкостью продержалась бы до тех пор, пока «Меч» не покинул бы поле сражения. С удвоенным рвением техники и офицеры кинулись на инженерные палубы, но тут их ждал второй сюрприз.

Талос и Первый Коготь были не единственными, кто проник на корабль.

Вторым препятствием к тому, чтобы восстановить хоть какое-то подобие контроля над судном, стали враги, захватившие вспомогательный инженерный сектор корабля. Хотя эта секция была далеко не так важна, как главное машинное отделение, сбой в ее работе серьезно сказался на получении энергии и эффективности двигателей. Повелители Ночи не пытались атаковать основные сектора, чтобы не оказаться втянутыми в длительные перестрелки. Нет, они нанесли просчитанные и точные удары, достаточные, чтобы вывести корабль из строя с минимальной растратой сил и времени.

Отряды солдат штурмовали

обширные отсеки машинного отделения, стремясь вышибить оттуда захватчиков, — однако Второй и Шестой Когти открыли бешеную стрельбу из болтеров с той секунды, как покинули абордажные капсулы, и удерживали позиции, пока не поступил приказ об отходе. Когда это наконец-то случилось, прямые имперцы заняли вспомогательные инженерные отделения, но лишь затем, чтобы обнаружить прощальный подарок Повелителей Ночи. Астартес закрепили заряды взрывчатки на секции корпуса, пробитой их капсулами. Когда отсчет на детонаторах дошел до нуля, взрывом стало огромный кусок и без того поврежденной обшивки, оставив большую часть вспомогательной инженерной палубы открытой костосу.

Этот взрыв положил конец всем надеждам экипажа добраться до основных машинных палуб вдоль правого борта судна и навеки заглушил вспомогательные двигатели. Неуправляемый, с гибелью мостика и инженаршута лишившийся мозгового центра и бьющегося сердца,

«Меч Бога-Императора» беспомощно болтался в пространстве. Щиты больше не прикрывали могучий корпус судна, и оно содрогалось под тысячами ударов батарей вражеского флота.

За какие-то полчаса горстка Астартес отправила на тот свет несколько сот верных Императору душ. Захватила и разрушила две ключевые секции корабля и скрылась, убедившись в том, что полотки не удастся устранить вовремя.

На «Завете крови» Вознесенный, уже предвкусивший похвалу Магистра Войны, приказал рулевым приблизиться к погибающему «Мечу» и принять возвращающиеся абордажные капсулы в ангары правого борта.

Его персональные экраны, встроенные в подлокотники командного трона, транслировали непрерывный поток данных: зеленые руны, бегущие по черному полю.

Второй Козоть вышел из боя и ожидал возвращения.

Шестой Козоть, то же самое.

Пятый Козоть... нет связи. Нет связи

с момента запуска. Вознесенный подозревал, что капсула была уничтожена вскоре после того, как отошла от «Завета», — ее испепелил сокрушительный огонь бортовых батарей гранд-крейсера. Весьма досадно. Еще пять душ потеряно.

Но Первый Козоть... Их капсула все еще оставалась на «Мече». Ее запустили последней, и капсула протаранила корпус имперского судна значительно дальше от цели, чем транспорты других Козтей.

--- Талос... --- протянул Вознесенный.

--- Быть этого не может.

Кириону пришлось треснуть цепным мечом о стену, чтобы стряхнуть с клинка извивающегося и вопящего солдата.

--- Мы не успеваем.

Первый Козоть завяз в бою в одном из тысячи коридоров, отделявших мостик от оружейной палубы, куда угодила их капсула. Вокруг них яростно содрогался рассыпающийся на части корабль. Повелители Ночи понятия не имели, сколько еще продержится «Меч». Они подключились к воксу противника, и, судя

по доносящимся оттуда крикам, через несколько минут все будет кончено.

Астартес завязли в потоке тчавшихся ил навстречу имперцев. Поначалу это застало Повелителей Ночи врасплох, а затем оказалось причиной досадной задержки. Пока они мечтами расчищали путь в толпе смертных, бегущих на них по низкому коридору, Ксарл шутливо заметил, что забавно гля разнообразия видеть людей, спешащих ил навстречу.

--- Намного облегчает охоту, --- ухмыльнулся он.

--- Чем трепать языком, --- огрызнулся Кирион, --- ты бы лучше спросил себя, от чего они убегают, если ты кажется ил лучшим выходом.

Ксарл схватил за горло женщину-офицера и ударил головой по лбу. Удар разворотил череп жертвы и сломал позвоночник. Астартес швырнул тело в приближающуюся толпу, сбив с ног несколько человек. Упавших затоптали их боевые братья. Кровь женщины размазалась по шлему Ксарла, темным

пятном выделяясь на костяно-белом фоне
наличника.

--- Понимаю, о чем ты, брат, ---
откликнулся Ксарл.

Прислушиваясь к обрывкам
переговоров по вражескому воксу, Талос
поднимал и опускал Аурум с механической
точностью, почти не следя за тем, что
делает. В голове у него медленно
вырисовывалась картина происходящего
далее по коридору. Флот Магистра
Войны раздирает корабль на куски, словно
стая стервятников, терзающая свежую
трупшу.

--- Похоже, --- спокойно заметил
Талос, --- основной огонь нашего флота
пришелся на оружейные палубы,
расположенные между нами и капсулой.

Его болтер рывкнул, но дистанция
была слишком близкой. Крупнокалиберный
снаряд насквозь прошел грудь бегущего
имперца, вышел из спины и взорвался в
переборке.

Кирион, заметив это, хмыкнул.

--- И что нам теперь делать? ---
спросил Узас, нетного пришедший в себя и

безостановочно орудующий гвумя клинками. -- Мы сможем пересечь пораженные сектора?

-- Там нет гравитации и все в огне, -- ответил Талос. -- Нет, нам надо вернуться на мостик. По крайней мере, поглядеть ближе к нему. Уйти к капсуле слишком долго. Корабль уже разваливается на куски, а смертные кишат повсюду, как муравьи в разворошенном муравейнике.

-- Тогда мы перебьем их всех и расчистим дорогу!

-- Помолчи, брат, -- сказал Талос Узасу, -- их слишком много. Если мы начнем убивать всех и каждого, это только нас задержит. Орудийная пальба, должно быть, уже трещит по швам. Смертные бегут отсюда.

-- Откуда ты знаешь?

-- Посмотри на их форму, Ксарл, -- ответил Талос.

Ксарл, которому всегда нужно было во всем убедиться самому, перехватил еще одного пробегающего мимо человека. Мундир мертвого выглядел так же, как и

у всех остальных, — стандартный белый цвет Критского костюмца. Держа кричащего человека за салыные косты, Астартес оторвал его от пола и поднес к своему заляпанному кровью наличнику. Голос Ксарла, вырвавшийся из динамиков шлема, был громче воя корабельных сирен.

— Скажи мне, где базировалась твоя часть. На артиллерийской на...

Офицер, к этому времени уже совершенно оглохший, торопливо вытащил пистолет, навел его трясущимися руками и выстрелил прямо в лицо Ксарлу. Пуля малого калибра взвизгнула, ударив в висок и заставив Астартес чуть отдернуть голову, после чего срикошетила и с влажным хрустом угодила в лоб самоту стрелку. Ксарлухватило одного взгляда на глубокую красную борозду в черепе мертвого, чтобы отбросить труп и разразиться ругательствами на ностратском. В воксе раздался издевательский смехок Кириона.

— Ладно, — сказал Ксарл, игнорируя смех брата. — Зачем нам на мостик?

— Потому что под ним расположено

несколько палуб, которые не взорвутся при
прямом попадании из лэнс-излучателя, ---
ответил Талос. --- У еще потому, что я
собираюсь предпринять кое-что, о чем мы
впоследствии можем пожалеть.

С этими словами он движением глаза
активировал спиралевидную руну, которая
обозначала «Завет».

Вознесенный больше прислушивался к
голосу своего пророка, чем к словам. Талос
говорил спокойно, но сквозь это
спокойствие пробивалась раздраженная
нотка. Первый Коготь был отрезан от
капсулы, и им не удастся вовремя
пробиться сквозь охваченную паникой
толпу.

Кивнув рогатой башкой, существо
обратилось к сервитору, обслуживающему
одну из батарей лэнс-излучателей:

--- Ты. Сервитор.

--- Да, господин.

--- Выпусти один заряд по трем
палубам, находящимся ниже капитанского
мостика вражеского флагмана. Режим
точно пог теми углами, которые я сейчас

тебе передам.

Астартес-мүтант застучал
почерневшими когтями по клавиатуре,
вмонтированной в подлокотник
командного трона.

--- Прекрати огонь ровно через одну
целую пять десятых секунды.

Да, этого должно хватить. Пробить
обшивку. Сделать глубокий разрез,
выкроить солидный кусок железного мяса,
но не повредить корабль слишком сильно.
Открыть часть корпуса, открыв
командную палубу космическому вакууму.
Это даже могло сработать.

Будет очень жаль потерять пророка,
если не сработает.

--- Господин, --- обратился к нему один
из мертвых офицеров.

Со слабым проблеском интереса
Вознесенный отметил, что человек все
еще носит свою старую имперскую форму,
хотя прошло уже более десяти лет с его
появления на «Завете».

--- Говори.

--- Сервиторы в пятом ангаре
докладывают, что один из «Грозовых

«Астребов» готовится к запуску. Пилот
катера запрашивает разрешение на взлет.

Вознесенный снова кивнул. Он этого
ожидал.

--- Разрешаю.

--- Сервиторы также докладывают,
что экипаж «Астреба» --- не Астартес.

--- Я же сказал, дайте им разрешение
на взлет, --- хрипло проклемотал
Вознесенный.

С его клыков потянулись нити слюны.

--- Как скажете, милорд.

Измененный варпом Астартес
обернулся к сервитору-артиллеристу, с
которым говорил раньше.

--- Все готово, господин, ---
пробормотал сервитор.

--- Огонь!

Корабль согрознулся еще раз, сильнее,
чем прежде.

--- Еще бы немного --- и врезали прямо
по нам, --- трачно буркнул Ксарл.

Стабилизаторы брони включились, но
ему пришлось практически вцепиться в
стену сводчатого перехода, чтобы

удержаться на ногах. Первый Козот
отступил к командным палубам.
Астартес больше не пытались пробиться
сквозь толпу убегающих людей. Здесь, во
тьме коридоров, переплетающихся под
мертвым мостиком, Повелители Ночи
вложили клинки в ножны и прикрепили
болтеры к набедренным магнитным
зажимам. Освещение в этой части корабля
погасло после убийства лорд-адмирала и
ранения, нанесенного машинному духу
«Меча». Четыре пары багряных глазных
линз горели во траке, различая все с
кристальной ясностью.

Когда грожь корабля унялась до
прежнего уровня, аудиодатчики в шлеме
Талоса уловили слабый, приглушенный
расстоянием звук: несколько раз лязгнул
металл.

--- Вы это слышите? --- спросил Ксарл.

--- Переборки герметизируются, ---
определил Кирион.

--- Двигайтесь быстрее, --- приказал
Талос, и отряд сорвался на бег, грохоча
подошвами тяжелых ботинок по стальной
палубе. --- Как можно быстрее!

В правом ухе чуть слышно прозвучал знакомый голос:

--- Господин?

Повелители Ночи тчались сквозь трак. По пути им пришлось несколько раз свернуть и отбросить с дороги двух-трех мертвых, в панике пытавшихся укрыться в сумрачных переходах.

--- Мы, --- выдохнул Талос в микрофон вокса, --- использует частоту «Кобальт шесть-три».

--- «Кобальт шесть-три», принято, господин.

--- Подтверди наши координаты.

--- Показания локатора выведены на экраны. Рұна лорда Узаса мерцает и отображается нечетко. У... господин, корабль разваливается на части. Восемьдесят процентов повреждений пришились на...

--- Не сейчас! «Завет» произвел залп?

--- Да, господин.

--- Я так и думал. Мы пытаемся выйти к палубе, находящейся ближе всего к пробое.

Пауза затянұлась на пять секунд.

Шесть. Десять. Талос представил, как его слуга впился взглядом в гололитическую схему гибнущего гранд-крейсера, следя за перемещающимися по коридорам значками идентификационных рун Первого Когтя.

Двадцать секунд.

Тридцать.

И наконец-то...

--- Господин!

Корабль тряхнуло так сильно, что Кирион и Узас полетели на пол. Талос пошатнулся, оставив вмятину в переборке там, где его шлем столкнулся с металлом. Корабль доживал последние секунды. Никаких сомнений.

--- Господин, стойте. Стена слева от вас. Пробейте ее.

Талос не колебался. Стена --- выглядевшая точно так же, как и все остальные стены, вдоль которых они неслись в своем броске по темным командным палубам, --- разлетелась на куски под выстрелами четырех болтеров.

За стеной несколько секунд плясал огонь.

За полосой огня не было ничего ---

лишь бесконечная ночь открытого костоса,
жадно втянувшая в себя четырех воинов.

Его захлестнула боль.

Талос взглянул вниз... вверх... на
планету под ним... над ним. Узрюмый
каменный шар цвета ржавчины, кое-где
подернутый тонкими струйками облаков.
Интересно, каков на вкус тамошний
воздух?

Мимо него проносились звезды, но
Астартес смотрел на них, не видя.

Затем в поле зрения вплыл медленно
вращающийся собор --- дворец с
разноцветными витражами, увенчанный
тысячей шпилей... корта полыхающего
«Меча». Но Талос не видел и этого.

На мгновение его поглотила тьма,
тилосердно приглушившая боль. Когда
забытие прошло, он ощутил вкус крови во
рту, а глаза обжег блеск бегущих по экрану
визора тревожных рун. Он попытался
связаться по воксу с Кирионом, Ксарлом,
Сентилусом... но не смог вспомнить, как
это делается.

Боль вновь вспыхнула у него в голове,

словно зарево восходящего солнца. В ушах зазвучали голоса.

«Броня: вакуумная герметизация», — гласила одна из рун. Талос попробовал пошевелиться, но не был уверен, что это удастся. Он не ощущал ни малейшего сопротивления среды, не чувствовал движения — до такой степени, что не мог понять, движется ли вообще.

Мир снова перевернулся. Показались острые углы звезд и осколки металла, кружащиеся неподалеку. Было трудно сфокусировать зрение, и это встревожило Талоса больше всего. Одна из глазных линз потемнела: тусклые руны едва проступали на размытом черно-красном фоне. Кровь, осознал он. Кровь натекла в шлем и затарала линзу.

Среди шума и суеты в воксе выделился и окреп один голос. Это был Ксарл, который сынал проклятиями, то и дело потекая кровью.

Поле зрения стеснилось, и Талос увидел Ксарла. Боевой брат плыл в пустоте, и трофейные черепа кружились вокруг него на цепях, словно дюжина лун.

Талос ощутил удар и побежавшую по броне
грожь --- это рука Ксарла врезалась в его
нагрудник.

--- Поймал его, --- проворчал Ксарл. ---
Поспеши, раб. У меня вместо ноги какое-то
агское месиво, и кровь заливает доспехи.

Из пульсирующей тьмы донесся голос
Септимуса:

--- Я поглетаю.

--- Ты подобрал остальных?

--- Да, господин.

--- Подтверди, что Узас на борту.

--- Да, господин.

--- Эх, --- Ксарл понизил голос, --- какая
досада.

Теперь кровь залила уже обе линзы.
Окончательно ослепнув, Талос сжал
запястье брата. Воин медленно приходил
в себя. Хоть он и не мог видеть,
абсолютная тишина и невесомость
рассказали ему все, что нужно было знать.
Он находился в открытом космосе и,
обездвиженный, бесконтрольно вращался во
ттраке.

--- Это, --- процедил Талос сквозь
стиснутые зубы, --- была самая идиотская

идея, когда-либо приходившая мне в голову.

--- Я рад, что ты еще жив, --- хохотнул Ксарл, но смех его прозвучал отрывисто и напряженно. --- Надо было видеть, как ты приложился башкой на выходе с корабля.

--- Спасибо, я это чувствую.

--- И отлично. Поделом тебе. А теперь закрой рот и молись, чтобы этот сволочной недомерок, которому ты так доверяешь, не угробил наш треклятый «Ястреб».

Если в легионе Конрага и осталось благородство, то оно погребено глубоко под слоями недостойных желаний, извращений и неповиновения. Их методы безрассудны, непродуманны и мешают планомерному ходу войны. Близится время, когда Повелителям Ночи придется ответить за свое поведение и вновь принять имперскую военную доктрину — иначе они будут потеряны для нас в бездне порочных страстей.

Примарх Розал Дорн

Запись комментария
к битве при
Гальвионе, М31

Через десять минут после того, как Первый Козоть разрушил стену, отделявшую их от костического вакуума, четверо Астартес стояли в стратегиуме «Завета крови». Они выстроились полукругом у подножия командного трона Вознесенного. Два Чернеца -- снова Малек и Гарагон, отметил Талос, -- затерли победные стороны от бывшего капитана. Телохранители держали оружие на изготовку, хоть оно и было сейчас отключено.

Рутинные детали сражения больше не занимали Вознесенного. Успокоив великодушный костический танец, существо ожидало полагавшихся ему заstelость наград и восхвалений. Пока что Вознесенный готов был отдать офицерам «Завета» приказ вернуть корабль в общий строй и добавить мощь его орудий к развернувшейся за бортом бойне.

Боевому флоту Крита пришел конец. «Решительный» и «Меч Бога-Императора» были на полпути к тому, чтобы превратиться в два горелых острова на орбите Солас, а меньшие корабли оди- за другим гибли под сокрушительным огнем вражеского флота.

Палуба согрознулась, когда Вознесенный признательно кивнул четырем воинам Первого Когтя.

— Отличная работа, — проговорило существо.

Талос стоял с непокрытой головой. Его шлем сильно потяло во время бегства с горящего «Меча», когда костический вакуум вытянул четверых Астартес сквозь пролом в стене, по дороге чуть не разтопив череп Талоса о переборку. Ксарлоскобочился, перенеся вес тела с правой ноги, — он почти расстался с ней в ту же секунду, когда Талосу едва не оторвало голову. Даже модифицированный организм Астартес не мог мгновенно срастить раздробленные в мелкое крошево кости. Кирион и Узас не получили ранений, но тело Кириона все еще горело

лихорадочным жаром после краткого
соприкосновения с вакуумом, а внутренние
органы работали на пределе. Неудачный
выстрел из гробовика пробил его
нагрудник, и костодесантнику пришлось на
несколько минут задержать дыхание,
когда из госпеха вытек весь воздух.
Совершенно невредимый Узас, неизменное
везение которого давно осточертело
остальным, широко ухмылялся.

— Вандрег, ты спятил, — сказал
Талос, подняв голову к командному трону.

Обритый череп Астартес бугрился
ширматами и был покрыт бугрыми струпами.
— клетки Ларратана уже выполнили свою
миссию, и свернувшаяся кровь закупорила
рану на макушке.

После слов Талоса атмосфера
немедленно накалилась. Оба Чернеца
вскинули оружие. Малек пригнулся в своем
чудовищном терминаторском госпехе, и
из гигантских перчаток выскользнули
мощные, потрескивающие силовыми
зарядами когти. Молот Тарагона ожил и
загудел, набирая энергию.

Если бы Талос остался человеком, он

был бы красив. Сейчас, став Астартес, пророк поднялся над классическим понятием о человеческой красоте, и все же в облике его сохранялось нечто благородное и возвышенное. Взгляд черных, залегеневших от ярости глаз впился в Вознесенного. Талос и не догадывался, насколько он напоминал сейчас мраморную статую языческих времен Старой Земли.

— Что ты сказал, мой пророк? — поинтересовался Вознесенный.

В голосе его слышалось урчание насытившегося льва.

— Ты, — клинок Аурум указал на искаженное варпом создание, — сошел с ума.

Корабль дрогнул под ударом имперской артиллерии. Никто не обратил на это внимания, не считая смертных членов экипажа — те согнулись над консолями, окружавшими разворачивающуюся сцену.

Вознесенный облизнул клыки.

— И какой же полет фантазии привел тебя к этому умозаключению, Талос?

— Такой риск ничем не был оправдан.

Я слышал о Нятом Козме.

--- Да, весьма досадно.

--- Досадно?

Талос едва не схватился за болтер. Его намерение не укрылось от Малек, и телохранитель шагнул вперед. Кирион и Ксарл синхронно вскинули болтеры, направив их на элитных гвардейцев по бокам от трона. Узас остался недвижим, но из динамиков его шлема раздался смех.

--- Да, --- ответил Вознесенный, которого ничуть не смущала взрывоопасная ситуация, --- досадно.

--- Мы потеряли пятерых Астартес в одной операции. Впервые за несколько тысяч лет в десятой роте меньше половины состава. Мы еще никогда не были так слабы!

--- Десятая рота... --- самодовольно и снисходительно хмыкнул Вознесенный. --- Десятая рота прекратила свое существование тысячелетия назад. Мы --- боевая ватага Вознесенного. И этой ночью мы сильно выросли в глазах Магистра Войны.

Схватка ничего бы не изменила. Талос опустил клинок, позволяя гневу вытечь из души, как гною из вскрытого нарыва. Он подавил желание напоить меч кровью Вознесенного. Почувствовав произошедшую в нем перемену, Кирион и Ксарл убрали болтеры. Чемпион Малек из Чернецов отступил, снова встав рядом с троном. Его украшенный клыкати шлем бесстрастно уставился на боевых братьев.

— Нямого Когтя больше нет, — более ровно произнес Талос. — Нам позарез нужны пополнения. С четырьмя десятками Астартес мы долго не продержимся.

Он позволил непрошеным словам повиснуть в воздухе. Каждый из присутствующих знал, что на поиски новичков уйдут десятилетия напряженных усилий. Чтобы поддержать боеспособность роты, требовалось немало оборудования и генно-инженерного мастерства — иначе из тальчиков-подростков не вырастить полноценных Астартес. На «Завете крови» почти ничего из этого не было, поэтому со времен Великого Предательства набор новых рекрутов не проводился. В десятой

роме сражались те же воины, что принимали участие в боях Ереси Хоруса.

— Изменения неизбежны, — прорычал Вознесенный. — Ваятель Судеб с нами, и он знает истину.

При этих словах оба Чернеца почтительно склонили закрытые шлемами головы. Узас пробурчал что-то односложное в знак то ли уважения, то ли удовлетворения. Талос ощутил, как по коже пробежали мурашки. Его темные глаза сузились.

— Кто мы такие, чтобы подчиняться требованиям Губительных Сил? Мы Повелители Ночи, сыны восьмого примарха. Мы сами себе хозяева.

— Ваятель Судеб ничего не требует, — ответил Вознесенный. — Ты не понимаешь.

— У меня нет ни малейшего желания понимать те сущности, работ которых ты стал.

Вознесенный улыбнулся откровенно фальшивой улыбкой и взмахнул когтистой перчаткой.

— Я уже устал напугать тебя.

Талос: я это контролирую. А теперь
убирайтесь, пока Первый Козоть не
присоединился к Пятому.

В ответ на угрозу Талос лишь
тряхнул головой от отвращения. Прежде
чем выйти из стратегиума, он одарил
Вознесенного не менее дружелюбной
улыбкой.

Когда они выбрались с капитанского
мостика, Кирион сказал Талосу по вокс-
линку:

--- Он стал еще хуже, чем раньше.

--- Как будто это возможно.

--- Нет, брат. Дело в страхе. Я
чувствую, как страх ворочается у него под
кожей. Он проигрывает поединок с
демоном, разделяющим его тело.

Септимус и Эвридика все еще были в
ангаре.

«Грозовой ястреб» по имени
«Опаленный» стоял на посадочной
площадке. Время от времени из дюзы
вырывались струи сжатого пара -- корабль-
стервятник охлаждался. Ракетные
ускорители на корме боевого катера

соответствовали его названию: сопла почернели и обуглились за десятилетия орбитальных и суборбитальных полетов. Септимус из всех сил старался поддерживать «Опаленного» в наилучшем состоянии, но раб Талоса был в первую очередь механиком, а не техножрецом. Он умело чинил доспехи хозяина и ухаживал за его оружием, но вряд ли мог помочь древнему катеру остаться на лету.

Эвридика искоса следила за работой, который устроился на палубе ангара в тени «Грозового ястреба» и вертел в руках череполикий шлем хозяина.

— Это, — пробормотал он себе под нос, — будет непросто.

То, что шлем не разлетелся на куски, было уже чудом. На левой стороне выдвинулась здоровенная вмятина — там, где Талос врезался головой в край пробитой обшивки, когда вакуум вытянул бойцов Первого Когтя в космос. Эвридика протолчала. Ее все еще беспокоила бортовая тряска. Девушка снова и снова проигрывала в голове случившееся за последний час. Подготовка «Грозового

астреба» к запусту... Вылет в самое некло
орбитальной войны... Трон, это было
безумие.

Септимус взглянул на нее снизу вверх,
сощурив глаза цвета нефрита. Эвридика
показалось, что сейчас их мысли совпали.
Как выяснилось секунду спустя, так и было.

--- Дела не всегда так плохи, --- сказал
раб без улыбки.

Девушка проворчала нечто, что
можно было принять за согласие.

--- Бывает и хуже?

--- Часто, --- кивнул Септимус. --- Если
ты считаешь, что Астартес ---
воплощение зла, погожди, пока ты
спустится на палубы для экипажа.

Она не ответила. Она не хотела
знать.

Септимус снова поднял огромный
шлем:

--- Мне надо приниматься за дело.

Однако он не сдвинулся с места.
Эвридика догадывалась, что раб тянет
время.

Наконец девушка сделала пробный
выпа:

--- Тебе запретили оставлять меня одну.

--- Ты сможешь избавиться от меня, только если один из нас умрет.

Лоб Эвридики и ее запечатанный третий глаз обожгла внезапная боль, словно око варна пыталось пронзить взглядом сталь и прикончить глупого и наглого раба, рассевишегося перед ней.

--- Я ненавижу это место, --- сказала она, прежде чем осознала, что собирается заговорить.

--- Мы все его ненавидим, --- снова кивнул раб.

Септимус произнес эти слова медленно, и не только из-за слабого владения готиком. Он говорил так, словно пытался втолковать очевидное неразумному ребенку.

--- Мы все ненавидим это место, кто-то больше, кто-то меньше. Мы ничего для них не значим. Они --- полубоги.

--- Нет греческих богов, кроме Императора, --- язвительно выпалила Эвридика.

В ответ Септимус расхохотался, и

это небрежное богохульство сильно задело девушку.

--- Ты --- еретик, --- произнесла она тихо, но яростно.

--- Так же как и ты теперь. Неужели ты думаешь, что силы Трона примут тебя обратно с распростертыми объятьями, даже если ты провела на корабле Астартес-отступников не больше часа?

Его шутливый тон куда-то подевался.

--- Открой глаза, навигатор. Ты обречена, как и все мы, а этот корабль, --- он обвел рукой сумрачный ангар вокруг них, --- стал отныне твоим домом.

Она набрала в грудь воздуха, чтобы возразить, но Септимус оборвал ее движением руки:

--- Достаточно пререканий. Послушай меня.

Он опустил шлем-череп на колени и почесал в затылке.

--- Это десятая рота Восьмого легиона. Тысячелетия назад у них было столько рабов, сервиторов и Астартес, что, попытайся я вывести в космос

священный «Гротовой ястреб», за это покарали бы смертью. Сейчас у них почти не осталось ресурсов, в том числе и смертных, которые могли бы повиноваться им.

— И они вполне заслужили такую судьбу, — холодно улыбнулась Эвридика. — Они — предатели.

— Считаешь, что улыбка скрывает твой страх? — Септимус перехватил ее взгляд и удерживал несколько секунд. — Нет, не скрывает. Ни от меня, ни тем более от них.

Улыбка исчезла с ее лица так же быстро, как появилась.

— Я не стану отрицать, что они еретики, — продолжил Септимус, — но позволь мне объяснить это по-другому. Ты когда-нибудь слышала о Лок-Три?

Девушка неохотно шагнула вперед и присела рядом с Септимусом на опущенный трап «Ястреба». Вокруг них раскинулся окутанный мраком ангар. Поодаль под высокими и гүлкими сводами выстроились другие «Грозовые ястребы» — безмолвные, неподвижные, не покидавшие этот отсек уже

годами. Возможно, десятилетиями. В
стороне сгрудились безжизненные
грузовики и загрузчики боеприпасов. В
пятидесяти метрах от Септимуса и
Эвридики валялся одинокий сервитор — он
прокинулся на спину, и серая кожа стала
еще серее под слоем пыли. Похоже, в
лоботомированном слуге кончился заряд, и,
свалившись, он так и остался лежать и
гнить рядом с древними боевыми
машинами. Эвридика не могла отвести
глаз от трупа. Его кожа сохла, туго
обтянув кости. Сервитор практически
мумифицировался — механические части,
должно быть, задерживали разложение
органики.

По плечам девушки пробежала дрожь.
Не требовалось много ума, чтобы понять:
нынешний корабль — лишь тень прежнего.

— Нет, — не сразу ответила она.

Присев рядом с работ, Эвридика чуть
согрелась теплом его тела — слабое, но
утешение. На «Завете» было так холодно...

— Я никогда не слышала о Лок-Три.

— Там особо и не о чем слышать, —

вздохнул Септимус, после чего погрузился в

задумчивое молчание.

--- Я видела только небольшую часть галактики, --- призналась девушка. --- Сайн вел разведывательные работы всего в нескольких секторах, чтобы сэкономить на перелетах. У еще я...

--- Что?

--- Моя семья, Дом Мерваллион, принадлежит к низшей категории Навис Нобилите. Я думаю, Сайн не решился доверить мне слишком дальние перелеты. Он опасался, что его навигатор... полная бездарь.

Септимус кивнул с понимающим видом, что Эвридике совсем не понравилось. Девушка ожидала, что хоть как-то отреагирует на ее признание, но вместо этого он просто вернулся к предыдущей теме:

--- Лок-Три находится очень далеко, в окрестностях региона, обозначенного в имперских записях как сектор Скарус.

--- Полгалактики отсюда.

--- Верно. Я там родился. Это не совсем мир-кузня, но близко к тому. Планета была покрыта мануфакториями.

а я работал пилотом грузового транспорта. По контракту перевозил грузы между орбитальными доками и мануфакториями.

--- Это... хорошая работа.

--- Нет, это была скучная смертная. Вот что я пытаюсь тебе сказать. Да, я считаю себя еретиком, потому что сражаюсь не на той стороне. Да, я поклялся в верности предателям, которые развязали войну против Священного Трона Терры. И да, на этом корабле есть тьма, жаждущая нашей крови. Но я вижу вещи в их истинном свете. То, что есть у меня сейчас, лучше смерти. И когда ты понимаешь, как справляться со здешним траком... это становится почти безопасным. Это почти как настоящая жизнь. Раньше каждый день повторялось одно и то же -- я был еще одним крошечным винтиком в бесконечной, унылой машине бытия. Но теперь... Теперь все по-другому. Каждая неделя приносит что-то новое, что-то невероятное, что-то, от чего дух захватывает. Хотя, должен признать, редко что-то хорошее.

Девушка посмотрела в лицо Септимусу. Бог-Император, он говорил серьезно.

--- Ты это серьезно, --- констатировала она, не зная, что еще тут можно сказать.

--- Да. Как механик и пилот, я пользуюсь довольно большой свободой в пределах корабля. Меня ценят.

--- Ценный раб.

Сощурившись, Септимус окинул ее взглядом:

--- Я пытаюсь сохранить тебе жизнь. Если ты не сумеешь приспособиться, то умрешь. Все очень просто.

После долгого молчания Эвридика спросила:

--- Ты счастлив?

--- Полагаю, ты считаешь, что очень ловко меня поддела. --- Септимус обвел рукой ангар. --- Разумеется, я не счастлив. Я раб полубогов-еретиков, и я живу на судне, затронутом невообразимой тьмой. Смертный экипаж существует в постоянном страхе --- люди боятся того, что бродит по темным коридорам, и это не всегда Астартес.

Сказав это, Септимус хмыкнул, но смешок прозвучал безрадостно и глухо. Череполикий шлем в руках слуги скалился на них обоих.

--- Так как же они забрали тебя? --- спросила Эвридика.

Септимус не отрывал глаз от шлема.

--- Они напали на Лок-Три. Сначала меня взяли служить пилотом и гин... гинно...

--- Загиннотизировали?

--- Загиннотизировали. Да.

Септимус несколько раз повторил слово, будто пробуя его на вкус.

--- Не уверен, забыл ли я это выражение или вообще не знал. Как я уже говорил, готик никогда не был моим родным языком. Но процесс был трудным. Они используют ментальные техники и гипнотические программы, внедряющие информацию прямо в сознание. Так я научился пилотировать «Громовай ястреб» --- хотя даже теперь, десять лет спустя, не могу сравниться мастерством с настоящим пилотом-Астартес.

Девушка снова внимательно оглядела ангар, пытаясь представить, каким он был раньше: центр кипящей активности, с торопливо снующими членам экипажа, с сервиторами и загрузчиками боеприпасов, грохочущими по размеченному рунам полу, с воем турбин готовящихся к старту кораблей.

Наверное, впечатляющее было зрелище. И — как ни боялась Эвридика себе в этом признаться — очень похожее на то, о чем она мечтала: вести корабли Астартес к далеким звездам.

— Теперь он заставляет тебя чинить свою броню, — заметила навигатор, вновь обернувшись к Септимусу. — Это как, понижение в должности?

— Технически повышение. Механики — самые уважаемые слуги легиона.

Девушка расхохоталась, и смех ее, чуждый этому месту, эхом раскатился по ангару.

— Что смешного я сказал?

— Непохоже, чтобы ты купался в почестях.

— Ты говоришь так лишь потому, —

улыбнулся он, — что не все пока видела, Октавия.

— Почему ты называл меня Октавией?

— Потому что я седьмой на службе хозяина. А ты — восьмая.

— Не гутаю.

— Но бунтарский дух тебя уже покидает. Я слышу по голосу.

— Тебе только кажется.

— Очень жаль. — Септимус встал, сжимая в руках поврежденный шлем. — Потому что, если так, ты очень скоро утрешь.

В то время как Талос спорил с Вознесенным, а Септимус беседовал с Эвридикой, последний этап орбитальной войны приближался к неминучей развязке. Боевой флот скопления Крит был уничтожен. Те немногочисленные суда, которые сумели скрыться в варне, впредь не будут упоминаться в этом повествовании — хотя большинство из них отличилось в других сражениях и в составе других флотилий.

Магистру Войны следовало

закрепиться на новых позициях.

Силы Хаоса положили конец присутствию имперского военного космического флота в регионе, и теперь его корабли расположились у самой границы атмосферы тюремной планеты Солас. На бортах разношерстной флотилии красовались тысячи эмблем. Семь судов Черного легиона — значительная часть их мощного космического флота — несли Око Хоруса с вертикальным зрачком, а клыкастый череп Повелителей Ночи виднелся и на «Завете крови», и на его гораздо более представительной сестрице, боевой барже «Охотничье предчувствие». Основную часть эскадры составляли транспортные корабли, везущие легионы проклятых и обреченных: имперских гвардейцев и солдат из сил планетарной обороны, которые во время последних кампаний предали Императора и поклялись в верности Магистру Войны. В общем и целом Магистр Войны явился в скопление Крит с двумя с лишними тысячами Астартес и более чем миллионом солдат.

стертных. Почетное место в армаде занимали огромные корабли легиона Унеистых, некогда принадлежавшего Механикус Марса. Полный легион капитанов, готовый по первому зову Магистра Войны вступить в бой, насчитывал почти дюжину богоподобных машин разных классов.

Столь мощный флот Хаоса прежде собирался разве что для священных войн Магистра Войны с имперскими тирани. Весть о нашествии быстро раскатилась по ближайшим планетам вместе с боязливыми пересудами о новом Черном Крестовом Походе Разорителя.

С падением Солас и гибелью имперского космического флота война за скопление Крит только началась. Сканеры дальнего действия сулили плохие новости, которые тревожили даже капитанов этой смертоносной армады. Мир-кузня, Крит Прайм, был по-прежнему окружен плотным кольцом кораблей, подчинявшихся Агентус Механикус. Те упорно отказывались отвечать на запросы боевого флота Крита о помощи. Любопытно, что корабли

Странствующих Десантников, «Раскол», отступил к Криту Прайм и присоединился к Механикус, вместо того чтобы сражаться и погибнуть с имперским костомфлотом.

Время было важнейшим фактором, и каждый офицер в армаде Магистра Войны понимал это. Империя Человечества ответит на агрессию с неменьшей яростью. Едва успели прозвучать первые астронавические призывы о помощи, как флотские эскадры, имперская гвардия и силы Астартес выступили в путь для поддержки осажденного боевого флота Крита.

«Завет крови» приблизился к родичу — могучей боевой барже «Охотничье предчувствие». Огромный корабль был одним из флагманов легиона, до того как века рассеяли Повелителей Ночи по галактике. У тех, кто долгие годы был лишен возможности взглянуть на образчик прежней силы легиона, вид баржи вызывал благоговейный трепет. Даже Вознесенного, хоть он никогда не признался бы в этом, тронуло грандиозное зрелище:

царственный корабль, темнo-синее копьe, обкованное золотом и бронзой.

Астартес-мүтант вожделел его. Он жаждал командовать этим судном, и все, находившиеся на мостике, отчетливо увидели горящую в обсидиановых глазах Вознесенного жажду.

Необходимость уничтожить боевой флот Крита была не единственной причиной, побудившей Магистра Войны начать вторжение с Солас. Сохранить жизнь тем, кто населял планету внизу, было ничуть не менее важно, чем истребить ее защитников на орбите. Если бы лорд-адмирал Валианс Арвентур лучше узнал Архиврага -- вместо того чтобы посвятить большую часть карьеры преследованию эльгарских рейдеров, -- он, возможно, направил бы орудия своего возлюбленного «Меча» против Солас. Стерев в порошок населенные центры тюремного мира, он лишил бы Магистра Войны главного трофея, что в конечном счете намного больше потогло бы скоплению Крит.

Но конечно, адмирал этого не сделал.

Адмирал умер с мечом в сердце и бессвязными проклятиями своему убийце на губах.

Флот Хаоса повис над миром, где обитало около миллиона узников, насильников, убийц, еретиков, воров, мутантов и преступников других мастей. Все они содержались в жутких условиях, отвергнутые ненавидящим их и ненавистным им Империем.

В течение следующего часа, пока остовы кораблей Критского боевого флота еще догорали на орбите, транспортники Магистра Войны приступили к высадке. На поверхности планеты сотни тысяч будущих солдат Разорителя приникли к окошкам своих камер. Они смотрели ввысь, в горящие небеса, откуда к ним снисходило избавление --- и свобода.

НА ПОВЕРХНОСТИ СОЛАС

Талос. Пророк
Повелителей Ночи. Приведите
его ко мне.

Абагдон Разоритель,
командир Черного
легиона, Магистр
Войны Хаоса

Талос и Ксарл скрестили клинки.

Зал для тренировочных поединков, как и почти все на «Завете», превратился в тень былого. В центре ступенчатого помещения, напотивавшего гладиаторскую арену, бились только двое Астартес — деактивированный силовой клинок Талоса

против выключенного ценного меча Ксарла. Из уважения к машинным духам оружия боевые братья использовали в поединке собственные мечи вместо тренировочных, но включать их не стали.

У Ксарла был ценной меч стандартной модели, принятой на вооружение Астартес: невероятно жесткий и прочный, ощерившийся зубьями, заточенными до мономолекулярной остроты. Но Аурум, меч навшего капитана Кровавых Ангелов, обладал неимоверной мощью. Даже обычный силовой клинок легко расправился бы с заслуженным, но ничем не примечательным «Палачом» Ксарла — а Аурум был скорее могучим артефактом, чем оружием. Поэтому гүэлянты сражались без потрескивающего голубого платени силового меча и визга ценного лезвия.

В каком-то смысле это не шло им на пользу. Их движения отдавали заученностью тренировочного поединка, а не истинной боевой яростью. Относительная тишина учебных гүэлей

всегда раздражала Талоса. Не чувствуя удовлетворения от схватки, в такие моменты пророк часто задумывался о том, что генетически запрограммирован и выращен для боя. Он был больше оружием, чем человеком, — и очевидней всего это становилось в те минуты, когда что-то его тревожило.

Но меркам смертных, их поединки сочли бы схваткой богов. Клинки рассекали воздух так быстро, что человеческий глаз не смог бы за ними уследить, — удар следовал за ударом в вихре неумолимой силы и скорости. Но если бы за боем наблюдали Астартес, они увидели бы все намного яснее. Оба воина были рассеянными: их мысли блуждали где-то, и это ощущалось в каждой секундной заминке и неуверенном взгляде.

Стены арены вокруг них прорезало множество переходов высотой в человеческий рост. Когда-то здесь размещалась небольшая армия сервиторов, предназначенных для учебных боев и обреченных погибнуть под клинками Астартес, приходивших сюда, чтобы

отточить боевые навыки. Эти дни давно канули в прошлое. Коридоры, по которым сервиторы выкатывались из мастерских и хранилищ под ареной, были черны и безмолвны — еще одно напоминание о безвозвратно минувшем.

Откинувшись назад, чтобы отразить режущий удар по горлу, Талос почувствовал нарастающую злость. Меланхолия не входила в число его привычек. Тоска была чужда его образу мыслей, однако в последнее время прочно обосновалась в душе, словно ей там самое место.

Это злило Талоса, как брешь в защите или рана, которая никак не заживет.

Ксарл почувствовал досаду в движениях брата и, когда мечи вновь сошлись, наклонился ближе. Лица двоих Астартес — и без того похожих благодаря генетическим манипуляциям, переплавившим их тела, — пылали одинаковым гневом. Взгляды черных глаз, переполненных горечью, скрестились так же, как клинки в руках.

--- Ты теряешь хладнокровие! ---
рявкнул Ксарл.

--- Меня бесит то, что я должен
давать тебе поблажку из-за ноги, ---
прорычал в ответ Талос, чуть заметно
кивнув в сторону заживающей ноги Ксарла.

В ответ Ксарл со смехом отшвырнул
брата назад. Он увел свой клинок в сторону
с грацией, удивительной для того, кто
привык в поединках полагаться на чистую
ярость.

--- Покажи все, на что ты способен, ---
предложил Ксарл с улыбкой, неразличимой
во тьме.

Как и во всех помещениях «Завета»,
предназначенных лишь для Астартес, в
тренировочных залах царил непроглядный
трак. Для черных глаз уроженцев
Нострато это не было помехой, но в
прежние дни боевым сервиторам
требовались приборы ночного видения и
усилители ауры, чтобы лучше различать
движение.

Талос снова атаковал. Держа меч
двуручным хватом, воин провел
безупречную серию ударов слева, вынуждая

Ксарла все больше переносит вес тела на правую ногу. Он слышал, как брат скрипел зубами от боли, отражая выпады.

--- Продолжай в том же духе, --- выдохнул Ксарл.

Он даже не запыхался, несмотря на то что бойцы сражались в таком нечеловеческом темне уже почти час.

--- Мне еще надо привыкнуть к тому, чтобы снова опираться на эту ногу.

Но вместо того чтобы развивать атаку, Талос остановился.

--- Подожди, --- сказал он, подняв руку.

--- Что? В чем дело? --- спросил Ксарл, опускающая «Палача».

Он оглядел безмолвную и темную арену --- но не увидел ничего, кроме пустых рядов зрительских сидений, не услышал ничего, кроме ступного гула орбитальных двигателей, и не ощутил ничего, кроме запаха их собственного пота и чуть заметной вони машинного масла, застоявшейся здесь за прошедшие века.

--- Никого поблизости я не чувю.

--- Я видел, как Узас убил Кириона, --- без всяких предисловий брякнул Талос.

Ксарл расхохотался:

--- Ага. Отличная шутка. Так мы будем драться или нет?

Не получив ответа, Ксарл пристально всмотрелся в лицо брату и спросил с нехарактерной для него заботливостью:

--- Твоя голова еще не зажила? Я думал, ты уже в порядке.

--- Я не шучу.

Ксарл, видевший во мраке с легкостью уроженца бессолнечной планеты, наконец-то заметил, что в черных глазах брата нет и тени улыбки.

--- Ты говоришь о своем видении?

--- Да. Ты же знаешь.

--- Ты ошибся, Талос. --- Ксарл сплюнул на палубу. --- Кирион вполне заслуживает ненависти. На нем клейма негде ставить. Но даже такой бешеный недоумок, как Узас, никогда не убьет его.

--- Кирион верен Ночному Призраку, --- ответил Талос.

Ксарл фыркнул.

--- Мы это уже обсуждали. Он --- Астартес, познавший страх. Хуже и быть

не может.

--- Он понимает, что такое страх.

--- И все еще слышит демона, прикартавившего душу Вознесенного?

Талос красноречиво протолчал.

--- Вот именно, --- подытожил Ксарл. ---

Он способен чувствовать страх. Это неестественно. Это извращение.

--- Да, он способен чувствовать чужой страх. Но сам он не боится.

Ксарл покосился на свой ценной меч, дезактивированный и безмолвный.

--- Это все слова. Кирион осквернен Губительными Силами, точно так же как Узас. Но они все еще наши братья, и я доверяю им --- пока что.

--- Ты доверяешь Узасу? --- удивился Талос.

--- Мы --- Первый Коготь, --- ответил Ксарл так, словно это все объясняло. --- На крайней мере, порча Узаса видна с первого взгляда. Кирион намного опасней, брат.

--- Я много раз говорил об этом с Кирионом, --- предостерегающе заметил Талос. --- И повторяю --- ты не прав.

--- Посмотрим. Расскажи мне об этом

вигении.

Талос снова представил Узаса — как тот с топором в руке пробирается по обломкам разрушенного здания и бросается к распростертому на земле Кириону. Он пересказал все это Ксарлу так точно, как только возможно, стараясь ничего не упустить. Он говорил о трубящих в небесах горнах титанов, о запыленной серой кладке рухнувших домов, о магматически красных пятнах ожогов там, где камни расплавились в пышечный огонь богоподобных машин. Он описал, как лезвие топора опустилось, вонзившись в шейное сочленение госпехи Кириона, и как секундой позже хлынула кровь.

— Это похоже на Узаса, — помолчав, согласился Ксарл. — Жестокое убийство беззащитной жертвы. Я уже не уверен, что это только твоя дурацкая шутка.

— Он презирает Кириона, — подчеркнул Талос.

Пророк отошел к той части арены, где к металлической стене были прислонены ножны Аурума.

— Но я ошибался и прежде, — бросил он

через плечо.

Ксарл снова покачал головой. Боевой брат выглядел задумчивым, чего Талос никогда не наблюдал за ним прежде, и эта перемена тревожила своей новизной. Впервые Талос осознал, что Ксарл вполне мог входить в число тех, кто искренне верил его пророческому дару — или проклятию. Он казался почти... обеспокоенным.

— Когда? — спросил Ксарл. — Ты ошибался всего пару раз за много лет. Нет, брат, это понахивает неприятной правдой.

Талос ничего не ответил. Ксарл преподнес ему сюрприз, продолжив:

— Мы все верим тебе. Ты мне не нравишься, брат, — ты знаешь это. С тобой непросто. Ты всегда стопроцентно убежден в своей правоте и порой рискуешь так же глупо, как Вознесенный. Ты с чего-то решил, что возглавляешь Первый Коготь, хотя никто тебя командиром не назначал. Ты был всего лишь апотекарием, а теперь ведешь себя так, будто ты наш сержант. Ложный Трон, ты ведешь себя так, будто ты капитан десятой роты. У

меня сотня причин не любить тебя, и все они вполне веские. Но я доверяю тебе, Талос.

--- Приятно слышать, --- сказал Талос, вкладывая меч в ножны и снова выпрямляясь во весь рост.

--- Когда ты в последний раз ошибался? --- настаивал Ксарл. --- Говори, не стесняйся. Когда в последний раз твои пророчества не сбылись?

--- Давным-давно, --- признал Талос. --- Может, семьдесят лет назад. На Гашик --- планете, где не прекращался дождь. Мне привиделась битва против Имперских Кулаков, но в результате планету никто не защищал.

Ксарл в раздумье почесал щеку:

--- Семьдесят лет. Ты не ошибался почти целый век. Но если Кирион погибнет и если ты прав насчет его незапятнанности, ты сможешь использовать его прогеноидные железы и вырастить нового Астартес. Так что легион ничего не теряет.

Талос начал подумывать о том, чтобы снова обнажить меч.

--- То же самое можно сказать о смерти любого из нас.

Ксарл заломил бровь.

--- Ты бы стал извлекать геносетя Узаса?

--- Ладно, очко в твою пользу.

Так и было. Талос скорее сжег бы такой биологический материал дотла, чем имплантировал потенциальному Повелителю Ночи.

Ксарл кивнул, явно размышляя о чем-то другом, в то время как Талос продолжил:

--- Если это случится, я прикончу Узаса.

Пророк даже не был уверен, слышал ли его брат.

--- Я подумаю об этом, --- сказал Ксарл.

Не добавив ни слова, он сошел с арены, направляясь в окутанные тьмой глубины корабля. После неловкой минуты братской искренности это было намного больше похоже на того Ксарла, к которому привык Талос, --- молчаливо уходящего прочь, державшего свои мысли при себе.

Талосу одновременно хотелось

последовать за Ксарлом и найти Кириона, но секундой позже выбор сделали за него.

Послышались гулкие шаги, и еще одна фигура возникла в первом ряду зрительских сидений. На воине была украшенная зигзагами молний броня, слишком громозвучная даже по меркам Астармес.

--- Пророк, --- провозгласил чемпион Малек из Чернецов.

--- Да, брат?

--- Тебя хотят видеть.

--- Хорошо. --- Талос не сдвинулся с места. --- Передай Вознесенному, что я погружен в медитацию и буду у него через три часа.

Из шлема Малек, формой напоминающего песью голову, раздался громоподобный звук --- так рычит сходящая с горного склона лавина. Вероятно, это был стешок.

--- Нет, пророк, тебя требует к себе не Вознесенный.

--- Кто тогда? --- спросил Талос, поглаживая рукоять вложенного в ножны Аурума. --- Никто не вправе требовать

моего присутствия, Малек. Я не раб.

— В самом деле? Никто? А если
присутствия ясновидца Повелителей Ночи
требует сам Абаддон из Черного легиона?

Талос сглотнул. Он не был ни испуган,
ни встревожен, однако немедленно
насторожился. Это все меняло.

— Магистр Войны желает говорить
со мной, — медленно произнес он, словно
проверяя, правильно ли расслышал.

— Желает. Ты должен быть готов
через час вместе с Первым Когтем. Двое
Чернецов будут сопровождать тебя.

— Мне не нужен почетный эскорт. Я
пойду один.

— Талос, — прорычал Малек.

Талос все еще не сводил с него глаз.
До сих пор ни один из Чернецов не называл
пророка по имени, и это обращение
заставило его ощутить всю серьезность
момента.

— Я слушаю, Малек.

— Сейчас не время действовать в
одиночку, брат. Возьми с собой Первого
Коготь. И не спорь, когда мы с Гарадоном
присоединится к вам. Это такая же

демонстрация силы, как и тактика Вознесенного во время орбитальной войны.

Молчание затянулось на несколько секунд, но в конце концов Талос кивнул.

--- Где состоится встреча?

Малек вскинул громадный кулак. Терминаторская броня лязгнула, сервомоторы суставов взревели в ответ на движение. Из латной рукавицы над костяшками пальцев выскользнули четыре клинка, каждый глиной с предплечье мертвого. По беззвучной команде когти толпы ожили и, оправдывая свое имя, окунулись потрескивающим силовым полем. Резкий мерцающий свет разогнал трек арены.

--- На Солас, --- ответил Малек. --- Магистр Войны шагает по земле последнего из покоренных им миров, и мы должны встретиться с ним там.

--- Черный легион, --- произнес Талос спустя пару мгновений, и на губах его промелькнула кривая ухмылка. --- Сыны Хоруса, за которыми числится не меньше предательств, чем за их павшим отцом.

--- Да, Черный легион.

Когти Малека втянулись обратно в перчатку и затерли в ножнах до следующей активации.

— Поэтому мы пойдём облаченными во тьму.

На поверхности Солас запыленные красно-бурые струнья старых ран перетежались с участками горелой плоти. Этот мир был безобразен во всех отношениях, вплоть до вкуса воздуха. В течение столетий в южном полушарии планеты не прекращались извержения вулканов. Тысячи огнедышащих гор выдыхали пламя, отравляя атмосферу теплом.

Шпили тюремных колоний радовали глаз не больше, чем все остальные детали пейзажа: башни из красного камня, ребристые и грубые, сломанными клинками торчавшие из естественных горных образований. Готическая архитектура, излюбленная во многих имперских мирах, присутствовала и здесь, но в самой примитивной и безыскусной форме. Кто бы ни проектировал

тюремные башни Солас — если вообще можно говорить о каком-то проекте, — он отлично представлял, что этот мир станет домом для отверженных, которых Империя отказывалась считать своими гражданами. Его предубеждение против узников, обреченных явиться на Солас и погибнуть под ее пылыми небесами, сквозило во всех порочных сооружениях.

«Грозовой ястреб» Повелителей Ночи, «Опаленный», прочертил безжизненное небо планеты. Пилот перевел двигатели из орбитального в атмосферный режим.

— На подходе, — предупредил Септимус, медленно опускаая один из семи рычагов, регулировавших тягу.

Сидя в скрипящем пилотском кресле, явно рассчитанном на более крупную фигуру, он щелкал множеством переключателей и следил за зеленым гололитическим дисплеем. Дисплей показывал ландшафт внизу, и картинка обновлялась каждые несколько секунд по показаниям датчика. Высота и скорость медленно снижались. Септимус заговорил, не сводя глаз с экранов консоли:

--- Тюрелный шпиль Дельта-два, это «Громовой ястреб» Восьмого легиона, «Опаленный». Мы заходит с юга. Отвечайте.

Ответом на его запрос была тишина.

--- Что теперь? --- спросил он через плечо.

Талос, в доспехах и при оружии стоявший позади пилотского трона, покачал головой:

--- Можешь не повторять вызов. Черный легион не славится своей способностью восстанавливать инфраструктуру в захваченных мирах.

Кирион, занятый последней проверкой болтера, немедленно вклинился в разговор:

--- А мы?

Талос не обернулся к брату. Все бойцы Первого Когтя выстроились в просторной кабине за тронами первого и второго пилота, занятыми сейчас Сентимусом и Эвридикой. Талос всматривался в тонкую красноватую дымку, рвущуюся при соприкосновении с лобовым иллюминатором рубки. Они приближались к цели.

--- Мы не завоевываем миры, ---
ответил Талос. --- У нас другие способы
воздействия и конечные цели.

Септимус ждал, не вмешиваясь в спор.
Убедившись, что все сказано, он сообщил:

--- Пять минут, господин. Я посажу
катер на верхней площадке башни.

--- Ты стал летать лучше, раб.

Ксарл выступил вперед, положив руку
в бронированной перчатке на спинку
пилотского кресла. Ничего ободряющего в
этом жесте не было.

Септимус видел их отражения в
обзорном экране. Все Астартес стояли без
шлемов: Талос, красивый и строгий;
Кирион, с усталой полуулыбкой на лице;
Ксарл, озлобленный и нагнетчивый; и Узас,
мертвыми глазами уставившийся в
пустоту и облизывающий клыки.

И Эвридика. Ее отражение он
замечал последним, потому что не успел
еще привыкнуть к присутствию девушки.
Их взгляды в зазеркалье лобового стекла
встретились. Эвридика смотрела
бесстрастно --- ее выражение могло
означать что угодно. Растрепанные

каштановые волосы обрамляли лицо девчушки непослушными локонами. Железный обруч все еще скрывал око навигатора. Сентимус часто ловил себя на том, что ему хотелось бы узнать, как выглядит третий глаз.

На Эвридика была поношенная темно-синяя куртка и брюки, как и на других слугах легиона, хотя запахнуть ее в мешковатую униформу стоило немало труда. Она снизошла к уговорам Сентимуса, лишь когда раб заявил, что от нее чудовищно воняет, ведь пленница не меняла одежду уже несколько недель, с тех пор как попала в плен.

Ее еще не успели заклеить. Татүировка, скрытая рубашкой и занимавшая обе его лопатки, зачесалась, словно откликаясь на последнюю мысль. Крылатый череп, вытатүированный черными чернилами, спешанными с кровью Астартес.

Если Эвридика поклянется в верности хозяевам -- и если выживет, -- ее тоже скоро пометят.

Тонкая дылка впереди них раздалась,

и за ней показалась зубчатая цепь гор,
увенчанная высокой башней — по всей
видимости, их пунктом назначения. Талос
и остальные нагвинули шлемы. Септимус
легко различал их, так же как и лица их
хозяев. Шлем Кириона был древней гругик
масок смерти — модель Марк II, с узкими
глазными щелями, стилизованная под
рыцарское забрало. Кирион не увешивал
себя трофеями, зато его доспехи украшали
детально выполненные зигзаги бело-
голубых молний. Двойные молнии бежали
от уголков рубиновых глазных линз, как
ветвящиеся следы слез.

Шлем Ксарла, напротив, был самым
новым — от модели Марк VII, добытой в
недавнем бою с Темными Ангелами. Воин
приказал одному из немногих оставшихся
оружейников переделать шлем, и теперь
поверх забрала появился нарисованный
вручную череп демона. Ксарл
демонстрировал трофеи с гордостью и
знанием дела: его доспехи были обмотаны
цепями с черепами людей и ксеносов, а
свитки с описаниями прошлых деяний
обвивали наплечники.

Узас носил зловещий шлем модели Марк III с грубо разрисованным личником. На темнотемно-синем фоне четко выделялся кровавый отпечаток распластанной пятерни — Узас сделал его сам, обмакнув руку в кровь и прижав к лицевой пластине шлема.

Талосу принадлежал шлем модели Марк V, усыпанный заклепками и недавно искусно отреставрированный Септимусом. На нем изображен был череп цвета побелевшей от времени кости, а посреди лба чернела ностратская руна. Когда Септимус чинил шлем в одной из мастерских «Завета», Эвридика спросила, что обозначает символ.

— Это вроде «облаченных во тьму», — ответил он, обновляя рисунок благоговейно и в то же время с привычной легкостью. — Не переводится точно на низкий готик.

— Мне уже надоело это слышать.

— Но это правда. Нострато был типом большой политики и сложной организованной преступности, проникшей во все слои общества. Тамашний язык произошел от высокого готика, но в устах

безверных, бездоверчивых и безмирных людей за много поколений изменился почти до неузнаваемости.

--- Нет таких слов --- «бездоверчивый» и «безмирный».

Эвридика невольно улыбнулась, продолжая наблюдать за работой оружейника. Она начала привыкать к его неловким ошибкам при попытках говорить на всеобщем.

--- Суть в том, --- сказал Септимус, обводя желтовато-белой краской левую глазную линзу, --- что по меркам готика ностратский очень возвышенный и поэтический язык.

--- Бандитам нравится мнить себя светочами культуры, --- бросила девушка с презрительной гримасой.

К ее удивлению, Септимус кивнул:

--- Судя по тому, что я знаю о ностратской истории, да. Я тоже пришел к такому заключению. Язык стал очень... не знаю, как сказать.

--- Цветистым?

Он пожал плечами:

--- Что-то вроде того.

--- Так что же означает этот символ?

--- Это комбинация трех букв, которые, в свою очередь, соответствуют трем словам. Чем сложнее символ, тем большее число концепций и букв он включает.

--- Зря я спросила.

--- Лагно, --- сказал он, все еще не отрывая глаз от работы. --- Если перевести дословно, это означает: «Обрывающий жизни и собирающий сущности».

--- И как это будет по-ностратски?

Септимус произнес три слова, и Эвридике понравилось их звучание. Плавное, изысканное и странно леденящее кровь. Ностратский, решила она, похож на шепот убийцы, склонившегося над постелью и прикившего к уху спящей жертвы.

--- А можно короче? --- попросила девушка, чувствуя, как при звуках голоса, выговаривающего слова мертвого языка, по коже бегут мурашки. --- Дословно или нет, не важно, --- что это значит?

--- Это значит «Ловец Душ», ---
ответил Септимус, поднимая шлем и
изучая свою работу.

--- Остальные Повелители Ночи
называют твоего хозяина так?

--- Нет. Этим именем его нарек их
отец-примарх, погибший мученической
смертью. У его любимых сынов из
Восьмого легиона были... титұлы, или
прозвища, вроде этого. Для остальных он
был апотекарием Талосом из Первого
Когтя или «пророком» десятой роты. Для
Ночного Призрака, повелителя Восьмого
легиона, он был Ловцом Душ.

--- Почему? --- спросила она.

И Септимус рассказал ей.

«Громовай ястреб» в облаке пара
опустился на посадочную площадку. Когти-
опоры лязгнули, приняв на себя вес
катера. Из-под рубки, взревев гидравликой,
высунулся трап. Едва он грянулся о палубу,
Повелители Ночи высадились, держа
оружие наготове.

Талос с активированным Аурұтом и
взведенной Анафетой шагал впереди.

Первый Козоть шел следом, держа болтеры на изготовку. А за ними, под рев сервосуставов и грохот тяжелых ботинок, двигались облаченные в терминаторскую броню Малек и Гарагон.

За несколько секунд до того, как «Опаленный» совершил посадку, Септимус получил приказ оставаться на корабле. Ужасно, хотя приказ не касался Эвридики — которую Повелители Ночи до сих пор по большей части игнорировали, — девушка осталась с Септимусом.

— Септимус, — сказал Талос, — если кто-то приблизится к «Грозовому ястребу», дай один предупреждающий выстрел, а затем открывай огонь.

Раб кивнул. «Опаленный» мог похвастаться внушительным вооружением: штурмовые болтеры были установлены на крыльях и по бокам катера. Орудия обслуживали сервиторы, лишённые конечностей и подключённые непосредственно к артиллерийским консолям. Болтерами можно было управлять и с главной консоли рубки, что оказалось очень кстати, учитывая

сильный недобор сервиторов в десятой
роме. Расчеты ителись лишь у половины
орудий «Опаленного». Несколько «Астребов»
на борту «Завета» остались вообще без
сервиторов.

Астартес продвигались быстро, но
осторожно. Палуба посадочной площадки
была пуста. Над ней нависло звездное небо,
по которому пробежали редкие бесцветные
облака. На северной оконечности
обожженной корабельными выхлопами
платформы виднелась небольшая
постройка с двойными дверями, ведущими
внутрь башни.

--- Похоже на лифт, --- кивнул Ксарл на
приземистое сооружение.

--- Похоже на ловушку, --- проворчал
Узас.

Как по команде, двойные двери с
механическим гудением разъехались в
стороны. За ними обнаружилась
освещенная кабина лифта и четыре
застывшие в ней фигуры.

--- Я был прав, --- заметил Ксарл.

--- Может, и я тоже, --- упрямо буркнул
Узас.

--- Тишина! --- равкнул Талос в вокс, и Малек из Чернецов эхом повторил его приказ.

Талос хотел одернуть чемпиона, но формально у него самого было не больше прав командовать Первым Когтем, чем у Малек. К тому же Малек превосходил его рангом.

Темные фигуры выступили из просторной кабины и шагнули на площадку. Их неуклюжая, тяжелая поступь напоминала походку закованных в терминаторскую броню Чернецов.

Первый Коготь синхронно вскинул болтеры. Каждый боец выбрал одну из четырех целей. Малек и Гарагон подняли оружие ближнего боя, прикрывая отряд с флангов.

--- Юстерианцы, --- предупредил Малек.

Остальным было знакомо это слово. Элитное отделение терминаторов первой роты Сынов Хоруса.

--- Возможно, уже нет, --- ответил Талос, не опуская болтера. --- Нам неизвестно, сохранили ли они это имя.

Времена меняются.

Четверка красноглазых, закованных в черную броню терминаторов приблизилась, держа Повелителей Ночи на прицеле. Двуствольные болтеры с латунными дулами и наручная, искусно изукрашенная автомаша с двутягловыми, каждый с копье глиной, --- все это неприветливо уставилось на гостей. Терминаторы Повелителей Ночи носили поверх доспехов темные плащи. Из-за горбатых спин воинов Черного легиона торчали шипастые пики для трофеев. В качестве экспонатов на них были нанизаны целые коллекции шлемов Астартес из разных имперских орденов. Талос узнал цвета Багровых Кулаков, Гвардии Ворона и нескольких орденов, с которыми прежде не встречался. Непостоянные имперские псы. Они плодились и множились, как паразиты.

--- Кто из вас Талос?

Голос командира терминаторов, раздавшийся из динамиков шлема, звучал, как расстроенный вокал --- сплошной треск и шипение.

Талос кивнул черному легионеру:

--- Тот, чей меч нацелен на твое сердце, а болтер --- на твою голову.

--- Впечатляющий клинок, я скажу тебе, пророк, --- прохрипел терминатор, указывая штурмовым болтером на нацеленный ему в грудь Аурум.

Талос взглянул, куда указывало золотое лезвие, и прочел надпись на доспехах воина. Полустершаяся гравировка гласила: «Фалькус».

--- Пожалуйста, --- передал Кирион по внутреннему каналу отряда, --- не говорите мне, что этот стишок был попыткой сострить.

--- Фалькус, --- медленно произнес Талос. --- Я Талос из Восьмого легиона. Со мной Первый Коготь десятой роты, а также чемпион Малек и Гарагон, Молот Вознесенного. Оба они из Чернецов.

--- Вы набрали себе немало титулов, --- сказал другой терминатор, тот, что держал длинноствольную автомашку.

Голос у него был ниже, чем у первого, а на голове красовался рогатый шлем, как у Гарагона.

--- Мы прикончили немало людей, ---
ответил Ксарл.

Чтобы придать вес своим словам, он навел болтер поочередно на каждого из черных легионеров. Самая настоящая бравада: наглая, нервная, в чем-то даже ребяческая. Талоса раздосадовало то, что подобные театральные жесты были необходимы.

--- Мы все здесь союзники, вставшие под знамена Магистра Войны, --- сказал обладатель пушки. --- Нет нужды проявлять такую враждебность.

--- Тогда опустите оружие первыми, --- предложил Ксарл.

--- Как вежливые и радужные хозяева, которыми вы, без сомнения, являетесь, --- добавил Кирион.

Кто-то из отделения --- Талос не был уверен, кто именно, --- связался по закрытому каналу с Септимусом на «Опаленном». Талос понял это после того, как штурмовые болтеры правого борта и крыла развернулись, взяв на прицел четверых терминаторов Черного легиона.

Узаящий штрих, подумал он.

Вероятно, идея Ксарла.

Солдаты Магистра Войны опустили оружие секундой позже, не демонстрируя ни воодушевления, ни особой слаженности в движениях.

--- Они слишком небрежны, --- передал Тарагон по воксу.

В голосе его явственно слышалось отвращение.

--- Угем, братья, --- сказал первый из терминаторов Черного легиона, склоняя угродливый шлем. --- Магистр Войны, одаренный милостью Темных Богов, хочет вас видеть.

Лишь когда черные легионеры развернулись и зашагали к лифту первыми, Повелители Ночи опустили оружие.

--- А вы помните те времена, когда мы доверяли друг другу? --- спросил Кирион по воксу.

--- Нет, --- отрезал Ксарл.

--- Давайте быстрее покончим с этим, --- перебил их Талос.

Возражений ни у кого не нашлось.

В тюрьме, похоже, был бунт.

По мере того как Астартес спускались, за окнами лифта мелькали просторные красные залы — этаж за этажом, переполненные орущими, дерущимися и бегущими заключенными. На одном из этажей в окне возникло лицо кричащего мужчины — он молотил по стеклу кулаками, оставляя кровавые отпечатки. Увидев, кто находится в кабине, мужчина отшатнулся. Разумное решение, учитывая, что Узас как раз собрался прикончить глупца выстрелом из болтера.

— Их всех загонят на корабли для невольников, уже готовые к войне против тира-кузни, — гортанно прорычал легионер с автомашкой. — А пока пусть потешат свою жажду крови. С тех пор как их сюда засадили, у них не было такой возможности.

— Мы их освободили, — сказал лидер, Фалькус. — Мы разблокировали катеры и выпустили заключенных. И первые минуты свободы они использовали на то, чтобы перебить уцелевших охранников.

Судя по интонации, это льстило ему и одновременно забавляло.

Сквозь крики иногда прорывались приглушенные стенами лифта звуки выстрелов. Видимо, не все охранники готовы были сдаться без боя.

Дернувшись, лифт остановился на одном из этажей, но виду ничем не отличавшемся от остальных. Там бушевала толпа. Заключение, многие из которых были полураздеты и вооружены кухонной утварью и обломками мебели, с редкостным энтузиазмом избивали друг друга до смерти.

До тех пор пока двери лифта не открылись.

Из всех исходных легионов, отвергнувших свет Ложного Императора, Талос сильней всего презирал Черный легион — Сынов Хоруса. Его мучило при мысли, как низко они пали за годы, прошедшие после смерти их отца-притарха. На взгляд Талоса, в них слились все существующие в мире пороки и извращения; вооруженные и облаченные в доспехи Астартес, они не сохранили и

малой толики благородства, некогда и
присущего. Многие из них являлись с
демонами, сражались на стороне адских
тварей и прислушивались к шепоткам из
варна, надеясь обрести тайное знание.
Талос презирал воинов Черного легиона,
продавшихся Губительным Силам, так же
как презирал одержимого демоном и
потерявшего власть над собственной
душой Вознесенного.

Но когда двери лифта раздвинулись,
на какую-то секунду, мимолетной
вспышкой, к нему пришло понимание того,
почему они избрали такую жизнь.

Перед ними протянулось глиняное
помещение. По обе стороны от
центрального прохода друг против друга
располагались ряды катер. Все двери были
распахнуты. То тут, то там кровавыми
пятнами темнели останки охранников,
растерзанных вырвавшимися на свободу
заключенными. А сами узники — около
трех сотен бандитов, убийц и насильников
— внезапно умолкли.

В том же молчании они встали на
колени лицом к лифту, низко склонив

головы.

Терминаторы Черного легиона выбрались из лифта и, сгорбив шинастые спины, зашагали по центральному коридору, не обращая ни малейшего внимания на преклонявшихся перед ними. Их власть была очевидна. Они ни в чем не ограничивали себя, не страдали от нехватки рабов и не прятались от ярости Императора. И, пусть всего лишь на секунду, Талос ощутил притягательность такой жизни. Он понял их, хотя и не перестал ненавидеть.

Повелители Ночи шли следом за черными легионерами. Талос подозревал, что остальным хочется обнажить оружие не меньше, чем ему. Смертные, приведенные страхом к покорности, — к этому было не привыкать. Но то, что происходило здесь, напоминало чем-то другим. В воздухе витал запах серы, и даже дыхательные фильтры брони не могли с ним справиться. Для того чтобы внушить такое сильное благоговение за столь короткое время, наверняка потребовалась помощь магии или демонов.

В конце коридора еще огни
двустворчатые двери вели в квадратное
помещение, где свет был почти полностью
приглушен. Как только за Астартес
захлопнулись створки, до Талоса донеслись
звуки возобновившейся потасовки. Как ни
странно, этот грохот внушал больше
уверенности, чем тишина.

Комната, куда они вошли, еще
недавно была тюремной столовой. В
самом начале бунта заключенные разнесли
ее вдребезги, оставив позади себя кладбище
слопанных столов, стульев и трупы
двадцати двух охранников и бывших
сокамерников, изуродованные в большей
или меньшей степени. Еще несколько
дверей вели вглубь тюремного блока, но
Талосу не суждено было увидеть, что за
ними находится.

— Что за создание человек, — произнес
тот, кто стоял посреди разгромленной
комнаты, — если первые секунды свободы он
посвящает тому, чтобы разорить
собственное пристанище.

Воины Черного легиона опустились
на колени. Сочленения доспехов возмущенно

взвыли в ответ на непривычное движение. Терминаторская броня не была предназначена для того, чтобы выражать рабскую покорность. Она была создана для убийства без границ, без жалости и без промедления. Талос сжал зубы, увидев, как престыкаются элитные гвардейцы Магистра Войны. Даже Чернецы, лучшие воины десятой роты, никогда не склоняли колени перед Вознесенным.

Фигура в центре комнаты развернулась, и Талос встретил взгляд самого могущественного и самого грозного существа в галактике. Существо приветливо улыбнулось.

--- Талос, --- сказал Абаддон Разоритель, Магистр Войны Хаоса. --- Нам с тобой надо поговорить.

МАГИСТР ВОЙНЫ

Если вас окружили враги,
демонстрируйте им лишь свою
силу.

Никогда не подставляйте
обнаженное горло, никогда не
вкладывайте меч в ножны.

Мы -- Астартес. Мы не
дипломаты. Не послы. Все мы --
воины.

Если вы проникли в
крепость врага, основная его
оборона уже сломлена.

У вас все преимущества.
Используйте их.

Военный теоретик
Малкарион

Выдержка из книги
«Темный путь»

Когда Абагдон говорил, он улыбался.

Улыбка была последним, чего ожидал
Талос.

В своей терминаторской броне
Магистр Войны равно затмевал и
собственных людей, и Чернецов. Черный
кератит его доспеха был украшен искусной
отделкой, медной и бронзовой окантовкой,
а в центре нагрудника свирепо щурилось
огненное Око Хоруса с вертикальным
зрачком. Широкие плечи Магистра
Войны покрывал плащ из серебристо-серого
меха — шкуры гигантского волка. Как и у
его элитных бойцов, из-за спины Абагдона
торчали пики для трофеев, и на каждую
было насажено по несколько шлемов
Астартес. Некоторые из них безжизненно
лежали прямо на Талоса —
недвусмысленное напоминание о
миллионах жизней, сгинувших за десять
тысячелетий Ереси и восстаний,

развязанных Магистром Войны.

Его правую руку венчала зловещая энергетическая перчатка архаического и уникального образца. Изогнутые когти-лезвия, глиной с предплечье Астартес, поблескивали в тусклом свете мерцающих настенных ламп. Хорус, возлюбленный сын Императора, носил эту перчатку во времена Великого Крестового Похода и последовавшей за ним Ереси. Ею он убил примарха Кровавых Ангелов, Сангвиния, и смертельно ранил Императора. Теперь устрашающее оружие облекало кулак его генетического сына, вождя его навшего легиона.

Это оружие само по себе вызывало желание преклонить колени в знак уважения к тому, кто владел роковыми лезвиями — величайшим символом Ереси.

Однако лицо Магистра Войны притягивало взор Талоса сильнее всего остального. Абaddonа нельзя было назвать красивым. То стертоносное величие, что излучал владыка Черного легиона, никогда не могло бы исходить от обычного смертного. Его лицо покрывали морщины и

исчертили ирары многорекорой войны ---
свидетельства тысяч битв на тысячах
планет. Череп обрив налысо, не считая
пучка волос цвета воронора крыла на
такуюшке.

В глазах Абадгона Талос увидел
гибель галактики. Они пылали
внутренним огнем --- яростным пламенем,
порожденным мечтами о завоеваниях,
заполнявшими каждый миг жизни
Магистра Войны. Но ярость эта была с
привкусом отчаяния, а мечты
стеснивались с жаждой мести.

Как и сам Хаос, Абадгона разрывали
противоречия.

И Талос мгновенно возненавидел эту
теплую, приветливую улыбку. Он почти
ощущал запах скверны, исходящий от
Магистра Войны, --- вонь горелого
металла и гниющей плоти, доносящаяся у
того из-под кожи. Запах раздражал и
тучил Талоса.

--- Вы это чувствуете? --- передал он
по воксу Первому Когтю.

--- Да, --- ответил Ксарл. --- Я чую
тухлятину... и кое-что еще. Они

переполнены скверной. Все они. Если
заглянуть под доспехи терминаторов,
наверняка окажется, что их тела
мutilировали.

Дальнейшие реплики были не особенно
содержательны.

--- От Магистра Войны несет так,
словно он кипятил человеческое мясо в
машинном масле, --- выдал Кирион.

От Узаса Талос получил только
сигнал подтверждения --- одиночный разряд
статики, означавший «да».

--- Благодарю тебя за то, что пришел
ко мне, брат, --- произнес Магистр Войны.

Слова его были гружелюбны, в
отличие от голоса. Голос Абaddonа,
гортанный и резкий, рычанием вырывался
из глотки. Еще одно противоречие в
растущем списке. Талос задался вопросом,
какая часть из этого была заранее
обдуманной хитростью, предназначенной для
того, чтобы вызвать растерянность у
просителей.

--- Я пришел, Магистр Войны, ---
ответил Талос, в то время как сетка
целеуказателя его шлема навелась на

командира Черного легиона и затизала
белым, выявляя скрытое оружие.

Коготь Хоруса. Штурмовой болтер,
закрепленный на легендарной силовой
перчатке. И меч на бедре.

«Угроза». Ностратская рүна тревоги
затерцала на экране визора. Талос не стал
ее отключать.

--- И ты не преклонил колени, ---
заметил Абaddon.

Его рык не позволил словам
прозвучать вопросительно.

--- Я склоняю колени только перед
тоим притархом, Магистр Войны. Со дня
его смерти я не преклоняюсь ни перед кем.
Я не желал оскорбить вас.

--- Понимаю.

На секунду взгляд Талоса приковал
Коготь Хоруса --- Магистр Войны повел
серповидными лезвиями, указывая на дверь.

--- Братья мои, и наши благородные
гости, Повелители Ночи... Оставьте нас.
Пророку и мне надо о многом поговорить.

Вокс-линк Талоса включился со
щелчком.

--- Мы будем поблизости, --- передал

Кирион.

--- Мы останемся с юстерианцами, ---
проворчал Малек.

Судя по его тону, чемпиону
Повелителей Ночи не терпелось ввязаться
в драку.

Кирион тоже это заметил.

--- Ты говоришь так, словно надеешься,
что они затеют какую-нибудь пакость.

Ни один из Чернецов не ответил,
хотя остальным были слышны
приглушенные щелчки их воксов --- двое
терминаторов обменялись закрытыми
сообщениями.

Когда пророк и Магистр Войны
остались одни в разрушенной тюремной
столовой, Талос внимательно осмотрел
комнату. Взгляд его скользнул по грудам
мусора.

--- Не совсем то место, где я ожидал
застать вас, сэр.

--- Нет?

Абагдон приблизился. Тяжелая броня
затрудняла его шаг, и все же поступь
Магистра Войны казалась отчего-то
более угрожающей, чем у других

терминаторов. Дело в скудости движений, сообразил Талос. Каждый шаг и жест Абаддона были точны и выверены -- ничего лишнего. Броня стала его второй кожей.

-- Разграбленная столовая в тюремной башне. Едва ли подходящее место для встречи с тем, кто некогда возглавлял всех нас.

-- Я все еще возглавляю вас, Талос.

-- С определенной точки зрения, -- признал Повелитель Ночи.

-- Я хотел осмотреть помещения этой тюремной башни, и у меня нет ни времени, ни желания устраивать бесполезные церемонии. Я был здесь, и я призывал тебя. Так что здесь мы и встретились.

Превосходство, прозвучавшее в голосе командующего, вызвало у Талоса оскотину. Да кто он такой, чтобы говорить в подобном тоне с одним из сынов Конрада Күрца? Капитан павшего легиона, вдобавок затронутый демонической порчей. Его сила заслуживает уважения, но не униженного стирения и не рабской покорности.

--- Я здесь, Магистр Войны. Теперь скажи мне, для чего.

--- Для того чтобы мы встретились лицом к лицу. В Черном легионе немало своих пророков и чародеев, Талос.

--- Я это слышал.

--- Я ценю их дар, и они играют ключевую роль в моих планах. Я внимательно прислушиваюсь к их словам.

--- И это я тоже слышал.

--- Вот как...

И вновь ненавистная улыбка.

--- Это заставило меня задуматься, на своем ли ты месте? Ты доволен той жизнью, что может предложить тебе твой легион? В достаточной ли мере они чтят твой дар?

И тут все стало на свои места --- Талос понял, зачем его вызвали. Как прямолинейно и грубо...

Повелитель Ночи подавил гневный рык. Взгляд сужившихся глаз запер на руну угрозы, все еще мерцавшей на дисплее визора. Системы брони зарегистрировали участвовавшее сердцебиение и, предвидя возможность боя, ввели в кровь хозяина

мощные стимуляторы. Лишь через несколько секунд Талос судорожно выдохнул и вновь заговорил, стараясь не обращать внимания на охвативший мышцы огонь:

--- Я не причисляю себя к той породе существ, которую вы зовете чародеями, сэр.

Абагдон перестал мерить шагами комнату и уставился на собственное отражение в серебристом металле энергетического когтя.

--- Ты полагаешь, что я не улавливаю неодобрения в твоём голосе?

--- Очевидно, нет, милорд. Это не просто неодобрение, а отвращение.

Теперь Абагдон наконец-то взглянул на него. Лезвия древнего когтя тихо и плавно разрезали воздух. Это казалось почти привычкой --- так смертный со скуки хрустит костяшками пальцев. Коготь Разорителя всегда находился в движении, всегда что-то крошил --- пусть сейчас это был только воздух.

--- Ты оскорбляешь меня, Повелитель Ночи, --- задумчиво протянул Абагдон.

С губ его все еще не сходила улыбка.

— Я не могу изменить суть нашего легиона, Магистр Войны. Я тот, кем ты называл меня, — я Повелитель Ночи. Не оскверненный варпом колдун и не мерзостный творец заклинаний. Во мне живет геносемя Ночного Призрака. От отца — а не от Губительных Сил — я унаследовал этот... дар.

— Твоя прямота освежает.

— Странно это слышать, Магистр Войны.

— Талос, — сказал Абаддон, вновь оборачиваясь к Повелителю Ночи. — Я планирую новый Черный Крестовый Поход.

Тут он замолчал, подняв коготь. Талос невольно вспомнил виденную однажды картину — портрет Хоруса, сжимавшего горящую планету в этой самой перчатке. В то время Талос решил, что на картине изображена Терра. Урония заключалась в том, что портрет запечатлел сокрушительное поражение Хоруса — в его пальцах полыхал единственный мир, который ему не удалось покорить.

— На сей раз... — Магистр Войны

прикрыл свои нечеловеческие глаза, и серебряные лезвия дрогнули. -- ...на сей раз планеты-крепости у Врат Кагуанских будут гореть до тех пор, пока на поверхности не останется ничего, кроме пепла. На сей раз сама Кагуя падет.

Талос наблюдал за Магистром Войны, не говоря ни слова, пока экстатический восторг Аббагона не угас и тот не открыл глаза. Повелитель Ночи нарушил воцарившуюся меж ними тишину, шагнув к трупу заключенного и опустившись на колени рядом с убитым. Кровь человека залила обломки стола, на котором он лежал, однако умерший заключенный от сильного удара в висок. Талос обмакнул два пальца в лужу сворачивающейся крови и затем поднес их к решетке шлема, чтобы вдохнуть металлический запах.

Он жаждал ощутить этот железистый вкус, хотел почувствовать, как жизненная субстанция вливается в его генетически измененное тело, впивается в вены, а вместе с ней и призрачное эхо мечтаний смертного, его

страхов и желаний.

Чудо физиологии Астартес ---
ощутить вкус жизни того, чью кровь ты
пролил. Устинный дар охотника.

--- Кажется, мои слова тебя не
впечатлили, --- заметил Магистр Войны.

--- Со всем уважением, сэр, но все ваши
предыдущие крестовые походы окончились
неудачей.

--- В самом деле? Не хочешь ли ты
сказать, что принадлежишь к
внутреннему кругу моих приближенных и
способен судить, осуществились ли мои
планы, и достиг ли я намеченных целей?

Талос сжал кулак --- ту самую
перчатку, которую скоро заменит латная
рукавица Фаровена.

--- Вы наносите Империи удар за
ударом, но это никак не помогает нашему
делу. Вы спрашиваете, встанут ли
Повелители Ночи рядом с вами, когда вы
атакуете Кадию? Я не могу говорить за
весь легион. Вознесенный последует за
вами, как и всегда. Я уверен, что и многие
другие из наших командиров поступят так
же.

Абадгон кивнул, как будто услышав подтверждение своим словам. Вены на его щеках потемнели -- Магистр Войны ухмыльнулся.

-- Ты говоришь об отсутствии единства. Твоему легиону не хватает вождя.

-- Многие претендуют на роль наследников Ночного Призрака. Мастер Когтя исчез, но его претензии были не более обоснованны, чем у других, -- даже несмотря на то, что он владел одной из наших священных реликвий. У многих есть схожие предметы, ранее принадлежавшие нашему отцу. Капитан Арцебус возглавляет крупнейшую коалицию, но и от его настойчивости разит властолюбием и отчаянием. Ни один истинный наследник так и не объявился, в отличие от вас и вашего легиона. Трон нашего отца остается пуст.

-- И снова я слышу тревогу в твоих словах.

-- Я не пытаюсь скрыть ее, Магистр Войны.

-- Замечательно. Так скажи мне:

неужели в глубине души ты сам не желаешь занять пустующий трон?

Талос замер. Такого он не ожидал. Он предполагал, что Магистр Войны натеревается каким-то образом использовать его проклятие. Возможно, даже попытается переманить Талоса в Черный легион в качестве личного советника. Но это...

Это было что-то новенькое. И, как заподозрил Талос, это также было чистой воды блефом, предназначенным для того, чтобы посеять смятницу в его мыслях.

--- Нет, --- ответил он.

--- Ты колебался.

--- Вы задали трудный вопрос.

Абаддон подошел ближе к Талосу. Обломки хрустели под его бронированными подошвами. Череп и шлемы на пиках глядящих трофеев стучали друг о друга, рождая странную клацающую мелодию, словно изграл какой-то варварский музыкальный инструмент.

«Угроза». Руна тревожно затерцала, и Повелитель Ночи взглянул сквозь красный экран визора на Магистра Войны.

стоявшего в каких-нибудь десяти метрах от него. Талос не мог не сравнивать Абаддона с первым обладателем этого титула. С Хорусом, возлюбленным сыном Императора, Повелителем восемнадцати легионов. Талос видел Воителя всего лишь раз, но это стало одним из ярчайших его воспоминаний.

--- Однажды я видел Воителя, --- произнес он вслух, прежде чем сообразил, что делает.

Абаддон хмыкнул. Воздух огласили хриплые, похожие на рычание звуки.

--- Где?

--- На Дэрроутаре. Мы сражались рядом с Лунными Волками в столице.

--- Лунные Волки.

Абаддон встретил первое имя легиона неприкрытой насмешкой. То самое имя, которое использовалось прежде, чем они стали Сынами Хоруса в честь своего примарха, и задолго до того, как превратились в Черный легион, чтобы стереть память о позорном поражении их отца.

--- Дни слепоты и войны, основанной на

звучнейшем обмане.

--- Верно. Но также и дни единства, ---
отозвался Талос.

Он вспомнил великоление Хоруса, шагавшего во главе легиона в серовато-белых доспехах, отполированных до жемчужного блеска. Он был человеком... и в то же время чем-то большим. Астартес... но и больше чем Астартес. Первый примарх воплотил собой всю славу и величие человеческой расы, доведенные до совершенства генотехниками и хирургами в тайных лабораториях Императорского Дворца.

Находиться в его присутствии означало омываться в потоке света, испытывать восторг куда более живой и глубокий, чем тот, что давали стимуляторы в крови Астартес. Его слепящее совершенство притягивало --- просто ступив на поле боя, Хорус становился центром происходящего. Сердцем битвы, вихрем уничтожения, незапятнанным грязью и кровью даже в те секунды, когда он пожинал вражеские жизни.

А ведь Талос видел его лишь тельком. Образ живого бога сложился из нечетких, увеличенных визором шлема изображений с противоположного конца плацдарма --- Талос тогда пробивался через разрушенные городские кварталы к передовым линиям Лунных Волков. Он словно смотрел на ожившую статую героя древности.

Повелитель Ночи взглянул на Абаддона.

Как меняются времена.

--- Что ты помнишь о Хорусе? --- спросил Абаддон.

--- Его свет ранил мои глаза, даже на расстоянии... Я ведь был рожден на Нострато, --- добавил он, зная, что это все объяснит.

--- Повелители Ночи. Вы все воспринимаете так буквально.

Это наблюдение, похоже, позабавило Абаддона. Талос вновь поразился его телочности --- и тут Повелителя Ночи осенило. Абаддон был воплощением того, во что превратились бывшие легионы. Глядя на него, Талос наконец-то понял, что никто из Астартес-предателей не может

сравниться с их прародителями-притархами. Ни один из ныне живущих не смел претендовать на это наследие. Все они были лишь тенями, бледным подобием своих отцов, а их отцы проиграли.

Мысль была унижительной, и меланхолия вновь потянулась к нему цепким когтем. Повелитель Ночи с презрительной гримасой отбросил досадные помыслы и сосредоточился на данных целеуказателя, нащупывавшего слабые места в госпехе Абэггона. Надо признать, их нашлось немного, и все же Талос ощутил, как машинный дух его брони пробуждается. Воина захлестнула волна чужого гнева. Это помогло взять себя в руки.

— Вы до сих пор не сказали, зачем призывали меня, Магистр Войны.

— Что ж, тогда прямо перейду к делу. В конце концов, нам вскоре предстоит крестовый поход. Скажи мне, пророк, в твоих последних видениях было что-то о Критской войне?

— Нет, — немедленно солгал Талос.

— Нет. — Магистр Войны сунул

глаза. — Просто нет. Как информативно.

— Я не видел ничего, что помогло бы вам составить план операции, ничего, что дало бы вам новые сведения или принесло хоть какую-то пользу.

— И все же что-то ты видел.

— Ничего такого, о чем у вас есть право спрашивать.

Когти перчатки сошлись с легким звоном. Абаддон сошкнул и разошкнул их всего один раз.

— Я не славлюсь терпением, — протянул Магистр Войны. В голосе его явно слышалась угроза. — Но мне хватит и того, что мои предположения подтвердились. Ты пророк, и ты видел то, что грядет.

— Похоже, вас сильно интересуют мои видения. Я полагал, у вас есть собственные чародеи.

Талос не смог сдержать нотку наплевистой гордости. Абаддон то ли не заметил его тона, то ли не придал ему значения.

— Им трудно пробить завесу варна. Ты, очевидно, сумел сделать то, на что

они не способны. Ты видел будущее. Тебя не должно удивлять, что твой командир желает получить эту информацию.

Талос ничего не ответил, зная, что последует дальше.

--- Талос, брат мой. У меня есть для тебя предложение.

--- Я отказываюсь. Благодарю за честь, в чем бы ни состояло это предложение, но мой ответ «нет».

--- К чему такой резкий отказ?

Теперь Абaddon нахмурился, впервые за время разговора. Уз-под скривившихся мертвенно-синих губ показались гнилые черные зубы.

--- Если вы предлагаете мне возглавить Восьмой легион, я отказываюсь, потому что это невыполнимая задача, и не в вашей власти назначать наших командиров. Если вы просите меня оставить мой легион, я отказываюсь, потому что не собираюсь этого делать.

--- Ты отклоняешь мое предложение, даже не выслушав его.

--- Потому что оно не в моих

интересах. От нас и так осталось
немного, Магистр Войны. Я больше не
верю в то, что мы несем гибель
Империи. Я не верю в то, что мы
продолжаем дело своих отцов. Скверна
проникла в сердца слишком многих из нас.

— Тогда почему ты все еще
сражаешься?

Гневная гримаса не сходила с лица
Абаддона. Он по-прежнему сжимал зубы и
яростно сверкал глазами.

— Потому что мне не остается
ничего другого. Я был рожден для боя и
закален в пламени войны. Я — Астартес. Я
сражаюсь, потому что сражение — наш
долг. Император оставил Великий
Крестовый Поход и возжелал, чтобы
человечество вытостило ему дорогу к
божественному престолу. Я не думаю, что
нам удастся сбросить его с Золотого
Трона, но зло и гордыня не должны
остаться безнаказанными.

— А что насчет Курца?

Талос резко шагнул вперед. Мощные
мышцы Повелителя Ночи вздулись
буграми под темно-синей броней.

--- Ты не стеешь произносить его имя с таким неуважением, Абагдон.

--- Ты думаешь напугать меня, червь?

--- Я думаю, что называю твоего примарха Воителем, несмотря на его поражение. Ты должен говорить с равным почтением о владыке моего легиона, который сохранил достоинство даже в смерти.

--- Хорошо, тогда что насчет Ночного Призрака? Или его убийство ничего для тебя не значит?

--- Император предал моего генетического отца. Даже если забыть об идеалах Великой Ереси, одно лишь желание отомстить делает гибель Императора всем смыслом моего существования.

Услышав это, Абагдон снова кивнул:

--- Я чту Повелителей Ночи как братьев, но ты был прав. Вы -- сломленный легион.

--- А вы нет?

Магистр Войны развернулся. Голос его упал до угрожающего шепота:

--- Что ты сказал?

«Угроза, угроза, угроза», — затигала
руна.

— Магистр Войны, разве вы
сражаетесь потому, что до сих пор верите
в победу? После столетий поражений,
после неугадавшихся Черных Крестовых
Походов, после междоусобицы, которая
обескровила ваш легион и принесла ему
позорную славу среди других легионов?
Разве не правда, что ваши люди прогались
в рабство демонам, лишь бы восполнить
потери, которые вы понесли со смерти
примарха? Вы сосете силу из других,
потому что ваша почти на исходе.

Ответом на это заявление была
тишина. И Талос снова ее нарушил:

— Эта встреча — лишнее тому
подтверждение. Вы пытаетесь вызнать,
как той дар может послужить вашим
гибнущим армиям.

Абагдон мог бы расстяться. Так
поступил бы великий вождь — он постылся
бы вместе с Талосом, чтобы перетянуть
его на свою сторону с помощью убеждения и
взаимной симпатии, даже будь это
сплошным обманом. Но Абагдон не был

таким вождем. Но крайней мере, ему
хватило ума понять, что Талос не
поддастся на уловки.

Штурмовой болтер равкнул всего
один раз. Сгвоенное дуло изрыгнуло два
снаряда. Два болта, вылетевшие из
воняющих демонических настей цвета
грязной меди, ударили в нагрудник Талоса.
Нагрудник, украшенный изувеченным
имперским орлом, треснул. Но унасть
воина заставили не сати снаряды, а
хлынувший из них черный газ.

Талос и глазом не успел моргнуть,
как рухнул на колени. На дисплее
вспыхнули сигналы тревоги и рунические
показания датчиков биометрии.
Показатели стремительно ухудшались.
Машинный дух брони пришел в ярость.
Через сенсорные соединения воин ощутил
его неистовое желание истребить все
живое вокруг. Инстинкт Астартес.
Защищай себя, уничтожая любую угрозу.

Машинный дух брони Талоса был
полукровкой. За годы войны он поглотил
множество других комплектов доспехов, и
в сознании его в равной степени смешались

гордыня, опаска и злоба. Сейчас эта тварь
ревела в крови Талоса, завывала в
черепных разъемах, в позвоночнике и
конечностях, разжигая собственную ярость
Астартес. Один взгляд на рунический
дисплей визора объяснил причину его гнева.
Машинный дух не способен был
притириться с тем, что жизненные
показатели хозяина падали, в то время
как все боеприпасы оставались
неизрасходованными.

Повелитель Ночи был ранен и не
ответил на удар. Это было неправильно.
Бой велся не так. Прежде подобного не
случалось.

«Охотничье зрение», — приказал
Талос духу брони. Картина на дисплее
стенилась тепловидением, сочетанием
красно-голубых тонов, но угдуливая
газовая дымка отчего-то осталась
непроницаемой.

А Талос действительно задыхался,
что уже само по себе было безумием. С
каждым вдохом он втягивал в легкие
новую порцию черного газа, сочившегося
сквозь трещину в нагруднике. Газ пах

расплавленной столой и на вкус был как спекшаяся в пламени земля через неделю после сражения. Повелитель Ночи почувствовал, как мышцы глотки и груди сжимаются, натягиваясь подобно железным канатам. Тревожные руны затопили дисплей — руны, которых он не видел никогда прежде.

Яг. Его пытались отравить.

— Абaddon! — взревел он и ощутил мгновенный ужас от того, насколько слабым оказался его голос. — За это ты умрешь!

Когда в ответ раздался смех, Талос потянул из ножен Аурум. Спустился бессчетное количество ударов сердца воина, осознав, что клинок выпал из окостеневших пальцев и с лязгом грянулся на покрывавшие пол обломки. Весь мир заполнился вкусом крови и горелой земли. Единственным, что чувствовал Талос, был холодный огонь в легких, переходящий в спазматический шок.

— Я хочу сделать тебе предложение, пророк.

Голос Магистра Войны пришел

откуда-то издалека, за пределами
видимости. Талос едва мог поднять
голову. Он даже не способен был взглянуть
на разбитого орла на нагруднике и
оценить ущерб, причиненный госпеху.
Угасающие графики и все уменьшающиеся
числа, скользящие по экрану визора,
показали ему все, что он должен был
знать.

Отравлен. Как это вообще возможно?
Черный газ... демонический туман...

Убей его, прежде чем умрешь.

Непрошенная мысль пришла из глубины
его сознания, и -- на секунду -- незнакомое
ощущение чужого присутствия обдало его
холодом. Слова больше походили на мысль,
чем на голос, на желание, чем на приказ, и
в самом сомнении заключался ответ. На
пороге смерти машинный дух брони легко
проник в его разум. Это ощущалось как
давящее присутствие, намного более
холодное и ясное, чем примитивные
эмоции и инстинкты, чье эхо обычно
касалось его сознания. Их легко было
укротить -- требовалась лишь минутная
концентрация. А сейчас легкое копье

ярости пронзило мозг с такой силой, что тело судорожно дернулось, пытаясь подчиниться приказу.

--- У, --- продолжил Магистр Войны, --- если ты не захочешь выслушать предложение от меня, тебе придется выслушать его от моих союзников.

--- Я слышал болтерный выстрел.

С этими словами Кирион поднял собственный болтер и направил его на массивный шлем Фалькуса.

--- Это, --- повторил он уже тише, --- был болтер. Скажи, что я ошибаюсь.

На дисплее у него перед глазами проматывались показания с аудиодатчиков шлема, так что Кирион был уверен в собственной правоте, --- однако выстрел застал его врасплох, и потребовалось потянуть время.

Повелители Ночи и воины Черного легиона столпились в центральном проходе, окруженные сотней коленопреклоненных заключенных.

--- Абaddon... Абaddon... Абaddon, --- повторяли узники со всем благоговением и

истовостью молящихся.

Но их песнопение оборвалось в тот момент, когда Повелители Ночи подняли оружие.

--- Штурмовой болтер, --- поправил Узас, и все явственно услышали оживление в его голосе. --- Не болтер. Два ствола. Талос мертв. Рүна жизненных показателей нестабильна.

Это было верно. Огун выстрел болтерного орудия в столовой, и рүна жизненных показателей на их дисплеях неуверенно затерцала.

Противостояние длилось, а терминаторы Черного легиона оставались спокойными.

«Ум-то легко, --- подумал Кирион, --- в случае чего их поддержит больше сотни фанатиков».

--- Талос, --- позвал он по воксу. Тишина. Моргнув, Кирион переключил каналы. --- Септимус.

Снова ничего. Движением глаза он переключился на третью рүну.

--- «Завет», говорит Первый Коготь. Молчание.

--- Нас отрезали, --- передал он
отделению.

--- Повелители Ночи, --- негромко
сказал Фалькүс из Черного легиона, --- с
вашим «Грозовым ястребом»
приключилась досадная неприятность.
Угел. Мы предоставим вам другой
транспорт для возвращения на корабль.

--- Надо граться, --- передал Ксарл. ---
Прикончим их всех.

--- Кровь, череп и души, --- судя по
хлюпающим звукам, Узас опять истекал
слюной. --- Мы должны граться!

--- Сохраняйте хладнокровие,
болваны, --- вливался Гарагон, Молот
Вознесенного. --- Даже нам не под силу
справиться с ними здесь.

--- Да, --- кивнул Кирион. --- Сначала
получим ответы, а затем отомстим.

--- Мы должны граться, --- упрямо
настаивал Ксарл.

Перспектива уйти из башни под
конвоем была для него слишком
унизительной.

--- Мы не можем бросить Талоса
здесь.

--- То, что сейчас происходит, поставило легионы на грань войны. --- Грубый голос Гарагона перебил яростные угрозы Ксарла. --- Они превосходят нас числом как на орбите, так и на поверхности. Надо выждать и ударить тогда, когда добыча ослабеет.

--- Ты трус, Гарагон! --- рявкнул Ксарл.

--- А ты ответишь за оскорбление, --- ответил Молот Вознесенного. --- Но сейчас опустит болтер. Мы не сможем выиграть этот бой.

Повелители Ночи убрали оружие и позволили вывести себя из зала. Вслед им полетели свист и насмешки поднявшихся с колен заключенных. Несколько швырнули в Астартес бутылки или выналили в воздух из захваченных гробовиков, отчего на дисплеях Повелителей Ночи вспыхнули тревожные руны.

--- Каждый из этих ублюдков умрет кровью, --- посулил Ксарл.

От всех бойцов Когтя пришел подтверждающий сигнал. Бутылка угодила в шлем Узаса, и остальные услышали стех.

--- Какого дьявола ты зогочешь? ---
взорвался Ксарл.

--- Они обвели нас вокруг пальца, ---
ухмыльнулся Узас. --- Прикончили Талоса.
Перерезали экипаж «Громого ястреба».
Захватили наш транспорт. Умно. Почему
бы мне не восхищаться тем, как ловко они
нас переиграли?

--- Захлопни пасть, --- приказал
Ксарл. --- Они не убили Талоса. Его рана все
еще светится.

--- А какая разница? Он у них в руках.
Рад от него избавиться.

Кирион не обращал внимания на
перепалку. В то время как их окружали
коленопреклоненные смертные, его шестое
чувство пробудилось. Каждый из этих
людей скрывал страх под маской
религиозного экстаза. Их страхи
просачивались в сознание Астартес
всплесками перебивающих друг друга
голосов.

...не хочу умирать...

...свобода, наконец-то, неужели они
позволят нам уйти...

...просто ловка, они убьют нас...

Кирион закрыл глаза, чувствуя, что общий ужас смертных может поглотить его собственный разум, затопить бесстысленным потоком эмоций. Ребенком он провалился в заболоченное озеро в глубинах подулья Ёории. Тогда Кирион не умел плавать. В бесконечные секунды до того, как отец его вытащил, он медленно погружался в черноту, глядя на отблески факельного света на поверхности. Каждый раз, оказываясь в толпе, Кирион вспоминал это мгновение — чувство, что он исчезает, что его целиком поглощает некая безжалостная внешняя сила. В тот день, глядя на тускнеющий свет наверху, ощущая, как уплывает сознание, он понимал, что умирает.

Он понимал это и сейчас. Чувство было тем же самым и сопровождалось уже знакомым и холодным привкусом неизбежности. Просто на сей раз умирать придется дольше.

Кирион сфокусировал взгляд и, игнорируя шепот в сознании, переключился на разговор в вокс-канале. Он вновь активировал динамики шлема и

заговорил, не пытаясь сдерживать гнев:

--- Эй, ты, Сын Хоруса.

Один из терминаторов Черного легиона обернулся, не замедляя шага:

--- Повелитель Ночи?

--- Что именно произошло с нашим «Грозовым ястребом»?

--- Его постигла страшная неудача, --- ответил терминатор, и Кирион уловил приглушенные щелчки вокса --- это черные легионеры переставались по закрытому каналу.

--- Мы, так и быть, окажем вам любезность и вернем на орбиту на одном из наших транспортных, --- добавил фалькус.

В конце коридора вновь со скрежетом разъехались двери лифта. Навстречу Повелителям Ночи и их эскорту шагнул Астармес в черной силовой броне. Но его бледному лицу скользила улыбка, а темные глаза поблескивали.

Как только новоприбывший направился к ним, Кирион передал остальным: «Сдается, ты был прав, Узас».

Повелители Ночи наблюдали за

приближающейся фигурой. Каждый из воинов узнал его, и каждый с трудом подавил желание выхватить оружие и открыть огонь.

Узас кивнул, все еще забавляясь происходящим:

--- Я сказал вам, что это с самого начала было ловушкой.

--- Братья, братья, --- проговорил новоприбывший.

Столяные озера его глаз втянули поочередно каждого из них.

--- Как я рад, --- объявил он на безломностратском, --- снова видеть всех вас.

Септимус и Эвридика все еще были в рубке.

Септимус одновременно злился и беспокоился, хотя старался этого не показывать. Если честно, получалось у него не особо. Эвридика голову бы отдала на отсечение, что те слова, которые он ввремя от времени бормотал на безломностратском, были проклятиями. Сама она столь же безуспешно пыталась скрыть страх. Однако Астартес не возвращались

так долго, что Сентимус находился уже на грани паники, и его тревога передалась девушке.

Вокс отключился почти час назад, как только Астартес спустились в тюремную башню. Раздался внезапный, отрывистый треск, и связь пропала. С тех пор в вокс-канале Астартес Сентимус слышал только разряды статики. Само по себе это его не беспокоило. Вряд ли что-нибудь на поверхности могло причинить реальный ущерб полубогам. А вот насчет себя и Эвридики он такой уверенности не испытывал.

Сентимус пытался связаться с Астартес по воксу каждые пять минут после обрыва контакта, но без малейшего успеха. Он не мог установить соединение ни с Первым Когтем в тюремном комплексе внизу, ни с «Заветом крови» на орбите, и все это начинало подозрительно понахивать западней.

Пришло время подумать о том, что делать дальше.

Сначала он склонялся к мысли поднять боевой катер в воздух и зависнуть

В нескольких десятках метров над посадочной платформой. К сожалению, это было невозможно по двум причинам. Во-первых, ему приказано оставаться на месте. Во-вторых, даже если бы он нарушил приказ, у «Опаленного» не хватило бы топлива для длительной работы атмосферных двигателей, — по крайней мере, если они собирались вернуться на орбиту к ударному крейсеру. Судя по показаниям датчиков, горючего оставалось самое большее на пятнадцать минут, а затем пришлось бы возвращаться на «Завет». Если господин выберется из здания и ему понадобится немедленная эвакуация, катер может не успеть или не будет способен уйти в космос.

Нет. Не стоило даже думать об этом. Так что «Опаленный», с загерметизированными люками, поднятым трапом и орудиями, наведенными на коробку лифта, оставался на платформе. Сентимус ждал, сжав от напряжения глаза, наблюдая за показаниями датчиков и меша себя иллюзией, что выглядит не таким уж

взволнованным.

--- Может, ты расслабишься? ---
вытала Эвридика, безжалостно разрушив
его самообман.

Вогрузив ноги в ботинках на
контрольную панель, девушка откинулась
на спинку громадного кресла второго
пилота. Кожа сиденья скрипнула.
Сентимус, в отличие от Эвридики,
согнулся над дисплеем аусника, по
которому каждые шесть секунд пробежала
зеленая волна. Пульсирующий сигнал
концентрическими кругами расходился от
иконки «Опаленного» в центре экрана.

Девушка хмыкнула, пытаясь привлечь
внимание Сентимуса.

--- Что? --- спросил он, не оборачиваясь.

Еще один импульс.

--- Ты беспокоишься.

--- Можно сказать и так.

--- Когда они вернутся?

Следующий сигнал. Ответа по-
прежнему нет.

--- Похоже на то, что Астартес
посвящают меня в свои планы? ---
растаялся раб, но стех получился

вытүченный.

--- Я просто спросила. Так что тебя тревожит?

--- Тюрьма под нами. В особенности заключенные.

Он кивнул на информационный планшет, лежавший на ручке кресла. По экрану бежали ряды маленьких зеленых букв.

--- Это тюремный шпиль Дельта-два, --- объяснил Септимус. --- Здесь содержали смертников, ожидающих исполнения приговора. Их оставили в живых, чтобы использовать как рабочую силу на шахтах. Но они не рецидивисты и не толстые уголовники. Здесь только убийцы, насильники и еретики.

--- Люки ведь запечатаны.

В голосе Эвридики, однако, прозвучала легкая нотка сомнения.

--- Нет такой двери, которую нельзя вскрыть. Боковые люки способны выдержать все что угодно, а вот основная дверь посадочного пандуса работает на обычной гидравлике. Она закрыта и запечатана, но... Слушай, я не нервничаю.

Просто хочу быть готовым ко всему.

--- К чему именно? С какой стати кто-то попытается захватить корабль Астартес? Если не считать самоубийц.

--- Я не знаю. Думаю, большинство постарается держаться от нас подальше. Но есть шанс, что кто-то захочет узнать катер, чтобы сбежать с планеты. Или, учитывая срок их заключения, они могут быть не в себе. Или... --- Он замолчал.

--- Или что? Если начал говорить, заканчивай.

Он пожал плечами:

--- Или они могут узнать, что на борту есть женщина...

Девушка коротко кивнула, но Септимус заметил, что держится она с трудом.

--- Это боевой катер... на нем же есть пушки?

--- Ну... есть.

--- Не слышу уверенности в голосе.

--- Половина орудий в нерабочем состоянии, включая основную пушку. Снарядов мало, а штурмовые болтеры на крыльях больше не подключены к

сервиторам.

--- Почему?

Еще один импульс. Снова чернота на экране.

--- Потому что сервиторы мертвы. Уже много лет. Именно мне поручили вытащить их тела наружу.

Прошло несколько секунд напряженного молчания, и пискнул соседний экран. Септимус повернулся, изучая показания.

--- Так, так, так...

--- Снова плохие новости? -- спросила девушка, не слишком торопясь услышать ответ.

--- Не совсем. Только что стартовал другой корабль, и не один, из большегрузных челноков на равнинах. Судно класса «Грозовой ястреб». Идентификационный код Черного легиона.

--- И это означает?..

--- Аусник подал сигнал, потому что зарегистрировал присутствие воинов Первого Когтя на борту при выходе корабля на орбиту.

--- Что? Они бросили нас здесь?!

Раб продолжал взглядываться в экран.

--- Не все. Нет сигнала от Талоса. Он все еще в здании.

Септимус был не из тех, кому нравятся подобные загадки. Отвернувшись от экрана, он нажал несколько кнопок на консоли.

Вспыхнула надпись «Люки запечатаны». За последний час Септимус в третий раз проверял состояние дверей.

Эвридика открыла рот, чтобы задать следующий вопрос, когда ауспикс звякнул снова. В сигнале не было ничего злобешнего. Он звучал почти музыкально.

--- Проклятье, --- процедил Септимус, поднимаясь с кресла.

Эвридика села прямо. Теперь ауспикс пел, не утолкая, один тихий звонок за другим.

--- У нас проблемы? --- спросила девушка.

Септимус вперил взгляд в лобовое окно рубки. Он смотрел на двери лифта и на то, что хлынуло из них.

--- И еще какие, --- ответил раб, вытаскивая оба пистолета.

--- Тогда дай огин мне, --- потребовала Эвридика, вскочив с кресла и уставившись туда же, куда глядел Сентимус.

--- Держи оба, --- сказал он, протянув оружие девушке и склоняясь над панелью управления, --- и не вздумай пристрелить меня.

Эвридика наградила его убийственным взглядом, который, впрочем, не достиг адресата. Сентимус со страшной скоростью колотил пальцами по клавишам.

--- Что ты делаешь?

--- Вот что, --- ответил он, и исправные оружейные туннели катера озарились яростным пламенем.

Джерл Мэддокс не мог поверить собственной угаде. Свобода. Свобода.

Свобода после восьми лет в этой чертовой дыре. Восемь лет на холодной и горькой буре, которую здесь называли пищей и подавали трижды в день, утром, днем и вечером. Восемь лет четырнадцатичасовых рабочих смен под землей. Узники долбили, долбили и

долбили эту проклятую скалу в тщетной надежде наткнуться на пригоршню руды. Восемь лет боли в спине, проблем со зрением, распухших от инфекции десен и крови в моче после того, как тебя избьют охранники.

Что ж, час расплаты настал. Джерл прижал гробовик к груди и передернул затвор чисто ради того, чтобы насладиться звуком. Клик-кланк. Да, бездна побери! Вот это жизнь! Он отобрал оружие у Лаффуана, но тем приятней, поскольку Лаффуан был одним из самых терзких охранников в секторе «Р».

Сектор «Р» — «только для нарушителей уровня "омега"» — больше не являлся для Мэддокса глотом, и тот факт, что Джерл все еще чувствовал кровь Лаффуана на собственном лице, лишь делал победу слаще.

Это тоже расплата. Расплата за тот раз, когда Лаффуан так сильно избил Джеспера, что глаз бедного придурка выскочил из разmozженной башки. Мэддокс ухмыльнулся и стахнул с глаз слезы, выступившие от воню. Воняли его

собственные зубы.

Да, Лаффиан не выглядел таким борзым с простреленной грудью и отсеченными по колено ногами.

Он даже вопил о своих детишках. Как будто это могло что-то изменить. Ухмылка Мэддокса переросла в хихиканье.

--- Захлопни пасть, Чернозубый, --- буркнул кто-то неподалеку от него.

Мэддокс сглотнул и сжал зубы. В тесноте лифта, где столпилось пятьдесят или около того заключенных, многие кривились или тихо материли его.

--- Прошу прощения, --- пробормотал он, но это вызвало лишь новую волну возмущения.

Он был не виноват. Его десны воспалились, а зубы почернели и шатались --- по крайней мере те несколько, что еще не выпали. В секторе «Р» дантистов не водилось. И по-любому, остальные пахли не лучше его. Пятьдесят потеющих мужиков в заляпанных кровью белых униформах...

--- Вы тоже воняете, --- буркнул он.

Зэки зашевелились и начали разворачиваться к нему. Мэддокс опустил

голову, стараясь не смотреть в глаза обернувшегося человеку.

--- Что ты сказал, Чернозубый?

Унгрига, два метра татуированной мускулатуры и старых шрамов. Его засадили в сектор «Р» за то, что он зарезал и слопал какую-то несчастную домохозяйку.

--- Ничего. Ничего, Унгрига.

--- Вот и хорошо. А теперь заткни свою потойную яму, пока нас всех тут не вывернуло.

Он продолжал смотреть под ноги, пытаясь сдержать улыбку. Но это не удавалось. Перед ним все вставал визжащий Лаффиан, дергающий обрубком ноги... Улыбка превратилась в хриплый смех. На приклад гробовика упала капля вязкой слюны. На приклад гробовика, вырванного из рук Лаффиана. Джерл снова фыркнул.

Стоявшие вокруг с проклятиями развернулись. Скорее всего, тут-то Мэддоксу и пришел бы конец, если бы лифт не остановился и двери не открылись. Разреженный воздух с

привкусом непла хлынул внутрь. Бывшие
узники устали на посадочную
платформу.

--- А вот и он, --- сказал Ингрига,
шагнув на крышу.

«Он» был кораблем --- небольшим
судном по меркам военного флота,
которыми ограничивались познания
Мэддокса в кораблях. Джерл был
имперским гвардейцем до того, как его
арестовали за... за то, что значилось в
обвинительном заключении. Он ничего
плохого не делал и оставался совершенно в
этом уверен. Нет. Только не он. Он был
честным гвардейцем. Дьявол, он даже не
мог вспомнить теперь, в чем его
обвиняли...

Кто-то толкнул Мэддокса в спину,
заставив вернуться к настоящему.

--- Давайте захватим его, ---
предложил один из зэков.

«Он» слутно напоминал ястреба с
обтекаемой формы крыльями,
выкрашенный в темно-синий цвет --- цвет
воды в океанских глубинах. От последней
мысли желудок Мэддокса сжался. Джерл

ненавидел море. Даже голову не мог опустить под воду, потому что всегда представлял, как нечто палится на него из глубины.

Мэддокс тащился позади среди немногих отставших, в то время как большинство потчались вперед, размахивая отобранными у охранников глубинками и гробовиками. Их спасители — божественные воины в черном — выбрали самых сильных и здоровых среди обитателей сектора «Р», чтобы те поднялись сюда и исполнили священную миссию. На корабле находились люди, и этим людям следовало умереть. Так сказали боги.

И — черт побери, да! — вроде как там была женщина.

Приятно ощущать себя свободным. Приятно стать избранным чемпионом богов, которые принесли тебе столь заслуженную свободу. Даже отвратительный воздух сегодня пахнет лучше, чем обычно.

Такие мысли крутились в голове Чернозубого Джерла Мэддокса, когда его

настигла смерть. В ту секунду, когда дух покинул его брентную оболочку, Мэддокс был все еще слишком поглощен размышлениями о вновь обретенной свободе, чтобы понять, что происходит. Так он и умер, разнесенный на куски, с улыбкой на губах, по-прежнему мерзко воняя и заходясь беззвучным хохотом.

Орудия корабля разразились огнем. Болтерные снаряды вонзались в податливую плоть, чтобы взорваться через секунду после удара. Экипировка превращалась в мешанину из мяса и костей и разлеталась кровавыми ошметками по платформе. Из динамиков, установленных на пилотской рубке «Грозового ястреба», раздался спокойный голос, произносивший слова готика с сильным акцентом.

--- Всем добро пожаловать, --- объявил Сентимус. --- Надеюсь, вы получите массу удовольствия от последней в вашей жизни ошибки.

Кирион в очередной раз проверил болтер, после чего опять прикрепил его к

набедреннику.

--- Прекрати это, --- передал по воксу Малек. --- Ты выглядишь раздраженным.

--- Интересно, с чего бы это, --- иронически парировал Кирион.

Первый Козоть и сопровождавшие их Чернецы расположились в противоперегрузочных креслах катера Черного легиона. Все вокруг сотрясала дрожь --- корабль двигался через атмосферу.

--- Думаете, они попытаются захватить «Опаленного»? --- спросил Кирион. --- Это будет глупой ошибкой.

--- Им нужен был только Талос, --- ответил Ксарл.

Он активировал мигающую руну, открывая личный коммуникационный канал с Кирионом.

--- И Чернецы знали, что это произойдет. Они должны были проследить за тем, чтобы мы вели себя наивными. Отметь, как проклятые ублюдки дали задний ход при первой же необходимости пролить кровь. Вознесенный спланировал все заранее.

Голос Кириона звучал усталым.
Астартес слезка отпустило, но бремя
человеческого страха все еще давило на
сознание.

--- Я начинаю уставать от этого,
Ксарл.

--- От чего?

--- От предательства. От утраты
доверия. Оттого, что беззвучные жалобы
перепуганных смертных раздирают мой
разум.

Ксарл ничего на это не сказал.
Сочувствие не значилось среди его
достоинств.

--- Ты занятан скверной, Кирион, ---
выдавил он наконец.

--- Что-то вроде того, --- отозвался
Кирион.

Он перевел дыхание и продолжил:

--- Вознесенный всегда был против
особого положения Талоса в легионе.
Капитану не нравилось, что наш отец
благоволил к пророку, но это уже слишком.
Убить Талоса? Вандрег что, снятил?

Ответ Ксарла раздался после
горького стешка:

--- А с чего ты решил, что Вознесенный хочет убить его? Убрать с дороги, это точно. Может, отправить в Черный легион. Прямая выгода и Абадгону, и Вознесенному.

--- Как с Рувеном, --- сказал Кирион.

--- Да, брат, --- подтвердил Ксарл, понизив голос. --- Как с Рувеном.

Когда «Громовай ястреб» снова трянуло, Эвридика с чувством выругалась:

--- Трон, я не хочу умереть здесь.

Септимус не обернулся. Он полностью сосредоточился на показаниях счетчиков боеприпасов. Количество снарядов стремительно уменьшалось. Септимус включил вокс:

--- Это «Опаленный», «Громовай ястреб» Восьмого легиона.

--- Передатчик не работает, --- сказала Эвридика, стараясь подавить панику. --- «Завет» не услышит тебя. У Талос не услышит.

--- Заткнись, --- огрызнулся он. --- «Опаленный», «Громовай ястреб» Восьмого

легиона, вызывает боевую баржу
«Охотничье предчувствие». Вы слышите
меня?

--- Бое... что?

--- Еще один из наших кораблей на
орбите, --- ответил он. --- Один из
флагманов Повелителей Ночи.

--- Почему ты не стреляешь?

Он даже не взглянул на экраны
датчиков.

--- Потому что у всех орудий, которые
могут поразить цель на такой близкой
дистанции, кончились боеприпасы.

Рубка снова содрогнулась, на сей раз
так сильно, что Эвридику швырнуло
обратно в кресло.

--- Трон! --- вскрикнула она.

Септимуса передернуло.

--- Плохо. Они прорвались внутрь.

--- Что?!

Он не ответил.

--- «Опаленный», «Гротовой ястреб»
Восьмого легиона, вызывает боевую баржу
«Охотничье предчувствие». Пожалуйста,
ответьте.

С нижней палубы раздался крик.

Уже не осталось сомнений --- заключенные, пережившие обстрел из штурмовых болтеров, проникли на борт катера.

--- Проклятье.

Септимус отвернулся от консоли и взялся за рукоять мачете, приотланного к его голени.

--- Стоило попытаться.

Эвридика перебросила ему один из пистолетов:

--- Похоже, мне все-таки не судьба вести корабль твоих еретиков-хозяев через Море Душ.

На губах ее появилась язвительная ухмылка, в равной степени окрашенная горечью, страхом и торжеством.

Септимус навел пистолет на запертую дверь рубки:

--- Поглядим.

Наши братья бежали к самым границам Империи, чтобы укрыться в тени Богов Хаоса, взявших их под свое покровительство. Только мы, Повелители Ночи, сыны Конрада Күрца, оказались достаточно сильны, чтобы не искать ничьей помощи. Мы обрушим свой гнев на предавший нас Империи. И хотя время и предстоящая нам бесконечная война могут разьединить и сломить нас, скверна не коснется Повелителей Ночи до тех пор, пока светят звезды!

Военный теоретик
 Малкарион

Эпилог книги
 «Темный путь»

Талос открыл глаза и обнаружил, что вокруг чернота.

Для того, кто видел в абсолютной тьме с такой же легкостью, как обычный человек при дневном свете, ощущение было непривычным и неприятным. Талос развернулся, но-прежнему ничего не видя и не зная, в чем причина — то ли чернильный трак совершенно пуст, то ли сам Астартес ослеп. С неталой долей сарказма Талос сообразил, что обреч на подобную участь великое множество мертвых, приходивших в себя в черных глубинах «Завета». Урония происходящего заставила его скривить губы в осторожной улыбке.

Касающийся кожи воздух был холоден.

Кожи? С чувством холода вернулось и зрение — теперь Талос мог видеть себя. Поднятые к лицу руки, мертвенно-бледные, в синеватом узоре вен, и рукава тундира из

темной ткани. Боевой брони на нем не было. Как это возможно? Неужели рана оказалась настолько тяжелой, что Первому Когтю пришлось разрезать броню и...

Постойте. Его рана.

Талос распахнул мундир. На его теле --- бледном, похожем на мраморные статуи воинственных богов Древнего Рима, --- не было никаких ран. На груди темнели разъемы и порты для связи с системами брони, и под кожей проступали очертания черного экзоскелета, образующего еще один слой защиты и необходимого для взаимодействия с сенсорами доспеха.

Но никаких ран.

--- Талос, --- донеслось из черноты.

Талос развернулся, чтобы встретить противника, и рефлекторно потянулся за оружием. Но оружия при нем здесь не было --- где бы это «здесь» ни находилось.

С ним говорил Повелитель Ночи. Талос мгновенно узнал броню, потому что это была его собственная броня.

Стоя в беспросветном мраке лицом к лицу с самим собой, Талос смотрел на

призрака в доспехах со все возрастающей яростью.

--- Что это за безумие?

--- Это испытание, --- откликнулся его двойник, снимая шлем.

Лицо под шлемом было и одновременно не было лицом Талоса. На пророка уставились глаза цвета серебра, а в центре лба пылало клеймо --- тошнотворная руна, знак поклонения Темным Богам. Ожог был свежим, и по лицу двойника все еще струилась кровь.

--- Ты --- не я, --- произнес Талос. --- Я никогда бы не носил рабское клеймо Губительных Сил.

--- Я --- тот, кем ты можешь стать, --- улыбнулось его отражение, сверкнув серебряными, как и глаза, зубами. --- Если тебе хватит смелости развить свои способности.

«И если ты не захочешь выслушать предложение от меня, тебе придется выслушать его от моих союзников». Слова Магистра Войны прозвучали снова, тонкой струйкой сочась в сознание, как кровь, стекавшая в серебряные глаза его

двойника.

--- Ты --- не один из Повелителей Хаоса, --- сказал Талос своему отражению. --- Ты не бог.

--- В самом деле? --- ответил тот со снисходительной ужимкой.

--- Бог не стал бы сам являться за тной. Это слишком прямолинейно и грубо. Охотиться за одной-единственной душой? Никогда.

--- Каждую секунду миллионы душ проходят перед твоими глазами. Такова природа божества.

В этот момент Талоса посетила неприятная мысль.

--- Я мертв?

--- Нет, --- снова улыбнулось божество, --- хотя в материальном мире ты ранен.

--- Тогда это варн? Ты вырвал мою душу из тела?

--- Помолчи. Остальные на подходе.

Двойник не ошибся. Во мраке проявились другие фигуры --- одна сзади, одна слева и одна справа, --- окружив Талоса молчаливым караулом. Пророк не мог толком их разглядеть. Каждый раз, когда

Повелитель Ночи поворачивался, он видел лишь слепую тень на границе поля зрения.

--- Вот, --- сказал первый, --- что я тебе предлагаю.

Он протянул закованную в бронированную перчатку руку к Талосу.

--- Ты прозорлив и умен. Ты знаешь, что ваши армии, армии потомков богов, потерпят поражение, если их не будут возглавлять истинные боги. Ваши божества из плоти пали. Ваши отцы убиты. У вас не осталось богов, а без богов вы проиграете.

--- Коснись меня --- и утреши, --- процедил Астартес. --- Запомни мои слова. Если ты притронешься ко мне, то утреши.

--- Я --- Слаанеш. Тот, Кто Жаждет. Во мне куда больше от бога, чем когда-либо было в твоём прародителе-примархе. И это, --- повторило существо, --- то, что я тебе предлагаю.

Талос...

...открыл глаза и очутился на поле боя.

Боя, в котором он одержал победу, неоспоримую и окончательную. Противник — имперская армия — превратился в кладбище мертвой техники и человеческих тел, раскинувшееся от горизонта до горизонта.

Талос стоял перед своими коленопреклоненными воинами. Новый боевой стимулятор, разлившийся по венам, приятно щекотал тело. Талос был ранен — на его непомерно раздувшейся боевой броне виднелись трещины, и из них стекала красная жидкость. Эти раны, резанные и рваные, открытые прохладному ветерку, причиняли столь сладкую боль, что Повелитель Ночи криком возносил благодарность далеким звездам.

Так вот что значило быть примархом? Смеяться над ранами, которые убивали бы даже Астартес? Относиться к войне как к веселой игре, сокрушая при этом миллионы врагов мощью своих армий?

Быть может, что-то похожее испытывал Ночной Призрак. Такой же восторг. Окровавленные когти оставили

свежие раны на щеках -- Талос раздирал собственную плоть, стаясь от упоительной боли. Боль ничего не значила для бессмертного.

-- Принц Талос! -- скандировали его войска. -- Принц Талос!

Нет, не скандировали. Это было толитвой. Они падали ниц, рыдали и молили его уделить им хоть толику божественного внимания. Это...

-- ...неправильно! -- прорычал Талос. -- Ночной Призрак никогда не пытался возвеличить себя и предстать перед нами бессмертным и совершенным. Он был обречен и проклят, и перенесенные им муки и боль делали его лишь сильнее. Он, -- завершил пророк, развернувшись к Слаанеш, -- жил не так. И я никогда не буду.

-- Кирион, -- улыбнулся его двойник. Талос никогда не улыбался так.

-- При чем тут Кирион?

Астартес сүзил черные глаза и инстинктивно потянулся за оружием -- но оружия не было.

--- Я прикоснулся к его душе. Твой брат чувствует страхи всех живущих. Это мой дар ему.

--- Он сопротивляется.

--- Только на первый взгляд. Какая-то часть его сознания наслаждается стоном терзаемых душ. Он питается страхом. Ему нравится то, что он чувствует.

--- Ты лжешь, --- сказал Талос, но в его сорвавшемся голосе прозвучало сомнение. --- Убирайся!

Первая фигура со стехом растворилась во тьме, но Талос этого не удивил --- он уже обернулся ко второму призраку. Талос не удивился, обнаружив еще одного Повелителя Ночи в знакомых доспехах. Воин почувствовал, как губы его изогнула улыбка: ничем не украшенная броня несли следы всех починок, и разнообразные, собранные из других комплектов части стали видны невооруженным глазом. Нагрудник сохранил изначальный, темно-голубой цвет легиона Ультрамаринов. Наголенник ярко-желтый, как у Имперских Кулаков, а набедренник металлически-серых тонов

органа Стальных Исповедников. Это
клоуновское многоцветье погрузило Талоса в
воспоминания о том, когда и где были
добыты трофеи. Речь шла даже не о годах
--- о десятилетиях.

Особенно приятно было вспомнить о
наплечнике, сорванном с мертвого тела
ветерана органа Багровых Кулаков. Они
боролись в рукопашную --- безыскусная
схватка, ярость против ярости. Удары
бронированных кулаков оставляли
вмятины на вражеских доспехах. Астартес
сражались до тех пор, пока Талос не сумел
перезагрузить противнику трахею. После того
как лоялист потерял сознание, Талос
сломав ему хребет и разможжил череп с
корпус «Лэнгрейджера» Первого Когтя. Когда
Багровый Кулак наконец-то испустил дух,
Талос швырнул безжизненное тело на
землю.

Странно, как память уходит с
годами. Когда-то воспоминание казалось
ему очень четким. Теперь Талос осознал,
что забыл три минуты самой яростной
схватки в своей жизни.

Вторая фигура стянула шлем, и

Талос увидел собственное лицо --- не считая витого символа, вытатуированного на бледной щеке.

--- Ты знаешь меня, --- сказал второй, и это было правдой --- Талос знал его.

Он узнал покровительственные нотки в голосе человека и тошнотворно сладкий запах, струившийся из-под его брони. Таких Вознесенный.

--- Ты Ваятель Судеб, --- сказал Талос. --- Вандрег --- один из твоих рабов.

Человек кивнул. Его черные глаза были неотличимы от глаз Талоса.

--- Он один из твоих. Мой чемпион, обладатель твоих даров. Но не раб. Он действует по собственной воле.

--- Я думаю иначе.

--- Думай как хочешь. Он представляет определенную ценность. Но ты мог бы стать гораздо большим.

--- Мне не нужна...

...власть.

Ощущение могущества переполняло его сердца, словно с каждым двойным ударом по венам растекалась сила. Это

была не слехотворная власть, даруемая
бесстертием и наслаждением, но нечто
гораздо более знакомое. Талос повернул
голову и оглядел других, находившихся на
командной палубе.

Чернецы, все восемь, стояли перед
ним на коленях. Позади них у контрольных
панелей работал экипаж мостика: по
человеку и сервигтору на каждом посту, все
поглощены своими задачами.

Талос кивнул терминаторам,
преклонившимся перед ним:

--- Встаньте.

Они встали и заняли места по
сторонам от его трона.

С такой же отчетливостью, с какой
Талос слышал усиленный шлемом звук
собственного дыхания и видел окрашенный
в багровое мир вокруг, он почувствовал,
что один из Чернецов сейчас заговорит.
Речь пойдет о наказании, которое должен
понести Вознесенный.

--- Госгдин, --- прорычал Абраксис,
стоявший ближе всех к трону. ---
Вознесенный ждет вашего приговора.

Прежде чем заговорить, Талос уже

знал, что Вознесенный не выдержит тридцати восьми ночей физической и психической пытки. Чернецы могли заниматься первым. Талос — вторым.

— Уверяю вас, братья, — сказал Талос, — он не продержится и сорока ночей в наших руках.

Восьмерка терминаторов кивнула, зная, что так и будет, что он узрел это в ветрах судьбы.

— До точки выхода остался один час, повелитель, — сказал один из смертных офицеров мостика.

Талос закрыл глаза и улыбнулся образам, всплывшим в сознании.

— Когда мы вернемся в реальное пространство, ищите тепловые выбросы трех грузовых кораблей. Используйте третью луну для того, чтобы экранировать сигналы их аэспиков. Быстро обездвигьте их и подготовьте Первый, Второй и Третий Когти к штурмовому десанту.

По палубе пронесся шепоток. Они считали, что Талос не слышит их шепота — о его новых способностях, о растущем

могуществе десятой роты. Что ж, пусть
восхваляют его втихомолку. Ему ни к
чему открытое преклонение.

Талос откинулся в командном кресле,
мысленно погрузившись в бесконечную
пучину возможностей, чувствуя, как чужие
судьбы разматываются у него под
пальцами, подобно тысячам нитей.
Каждая нить вела к определенному исходу,
который разворачивался у него перед
глазами, стоило лишь на секунду
сконцентрироваться. Будущее...

--- ...не предопределено.

Талос перевел дыхание, чувствуя себя
голым без доспехов и подавляя растущее
желание разорвать на куски стоявших
перед ним призраков.

--- Я провидец и знаю, что грядущее
погёрнуто туманом и зависит от нашего
выбора.

Его двойник в разномастной броне
начнул головой:

--- Я могу одарить тебя магическим
зрением. Оно необходимо смертным,
чтобы прозревать сквозь туман.

--- Мой провидческий дар чист. ---
Талос сплюнул на нагрудник разноцветного доспеха, где, к недовольству Повелителя Ночи, блистал незапятнанный имперский орел. --- А твой отравляет рассудок. Пошел прочь!

Развернувшись к третьей фигуре, Талос услышал жужжание --- густое, почти осязаемое и липкое. Доспехи третьего гостя были усеяны жирными кроваво-красными мухами. Они шевелящейся шкурой покрывали броню, и лишь кое-где сквозь них просвечивали синие островки краски.

На человеке не было шлема. Лицо его, схожее с лицом Талоса, уродовали злобонные фурункулы и сочащиеся гноем порезы. Призрак тряхнул головой, открыл рот с потрескавшимися, кровоточащими бледно-оранжевой жижей губами и заговорил хлюпающим, одышливым голосом.

--- Меня призывали сюда, --- просипело существо, --- но ты не станешь одним из моих чемпионов. Ты для меня бесполезен и никогда не решишься воспользоваться мой

властью, что я предлагаю.

Талос үцепилса за первый проблеск смысла в этом безумном спектакле:

--- Кто призвал тебя?

--- Один из твоих соплеменников обратился к эмпиреям, выпрашивая секунду моего внимания. Маг, чьи молитвы слышит варн.

--- Это был Астартес? Повелитель Ночи? Человек?

Фигура растаяла, унося с собой отвратительную вонь.

--- Кто призвал тебя? --- выкрикнул в темноту Талос.

Единственным ответом была тишина, и пророк развернулся к последней, четвертой фигуре. Под взглядом Повелителя Ночи призрак обрел материальность.

Последний из незваных гостей походил на Талоса меньше всего, и одного этого хватило, чтобы вызвать у Повелителя Ночи презрительную устешку. Четвертый призрак постоянно двигался, словно ни на секунду не мог оставаться на месте. Он перетинался с ноги на ногу,

пригнувшись, как готовый к броску зверь. Дыхание его с хрипом вырывалось сквозь динамики шлема.

Доспехи четвертого были красными, цвета свернувшейся венозной крови, и отделаны бронзой, настолько грязной и тусклой, что смотрелась она не лучше дешевой меди. Это все еще была броня Талоса, однако без знакомых трофеев. Покрытый свежими вмятинами, багровой краской и бронзовой отделкой доспех выглядел непривычно и пугающе. Видеть то, что Повелитель Ночи ценил больше всего на свете, настолько искаженным...

--- Лучше бы ты явился сюда по делу, --- угрожающе процедил Талос.

Фигура подняла грожащие руки и стянула с головы шлем. Лицо под ним было мешаниной шрамов, ожогов и бионических протезов и расплывалось в злобещей ухмылке.

--- Я --- Кхорн, --- прорычало существо, сверкнув остро заточенными зубами.

--- Мне знакомо это имя.

--- Да. Твой брат Узас выкрикивает его, когда собирает черепя для моего

престола.

--- Он один из твоих рабов?

Талос не мог оторвать взгляда от собственного изуродованного лица. Половину черепа заменяла лоснящаяся от машинного масла бионическая пластина, окруженная участками воспаленной кожи. Оставшуюся плоть покрывали волдыри, ожоги и темные струнья плохо затянувшихся ран. С какой же силой нанесли удары, если даже могучий организм Астартес не смог залечить их следы?

Больше всего раздражало это непрерывное качание и сгорбленная, обезьяноподобная поза в сочетании со стеклянным взглядом и бессмысленной ухмылкой. Точно такая же появлялась на лице Узаса, когда тот пытался уследить за сложным разговором.

--- Кровь, --- просипела тварь, --- и души. Кровь для Кровавого Бога. Души для Пожирателя Душ.

--- Узас --- твой раб? Отвечай мне.

--- Еще нет. Скоро. Скоро он займет место среди моих чемпионов. Но еще нет.

Еще нет.

--- Кто бы ни призвал тебя, он понапрасну потратил время. Ты надеешься, что я стану служить тебе?

Даже слушать смешно.

--- Времени мало, --- тварь все еще ухмылялась, --- а я должен показать тебе так много.

У Талоса в запасе нашлось бы еще немало оскорблений и издевок, но он обнаружил, что не может произнести ни слова. Легкие сжались и стали тверже как камень, немилосердно давя на ребра. Это болезненно напонило ту секунду, когда яд проник в его тело. Талос почувствовал ту же лихорадочную дрожь, словно плоть отделялась от костей, гася дыхание. Но сейчас, когда Повелитель Ночи рухнул на колени, изо рта его с хрипом вырвались не проклятия, а стех.

Кровавый воин таял.

Талос знал, что в материальном мире его легкие сейчас избавлялись от скверны, из-за которой он оказался здесь.

--- Взгляни на мои дары! --- яростно и отчаянно взревел Кхорн. --- Посмотри на

тү силү, что я тебе предлагаю! Не упускай
свой единственный шанс.

— Отправляйся в бездну!

Повелитель Ночи устехнулся
окровавленными губами и изверг черный
туман в пустоту.

Талос снова открыл глаза.

В ту же секунду он почувствовал
собственную уязвимость. Он лежал на
спине.

Над ним, окрашенный визором в
красноватые тона, виднелся изрежеченный
пүлями потолок столовой. Сетка
целеуказателя немедленно обвела белым
контуром три стоявшие над Талосом
фигуры.

Повелитель Ночи не знал, кто они и
что означает их присутствие. Все трое
были мертвыми, одетыми в темные,
расшитые богохульными символами
мантии. Люди понялись, едва он пришел
в себя.

«Охотничье зрение», — приказал
Талос, и ступные очертания людей
расплылись еще больше, превратившись в

мельтешение тепловых отпечатков.

Первый удар, когда Талос вскочил на ноги и всадил кулак ему в лицо. Повелитель Ночи ощутил, как с треском раскололись кости черепа. Без лишнего звука труп отлетел в сторону.

Прежде чем тело ударилось о засыпанный обломками пол, Талос уже переключился на второго. Его перчатки сдавили хлипкую шею мертвого. Несколько влажных щелчков и резкий разворот. Глаза человека вылезли из орбит, а позвоночник хрустнул, как сухой сучок под подошвой. Несколько секунд Талос позволил себе наслаждаться зрелищем, а затем уронил труп на пол.

Третий попытался сбежать. Он кинулся к двойным дверям, ведущим вглубь тюремного комплекса. В три прыжка Повелитель Ночи нагнал его и запустил когти в размытое термальное пятно. Пятно завизжало в его руках.

Он даже и не думал пока причинять ему боль.

Талос поднял желто-красный вопящий клубок в воздух и отключил охотничье

зрение. На него уставилось человеческое лицо. Мужчина средних лет рыдал во весь голос.

--- Куда-то собрался? --- прорычал Астартес сквозь динамики вокса.

--- Прошу вас, --- простонал человек, --- не убивайте меня.

Сквозь обонятельные рецепторы шлема Талос ощутил приторный аромат курений, источаемый мантией мертвого, и кислый запах его дыхания. Он был заражен... чем-то. Чем-то, что проникло в его тело. Возможно, рак, пожиравший легкие... Скверна. От человека несло скверной.

Талос позволил человеку еще немного любоваться бесстрастной маской череполикого шлема. Еще несколько ударов перепуганного мертвого сердечка. Дай страху окрепнуть. Слова его генетического отца, учение Восьмого легиона: «Покажи добыче, на что способен хищник. Покажи ей, что смерть близка, --- и добыча будет в твоей власти».

--- Хочешь присоединиться к своим мертвым дружкам? --- равкнул он, зная,

что динамики шлема превратят угрозу в
его голосе в механический лязг.

--- Нет. Прошу вас. Прошу!

Талос невольно согрознулся. Мольба.
Он всегда считал, что утешать
унизительно, даже когда был всего лишь
мальчишкой в одной из уличных банг улья
Амра на Нострато. Показывать другому
свою слабость...

Со звериным рыком он подтащил
плачущего, молящего о пощаде человека к
визору шлема. Слезы закатали на керамиче.
Талос почувствовал, как машинный дух его
брони заворочался, словно бьющаяся в уле
речная змея. Он снова пробудился, чтобы
впитать тоску и страх смертного.

--- Назови мне, --- прорычал
Повелитель Ночи, --- имя своего господина.

--- Р-Рув...

Талос сломал смертному шею и
направился прочь из комнаты. Рувен.

Рувен с трудом удержался от того,
чтобы не съежиться при виде
разгневанного Магистра Войны.

Коготь Абэггона отнюдь не ласково

впился в наплечник колдуня, срывая
прикрепленный к доспеху свиток с клятвой.
Несколько полосок пергамента полетели
на землю, чуть кружась под порывами
небедного ветра.

— «Он пробудился раньше времени».

Абаддон выплюнул последние слова
Рувена в лицо чародею.

— Да, мой повелитель. У, — маг с
большой радостью откусил бы себе язык,
чем признал это, — он убил моих
служителей.

Из зубастой пасти Абаддона раздался
лающий стех.

— Ты принадлежал к легиону
Повелителей Ночи до того, как вступил в
той легион, но сейчас их действия тебя
шокируют.

Рувен склонил шлем с зигзагами
толний на черном фоне. Риторическое
заявление Магистра Войны одновременно
стумило и заинтриговало его.

— Да, мой повелитель.

— Это делает твою небрежность
вдвойне забавной.

Абаддон и Рувен стояли на нижнем

этаже тюремного комплекса, наблюдая за колонной оборванных заключенных, которых загоняли в транспорт для перевозки рабов. Бесформенный, пожертвовавший жесткими линиями ради большей вместительности корабль стоял на красной пыльной равнине у подножия тюремной горы. Слуги и сервиторы легиона вместе с громадными, облаченными в черную броню Астартес направляли колонну, время от времени отвешивая тутаки заключенным. Двоих, слишком буквально понявших слово «свобода», они казнили на месте.

Фигуры в мантиях, одетые точь-в-точь как мертвые, которых Талос прикончил несколькими минутами раньше, шагали вдоль колонны, восхваляя величие Магистра Войны, обличая лживую власть Золотого Трона, перечисляя все те ужасы, которые творили во имя Императора его армии, и предвещая неминуемую гибель Империи. Некоторые из этих жрецов бессвязно вопили, обращаясь к тысячам узников на языке, понятном лишь избранныкам

Селных Богов. Они пытались уловить проблеск понимания в глазах заключенных -- ведь это означало бы, что человек помечен Хаосом и что счастливого избранника Губительных Сил следует отделить от остальной орды, годной лишь на пущечное мясо.

К следующему рассвету на Солас не останется ничего живого.

Колдун по имени Рувен все еще молчал.

-- Твои служители все равно были бесполезны, -- сказал Абагдон. -- Ты только послушай этих краснобаев, забывающих о злодеяниях Ложного Императора. Какой накал страстей! И для чего? Империям предан каждого из живущих на этой планете. Их вышвырнули, подвергли остракизму и забыли -- и все потому, что они сами избрали свой путь. Этим людям ни к чему красивые слова -- им достаточно знать, что они смогут отплатить Империи кровью.

-- Если мой господин не одобряет методов обученных мной проповедников...

-- Это похоже на одобрение?

--- Нет, Магистр Войны.

--- Прекрати суетиться, Рувен. Где пророк Повелителей Ночи?

Рувен закрыл глаза и поднес латную рукавицу к боковине шлема, словно прислушивался к отдаленному шуту.

--- Он направляется к посадочной платформе, мой повелитель.

--- Хорошо.

Шлемы Астартес, нанизанные на трофейные пики за спиной Разорителя, клацнули, когда тот обернулся к колдуну.

--- Ты совершил глупость, позволив своим слугам так долго оставаться в комнате.

--- Да, мой господин. Их заклинания были нужны, чтобы поддерживать видение, но пророк избавился от токсинов быстрее, чем я ожидал.

--- Полагаю, твои попытки обратить его провалились?

Судя по голосу Аббадона, он с самого начала не верил в эту затею.

--- Он отверг Темных Богов, мой господин. Он растеялся ит в лицо. И это было не какое-то пустяшное заклинание ---

я вызвал тени Четырех Богов, чье могущество коренится в самом варне. Каждый из них предложил ему свои дары.

Святоотатственные символы, выжженные в плоти Абаддона, отозвались мучительной болью.

--- Что же он видел? Что он отверг с такой легкостью?

--- Я не знаю, мой господин. Но его видения были истинными. Я чувствовал присутствие Четверых. Их титолетный взгляд, если вам угодно.

Абаддон хмыкнул, но в стешке его не крылось и тени веселья.

--- Бездарно и прямолинейно, но весьма зрелищно.

--- Верно, мой господин.

--- Возвращайся на орбиту, Рувен. Тебе больше нечего здесь делать.

Маг колебался, сжимая в руке посох из костей тиранидов.

--- Вы не желаете, чтобы я перехватил Повелителя Ночи и предпринял еще одну попытку?

Абаддон наблюдал за колонной. Там господин из черных легионеров вытащил из

рядов вопящего узника. Взмах клинка, и голова мертвого покатилась по земле.

— Он почувствовал свою уязвимость, и его легион кажется ему сейчас еще слабее, чем раньше. Его решимость треснула и скоро разлетится на куски. Я никогда не думал, что этого твердолобого ублюдка удастся обратить за один раз. Это было лишь первым ходом в глинной партии.

— Следует ли мне доложить Вознесенному о нашей неудаче?

Абагдон устехнулся:

— Нашей неудаче?

— О моей неудаче, Магистр Войны.

— Уже лучше. Нет, я сам поговорю с Вознесенным и сообщу ему, что его ручной предсказатель остался незапятнанным. Вангред был глупцом, если считал, что все произойдет так быстро.

— Тогда я сделаю так, как вы приказали, Магистр Войны.

Абагдон не ответил. И без того было ясно, что маг выполнит его волю. Вместо этого Магистр Войны обернулся, и по его хищному лицу пробежала мгновенная гримаса раздражения.

--- Надеюсь, ты по крайней мере
покончил с рабами?

Вознесенный выиграл для него
орбитальное сражение намного быстрее,
чем изначально планировал Аббадон.
Такая пустяшная услуга --- меньшее, чем
главнокомандующий мог отплатить
капитану Повелителей Ночи.

«Прикончите рабов на борту
"Грозового ястреба", --- попросил
Вознесенный, --- и сделайте это так,
чтобы след не вывел ни на один из
легионов».

«Как пожелаешь, брат, --- ответил
Аббадон. --- Но почему ты хочешь, чтобы
это выглядело нелепой случайностью?»

Вознесенный, услышав это
определение, улыбнулся:

«Причина незначительная, но важная
для меня. Необходимо уничтожить
потенциальных союзников моего
конкурента. Пророк набирает силу. Я не
позволю ему занять мое место».

Аббадону это показалось весьма
остроумным. Вознесенный не хочет, чтобы
его когти были заняты кровью.

Занятно наблюдать за тем, какую щепетильность Повелители Ночи могут проявлять при желании.

--- Я направил туда пятьдесят заключенных, мой господин, --- ответил Рувен. --- Они захватили «Громовайстру», а остальные Повелители Ночи вернулись на орбиту на одном из наших судов.

--- Пятьдесят. С численным перевесом ты не поскупился. И сколько же было рабов на борту?

--- Два.

Абадгон кивнул, глядя на удаляющуюся колонну. Пятьдесят против двух, и никаких следов.

Хоть что-то было сделано правильно.

Талос не сумел связаться по воксу ни с кем из Первого Когтя. «Опаленный» и «Завет крови» тоже молчали. Повелитель Ночи заподозрил, что сигнал глушили, но не мог понять, с какой целью. Убивать их всех здесь было бессмысленно и не принесло бы ни малейшей пользы Черному легиону. При всех своих недостатках, первым из

и держа болтер и меч наготове.

--- А-а-ах, --- просипел один из ближайших трюнов.

Талос не затеделил шага. Оглянувшись на чернозубый, кровоточащий остов того, что некогда было человеком, Астартес разнес его голову единственным болтерным снарядом. Корпус «Громого ястреба» отразил звук выстрела.

--- Септимус, --- позвал Талос по voxу. Пришедший ответ его не обрадовал.

Они забрали ее.

Они осквернили «Опаленного» отвратительной вонью человеческого страха, они разорвали Септимуса на куски, и они забрали Эвридику.

Талос вложил меч в ножны, повесил болтер на бедро и опустился на колени перед командным тронот, на котором неподвижно лежал Септимус. Темные разводы крови на полу показывали, где прополз раб. Он валялся в пилотском кресле, словно тарионетка с обрезанными нитками, --- мешанина кровопотоков, перебитых конечностей и сломанных костей.

Он все еще дышал. Талос не понимал почему.

Повелитель Ночи отпихнул в сторону
труп заключенного, снял шлем и встал на
колени у тела своего оружейника. Острый
запах крови и вонь недавней смерти
ударил по ноздрям. Сентимус закашлялся.
Новые брызги крови полетели с его
разбитых губ. Раб повернул голову к
Астартес.

— Они забрали ее, — удивительно
отчетливо произнес он. — Господин,
прости меня, я ничего не вижу. Они
забрали ее.

Талос вытащил из прикрепленного к
набедреннику нартециума шприц и лоток
повязок из самоклеящейся синтешелли.
Теперешние его запасы не могли
сравниться с полным набором
инструментов аптекаря, который у него
когда-то был, — но набор потерялся
давным-давно на безымянной планете в те
годы, когда Великая Ересь расколола
галактику.

Первым делом Талос вколол в бедро
Сентимусу коктейль из коагулянтов,
обезболивающих и плазмы Астартес.
Затем он перебинтовал то, что осталось

от лица раба.

--- Они забрали ее, --- повторил Сентимус, когда повязка из синтенолти закрыла его глаза.

--- Я знаю.

Талос встал, предварительным обрызгав дезинфицирующим средством открытые раны на ногах мертвого, на руках и туловище. Самые глубокие он перетянул жгутами и положил оставшиеся повязки на приборную консоль, так чтобы Сентимус мог до них дотянуться.

--- Остальное сделаешь сам. Винты у рукояток двигателей обратной тяги.

--- Да, господин.

--- Они использовали взрывчатку, чтобы открыть люк основного трапа.

Это не было вопросом.

--- Да, господин.

--- Понятно. Отдыхай, Сентимус.

--- Я ничего не вижу, --- повторил раб.

Голос его оставался ясным, но голова бессильно клонилась к плечу под двойным действием шока и содержимого шприца.

--- Они выкололи мне глаза.

--- Один глаз. Второй поврежден, но ты его не потеряешь.

Талос обыскал трупы. Некоторых захватчиков сразили лазерные выстрелы, тела других несли следы свирепых ножевых ударов. Два мертвых раба дрались как тигры, пока их не одолели числом, --- доказательства их мужества были разбросаны повсюду вокруг, изрубленные и безмолвные.

--- Я не могу видеть, --- Септимус опустил голову на спинку трона, --- значит, не смогу доставить нас на «Завет».

--- Сейчас это не важно. Ты знаешь, что произошло с Первым Когтем?

Раб громко сглотнул:

--- Они вернулись на орбиту. На «Грозовом ястребе» Черного легиона.

Талос выдохнул сквозь сжатые зубы. Запаянная была примитивной, что не мешало им всем туда угодить.

--- Помолчи, --- велел он Септимусу. --- И постарайся не двигаться.

--- Вы идете за ней?

--- Я сказал, помолчи.

--- Доброй охоты, хозяин.

--- Как и всегда.

Талос, Астартес Первого Когтя десятой роты Восьмого легиона, шагнул к дверям рубки. В одной руке он сжал трофейный силовой клинок, а другой надел шлем --- и все вокруг окрасилось в кроваво-красные тона. Через плечо пророк бросил своему раненому смертному рабу два слова --- обещание, превращенное динамикой череполикого шлема в металлический рык:

--- Скоро вернусь.

В последний раз охотник двигался вперед с подобной целеустремленностью уже очень давно.

Слишком давно, понял он. Он утратил первозданную чистоту, не уделял должного внимания той силе, что коренится в верности своей природе.

Инстинкты пробудились, стоило лишь его сдвоенному сердцу забиться чаще. Он побежал, глотая подолы своей второй, керамической кожи под металлическому покрытию. Этот звук был предупреждением, дикарским

тамтатом войны, грозным биением сердца
разгневанного бога. Охотник не пытался
скрыть свое приближение. Пусть враг
знает, что смерть идет по его следам.

Он шел сквозь тюремный комплекс,
коридор за коридором, не доверяя лифтам
и полагаясь лишь на собственный
возродившийся боевой азарт. Только сейчас
Талос осознал, что за час, прошедший с
момента его пробуждения, в костях его
поселилась ленивая тяжесть. Сейчас эта
слабость прошла, стытая потоком
чистого адреналина.

Эвридика. Да будут прокляты те,
кто похитил ее, и да будет проклят
Черный легион за эту мерзкую ловушку.
Смертная должна была стать
навигатором «Завета». Она, и никто
другой, — Талос был абсолютно уверен в
этом после того, как в пророческом
видении девушка явилась ему на
поверхности мертвой Нострато.

Глубже и глубже в лабиринты
тюремного шпиля. Он бежал, наслаждаясь
зудом боевых стимуляторов в крови.
Машинный дух его брони жаждал этой

охоты. Темное сознание существа восприняло
жизни и разделяло радость хозяина.
Погоня нужна была им обоим.

На краю дисплея ярко вспыхнула рунa.
Ностратская цифра «восемь». Она
пульсировала в такт его собственному
сердцу, а рядом красными буквами горели
жизненные показатели и координаты цели.
Операция, которая скрыла навигаторское
око Эвридики под железной пластиной,
была не единственной. Сервиторы легиона
вшили в ее горло маячок, который позволял
определить местонахождение рабыни
любому Повелителю Ночи, знавшему
нужную частоту. Обычный имплантат
рабов Восьмого легиона.

Ровно шесть минут и тридцать одна
секунда ушли на то, чтобы достичь
подвальных помещений генераториума.
Почти семь минут бега по затихшим,
безжизненным коридорам, мимо пустых
камер и переходов, набитых потеющими
от страха заключенными, готовыми к
погрузке на транспорт для рабов.
Некоторые из них протягивали к нему
руки, по ошибке принимая за одного из

своих спасителей из Черного легиона. Охотник отвечал на поклонение ударом меча. Он не замедлял бега, не позволял себе остановиться ни на мгновение, даже для того, чтобы покончить с возмутительным святотатством. Вслед за свистом меча по туннелям раскатывались злые и испуганные вопли. Этот рев и мычание скотины, согнанной на бойню, сгрудившейся в страхе при виде большего хищника, вызывали у него улыбку. Охотник пытался подавить стех, хотя само их существование было стехотворно. Такие жалкие. Такие напуганные.

Через шесть минут и тридцать одну секунду после того, как он оставил позади «Громовой ястреб», Талос добрался до подвала. Последние три этажа он пролетел, сорвав дверь лифта и прыгнув в темноту шахты. Он был способен пережить это падение. Повелитель Ночи приземлился с грохотом, эхом прокатившись по ближайшим камерам генератора.

Не тратя времени даром, Талос вновь перешел на бег и пронесся через пустую

диспетчерскую. Огню из стен занимали
гигантские окна, открывавшиеся на
просторный зал со сводчатым потолком.
Внизу рычащие и клацающие генераторы
вырабатывали энергию для тюремного
комплекса. Каждый из двадцати
генераторов был вышиной с пятиэтажное
здание. Пыхтящие поршни, визжащие
зубчатые колеса и гудящие
аккумуляторные батареи покрывали их
поверхность, словно чешуя огромного
ящера. Переходы и мостики этого
миниабсурдного города были озарены
мигающими красными лампами
аварийного освещения.

Изображение на дисплее визора
дрогнуло и пошло полосами. Вспыхивали и
гасли руны. Электрические помехи. Очень
сильные помехи, выведшие из строя
датчики шлема.

Зачем понадобилось так много
энергии? Талос оглядел диспетчерскую,
достаточно просторную, чтобы вместить
несколько десятков человек персонала, но
сейчас совершенно пустую. Пустотные
щиты? Такое количество энергии не

может уходить лишь на освещение многобашенного тюремного комплекса наверху. Эти генераторы наверняка питали и пустотные щиты тюрьмы, защищавшие комплекс от метеоритных дождей и орбитальной бомбардировки.

К чему закрывать щитами тюрьму, под завязку набитую смертниками? О эта безумная расточительность Империи!

Анафема изрыгнул очередью болтерных снарядов, ударивших по окружающим Талоса контрольным панелям.

Поле зрения очистилось. На зал обрушилась темнота. И следом за ней тишина.

Это произошло не мгновенно. Поначалу тьму нарушала агония панелей управления. Пляшущие электрические дуги освещали трак, подобно разрядам молнии. Но когда последние искры угасли, тьма стала абсолютной — истинной, знакомой лишь тем, кто провел жизнь на планете без солнца.

Затем пришла тишина. Двадцати генераторным башням потребовалась

почти минута, чтобы заглухнуть окончательно. Огромные, изголодавшиеся по вниманию и ослепшие без руководящих сигналов от контрольных панелей, они не сдвигались. Под рев и тизание красных ламп включились предохранительные системы. Талос выпустил остаток обоймы в предохранительный блок и отвернулся от яркого пламени взрыва.

И вновь наступила темнота. Генераторные башни залязгали, загребезжали и наконец с последним гаснущим стоном утихли. Еще сорок восемь секунд, и благословенная тишина затопила мертвый город машин.

Талос прыгнул прямо в окно диспетчерской и, пролетев под звон разбитого стекла двадцать метров, благополучно приземлился на металлическое покрытие нижнего этажа. Керамит грохотнул о железо. Повелитель Ночи встоптрелся в темноту, прислушался к тишине и выдохнул два слова:

--- Охотничье зрение.

Индрига не был напуган, однако

быстро терял терпение. Остальных
нервировала темнота и остановка
генераторов. Девчонка наконец
прекратила сопротивляться, но и эту
новость вряд ли стоило считать
приятной. Девка уже искусила и
исцарапала Эгсана и Миррика, и Ингрига.
В глубине души подозревал, что чокнутая
сучка просто ждет удобного момента.

Четыре человека затерли в темноте
между двукратными генераторными башнями.
Звон разбитого стекла донесся до них даже
сквозь рев утирающих генераторов. Темно
прорезали узкие лучи света — это Ингрига
и Эгсан включили подствольные фонари на
гробовиках, отнятых у охраны.

Девчонка застонала и закашлялась
так громко, что Ингрига вздрогнул.

— Заткните ей пасть, — прошипел
он, — и опустите чертовы фонари.

Эгсан, подчинившись, наклонил
гробовик, так что луч больше не
вырывался в проход между башнями.

— Кажись, ты только что обточился,
Ингри. Я видел — ты подпрыгнул, будто у
тебя под ухом выстрелили.

В голосе Эдсана звучала не насмешка, а что-то близкое к панике.

--- Я не напуган, --- шепотом отозвался Индрига, --- просто говори, Трон тебя поберет, потише.

Эдсан затешкался с ответом. Индрига, без сомнения, выглядел испуганным, а это не предвещало ничего хорошего. Индрига был гангстером из подулья, как и большинство здешних зэков, но, в отличие от них, его кожа сплошь почернела от татуировок с глиняными списками жертв и от еретических символов. К тому же он был огромным --- то ли выращен искусственно, то ли не раз оказывался под ножом хирурга, охотного до аугментики.

Наконец страх заставил Эдсана заговорить:

--- Индри. Нас ведь четверо, так? Это хорошо, верно?

--- Угү.

У Эдсана появилось отчетливое ощущение, что Индрига его совсем не слушает. В этом не было ничего нового --- Индрига быстро заделался большой

ишкой в секторе «Р» и не обращал
внимания на всякую шелупонь вроде
Эдсана, — но теперь, похоже, Индризга
отмахнулся от него вовсе не из
пренебрежения. На сей раз Индри выглядел
так, будто почуял запах жареного и
собрался рвать когти.

Это было странно. Глядя сейчас на
Индризгу, Эдсан вспомнил брыластых
боевых псов, которых его бывший хозяин
стравили в подпольных собачьих боях.
Генетически модифицированные,
превращенные в горы мускулов с
челюстями-канканами, эти псы перед боем
подбирались и нервно дрожали,
установившись на что-то, видное лишь им.
У них зашкаливал адреналин, ежу понятно,
и все же странно было видеть животное
настолько... сосредоточенным. Дрожащие,
но напряженные, они палились... в этом-то
и проблема. Как и те уродские псы,
Индризга тарасился сейчас Император
знает куда.

— Ты что-то видишь? — прошептал
Эдсан.

— Нет. Зато слышу.

И в эту секунду Эгсан тоже услышал. Может, услышала и девчонка, потому что она снова застонала. И заработала пощечину от Миррика, который, все еще в крови, сидел позади. Новые ноты влились в утихающий вой генераторов. Что-то ритмическое. Металлическое кланк-кланк-кланк-кланк... Эгсан даже не мог понять, на что это похоже. В голове всплыло единственное сравнение, пробившееся сквозь нарастающую панику. Как шаги великана. Когда минутой спустя он узнал правду, то ужаснулся тому, насколько верным было его сравнение.

Индрига поднял гробовик:

--- Кто-то идет сюда.

--- За ней?

Эгсан сглотнул. Тихая сосредоточенность Индриги действовала ему на нервы. Плохо. Может, стоит бросить девчонку и убраться отсюда?

--- Индри... Они пришли за девкой?

Эвридика заговорила в первый раз с тех пор, как ее схватили. Облизнув распухшие губы, пленница прошипела, вложив как можно больше яда в свои слова:

— Нет. Он пришел за вами.

Один из сыновей Императора всегда отличался от своих братьев.

Поворот судьбы, которому суждено было привести к гибели человечества, отнял двадцать потомков Императора у их генетического отца. Выращенные в инкубаторах, созданные мастерами-генетиками в гигантских подземных лабораториях Терры, они должны были воплотить самые лучшие и благородные черты человеческой расы и стать символом человеческого совершенства.

Их взлеты и падения запечатлены в многочисленных мифах и в тысячетомных имперских хрониках. Эти истории были забыты большинством смертных за десять тысячелетий существования Империи, заперты в хранилищах Инквизиции или настолько искажены временем, что правда стала неотличима от лжи.

Хотя однажды всем двадцати сыновьям суждено было воссоединиться со своим отцом, отправившимся покорять

звезды в Великом Крестовом Походе, девятнадцать из них выросли под опекой дурных или достойных наставников. Их инкубационные капсулы пронзили небеса двадцати миров. Двадцать планет стали им дотом и покорились богоподобным существам, которые выросли и начали вершить судьбы приютивших их миров.

На Кемосе, фабричной планете, загрязненной так сильно, что ее небеса окутал ядовитый оранжевый смог, примарх Фүлгрим выдвинулся из рядов рабочих и служащих и стал повелителем ее крепостей-фабрик, провозгласив новую эру богатства и процветания.

На Калибане суровый примарх по имени Лев вырос и возглавил рыцарские ордена в достославном крестовом походе против нечисти, терроризировавшей леса его родного мира. На Фенрисе ходят легенды, что примарх Леман Рүсс был усыновлен свирепыми волками ледяной планеты, а затем стал верховным королем тамошних диких кланов.

На безымянной планете, чье имя давно затерялось в глубинах истории,

примарх Ангрон вырос рабом в темной яме. Его заковали в цепи правители этого на первый взгляд цивилизованного мира. Опыт кровавого взросления навеки изменил примарха, превратив в чудовище.

К лучшему или к худшему, но каждый из сыновей Императора рос под чьей-то опекой, воспитанный наставниками, учителями, друзьями или врагами. Лишь один из примархов выросл в полном одиночестве, скрытый от людских глаз. У него никогда не было ни руководителя, ни старшего товарища.

Со временем он стал известен под именем, которое дал ему отец: Конрад Курц. Но для жителей Нострато, планеты, вечно погруженной в ночную тьму, он не был — по крайней мере поначалу — человеческим существом. И там у него никогда не имелось человеческого имени.

Ребенок, обреченный на жизнь дикого зверя в тени человеческих городов. Он рылся в мусоре на бульварах и улицах столицы этого мира — Нострато Квинтус, гигантского мегаполиса, занимавшего большую часть северного

полушария. Преступление здесь, как и повсюду на Нострато, встречалось чуть ли не чаще, чем сама жизнь. Не зная ничего о человеческой морали, кроме тех уроков, что преподали ему городские джунгли, юный примарх взялся за работу. Работу, ставшую делом всей его жизни.

Поначалу деятельность его была довольно скромной, но крайней мере по меркам Имперского законодательства. Мелкие преступники: убийцы, насильники и грабители, гангстеры и рэкетиры, расплотившиеся на темных улицах Нострато Квинтус, — вскоре начали шепотом передавать друг другу имя. Имя, срывавшееся с грожащих губ. Ночной Призрак.

Он убивал их. Едва вступив в период отрочества, мальчик, заметив совершавшееся преступление или насилие, бросался на злодеев из теней. Он нападал на них, обуреваемый животной яростью, и разрывал на куски тех, кто паразитировал на своих согражданах. Так проявлялась присущая ему от природы гуманность и желание навести порядок в окружающем

мире.

Юный бог отлично понимал, что такое страх, глубинный и первобытный. Возможно, понимал даже слишком хорошо. Он научился использовать страх и убедился, что люди, охваченные ужасом, становятся куда поглотливей и послушней. На этих черных улицах он заучил уроки, сформировавшие впоследствии его легион. Человечество не нуждалось в доброты, в понимании и доверии для того, чтобы двигаться дальше по пути прогресса. Люди не подчинялись закону и порядку из альтруизма или из стремления к общему благу.

Они покорялись навязанным обществом законам из страха. Нарушение закона влекло за собой правосудие. А правосудие означало кару.

И он стал этой карой. Он стал угрозой законного возмездия. В чуть рассеявшемся рассветном сумраке Ночной Призрака выставлял на всеобщее обозрение самых известных преступников. Распятые, с выпущенными кишками, они были прикованы цепями к стенам общественных

зданий или украшенным золотом дверям дворцов богатейших криминальных боссов и глав корпораций. Он всегда оставлял их лица нетронутыми, искаженными гримасами боли и мучительной агонии. Ночной Призрак знал, что застывшие взгляды его жертв пробуждают больше ужаса и сострадания в сердцах их напуганных сограждан.

Прошли годы, и погибли еще многие. Вскоре бледные и хищные руки Ночного Призрака протянулись в высшие слои общества, выдерживая по одному главарей банд, организаторов и чиновников, стоявших у истоков коррупции. Страх, переполнивший улицы, навис теперь над дворцатами богачей и правителей.

И пришла власть закона. Мир и согласие под угрозой наказания. Порядок, выстроенный на страхе.

В хрониках Восьмого легиона говорится, что, когда Император прибыл на Нострато, он сказал своему потерянному и вновь обретенному сыну такие слова: «Конрад Курц, пусть сердце твое успокоится, ибо я пришел за тобой и

собираюсь забрать тебя готовой».

Ответ примарха также известен: «Это не мое имя, Отец. Я — Ночной Призрак».

Возможно, если бы основатель Восьмого легиона вырос в ином мире и усвоил иные уроки, его сыны стали бы более типичными Астартес, не похожими на тех одержимых, в каких они превратились к началу сорок первого тысячелетия. Но сыны Ночного Призрака помнили все заветы своего генетического отца и пронесли его правду сквозь века.

— Ловец Душ, — сказал однажды примарх Талосу.

— Мой господин? — ответил тот, не решаясь, как и всегда, прямо взглянуть в глаза отцу.

Вместо этого он остановил взгляд на темно-синей броне Ночного Призрака. Броня была украшена зигзагами молний, изображенных самими искусными техножрецами Марса, и цепями, с которых свисали черепа множества сраженных примархом противников.

— Уже скоро, Ловец Душ.

Тоскливая нотка в голосе его повелителя не была чем-то новым для Талоса. Но вот прозвучавший в нем священный трепет оказался внове, и удивление заставило Талоса поднять голову и взглянуть в лицо отцу. В изможденное, почти беззубое лицо, с бледно-серой кожей — словно рассветное небо утирающего тира.

— Мой господин?

— Скоро. Мы бежим от ищущих моего отца, но погоня следует по пятам, и возмездие будет оплачено кровью.

— Возмездие всегда требует крови, мой повелитель.

— На этот раз кровь будет моей. И я заплачу эту цену охотно, сын мой. Смерть — ничто по сравнению с оправданием всей жизни. Утри с правдой на устах, и ты никогда не будешь забыт.

Отец говорил что-то еще, но Талос уже ничего не слышал. Каждое произнесенное слово вонзалось ему в сердце, как ледяной клинок.

— Ты утрешь, — выдохнул он. — Я знал, что это случится, мой господин.

--- Потому что ты видел это, ---
устехнулся примарх.

Как и обычно, в его улыбке не было и тени веселости. На памяти Талоса Ночной Призрак никогда не проявлял ничего, хотя бы отдаленно похожего на радость. Его ничто не стесило. Ничто не приносило ему наслаждения. Даже в самые кровавые минуты боя его лицо носило выражение сосредоточенности и порой отворачивания. Жажда битвы была ему не присуща, или он давно перерос лихорадочное упоение схваткой.

Вот результат того, что примарх пожертвовал собственной человечностью во имя блага Империи. И за эту великую жертву его ждала достойная награда --- императорские ассасины, идущие по следу.

--- Да, господин, --- повторил Талос.

Горло его пересохло, а низкий голос Астартес казался ребяческим лепетом по сравнению с горловым рыком примарха.

--- Я видел. Откуда ты знаешь?

--- Я слышу твои сны, --- ответил примарх. --- У нас с тобой общее проклятие. Проклятие прозрения. Ты такой же, как я.

Ловец Душ.

И тут нечем было гордиться. Несмотря на то что Талос никогда не чувствовал себя ближе к примарху, чем в эту минуту, он не испытывал гордости --- только ужасное ощущение уязвимости, которое грозило пересилить даже благоговение перед его богоподобным отцом. До смерти примарха им предстоял еще только один разговор. Хотя ни слова не было сказано, Талос знал и это.

Почему воспоминания нахлынули на него именно сейчас? Пробуждение инстинктов, упоение охотой? Словно подстегнутый плетью, Талос перешел на бег. Руна жизненных показателей пульсировала на краю дисплея --- так неровно бьется сердце неисправного двигателя. Было очевидно, что девушка ранена. Ее имплантат, грубый и сугубо функциональный, не передавал конкретных деталей. Повелитель Ночи услышал приглушенное дыхание Эвридики и участвовавший пульс ее похитителей и застыл, подождав еще громче, чтобы они знали о его приближении.

А затем, решив, что момент настал, когда до него донесся испуганный шепот добычи, охотник скользнул в тень. Походка его стала беззвучной, и он замер в ожидании.

Один из смертных прошел мимо укрытия Повелителя Ночи — двух конденсаторных цилиндров в рост человека. От смертного несло грязью, потом и страхом. Талос с трудом удержался от того, чтобы облизнуть губы.

— День добрый, — тихо и настешиво шепнул он.

Дробовик рывкнул, взорвав тишину. В панике заключенный выстрелил, даже не успев обернуться. В течение одного бесконечного мгновения он пылился в черноту, где горели два ярко-красных глаза. Затем Талос прыгнул.

Смертный умер слишком быстро. Талос даже пожалел о том, что нельзя растянуть удовольствие. Труп с переломанной шеей грохнулся на пол. Повелитель Ночи уже растворился во тьме.

— Эдсан? — позвал кто-то. — Эдсан?

— Он мертв, — раздалось из-за спины.

Муррик успел изумленно втянуть воздух, прежде чем его голова слетела с плеч. Талос позволил телу упасть, но голову поймал.

Сжав в руке кисты нестриженных грязных волос, Повелитель Ночи двинулся сквозь трак со своим трофеем. Лицо убитого все еще конвульсивно подергивалось в предсмертной гримасе.

Третьим умер Шиверн.

Шиверн оставался с женщиной. Он стоял над ней, поигрывая силовым молотом. Как и прочие заключенные, он отобрал оружие у одного из охранников во время бунта. Но, в отличие от большинства, он был невинен в тех преступлениях, из-за которых угодил за решетку.

Не будучи еретиком, Шиверн получил срок за связь с культистами-матеежниками в одном из миров, который отказался следовать Имперскому Кодексу и откололся от Империи. Когда Империя Человечества вернула власть над планетой, Шиверна вместе с другими

политикатами обвинили в ереси. У
совершенно необоснованно, потому что он
возражал против отселения от Трона.
Црония заключалась в том, что Шиверн
получил пожизненный срок за ересь, в то
время как двадцать лет на
государственной должности тайно
предавался преступным страстям без
всякой боязни разоблачения. На руках его
была кровь пяти женщин и двух юношей.
Шиверн считал, что ему не в чем
раскаиваться.

--- Индрига? --- позвал он.

Никто не ответил. Женщина у его
ног снова тихонько растеялась. Шиверн
пнул ее ботинком, чувствуя, как что-то ---
возможно, пара-тройка ребер --- треснуло
от удара.

--- Заткнись, бездна тебя дери!

У него зачесалось в ушах. Жужжание,
похожее на гул пчелиного роя, вызвало
неприятный зуд.

--- Что это за проклятый шум? ---
пробормотал бывший чиновник, крепче
сжимаемая молот в тонкопалой руке.

Это было гудение активированной

силового брони Марк IV. Талос вынырнул
перед Шиверном из темноты, освещенной
лишь тусклым лучом карманного
фонарика.

--- Лови, --- предложил Повелитель
Ночи.

Несмотря на рычание гинатиков
вокса, голос его звучал почти дружелюбно.

Шиверн инстинктивно поймал то,
что ему швырнули. Секунду он подержал
это в руке, прежде чем уронить с воплем
ужаса. Теплая кровь затарала его ладонь и
запятые. Голова Миррика со стуком
покатилась по полу.

--- Подождите! --- взмолился Шиверн,
глядя на выступающий из трапа силуэт. ---
Я к ней не прикасался, --- солгал он.

Босая ступня Эвридики ударила его
по колену. Шиверн пошатнулся. Он
выпрямился как раз вовремя, чтобы
уткнуться физиономией в болтерный
ствол. Широкое дуло просунулось ему в
рот, раскрошив зубы. Холодный металл
уперся в нёбо. Шиверн едва успел
приглушенно пискнуть, прежде чем болтер
равкнул, и голова бывшего политика

разлетелась кровавыми брызгами.

Талос отпихнул в сторону обезглавленное тело и посмотрел сверху вниз на Эвридику. Девушка была избита и покрыта синяками. От одежды ее остались лишь клочки, один глаз заплыл. Все же она выглядела куда лучше Септимуса, мимолетно отметил Талос. Никаких необратимых повреждений, по крайней мере физических.

--- Мы уходим, --- сказал Талос.

--- Остался еще один, --- невнятно пробормотала Эвридика, едва шевеля распухшими губами. --- Верзила.

--- Тем не менее мы уходим, --- повторил Талос, нагнувшись к девушке.

Перекинув навигатора через плечо и держа болтер в свободной руке, Астартес двинулся к выходу из генераториума.

--- Это Индрига, --- просипел уголовник в ручной вокс-передатчик.

Индрига скорчился в темноте у подножия мертвой генераторной башни и придвинулся к микрофону. Он не был создан для того, чтобы прятаться.

Бывшему гангстеру потребовалась вся сила воли, чтобы не выскочить из укрытия и не разmozжить башку монстру в доспехах, который сейчас удирал прочь.

--- Говори, --- ответил шепелявый тужской голос.

--- Лорг Рувен, --- сказал заключенный, --- он явился за ведьмой.

--- Это заставляет меня задаться вопросом, почему ты до сих пор жив.

Несколько секунд Ингрига боролся с собой, пока не выдал:

--- Я спрятался, господин.

--- Он ушел?

--- Уходит сейчас. --- И после паузы: --- Он забрал ведьму с собой.

--- Что значит «забрал»? Зачем ему понадобился ее трюк?

Ингрига сглотнул достаточно громко, чтобы звук был слышен по воксу. Рувен раздраженно вздохнул.

--- Мы взяли ее с собой, --- признался Ингрига. --- Мы хотели...

--- Довольно. Не желаю слышать о твоей смертной похоти. Ты не сумел выполнить простейший приказ, Ингрига. У

сейчас ты за это умрешь.

--- Господин...

--- На твоем месте я бы уже бежал.

Ингрига опустил передатчик. Звук шагов убийцы в гонимых вновь начал приближаться. Заключенный презрительно скривился. Очевидно, проклятый ублюдок вернулся, чтобы довершить начатое.

Наверное, услышал мой шепот...

Ингриге требовался свет. Он включил подствольный фонарь и выскочил из укрытия. Луч света прорезал темноту перед ним, как копье.

Гигантская фигура в гонимых поспешно развернулась, без сомнения защищая свисавшую с плеча ведьму. Дробовик Ингриги рывкнул: раз, другой, третий. С каждым выстрелом из дула вылетал град картечи, стучавший по керамитовой броне.

Талос повернулся к Ингриге в ту секунду, когда вместо очередного выстрела раздался сухой щелчок. Эбридика на его левом плече не пострадала — Астартес вовремя прикрыл ее. Огромный болтер вывалил всего один раз. Повелитель Ночи

целился низко, и снаряд угодил Индризге в живот. Болт взорвался секундой позже, разбросав осколки бывшего преступника по проходу. Самый большой кусок, состоявший из груди, рук и воняющей головы Индризги, прожил еще двенадцать мучительных секунд. Талос, не обращая внимания на крики, поднял ручной вокс, который выронил утирающий заключенный.

--- Пророк, --- сказал голос на другом конце канала связи.

--- Рувен, --- мягко произнес Талос, --- брат мой. Давно ты с тобой не виделся. Я должен был узнать твой корявый почерк, когда четверо так называемых богов пытались заторочить мне голову.

--- Сейчас я Рувен из Черного легиона, Око Магистра Войны. Уверяю тебя, Талос, ты и понятия не имеешь, о чем говоришь.

--- То же самое утверждает Вознесенный. Я устал от тавканья оксверненных и падших. Магистр Войны предавал другие легионы и раньше, но это слишком нагло и грубо даже для него.

--- Как скажешь, брат. У тебя нет

никаких доказательств его участия, кроме пробитого нагрудника. И кому до этого есть дело? Вознесенному? Но он --- ручной пес Абадгона и всегда был им. Одно отделение Повелителей Ночи, угодившее в западню, не остановит грядущий Крестовый Поход.

У ног Талоса Ингрига испустил дух. Последовавшая за этим тишина не понравилась Талосу, потому что вопли смертного глупца доставляли ему странное удовольствие.

--- Твой бандит-фанатик подох, --- сказал Талос, отступая от трупа.

--- Я не собираюсь проливать над ним слезы. Скажи, как ты смог с такой легкостью отказаться от гаров Четверых? Неужели они не предложили ничего соблазнительного? Ты не почувствовал искушения даже на секунду?

--- Я все еще не понимаю, зачем вы заманили меня сюда, брат, --- сказал Талос, глядя на человеческие останки у себя под ногами. --- Ты должен был знать, что я никогда не оставляю легион.

--- Восьмой легион слаб. Вознесенный

хочет избавиться от тебя; ты не слишком-то любишь своих братьев; и, что важнее всего, сам Абаддон заинтересовался тобой. Неужели это ничего для тебя не значит? Как такое возможно?

Талос уже шагнул к выходу. Он снял Эвридику с плеча и, не замедляя шага, осторожно взял ее на руки.

--- Когда мы встретимся в следующий раз, я убью тебя, Рувен.

Повелитель Ночи нашел навигатора, которой суждено было сыграть ключевую роль в грядущих событиях, --- и чуть не потерял ее пару дней спустя. Вдобавок эта идиотская авантюра едва не лишила его Сентимуса. И все еще могла стоить Сентимусу жизни, если раб не переживет предстоящих операций.

Расточительность.

Расточительность за гранью понимания.

--- Запомни мои слова, Рувен: неважно, ходишь ты в любимчиках Разорителя или нет, я тебя уничтожу.

--- Почему ты отказал Четверым?
Ответь мне, Талос.

--- Потому что я сын своего отца.

Талос отшвырнул вокс и пошел
дальше.

--- Приятно было пообщаться с тобой,
брат. Мне не доставало твоей
незамысловатой искренности и
прямоты. Талос? Талос?

Поднимаясь по лестнице на
следующий уровень, Талос почувствовал,
как Эвридика зашевелилась у него на
руках.

--- Благодарю вас, --- тихо сказала
девушка.

Ответа у Талоса не нашлось. Ее слова
оказались слишком непривычными.

Часть вторая

ДРЕВНЯЯ ВОЙНА

Настанет время,
когда наш Легион
рассеется меж звезд.

Когда другие станут
искать союза с
Силати, что мы
отвергли.

Пути грядущего
сокрыты от меня,
И вам придется в
одиночестве ступить
на эти тропы.

Но я знаю вот что.
Война, что нашу
кровь воспламеняет,
За десять тысяч лет
не завершится.

Пустите кровь
Империи.

Сокрушите Трон. Не
знайте жалости.

Но будьте осторожны
--- ведь Древняя Война
Не принесет
предателям
единства.

И верить можно
только вашим
братьям по легиону.
Больше
Не доверяйте никому!

Примарх Конрад
Курц

Раб прислушивался у двери.

В комнате кто-то двигался. Металлическая переборка глушила звуки. Раб поднял руку, к которой так пока и не успел привыкнуть, и набрал нужную комбинацию. Изнутри донесся звонок. Шаги приблизились, и дверь с шипением отъехала влево. В проеме показался другой раб.

--- Септимус, --- с улыбкой сказал обитатель комнаты.

--- Октавия, --- отозвался Септимус. --- Время пришло.

--- Я готова.

Двое слуг легиона вместе зашагали по затемненным коридорам той части «Завета», что предназначалась для

смертных. Полоски лютинофора под потолком здесь были вечно настроены на полутрак. Достаточно, чтобы видеть, даже для тех, кто не родился в бессолнечном мире, — и все же даже вечерние сумерки на большинстве планет были светлее.

Октавия все еще не могла удержаться от того, чтобы каждый несколько секунд не коситься украдкой на Септимуса. Операции провели недавно, и его кожа только приспосабливалась к аугментике. Там, где имплантаты и плоть встречались, все еще виднелись красные воспаленные участки. Вместо левого глаза, который Септимус потерял во время атаки на «Громовой ястреб», теперь красовалась фиолетовая линза в бронзовой оправе, закрывавшей висок и скулу.

Дочь навигаторского Дома, Октавия не раз видела аугментические протезы при дворах Терры. В том числе и те, что были у ее отца. По общим стандартам, Септимус еще сравнительно легко отделался. Его имплантаты оказались

всяко лучше той дешевой аугментики из серии «отрежь и пришей», которую могли себе позволить многие вполне обеспеченные граждане Империи.

Тем не менее девушка понимала, что все это несколько не утешает Септимуса. Она искоса смотрела, как раб нажимает на дверной рычаг затянутой в перчатку рукой — рукой, которую он потерял заодно с глазом. Октавия пока не видела аугментической кисти и предплечья, зато слышала глухое гудение сервомоторов и приводов. Кровопотехи на горле и груди оружейника почти сошли, но походка Септимуса напоминала о недавних ранениях. Хотя раб выздоравливал и за три недели сильно окреп, он все еще держался скованно и явно чувствовал боль. Он двигался, как старик в зимнюю стужу.

Они шагали по нижним палубам «Завета», отведенным для смертных. Октавия сомневалась, что когда-нибудь сумеет привыкнуть к здешнему обществу. В отличие от верхних палуб, где жили ценные рабы и офицеры, эти темные переходы заселял второсортный

сброс. Они ютились в каютах, как и экипаж любого другого военного судна, но многолетняя служба Повелителям Ночи искажала и сам корабль, и его обитателей. Октавии они напоминали паразитов, кишящих в темноте.

Вдалеке, в одном из бесчисленных закутаных коридоров, кто-то закричал. Октавия вздрогнула, услышав это. Септимус нет.

Пока два раба пробирались по широкому стальному переходу, дорожку и перегородила закутанная в плащ фигура, двигавшаяся практически на четвереньках. Существо метнулось поперек коридора и исчезло в соседнем проходе. Октавия предпочитала не знать, кто или что это было. Из щелей в металлическом потолке капала холодная вода. Капли падали нерегулярно, создавая неровный ритм. Где-то наверху был пробит охладитель — еще одна дыра в корабельных венах, медленно истекавшая ледяной влагой сквозь ржавые раны. Такое встречалось здесь часто. Сервиторы-ремонтники никогда не добивались до

нижних палуб.

--- Зачем мы пошли этой дорогой? ---
тихо спросила девушка.

--- Потому что у меня здесь дела.

--- Зачем эти люди вообще здесь?
Астартес охотятся на них для
развлечения?

--- Иногда, --- ответил Септимус.

--- Ты шутишь?

Октавия знала, что Септимус не
шутит, и вообще не понимала, зачем
завела этот разговор.

Раб улыбнулся, и девушка чуть не
споткнулась. Прошел почти месяц с тех
пор, как Октавия в последний раз видела
его улыбающимся.

--- Они способны принести пользу,
знаешь ли. Будущие оружейники. Или
сервиторы. А проштрафившихся офицеров
однажды можно использовать на посту с
меньшей ответственностью.

Девушка кивнула. Тем временем они
подшли к чему-то отдаленно
напотившему рыночный ларек.
Конструкция была сделана из обломков
металла, вкривь и вкось пристроенных к

стене коридора.

--- Вам нужны батареи? --- прохрипел
усеянный фурункулами человек, сидевший в
лавке. --- Батареи для ручных ламп.
Свежезаряженные на огне, проработают по
меньшей мере месяц.

Октавия оглядела его морщинистое,
костлявое лицо с глазами, затянутыми
молочной пленкой катаракт.

--- Нет. Нет, спасибо.

Девушка предполагала, что в
глубинах «Завета» деньги ни к чему, но и
менять тут на товар было нечего. К тому
же Октавия не понимала, для чего они
остановились здесь. Девушка оглянулась на
Сентимуса. Тот не заметил этого,
поглощенный разговором со стариком в
поношенной служебной униформе.

--- Церетия, --- позвал он.

--- Сентимус?

Старик поклонился с явным
почтением:

--- Я слышал о выпавших тебе
испытаниях. Разреши?

Сентимуса при этом вопросе
передернуло. Тем не менее он ответил:

--- Да, пожалуйста.

Раб нагнулся к старику, и тот ощутил его лицо дрожащими руками. Кончики пальцев мягко огладили воспаленную кожу, незажившие кровоподтеки и новые протезы.

--- Похоже, дорогие.

Старый раб улыбнулся, показав черные дыры на месте нескольких зубов.

--- Приятно видеть, что хозяева все еще ценят тебя.

Он убрал руки.

--- Видимо, да. Церетия, это Октавия. --- Септимус указал на нее затянутой в перчатку рукой.

--- Моя госпожа, --- поклонился старик так же низко, как кланялся Септимусу.

Не зная, что сказать, девушка выдала улыбку и произнесла:

--- Привет.

--- Разрешите?

Октавия напряглась, так же как Септимус мигнутой раньше. Она могла пересчитать по пальцам те случаи, когда другим человеком касался ее лица.

--- Вы... лучше не стоит, --- тихо

сказала она.

--- Не стоим? Хм. Судя по голосу, ты красотка. Она красотка, Септимус?

Септимус не ответил на вопрос. Вместо этого раб отрезал:

--- Она навигатор.

Руки Церетии отдернулись, а пальцы робко поджались.

--- О. Не ожидал. Что привело вас сюда? --- спросил старик у Септимуса. --- Вам ни к чему рыться в отбросах, как нам здесь, внизу, так что, думаю, вы явились не за моим отборным товаром?

--- Не совсем. Пока я отходил от ран, --- сказал Септимус, --- у рожденной в пустоте был день рождения.

--- Верно, --- кивнул Церетия, рассеянно перекладывая по прилавку почерневшие от огня батареи, безделушки на нитках и импровизированные инструменты. --- Ей уже десять. Кто бы мог подумать, а?

Септимус осторожно почесал висок. Скрытые перчаткой пальцы погладили воспаленный шрам там, где бронзовая пластина соединялась с кожей.

--- У меня для нее подарок, --- сказал

он. -- Ты сможешь передать ей это от
меня?

Оружейник сунул руку в висящий на
поясе кошель и вытащил серебряную
монету. Октавия не смогла разобрать
деталей чеканки -- большую часть
скрывали пальцы Септимуса, -- но то, что
было видно, спахивало на какую-то башню.
Старик некоторое время стоял
неподвижно, ощущая холодный и гладкий
кругляш, который Септимус опустил ему в
ладонь.

-- Септимус... -- сказал он, понизив
голос почти до шепота. -- Ты уверен?

-- Уверен. Передай ей вместе с
печатью мои наилучшие пожелания.

-- Передам.

Старик сжал пальцы, пряча монету.
Октавия ответила, что в жесте, кроме
благоговения и заботы о сохранности
артефакта, было и мучительное
отчаяние. Так прижимаются к брюху
волосатые лапки подыхающего паука.

-- Никогда не держал ни одной из них
в руках, -- признался слепой. -- Помолчав,
он добавил: -- Не смотри на меня так -- я

не собираюсь присвоить ее.

--- Я знаю, --- ответил Септимус.

--- Да пребудет с тобой благословение
и впредь, Септимус. И с тобой, Октавия.

Они попрощались с торговцем и
двинулись дальше.

Когда спутники миновали несколько
поворотов и старик уже не мог их
услышать, Октавия откашлялась.

--- Ну? --- спросила она.

Загадочный подарок заставил ее на
время забыть о собственной судьбе.

--- Что «ну»?

--- Ты собираешься рассказать мне,
что это было?

--- Время в костосе течет с разной
скоростью. Ты навигатор, так что знаешь
об этом лучше многих других.

Конечно, Октавия знала. Взглянув
девушка дала понять Септимусу, что
ждет продолжения. Она обратила
внимание на то, как искусственный глаз ее
спутника с жужжанием ворочается в
глазнице, пытаясь повторить выражение
неповрежденной части лица.

--- На этом корабле есть одно

существо, более значимое, чем другие. Мы
зовем ее рожденной в пустоте.

--- Она человек?

--- Да. Вот почему она важна.
Великая Ересь гремела десять
тысячелетий назад. Но для «Завета»
прошло меньше столетия. Меньше ста
лет с того дня, когда ударный крейсер
ворвался в небеса Терры вместе с
величайшим флотом за всю историю --- с
армадой Боутеля, Хоруса Избранного.

Октавия почувствовала, как от слов
Септимуса по спине побежали мурашки.
Все это еще было внове для нее: и «Завет»,
и измена Золотому Трону. Девушка не
решилась бы даже описать собственное
положение на корабле, потому что тогда
пришлось бы признать свершившийся факт
предательства. И вот теперь приходится
слушать о том, что судно, на борту
которого она сейчас находится,
участвовало в последнем сражении Ереси.
«Завет» атаковал Терру вместе с другими
кораблями Хоруса --- причем всего
несколько десятилетий назад по
внутреннему времени корабля. Октавия

снова вздрогнула. От богохульства бросало
в холод и одновременно сладко затирало
сердце. Она жила на самой кромке мифа.
Другая, великая эпоха укрыла ее своей
тенью, и в присутствии Астартес крови
быстрее бежала по жилам. Они были куда
более живыми и яркими, чем все, кого ей
доводилось знать прежде. Их ярость была
горячей, горечь холоднее и ненависть куда
глубже...

И то же самое относилось к «Завету».
До того как Септимус заговорил, Октавия
не могла выразить это ощущение словами.
Но она чувствовала корабль. Чувствовала
оскорбленную гордость в реве его
двигателей, похожем на неумолчный рык
раненого зверя. Теперь она поняла почему.
Ересь не была для Восьмого легиона
мифом, каким-то давним тягостом,
больше похожим на легенду, чем на
реальную историю. Нет. Она была
воспоминанием. Совсем недавним,
выжженным в памяти Астартес, как
ожоги от оружейного огня, пятавшие
железную шкуру их корабля. «Завет» нес
отметины проигранной войны, и его

экипаж делил с ним горькую память.
Поражение навеки заклеило их судьбы.

Не прошло и нескольких десятков лет с той поры, когда корабль обрушил яростный огонь на поверхность Терры. Несколько десятилетий назад находящиеся на его борту Астартес шагали по имперской земле, выкрикивая приказы и убивая верных защитников Трона, и их болтеры ревели в тени башен колоссального дворца Бога-Императора.

Для этих Астартес Ересь не была ни легендой, ни древней притчей. Недавнее воспоминание, искаженное причудами времени в варне.

— Ты выглядишь так, будто у тебя закружилась голова, — заметил Септимус.

Девушка, сама того не замечая, замедлила шаг. На озабоченный взгляд непохожих глаз Септимуса, живого и августинического, она ответила слабой улыбкой.

Оружейник добавил:

— Это легче понять, если вспомнить, где швартуется «Завет».

— В Оке Ужаса, — медленно кивнула

Октавия.

--- Именно. Око Ужаса. Рана в ткани нашей реальности. Там правит варн.

Даже будучи навигатором, одной из немногих, кому генетическое отклонение позволило прозревать в Море Душ и узнать варн ближе, чем любому другому смертному, Октавии сложно было представить Око Ужаса. Истории о кораблях, пропавших в варне на годы и десятилетия и появившихся в реальности за несколько недель до отлета, были неотъемлемой частью навигации сквозь Ультатериум. Когда корабли погружались во вторую реальность, они подчинялись извращенным законам варна.

Но и зная все это, Октавия с трудом могла вообразить столь огромный промежуток времени. Десять тысячелетий здесь -- и всего лишь несколько десятков лет там. От такой разницы кружилась голова.

--- Я понимаю, --- неуверенно произнесла она. --- Но при чем здесь твой подарок?

--- Рожденная в пустоте уникальна, ---

ответил Септимус. -- За те десятилетия, что прошли для «Завета» со времен Великой Ереси, она единственная родилась на борту корабля.

Заметив вопросительный взгляд девушки, он объяснил:

-- Ты должна понять. Даже при полностью укомплектованной команде рабов на судне находилось не так уж много. Экипаж «Завета» всегда был малочисленным и элитным. Это корабль Астартес. А когда все начало приходить в упадок... Короче, она единственная. Вот и все, что имеет значение.

-- Так что же ты ей подарил?

-- Печать. Ты получишь такую же этой ночью, после операции. Не потеряй ее. И никому не отдавай. Только с ней ты сможешь чувствовать себя в безопасности на палубах «Завета».

Девушка улыбнулась привычному выражению. Все члены экипажа ударного крейсера говорили «этой ночью» и никогда «сегодня».

-- Если печать так важна, зачем ты отдал ее рожденной в пустоте?

--- Поэтому и отдал. На каждой печати вырезано имя одного из Астартес. А на самых редких и ценных нет имени, и это значит, что владелец такой печати находится под защитой всего легиона. В древности каждый раб прислуживал одному воину. У этих слуг были печати с именами хозяев, чтобы указать, кому они принадлежат, и помешать другим Астартес нанести вред такому ценному рабу. Печати мало значат сегодня, когда почти никто не чтит обычаи старины. У все же остались такие, кто признает их значение. В том числе и мой господин.

--- Ты хочешь, чтобы она была под защитой?

--- Большинство Астартес даже не знают о ее существовании, а если бы и знали, им было бы все равно. У полубогов другие заботы. Но она --- талисман для простых смертных «Завета». --- Септимус вновь улыбнулся. --- Она --- залог удачи, если можно так выразиться. Моя печать будет означать, что она под защитой Талоса. У того, кто встретит ее, будет это знать. А тот, кто попытается причинить ей

вред, угрозу от его руки.

Девушка задумалась о его неожиданной щедрости, и итог размышлений ей не понравился.

--- А что насчет тебя? Без печати...

--- Приоритеты.

--- Что?

--- Приоритеты, Октавия. Думай о своем будущем, а не о моем.

Раб кивнул на темную запертую дверь в конце коридора:

--- Мы пришли.

--- Ты подождешь меня? --- спросила она. --- Подождешь, пока это кончится?

--- Нет. Мне надо забрать Первый Коготь с поверхности через час. --- Он заколебался. --- Извини. Если бы я мог...

--- Ничего страшного.

Девушка прикоснулась к полоске металла, обхватившей лоб. Странно, что к такому можно привыкнуть. С улыбкой она добавила:

--- До скорой встречи.

Септимус кивнул, и навигатор вошел в апотекарион. Как только двери открылись, сервиторы-хирурги ожили и

засуетились. Септимус наблюдал за ними, пока дверь с лязгом не захлопнулась. Знакомое зрелище, учитывая, что он долгие недели провел под их пристмотром.

Когда Октавия скрылась, раб проверил свой наручный хронометр и торопливо направился в обратный путь. Война на поверхности Крита вновь призывала его.

Октавия вышла два часа спустя. Полоска металла на ее лбу уступила место черной шелковой повязке. Повязку ей заранее вручил Септимус. Шелковая ткань аккуратно закрывала третий глаз.

В кармане девушки был серебряный медальон легиона, который она получила от безымянного Астартес, наблюдавшего за операцией. За все два часа Повелитель Ночи не сказал ей ни слова.

Девушка покрутила медальон в руках. На металле была отчеканена все та же Башня. Шпиль улья. Скорей всего, где-то на Нострато. На другой стороне проступало лицо, стертые временем, и едва различимая надпись: «Ave Dominus Nox».

Это она смогла прочесть, потому что надпись была на высоком готике, а не на ностратском. «Да здравствует Повелитель Ночи». Лицо, должно быть, принадлежало их отцу --- Ночному Призраку. Долгое мгновение девушка всматривалась в сглаженные временные черты, а затем положила монету в карман.

Всматриваясь в темноту, Октавия подавила дрожь испуга. В первый раз она очутилась за пределами своей комнаты без сопровождающего. При мысли об обратной дороге по черным кишкам «Завета» по ее телу пробежал озноб. Печать в кармане куртки была слабым утешением. Кто может поручиться, что обитателям нижних палуб не все равно, есть у нее монета или нет?

Ручной вокс Октавии затрещал. Девушка сразу поняла, кто это. Лишь два человека связывались с ней по воксу, и Сентимус сейчас был на поверхности планеты.

--- Привет, Этригий, --- сказала она.

--- Ты придешь этой ночью на

следующее занятие?

Девушка огладила шелковую бандану, и на губах ее появилась проказливая улыбка.

--- Да, навигатор, --- ответила она.

--- Я сейчас же вышлю сервиторов, --- отозвался Этригий.

Октавия ощущала монету в кармане и снова взгляделась в темноту коридора.

--- Не нужно, --- сказала она и быстро зашагала вперед, в такт беспокойно колотящемуся сердцу.

Глаза, которых Октавия не могла видеть, но чей тяжелый взгляд ощущала затылком, следили за тем, как навигатор идет по черным переходам проклятого корабля.

Заголо до того, как Талос удостоился чести носить боевую броню Восьмого легиона Астартес, он беспризорным мальчишкой скитался по улицам родного города-улья на Нострато. Эта жизнь проходила во мраке, и суть ее заключалась в том, чтобы избежать более крупных хищников и тщательно выбрать

слабую добычу.

Он знал, что позже вступит в ряды легиона, и это знание приносило ему боль. Нострато уже позабыл те уроки, что преподали ему когти Ночного Призрака. Не успело пройти и несколько лет после того, как великий Конрад Күрц вознесся в небеса, чтобы сражаться рука об руку с Отцом Императором, а оставленный им мир вновь начал скатываться в бездну порока.

Уличные группировки делили территории в фабричных и жилых кварталах; местные царьки возвещали о своем правлении рунатами, намалеванными на стенах, или — по примеру самого Призрака — останками врагов, выставленными на всеобщее обозрение там, где жили родичи и друзья жертв.

Талос знал Ксарла еще в те дни. Они выросли вместе — сыновья матерей, потерявших мужей в стычках враждующих группировок преступного мира. Эти войны начались тогда, когда тень Ночного Призрака превратилась в страшную сказку из прошлого. Еще до того, как им исполнилось по десять лет, мальчишки

стали искусными воратами и членами банды, объявившей их жилой сектор своей территорией.

К тому времени, как им стукнуло тринадцать, оба уже были убийцами. Ксарл прикончил двоих парней из вражеской группировки, напизговав их тела свинцом из автоматического пистолета. Ему потребовались обе руки, чтобы удержать пистолет, а звук выстрела... Оглушительный грохот, взорвавший тишину.

Талос был рядом, когда Ксарл открыл счет убитым, но в ту ночь сам он крови не пролил. Первый трүн числился за ним уже год. Владелец магазина попытался поколотить мальчишек за то, что они украли еду. Талос отреагировал прежде, чем успел осознать, что делает. Первобытные инстинкты перехватили контроль, и торговец рухнул на пол своей лавчонки, задыхаясь и кашляя, с ножом Талоса в сердце.

Даже теперь, больше столетия спустя по времени Талоса и через десять тысяч лет по галактическому времени

после того, как старик испустил последний вздох, Талос потнил сопротивление клинка, вошедшего в плоть.

Оно навсегда осталось с ним, это чувство. Царапающий звук и неловкий поворот ножа, когда первый удар угодил в ребро. Затем клинок быстро погрузился, скользнув между ребрами, и остановился с тошнотворным мясным хлюпаньем.

Кровь хлынула у старика изо рта, брызнула вперед. Талос почувствовал капли стешанной с кровью слюны на своих щеках и губах. Часть попала в глаза.

Мальчишки в панике кинулись прочь. Ксарл полурыдал-полустеялся, а Талос бежал в потрясенном молчании. Как и всегда, они нашли убежище на улицах города. Эти темные улицы стали для них приютом, куда более близким, чем родные дома. Мальчишки знали все потаенные ходы, все места, пригодные для засады, и тысячу способов превратиться в невидимок.

Вот такие уроки Талос забрал с собой к звездам, когда пришел и его черед вознестись. На эти инстинкты он

полагался, бесшумно пробираясь по ночным улицам городов на сотнях и сотнях планет.

В голосе Узаса, раздавшемся из vox-передатчика, звенело возбуждение:

--- Я нашел «Рино» Черного легиона. Это груда обломков. Будет знать, что произошло с отделением Ульфа.

--- Есть выжившие? --- спросил Талос.

--- Даже трупов нет.

Все уловили разочарование в его словах. Трупы означали броню, а броня означала спасение.

--- Обширные повреждения от лазерного огня.

--- Скитарии, --- вмешался Кирион.

Элитная пехота Механикус. Это имело смысл --- ни у каких других частей не было лазерного оружия, способного уничтожить БТР Астартес.

--- Вы это слышите? --- спросил Узас. ---

--- Я слышу что-то.

--- Поразительно точное описание, --- хмыкнул Кирион.

--- Я тоже слышу, --- перебил его Ксарл. --- Расстроенный vox, обрывки

переговоров на других частотах. Между
другими отделениями.

--- Из Черного легиона? --- спросил
Талос.

--- Нет, --- ответил Ксарл. --- Думаю,
это наши.

Талос двигался по развалинам
мануфактории, прислушиваясь к
разговорам товарищей. В красное поле
визора влияли заглохшие механизмы,
остановившиеся ленты конвейеров, высокая
крыша с разбитыми окнами. Еще недавно
их украшали витражи из цветного стекла,
изображения Императора в образе Бога.
Машины, сошедшего на древний Марс.
Теперь сквозь дыры смотрело ночное небо.

Звездный свет погрузил здание со
всеми его горгульями в серебряное
безмолвие. Что бы здесь ни выпускали,
производство уже не восстановить.
Фабрика превратилась в гробницу.

--- Вокс барахлит, --- сказал Кирион. ---
Тоже мне великое открытие. Все
оставайтесь на местах. Я свяжусь с
Магистром Войны и передам ему новости.

--- Заткнись, болван, --- равкнул

Ксарл. --- Талос?

--- Я здесь.

--- Частота «Алый шестнадцать-один-
пять». Ты это слышишь?

Вокс-передатчику шлет
потребовалось несколько секунд, чтобы
просканировать ближайшие частоты.
Талос продолжал двигаться по зданию
фабрики, держа болтер и меч наготове.
Вскоре на пределе слышимости зазвучали
голоса.

--- Я слышу, --- передал он остальным.

--- Что будем делать? --- спросил
Кирион, позабыв про шутки.

Он тоже услышал.

--- Это Седьмой Коготь.

Последовала недолгая пауза, в
течение которой Кирион, вероятно,
сверялся с показаниями ауспика.

--- Оружейная фабрика к западу от нас.

Талос неспешно проверил свой болтер,
шепча молитву машинному духу оружия.
Вокс-связь на Крите была прерывистой и
ненадежной --- ее постоянно глушили
Механикус, владевшие более
продвинутыми технологиями. С того

полемента, как войска Магистра Войны
произвели высадку, они поневоле успели
привыкнуть к помехам и обрывают связи
между частями.

Флот на орбите Крита был избавлен
от того воя, что стоял в воксе на
поверхности мира-кузни, а вот
десантировавшимся частям приходилось
слышать непрерывный скрежет и треск
нога, искажавшего их сигналы. Даже вокс-
передачи, ведущиеся через ретрансляторы
судов на орбите, постоянно подвергались
нашествиям призрачных голосов. Сигналы
запаздывали порой на несколько часов. Уже
много раз войска попадали впросак, получая
ориентировки и приказы, устаревшие на
полдня.

--- Они пробуют другие частоты,
чтобы вызвать подкрепление, ---
предположил Талос.

--- Я тоже так считаю, --- согласился
Кирион.

--- Вознесенному не понравится, если
ты не подчинишься приказу об эвакуации, ---
самодовольно заявил Узас.

Голос его был скрипучим и низким.

Талос с усилием выкинул из головы образ
своего двойника: изуродованного,
окровавленного, говорившего таким же
голосом. «Кровь для Кровавого Бога, ---
хрипел он в видении. --- Души для
Пожирателя Душ... Череп для Трона
Черепов...»

--- Плевать на Вознесенного, --- сказал
Ксарл.

--- Мы идем на помощь Седьмому
Когтю, --- подытожил Талос, уже
активировав движением глаза нужную
ностратскую руну и открывая другой
канал. --- Септимус.

--- Да, господин. --- Сигнал был
отрывистым, голос раба терялся в треске
помех. --- Эвакуация ориентировочно через
четырнадцать минут. Лечу к вам.

--- Изменение планов.

--- Не спрашиваю, что произошло,
хозяин. Просто скажите, что надо
сделать. Это не «Опаленный», а
транспортник, так что мои возможности
ограничены.

--- Не беда. Двигайся на максимальной
скорости к нашей позиции, затем действуй

по протоколу эвакуации в боевых условиях, затем как можно быстрее доставь нас к нужной точке. Кирион уже передает тебе координаты.

--- Господин... Эвакуация в боевых условиях? Разве сектор не зачищен?

--- Зачищен. Но ты должен перебросить Первый Козоть и наш «Лэндрейджер» в зону боевых действий к западу отсюда.

--- Как прикажете, господин.

Талос услышал, как Септимус набирает в грудь воздуха. Смертный знал, что Вознесенный отдал приказ о возвращении на орбиту.

--- Знаете, я передумал. Я все же спрошу. Что у вас происходит?

--- Седьмой Козоть завяз. Мы их вытаскиваем.

--- Простите, господин, я забыл еще один вопрос. С чем именно столкнулся Седьмой Козоть, если для поддержки понадобился Первый Козоть и «Лэндрейджер»?

--- С титаном, --- ответил Талос. --- А теперь поспеши.

Улицы согрогались от его поступи.

Десятки окон, выходивших на проспект, разбились вдребезги, и осколки дождем засыпали тротуар. Трохот, с которыми когтистые лапы вышагивали по земле, был даже не самой громкой частью спектакля. Его перекрывал скрежет гигантских суставов -- пронзительный механический визг, разрывающий воздух по мере приближения монстра. А еще оглушительней был нестройный вой его вытуканных пушками рук -- стон сжигаемого воздуха, который орудия вытягивали перед залпом, и рев огня, кровавым рассветом заливавшего ближайшие улицы во время выстрела.

Агзетар из Седьмого Когтя ползком

пробирался через груды щебенки, которые
еще несколько секунд назад были жилым
блоком. Его визор потрескивал и шел
полосами помех. После удара по шлему
данные стало невозможно считывать.
Даже жизненные показатели
превратились в невнятную и бесполезную
мешанину знаков. Выругавшись, он сорвал
шлем, доверяясь природным чувствам.
Воздух загустел от непа и ритмически
вздрагивал в такт шагам тумана.
Чудовище все еще прогвизалось по
проспекту и сейчас вновь наводило оружие.
Ростом семнадцать метров и примерно
такой же ширины, оно склонилось над
дорогой, практически закупорив улицу, —
огромные плечи пробивали дыры в зданиях
по обе стороны проспекта.

Астартес знал, что под этими
бронированными плечами скрываются
несколько членов команды, суетящихся над
реактором и борющихся с бессмысленными
толпами Императору в образе Бога-
Машины. Тот факт, что Повелитель
Ночи не мог до них добраться или даже
причинить им хоть какой-то ущерб,

раздражал Аггетара безмерно. Он злобно уставился на песью башку титана, представляя трех рассевишихся внутри пилотов, приотманных к контрольным креслам проводами и ретнями безопасности.

Как они, должно быть, смеются сейчас...

Горло и легкие Аггетара сжались, пытаясь уберечь Астартес от пыли, словно она была ядовита. Не обращая внимания на эту биологическую реакцию, Повелитель Ночи с трудом поднялся на ноги и перебежал за уцелевшую стену ближайшего здания. Улица, еще недавно бывшая главной транспортной артерией этого жилого сектора, превратилась под гневом титана в груду развалин. Одно из его орудий — скрюченный правый кулак — представляло собой чудовищную многоствольную пушку, выпускавшую сотни болтерных снарядов в секунду. Каждый снаряд пробивал метровую дыру в стальных и каменных стенах, окружавших «Иса войны». Учитывая, что за минуту из пушки вылетали тысячи снарядов,

разрушения не удивляли Аггемара. Он удивлялся лишь тому, что еще жив.

Большинству воинов его отделения повезло гораздо меньше.

Раздался режущий ухо звон, напотивавший бой нагреснутых колоколов, которые сзывали агентов Бога-Императора к утренней молитве. Аггемар напружинил мускулы и замер в полной неподвижности. Это был эхолокационный пульс аусника титана. Если воин шевельнется, проклятая машина его засечет. Беда, даже если чудяще почует тепло, исходящее от его боевой брони... но Аггемар надеялся на то, что системы титана настроены на поиск более крупной добычи.

В пятидесяти метрах ниже по дороге стоял титан. Чудовищную машину заслоняли от лунного света две башни, избежавшие первого приступа его гнева. «Нес войны» опирался на две лапы с выгнутыми назад коленными суставами и поводил налево и направо волчьей мордой-рубкой. Сервомоторы шеи издавали при этом тоскливый и заунывный вой.

Следующую атаку Агзетар услышал прежде, чем увидел, — утробный кашель запущенной неподалеку ракеты. Султан свистящего дыма вырвался со второго этажа разрушенного здания и пронесся через улицу. Повелитель Ночи слегка сместился, чтобы проследить за ракетой. Прищурив глаза, Астартес инстинктивно просчитал курс реактивного снаряда и угол поражения, а также вероятную точку попадания.

Лишенный voxа, он шепнул себе под нос:

--- Меркүций, что ты творишь...

Ракета разлетелась облаком искрящейся пыли, угодив в пустотный щит титана. «Нес войны» уже готовил ответный удар. Огромный левый кулак взметнулся вверх под рев сервоприводов.

«Инферно».

Агзетар в мгновение ока нырнул обратно под прикрытие стены. Не потому, что он был на линии огня, а потому, что увидеть залп «Инферно» невооруженным глазом означало ослепнуть на несколько часов. Даже закрыв глаза и отвернувшись,

сын Нострато ощутил, как пронзительный свет проникает под веки и вонзается в сетчатку тысячей игл. Гигантское оружие вывалило с ревом атакующего хищника, испустив во все стороны облако раскаленных паров из теплообменников.

Аггетар выдохнул обжигающий воздух, чувствуя, как от него дерет горло. Даже не глядя, Астартес знал, что струя жидкого химического огня окатила здание, расплавив все, что находилось внутри. Трохот, как ожидал Повелитель Ночи, слышался несколько секунд спустя — арматура здания не выдержала, и постройка рухнула под силой удара.

Цзра воображения или он действительно услышал короткий крик в вокс-передатчике шлема, который держал в руках? Был ли это предсмертный вопль одного из братьев?

Меркуций, несомненно, погиб. Попытка повредить титана одной из последних оставшихся ракет была смелым поступком. Смелым, но обреченным на неудачу. Разнести титана в клочки, когда его многослойные щиты отключены, — это

огно. Но вот дезактивировать щиты ---
совсем грубое.

Аггетар подвесил шлем на
магнитный зажим на поясе и потянулся за
вспомогательным воксом в набедренной
сумке. Наушник показался неудобным ---
Аггетар слишком привык к сенсорным
усилителям своего шлема.

Повелитель Ночи сомневался, что,
кроме него, есть выжившие, но
попробовать стоило.

--- Седьмой Козоть, отвечайте.

--- Аггетар?

--- Меркүций?!

--- Да, брат-сержант.

--- Как, во имя бездны, ты ухитрился
выжить?

Аггетар с трудом заставил себя
говорить тише --- в голосе звенело
недоумение.

--- Вы видели, как эта штука в меня
выпала?

--- Видел и был уверен, что ты погиб.

--- Еще нет, сэр. Я произвел
тактическое отступление. На большой
скорости.

Аггемар подавил стех:

--- Так ты бежал.

--- Бежал и бросился с третьего этажа в южном крыле здания. Мои доспехи выглядят так, словно по ним проехался танк, и я потерял пусковую установку. Аггемар, нам надо добраться до «Рино». Плазменная пушка...

--- Не справится с титаном класса «Нес войны».

--- У вас есть идеи получше?

Завывающий оркестр колоссальных сервомоторов вновь двинулся по проспекту. Аггемар рискнул высунуться из-за стены.

--- Плохие новости. Ты в секторе обзора?

--- Я на соседней улице, сэр. Я не вижу монстра.

--- Он нашел «Рино».

Так и было. Титан, до отворачивания похожий сейчас на хищника джунглей, яростно таращился на припаркованный в узкой аллейке БТР Седьмого Когтя. Надение последнего здания обнажило темный бронированный корпус машины. Щебенка рассыпалась по крыше

транспортера, оставив царяпинны
металлически-серого цвета там, где
сограла синюю краску.

— У меня есть идея, — передал
Аггемар.

— Аггемар, сэр, со всем уважением...
нам надо выбираться отсюда. В такой
смерти нет чести.

— Помолчи. Если мы сможем
дезактивировать его щиты...

— «Если» в этом случае не сработает,
сэр. Если бы мы могли летать или
починиться плазмой, мы бы тоже с ним
покончили. Но этого не произойдет.

— Подожди. Он снова движется.

Вой гигантских механизмов
усилился. Аггемар наблюдал за
происходящим, шепча молитву машинному
духу «Рино» — верного транспорта,
который провез воинов Седьмого Когтя по
бесчисленным полям сражений.
Повелитель Ночи знал его кабину так же
хорошо, как собственную броню. Астартес
мог угадать настроение машины по
ворчанию двигателя и чувствовал ее
дерзкий нрав в звоне и грохоте каждого

выстрела, отраженного стальной шкурой.

Имя «Руно» на высоком готике было «Carpe Noctum» — «Лови ночь».

БТР, который возил Седьмой Козоты со времен основания легиона на доулперской Терре, погиб позорной смертью, испустив долгий и тяжкий стон терзаемого металла. Титан «Нес войны» постоял с полминуты, размазывая «Руно» когтистой правой лапой по уличному покрытию. Самая большая

несправедливость заключалась в том, что БТР погиб так бесславно лишь из-за желания илперских техников сберечь боезапасы титана.

«Вы заплатите за это, — поклялся Аггемар. — За это вы умрете в корчах, захлебнувшись в собственной крови».

Титан наконец-то вытащил лапу из обломков. Куски искореженного металла свисали с его когтей. Рядом с ним, в черной тени колосса, раздавленный корпус «Carpe Noctum» выглядел особенно жалким. Невозможно было совместить образ несчастной развалины с упрямым и гордым «Руно», который тысячу и больше раз нес

Аггетара в сражение.

Седьмой Козоть был мертв. Сердцем и душой. Даже если и с Меркуцием каким-то образом удастся пережить следующие несколько минут, то придется влиться в один из оставшихся Козтей поредевшей десятой роты.

Аггетар наблюдал за тем, как грохочущий титан движется по проспекту, поворачиваясь налево и направо и приближаясь с каждым шагом.

--- Меркуций...

--- Да, брат-сержант.

Никакой я после этого не брат-сержант.

--- Мы должны найти Рүна и Хазъярна. У них были телтабамбы.

«Нес войны» прогремел тимо.

Аггетар затер, прижавшись спиной к стене. Түша титана закрыл лүнү, и на Повелителя Ночи упала гигантская тень. Чудовище стояло всего лишь в тридцати метрах от него. Поршни шипели, из огромного корпуса со свистом вырывался сжатый воздух --- дыхание разгорячившегося на долгой охоте зверя.

Затем титан повернулся спиной к Повелителю Ночи: он сканировал улицу, выскивая новые цели. Снова раздался глухой звон — эхолокационный ауспик титана пытался засечь движение или тепло. Волк вынюхивал добычу.

— Повторите, сэр.

— Рун и Хазъярн. У них были наши телтабобы.

— Они бесполезны, пока щиты титана работают. Вы это знаете.

— Они — наш единственный шанс. Мы можем затинировать улицу впереди титана. У тебя что, есть дела поважней или ты явился сюда облаченным во тьму, только чтобы сдохнуть вместе с остальными?

— Мой локатор засек местоположение Рун, сэр. Но не Хазъярна. Вы его видите?

— Я не вижу ничьих сигналов — мой шлем поврежден. Я заметил, как Хазъярн падал, когда на нас обрушился жилой блок. Я знаю, где копать, но нам надо действовать быстро.

— На моем дисплее жизненные

показатели у всех на нуле, кроме меня и вас, — сказал Меркуций.

«Ничего удивительного», — подумал Аггемар, следя за тем, как «Нес войны» поворачивается из стороны в сторону вдоль вертикальной оси. Это сопровождалось звуком, похожим на гром в горной долине.

— Сейчас титан смотрит в другую сторону. У нас шестнадцать секунд промежутка между сигналами его auspика. В первую секунду или две волна пройдет над нами. Двигайся только в течение трех секунд после того, как проклятая штука залязгает. Запни на месте, когда она начнет гудеть.

— Есть, сэр.

Они выждали пару секунд, пока над улицей вновь не пронесся глухой звон. Задрожал воздух. Вылетело еще несколько стекол.

Раз. Два. Три.

— Вперед!

Транспортник по сравнению с «Опаленным» двигался тяжело и неуклюже.

Хотя этот вариант «Грозового ястреба» и отличался более крепким каркасом в средней секции, «Лэндрейдер» Первого Когтя пришлось перевозить в когтях под корпусом. Вес имел значение. Септимус ощущал это при каждом повороте и крене.

Септимус снизился и повел грузовой катер над самыми крышами жилых блоков. Маневровые двигатели работали на предельной тяге. Если опуститься слишком низко, они рискуют попасть в зону поражения титана прежде, чем засекут его местоположение. А если остаться на большой высоте, аусник не сможет точно определить координаты вражеской машины.

--- Вижу мощный источник термального излучения в конце главного проспекта к северу отсюда.

Голос хозяина прозвучал по воксу. Первый Коготь оставался в своем боевом бездеходе.

--- Снижайся и отпускаяй зажимы в другом конце проспекта. Если тебя убьют во время диверсии, я буду сильно разочарован, Септимус.

«Ястреб» взмыл в небо под возмущенный рев двигателей.

На экране его приборной панели вспыхнули руны боевой тревоги.

«Цель обнаружена».

Раб дернул штурвальные рукоятки, и транспортник вошел в сумасшедшую «бочку». С проспекта вслед ему понеслись очереди крупнокалиберных болтерных снарядов. Септимус ударил по движущему рычагам сбоку от командного трона, и ускорители протестующе взвыли. На той тяге, которую раб сейчас выжимал из корабля, обычно выходили на орбиту. Двигаться с такой скоростью в атмосфере, да еще и в городе...

Септимус знал «Опаленного». Знал, что его «Громовой ястреб» способен на это и даже на большее. Насчет транспортника он не был так уверен. Катер трясся, скрипел и скулil вплоть до последней заковки на корнyse.

Башни размытыли пятнами проносились мимо. Септимус набрал высоту и резко развернул машину. Он направил нос корабля на титана внизу. На

экране высветились руны обнаружения цели.

Пусковые установки транспортника ожили, контейнеры с ракетами открылись, подобно венчикам цветов.

--- Надеюсь, это сработает.

Гусеницы «Лэндрейдера» Первого Козтя пришли в движение, прежде чем танк коснулся земли. Они вращались и завывали, пережевывая воздух, готовые впитаться в уличное покрытие.

--- Первый Козоть!

Голос донесся из внутреннего vox танка. Талос активировал руны настройки.

--- Аггетар?

--- Талос, во имя Ночного Призрака...
Что вы здесь делаете?

Рухнув на землю, «Лэндрейдер» подпрыгнул. Его траки уже вгрызлись в бетон. Кирион, занимающий кресло штурмана, развернул огромную машину направо и повел по широкой аллее на параллельную улицу. В мрачной, освещенной красным утробе танка

остальные проверяли оружие.

--- Угадай, --- ответил Талос, ударив закованным в перчатку кулаком по кнопке разблокировки люка.

Ночь ворвалась внутрь. Показатели температурных датчиков на дисплеях сетчатки упали, когда холодный ветер ударил по доспехам. Талос, Узас и Ксарл выпрыгнули из танка на ходу и рассыпались по руинам городских башен.

--- Это не по плану операции, так ведь? --- треснул в боксе голос Меркуция. --- Нас предупредили, что вы эвакуируетесь.

--- Мы ценим вашу помощь, братья, --- передал Аггемар, --- но даже «Лэндрейджер» против «Иса войны» --- просто куча ржавого железа. Мы горды тем, что вы решили умереть вместе с Седьмым Когтем.

--- Помолчи! --- рявкнул Талос. --- Где вы по отношению к титану?

--- Я могу достать его плевком, --- ответил Меркуций. --- Мы в его тени, и у нас есть мелтабомбы, чтобы заминировать дорогу.

--- Поберегите их, --- приказал пророк. --- Первый Коготь, двигайтесь по соседним

улицам для соединения с Седьмым Когтем.
Кирион, быстро подводи «Око бури», как мы
условились.

Не было смысла прятать
«Лэндрейдер». Аусник титана уловил бы
его тепловое и электромагнитное
излучение за много километров.

--- Ты собираешься таранить титана
«Лэндрейдером»? --- присвистнул
Меркүций. --- Славная смерть.

--- Хватит этих пораженческих
разговоров! --- взорвался Аггемар. --- Брат,
скажи мне, что у тебя есть план.

--- У меня есть план, --- ответил
Талос.

Он бежал по засыпанной щебенкой
улице, поглядывая на титана, который
бичевал небо реками огня.

--- Титан станет жертвой диверсии.
Когда мы нанесем удар с неба, строго
следуйте моим приказам.

--- Принято, Ловец Душ, --- передал
Аггемар.

Транспортный «Громовай ястреб» был
вооружен легче, чем боевая модификация.

предназначенная для перевозки войск, и все же обладал некоторым наступательным потенциалом. Тяжелые болтеры на крыльях предназначались против вражеской пехоты, а шесть ракет «Агский удар», расположенных под крыльями, дополняли вооружение катера.

Септимус пилотировал «Опаленного» уже много лет и не раз обстреливал на нем вражеские позиции. Однако сегодняшняя атака отличалась от его прежнего боевого опыта, и не в лучшую сторону. Во-первых, у транспортника не было крупнокалиберной пушки, как на «Опаленном». Во-вторых, его корпус не мог выдержать столь же интенсивный огонь, как броня боевой модификации. И в-третьих, пока Септимус просчитывал возможные траектории полета, он пришел к печальному заключению: «Этот ублюдок поворачивает так, словно мы под водой».

Танковый транспорт ушел в резкое пикирование, будто копье, брошенное с неба.

Титан вел по нему огонь. Септимус легко мог вообразить экипаж «Нса войны» в

их командных тронах. Поялисты не могли позволить ускользнуть такому ценному трофею, как транспортный корабль Астармес, и приказали своей богоподобной машине бичевать небо яростным градом из тысяч снарядов.

Транспортник рывком вышел из пике, так сильно закрутившись вглубь горизонтальной оси, что Септимусу больно вдавило в кресло. Он ждал, что инерция этого сумасшедшего полета, если продолжат в том же духе, убьет его или разорвет корабль — или и то и другое одновременно. Однако смертоносный град просвистел мимо.

Датчик высоты тревожно зазвенел. Ему вторил датчик скорости. Казалось, сам корабль возмущенно кричит на пилота.

Септимус потянул на себя штурвальные рукоятки и секундой позже вдавил в пол рычаги тяги. Транспорт поглотел ближе к титану, двигаясь по менее безумным углом. Септимус постарался как можно дольше скрывать свои намерения, но сейчас экипаж титана

должен был понять, что к чему. Они наверняка узнали этот маневр.

Не заход на обстрел из крупнокалиберных орудий. Заход на бомбовый удар.

Талос сидел на корточках рядом с Аггетаром в разрушенном нижнем этаже жилого блока. Стены обвалились почти полностью, так что Астартес могли беспрепятственно наблюдать за улицей. Оба воина сжимали в руках телтаблаты диаметром с тарелку и следили за титаном, стоявшим посреди проспекта и палившим в небо.

Аггетар, по-прежнему без шлема --- сейчас было видно, что он явно старше Талоса, --- одарил напарника зубастой ухмылкой:

--- Если это сработает...

--- Сработает.

Талос и сам едва не улыбался, радуясь тому, что Аггетар пережил первую атаку титана.

Наверху транспортник вошел в ревущее пике, приближаясь с каждой

секундой. Титан сдвинул ноги для лучшей опоры и разразился новым залпом из сдвоенной болтерной пушки «Вулкан».

Септимус провёл корабль между двух жилых башен. Теперь ниже. Ещё ниже.

Низко и настолько близко к цели, что тепловой выброс двигателей окатил плечи титана. Транспортник промчался прямо у него над головой. В тот момент, когда между пикирующим катером и палящим титаном осталось меньше двухсот метров и Септимус услышал угрожающий грохот снарядов по корпусу, он потянул на себя штурвал и вновь набрал высоту.

«Нес войны» дернулся вслед за добычей, но древние, источенные временем суставы не позволили богоподобной машине поспеть за транспортником. «Грозовой ястреб» зашел на последний вираж.

Септимусу приходилось слишком тщательно контролировать рычаги высоты и тяги. Корабль был подбит. Из нескольких пробойн повалили клубы черного дыма, и пилот не мог ни на секунду отпустить рукоятки.

Узвернувшись в кресле, Септимус проклял конструкторов транспортника, где все было предназначено для громадных Астартес, а не для обычных смертных. В тот миг, когда руна обнаружения цели вспыхнула ядовитой зеленью, пилот с ностратским ругательством впечатал ногу в рычаг управления зажимати.

Носок его ботинка толкнул рукоять из положения «Закреплено» в положение «Приведено в боеготовность».

Направленные вниз, как шесть клинков, шесть ракет вырвались из пусковых контейнеров и, завывая, ринулись к цели.

На такой дистанции, почти самоубийственной для «Громого ястреба», у титана не осталось ни малейшего шанса перехватить ракеты.

Взрыв был эффектным. Он отпечатался в памяти Талоса так же ярко, как и ударивший по сетчатке огонь.

Ракеты врезались в пустотные щиты титана с силой падающего небоскреба. Они взорвались одновременно, и

вспышка мгновенно ослепила
единственного из Повелителей Ночи,
который не устоял против искушения
полюбоваться спектаклем.

Талос затер, не видя абсолютно
ничего, пока линзы шлема лихорадочно
перебирали фильтры, пытаясь
компенсировать его слепоту. Зрение,
сопровожаемое белыми пятнами и
приступами головной боли, вернулось как
раз вовремя, чтобы Астартес мог увидеть,
как титан, пошатнувшись, делает шаг
назад. Правая нога «Нса войны» нащупывала
опору, когтистая ступня взрывала бетон.

Щиты титана стали похожи на
мыльный пузырь. Они переливались, словно
масло на воде, угасая и вновь вспыхивая,
когда внутренние генераторы увеличивали
нагрузку. Талос почти видел, как
техноагенты суетятся вокруг
центрального стержня реактора титана,
который, подобно позвоночному столбу,
проходил сквозь его корпус и плечи.

Щиты «Нса войны» затрещали и
беспорядочно затерцали, испуская потоки
энергии. Глубоко внутри бронированного

тела монстра раздался нарастающий низкий гул, приглушенный, но достаточно громкий, чтобы спрятавшиеся Астартес его услышали. Системы титана работали на предельной мощности, накачивая дополнительную энергию, стараясь предотвратить полное отключение защитных систем. Пустотные щиты были на грани отказа.

--- Повелители Ночи, --- передал Талос, кривя губы в улыбке, --- добейте его.

Машинный дух, заключенный в массивной туше «Лэндрейдера» Восьмого легиона «Око бури», был не раз отмечен наградами за свою воинственность. Свитки и вымпелы, свидетельствующие о десятках славных побед, свисали с его корпуса и трепетали на ветру. На гусеницах, в свое время месивших грязь бесчисленных миров, он катился по боковой улице. Собственная кровожадность двигала им не в меньшей мере, чем приказы хозяина-из-плоти, сидевшего у приборных панелей.

Его добыча... Его добыча была

колоссальна. «Око бури» почувствовал обжигающий жар плазменного реактора титана, ощутил яростное давление взгляда гиганта, взявшего танк в перекрестье прицела. Но дух «Ока бури» не знал ни страха, ни поражения, и его невозможно было запугать. Он вырвался на проспект, переталывая гусеницами асфальт, и двинулся в обход возвышающегося над ним противника.

«Око бури» принялся рвать более крупного хищника когтями и поливать его слюной. Ядовитой слюной был град крупнокалиберных болтерных снарядов из башенного орудия, а когтями, крошавшими вражескую плоть, парные лазеры Кз9.76 «Молот Божий». Свои стволы, расположенные на боковых орудийных башнях, испускали ослепительные лучи лазерной энергии.

Танк снова и снова вонзал когти, разрывая тонкую искрящуюся шкуру добычи, взрызаясь в полупрозрачный пустотный щит.

Светящаяся шкура лопнула. Когти «Ока бури» сорвали последний слой

защиты, оставив врага голым и уязвимым. Противник зашатался от сильной отдачи — что-то взорвалось внутри его тела.

«Око бури» услышал, как его хозяева-из-плоти что-то кричат друг другу. Он почувствовал их охотничье возбуждение и знакомую ему жажду крови. Это слияние в боевой ярости еще больше разогрело душу танка. Его когти горели адским огнем. Прохладное прикосновение техников после этой охоты будет очень кстати.

Добыча все еще не растеряла ни силы, ни быстроты. Хозяин-из-плоти направил «Око бури» на убийственной скорости к противоположной стороне проспекта, а затем включил задний ход, не прекращая стрельбы. Требовалось немалое искусство, чтобы защитить корпус танка от жутких когтей колосса. Как акула в поисках жертвы, «Око бури» вилял вправо и влево. Его двигатель полыхал все жарче, когти напряглись в предчувствии броска, из глотки вырывалось гневное шипение.

Наконец противник ухитрился развернуться достаточно быстро. Уже не добыча... не жертва...

Титан зарычал в ответ на рычание «Ока бұри» --- машинный гүх, столкнувшийся с машинным гүхом, --- и со всей яростью бога-убийцы нанес ответный удар.

Талос перебрался через очередную обвалившуюся стену и перебежал улицу, скрываясь в тени стреляющего титана. Титан, посылавший ливень снарядов из болтерной пушки «Вулкан» вслед отступающему «Лэндрейдеру», был озабочен сейчас более серьезной угрозой, чем Астартес у него под ногами. И все же гигант знал об их присутствии. Колокольный звон аусника титана зажег на дисплее Повелителя Ночи руны тревоги --- но в ту секунду, когда огромный враг развернулся, чтобы раздавить ничтожную добычу, ничтожная добыча уже действовала.

Талос успел первым. Аурум в его руке затрещал от прилива энергии и резким ударом вспорол броню и механизмы в лодыжке титана. Даже нанесенный одной рукой, такой удар свалил бы дерево или

разрубил нагвое смертного. Собственная сила Талоса, помноженная на мышечную силу его доспеха, была вершиной достижений человеческой генетики и секретных практик Машинного Кльта, уцелевших со времен Темной Эры Технологий.

Золотой клинок вспорол броню и погрузился внутрь, глубоко взрываясь в скрывающийся под ней механизм. Сама по себе рана была незначительной — просто булавоочный укол. Талос закричал от напряжения, перемогая боль в мускулах, и вдавил лезвие глубже, распарывая и протыкая кабели, пруты и поршни, затенявшие титану сухожилия.

Из отверстия хлынула машинная кровь, покрыв Талоса слоем бесцветной сгустки и масла. Следующий импульс ауспика прозвучал как стон. С ответным гневным криком Талос сунул руку в отверстие рану. Раздался глухой щелчок — это примагнитилась к металлу телтабамба.

Следующими были Аггетар и Ксарл. Они прикрепили взрывчатку к другим

участкам шкуры «Нса». Талос уже добрался до укрытия, когда Меркуций занялся своей мелтаболбой.

И тут Талос увидел Узаса.

Узас не закладывал взрывчатку вместе с остальными. Он стоял в тени беснующегося титана и палил из болтера прямо в подборонок боевой машины. Неужели он полагал, что огонь мелкокалиберного оружия сможет пробить дыру в броне колосса? Или считал, что для экипажа титана, расположившегося в рубке ходячего, храма войны, такая пальба опасней котариного укуса?

Голос Ксарла в воксе прерывался от ярости и удивления:

— Что делает этот проклятый идиот?

Талос не ответил. Он уже тчался обратно.

Действия Кириона все затрудняли. В глазах Талоса плясали разноцветные пятна — «Лэндрейдер» на противоположной стороне проспекта продолжал поливать титана огнем лазерных пушек. Повелитель Ночи закрыл глаза, все равно

беспользные, и вслепую проскочил между ног титана. Пришлось положиться на другие чувства.

За грохотом ступней взбесившегося титана...

За осиным гудением непрерывного лазерного огня...

Вот. Гул силовой брони. Рев болтера, кажущийся детским визгом в сравнении с грохотом тяжелых орудий. И, явственней всего, ликующий голос Узаса, выкрикивающий имена, которых Талос не желал знать.

Имена, которые на секунду отбросили его в прошлое, в видение с «союзниками» Аббагона.

Талос бросился на звук и врезался в Узаса, отшвырнув того на десять метров. Керамит грохнул о керамит. Обезумевший воин перелетел через дорогу. Все еще ничего не видя, Повелитель Ночи погбежал к встающему брату и всадил кулак ему в лоб. Сильно.

Один раз, два, три и четыре.

Со слабым рычанием Узас пошатнулся. Талос ударил его по шлему.

головой. Ностратская рѹна на лбѹ пророка расколола одну из красных глазных линз Узаса. Почувствовав, что брат обмяк, Повелитель Ночи ухватился за его бронированный воротник и поволок глѹнца в сравнительную безопасность укрытия за полубоввалившимся зданием.

Погнав голову, Талос увидел собственную смерть. Рѹка титана, та, что не обрушивала смертельный град на Кириона и его «Око бѹри», целилась прямо в него. Одна эта рѹка была глиняней танка. Воздѹх шипел, втягиваясь в боковые вентиляционные шахты. Титан готовился к выстрелѹ.

«Инферно». Талос, Узас, катни здания и бетон ѹлицы — все превратится в озеро кипящей лавы под яростью безжалостного огня.

При взгляде на подрагивающее орудие в мозгу Талоса вспыхнула единственная мысль: «Я ѹтру не так».

В этот момент взрывчатка на подыжке титана сдетонировала, словно беззвѹчные слова пророка отдали приказ сатой судьбе.

Принцес Арюран Холлисон слабо застонал. На большее он был сейчас не способен. Что-то сжало его грудь, мешая дышать и вдавливая в спинку трона. Излы и провода, подключенные к спинным разъемам принцесы, под силой давления проникли куда дальше, чем полагалось по инструкции, фактически пришилив его к трону. В голове и груди бился пульс --- внутреннее кровоотечение. Свет потерялся, все закружилось, и...

Нет. Это титан чувствовал боль. Принцес все еще был связан с разъяренными и покалеченными «Охотником тумана» и захлебывался в его утопотрачительной боли.

И в утопотрачительном бесчестии.

Он пал. И не в великой битве. Не в бою против сильнейшего противника. Титан класса «Нес войны», собранный на священных фабриках-кузнях Аларис II --- гордого и благородного мира Механикус, --- упал. Споткнулся. Трохнулся на землю и сейчас был беззащитен против муравьиных укусов ничтожного врага.

Остывающий реактор посрамленного гиганта захлестнул разум Арьюрана беспомощной яростью. Как и упавший титан, он ничего не мог противопоставить этому слепому гневу. Он не мог пошевелить головой, чтобы отключиться от нейросвязи. Ярость переполняла его, ужасная нечеловеческая ярость, еще более мучительная из-за невозможности действия. Ускореженный металл, придавивший принцесса к креслу (трон его верного первого модератора Танелона), сдвинуть не выходило. Кулаки Арьюрана бессильно колотили по стятому железу.

Через некоторое время принцесса поняла, что не только прижат к креслу, но и лежит на боку. Его правая рука и нога, так же как и правая сторона головы, онемели и болезненно ныли, прижатые к металлической стене кабины. «Охотник тумана» перевернулся во время падения и повалился набок.

Разрозненные воспоминания вспыхнули в мозгу Арьюрана.

Огонь в левом кулаке — «Инферно»

изрыгнул убийственное пламя в небеса, но
выстрел ушел в пустоту, поскольку титан
пошатнулся.

Потом гром падения.

Потом чернота.

Потом боль.

А теперь — ярость.

Крыша кабины отлетела в сторону.
Запертый внутри Арьюран трясся и
пускал слюну, наполовину снятив от
ярости навешего титана. Принцес не
осознавал, что каждые несколько секунд его
тело скручивает жестокая судорога и что
его расколотый череп и сломанная нога то
и дело бьются о стену. Предсмертный крик
титана — сталкивающий и вновь
усиливающийся вой, исполненный
бессильной ненависти, — медленно убивал
единственного выжившего члена экипажа.
С другой стороны, «Охотник титана»
всегда был непокорной и злобной машиной.

Когда темная фигура стащила
Арьюрана с трона, принцес всхлипнул и со
стоном втянул воздух. Он задохнулся от
облегчения и благодарно заплакал.

избавившись наконец-то от кабелей и разъемов.

Даже сейчас, лишенный неуязвимой оболочки «Охотника», он не боялся смерти. Предсмертная ярость титана выжгла весь страх. Только это имело значение.

Безвольно повиснув в руках врага, принцес Арыюран Холлисон, урожденный член клана властителей Легио Маледиктус на Крите Прайм, бывший командир одной из божественных машин этого мира, уставился в бесстрастные рубиновые глаза захватчика.

— Меня зовут Талос, — прорычал темный воин, — и ты пойдешь со мной.

Нельзя проиграть и
выиграть одновременно.

Подумайте о войне,
пылающей так долго, что после
нее остается лишь пепел.

Подумайте о мастере
клинки, который побеждает
противника ценой собственной
жизни.

И наконец, подумайте об
осаде Терры. Пусть
воспоминание об этих жутких
ночах ярко горит в вашей
памяти.

Никогда не забывайте о
том уроке, что вы получили,
когда Хорус вступил в поединок
с ложным богом.

Победу, завоеванную
слишком дорогой ценой, нельзя
считать победой.

Военный теоретик
Малкарион

Выдержка из книги
«Темный путь»

Десять тысячелетий назад, до того как предательство Хоруса Избранного раскололо человечество пополам, десятая рота вернулась домой, на Нострато.

Десятая, двенадцатая и шестнадцатая — три боевые роты вернулись из Великого Крестового Похода, чтобы выслушать приветствия и славословия своих сограждан.

Повелители Ночи отличались от братских легионов. Они пришли из мира, где не было многовековой воинской традиции. Сила духа, которая позволила им пройти через трудности Великого Крестового Похода, родилась на планете,

познавшей страх, кровь и убийство в
большей степени, чем любой другой мир
Империи. Для людей Нострато это
было естественной частью жизни.
Привычка к подобной тьме взрастила
легион, более холодный и жестокий, чем
остальные; легион, готовый пожертвовать
человечностью во имя службы Трону.

Именно это они и сделали.

В то время Повелители Ночи стали
самой большой угрозой в растущем
Империи. Мир, сопротивляющийся
Имперским Устам, мог быть покорен
механическим упорством Железных Рука
или стальной дисциплиной верных Трону
Ультратаринов. Его могли привести к
Согласию завывающие орды Лунных Волков
--- которым суждено было однажды стать
Черным легионом --- или мстительный
гнев Кровавых Ангелов.

Или он мог стонать и корчиться в
когтях избранных сынов Ночного Призрака.

Их оружием был страх. К концу
Великого Крестового Похода, когда даже
братья-притарики начали с ужасом и
отвращением смотреть на угрюмого и

непокорного родича, Повелители Ночи превратились в самое мощное оружие Императора. Целые миры готовы были сложить оружие, если сканеры показывали, что явившийся к ним флот Астартес несет рунические символы Восьмого легиона. В те последние годы Повелители Ночи встречали все меньше и меньше сопротивления, потому что мятежники забывали о мятеже под угрозой погибнуть в когтях самого устрашающего из имперских легионов.

Они заслужили свою славу в тысячах военных операций, повергая в ужас покоренные народы. Просто завоевать мир во имя Императора было недостаточно. Чтобы укрепить власть Повелителя Человечества, население следовало привести к полной покорности. К покорности, внушаемой через страх. Ударные отряды Повелителей Ночи врывались во дворцы местных властителей и распинали их хозяев перед пикт-камерами общественных каналов. Они сжигали святилища ложных богов планеты и планомерно сдирали с общества

шкүрү, обнажая самые его уязвимые точки. После ухода Восьмого легиона разоренные государства и их запуганные граждане вели тишайшую, законопослушную жизнь, не смея и подумать против имперской власти.

С течением лет сопротивление практически исчезло.

Воины Повелителей Ночи, созданные в генетических лабораториях ордена, начали испытывать недовольство. И не только недовольство, но и скуку. А когда с Терры пришел приказ — безумный приказ, повелевающий Восьмому легиону и его примарху вернуться и понести наказание от рук Императора, — недовольство и скука исчезли, уступив место новому чувству. Обиде.

Их человечность сгорела в пламени имперских войн.

Они превратили себя в надежнейшее оружие Императора, в клинок страха.

А теперь их призывали за это к ответу, словно грешников, обреченных склонить колени перед разгневанным божеством?

Позор. Безумие. Святотатство.

Воины десятой, двенадцатой и шестнадцатой рот стали последними из Повелителей Ночи, кто ступил на поверхность Нострато. Событие было из ряда вон выходящим, потому что мало кто из Астартес возвращался в родные миры, а жители Нострато не славились гордостью за сражавшихся на имперских фронтах сынов.

Парад получился скромным, но организованным с душой. Он состоялся по инициативе капитана, возглавлявшего три роты. Пока экспедиционный флот заправлялся и проходил починку в доках наг Нострато, пятьдесят Астартес из каждой роты должны были приземлиться и протаршировать вдоль главного проспекта Нострато Квинтус, идущего от костопорта.

Талос помнил, что даже в то время считал эту затею излишне сентиментальной. Тем не менее он спустился на поверхность на «Опаленном» вместе с остальными девятью Астартес Первого Когтя, тогда еще полностью

уконплектованного.

--- Я не понимаю, --- сказал он брату-сержанту Вандреду, которому лишь через несколько месяцев предстояло стать капитаном десятой и много десятилетий спустя --- Вознесенным.

--- Чего ты не понимаешь, брат-апотекарий?

--- Смысл этой высадки. Парад на поверхности. Я не понимаю, зачем капитан десятой отдал такой приказ.

--- Потому что он прекраснодушный болван, --- ответил Вандред.

Остальные согласно заворчали, в том числе Ксарл. Талос больше ничего не сказал, однако остался в уверенности, что тут кроется нечто большее.

Конечно, так и было. Но прошли долгие месяцы, прежде чем он узнал что.

Во время самого парада --- который оказался подозрительно многолюдным --- Талос маршировал рядом с братьями, сняв шлем и прижав к груди болтер. Ощущения были великоленные, несмотря на стоявшую поначалу на улицах тишину. Затем тишину нарушили приветствия и хлопки.

поначалу робкие, но скоро переросшие в
овацию. Безразличные к имперским делам
жители Нострато в присутствии
Повелителей Ночи отбросили привычную
анатию и бурно приветствовали своих
защитников, вернувшихся в родной мир.

И в этом не было ничего
унизительного. Если говорить о Талосе,
то он, скорее, испытывал удивление.

Неужели люди Нострато настолько
прониклись любовью к Империи, что
искренне радовались приходу избранных
Императора? Он провел юность в этом
мире, прячась, убегая, ворюя и убивая в
темных городских трюцобах. Империи
всегда был чем-то далеким и не стоящим
внимания.

Все настолько изменилось за два
десятилетия? Конечно же нет.

Так почему они здесь? Возможно,
любопытство вытащило их на улицы, а
торжественность момента заставила
разразиться криками и аплодисментами?

Ули, подумал он с чувством внезапной
неловкости, люди решили, что они
возвращаются навсегда. Что они

вернулись, дабы вновь установить суровые законы, некогда введенные Ночным Призраком.

Трон... Так вот в чем дело. Вот почему они так рады видеть Астартес. Жители Нострато надеялись, что в отсутствие повелителя-примарха сыны Ночного Призрака вернутся и возьмут на себя его бремя. Уроки Призрака забылись, и след молчаливой войны примарха затерялся в прошлом. Талос и сам жил здесь и с трудом мог поверить, что его родной мир когда-то был бастионом порядка и закона.

И вот теперь он почувствовал унижение. Толпа возлагала на них огромные надежды. И Талос знал, какое страшное разочарование ждет его сограждан.

Стало еще хуже, когда люди начали выкрикивать имена. Не оскорбления, просто имена. Не все, однако то здесь, то там в выстроившейся вдоль проспекта шеренге людей отдельные голоса выкрикивали имена. Талос не понимал, зачем. Были ли это их собственные имена,

надеялись ли они получить благословение от воинов со звезд? Или имена их сыновей, вступивших в ряды Астартес и, возможно, сейчас марширующих по широкому проспекту?

Настал один из самых трудных моментов для Талоса. Он так далеко ушел от прежней жизни, что даже не мог угадать, о чем думают другие люди.

Тонкая цепочка полицейских, удерживающих собравшихся, разорвалась в нескольких местах. Раздались пистолетные выстрелы, под ноги толпы упало два или три человека, решившихся подограться ближе к Астартес. Лишь немногие достигли цели и стесались с марширующими воинами. Они метались туда и сюда, растерянные, одурманенные, похожие на испуганных зверьков, и отчаянно встатривались в лица Повелителей Ночи.

Средних лет мужчина заскреб грязными ногтями по нагруднику Талоса.

--- Сорион?

Прежде чем Талос успел ответить, человек уже убежал дальше, чтобы

повторить вопрос грузному Астартес в
двух рядах позади.

Легион не останавливался. Снова
защелкали пистолетные выстрелы.
Полицейские в дорожных деловых костюмах
застрелили одного из смертных. Они
остелились стрелять только потому, что
бедняга отошел достаточно далеко от
марширующих Астартес. Никто из
полицейских не собирался утирать, если
промажет и случайно оцарапает
священные доспехи сынов Ночного
Призрака.

Какая-то старуха пристала к Ксарлу.
Она едва доставала Астартес до пояса.

— Где он? — визжала старая карга,
цепляясь иссохшими руками за броню
идущего воина. — Ксарл! Где он? Ответь
мне!

Талос вигел, до чего неловко его
брату, хотя тот не сбился с шага.
Старуха, чьи глаза дико блестели из-под
копны нечесаных седых волос, заметила
взгляд пророка. Талос немедленно
отвернулся, но почувствовал, как слабые
руки женщины ухватили его за локоть.

--- Взгляни на меня! --- молила она. ---

Взгляни на меня!

Талос не оглянулся. Он продолжил маршировать. Сзади раздался протяжный стон --- старуха отстала.

--- Взгляни на меня! Талос! Это же ты! Посмотри на меня!

Выстрел полицейского оборвал ее крики. И Талос возненавидел себя за то, что почувствовал облегчение.

Пятью часами позже, на борту «Опаленного», Ксарл уселся в соседнее кресло.

Никогда раньше --- и никогда впредь --- Талос не видел такой нерешительности на лице брата.

--- Это было нелегко для всех нас. Но ты хорошо держался, брат.

--- Что такого я сделал?

Ксарл сглотнул. Но лицу его медленно растеклось понимание.

--- Эта женщина. В толпе. Ты... не узнал ее?

Талос склонил голову набок, внимательно глядя на Ксарла.

--- Я едва ее видел.

--- Она назвала тебя по имени, ---
настойчиво продолжал Ксарл. --- Ты
действительно не узнал ее?

--- Они читали наши имена со свитков
на доспехах. --- Талос сүзил глаза. --- Она
назвала и твое имя.

Ксарл встал и шагнул прочь. Талос
тоже поднялся и крепко сжал наплечник
брата:

--- Говори, Ксарл.

--- Она не читала имена. Она знала
нас, брат. Она нас узнала, даже через
двадцать лет и несмотря на все
изменения. Трон, Талос... Как же ты не
узнал ее?

--- Я не узнал ее. Клянүсь. Я видел
только старүю смертнүю.

Ксарл сбросил руку Талоса с плеча. Он
не обернулся. В его словах прозвучала та
же роковая окончательность, что и в
выстреле, оборвавшем улыбки старүхи.

--- Эта старая смертная, --- медленно
проговорил Ксарл, --- была твоей матерью.

Такие мысли беспокоили Талоса

сейчас, когда он возвращался на орбиту с измученной войной поверхности Крита. Воспоминания, все это время надежно запертые в глубинах подсознания, вырвались на свободу.

Настроение на борту транспортника было мрачным, несмотря на победу, которую только что одержали Первый и Седьмой Когти. Они сразили титана — пусть даже только титана класса «Несвойны», младшего брата «Владык войны» и «Императоров», крушивших города... Это деяние будет запечатлено на их доспехах и выгравировано на броне «Ока бури». Ностралские руны будут возносить славу победителям до той ночи, пока их безжизненные тела не падут на землю и братья по легиону не растащат их древние доспехи.

Но атмосфера оставалась безрадостной. Победу, добытую столь дорогой ценой, вряд ли стоило считать победой. Талос вспомнил, что похожие слова написал военный теоретик Малкарион в годы, последовавшие за убийством Ночного Призрака.

И эта мысль, эта ассоциация погрузила Талоса -- уже вскрывшего самые темные и мрачные тайники в самых ненавистных участках памяти -- в еще большее отчаяние.

Заказное убийство. Смерть. Святотатство.

В последний раз он плакал той ночью -- ночью, наполненной мучительной болью, -- когда стоял вместе с тысячами братьев и смотрел, как нанятая Императором сука уходит из монастырской крепости, держа в обтянутой перчаткой руке голову их отца.

За несколько часов до этого Талос в последний раз говорил со своим сюзереном.

-- Моя жизнь, -- сказал примарх, опустив голову и не глядя на собравшихся капитанов и избранных воинов легиона, -- ничего не значила.

Не поднимая глаз, бог молча переждал возмущенные крики своих возлюбленных сынов. Когда примарх снова заговорил, тишина затопила зал.

-- Ровным счетом ничего. Но я искуплю это своей смертью.

— Как, господин? Как твоя жертва
послужит нашей славе?

Это выкрикнул Мастер Когтя. Зо
Сахаал. Первый капитан.

Тот же вопрос сорвался с десятков
губ.

— Мы не сможем вести крестовый
поход против Империи без вас, — заявил
Вангред — еще не Вознесенный и даже не
капитан десятой роты, но уже
отмеченный Призраком за искусство
ведения костической войны.

Ночной Призрак улыбнулся. Улыбка не
оживила его лица, лишь на щеках
проступили синеватые вены.

— Наш крестовый поход, начатый во
имя мести Империи, крестовый поход
против моего отца, возмечтавшего о
божественной власти, основан на одной-
единственной истине. Каждая отнятая
жизнь, каждая душа, ненавистно
кричащая нам вслед... справедливость
всего нашего дела зависит лишь от одной
вещи. Скажите мне, что это. Назовите ее,
мои избранные сыны.

— Я скажу, — раздалось из толпы.

Призрак кивнул:

--- Говори, капитан десятой.

При этих словах Талос оглянулся на своего капитана. Как и Вандрег.

Брат-капитан Малкарион вышел из рядов командиров рот и остановился на шаг ближе к примарху.

--- Наш поход справедлив и оправдан, потому что Империя основана на лжи. Деяния Императора неправедны, а Имперские Истины, которые распространяют его проповедники, лишь слепят и ослепляют людей. Он никогда не принесет человечеству закон и порядок. Он, по вине собственного невежества, несет людям лишь проклятие. И, --- Малкарион склонил голову, подражая недавней позе примарха, --- его лицемерие должно быть наказано. Мы правы, потому что он поступил с нами несправедливо. Мы пустили кровь его развращенному Империи, потому что видим истину, видим пятна разложения под кожей. Наша месть праведна. Это законное возмездие за его презрение к Восьмому легиону.

Малкарион был выше ростом, чем

большинство Астартес. На его налысо
обритой голове поблескивало семь
заклепок, окружавших правую бровь.
Каждая заклепка была знаком отличия,
ничего не значившим за пределами
легиона. Свирепый боец, образцовый
командир и военный теоретик, уже
написавший несколько значимых трудов, ---
нетрудно понять, почему Ночной Призрак
повысил его до должности капитана
десятой.

--- Все верно, --- сказал отец своим
сынам. --- Но какой урок извлечет
Император из нашего сопротивления?
Какой урок извлекут лорды Совета Терры,
глядя, как мы уничтожаем граждан их
костической Империи?

--- Никакого, --- произнес чей-то голос.
Талос нервно сглотнул, осознав, что
голос принадлежит ему. Все
присутствующие в зале смотрели теперь
на него, включая примарха.

--- Никакого, --- повторил Ночной
Призрак, закрыв глаза цвета оникса. ---
Абсолютно никакого. Работа бесполезна,
если только ты знаешь, что прав.

Он уже рассказал им. Рассказал о своем намерении. И все же это холодное и прямое признание подорвало их решимость смириться со смертью примарха. Все вопросы, которые они старательно подавляли, всплыли вновь, и сомнение вырвалось из-под брони угрюмой покорности.

У них появился шанс высказаться. Возразить. Бросить вызов судьбе. Из толпы раздались протестующие голоса.

--- Это предрешено, --- тихо проговорил Ночной Призрак.

Шепота примарха всегда было достаточно, чтобы заставить его сынов затолчать.

--- Я знаю, что вы не готовы смириться, мои Повелители Ночи. Но все решено. И даже более того: даже если бы с судьбой можно было бороться, моя смерть оправданна.

Талос смотрел на повелителя Восьмого легиона, сунув черные, как и у примарха, глаза.

--- Ловец Душ, --- неожиданно сказал Ночной Призрак, указав в его сторону.

рукой, похожей на когтистую империальную
клевню, -- я вижу, что ты понимаешь
меня.

-- Нет, мой господин.

Талос ощутил косые взгляды
нескольких капитанов и избранных.
Взгляды, наполненные уже знакомой
враждебностью -- пророка ненавидели за
то, что именно его император нарек таким
почетным именем.

-- Говори, Ловец Душ. Другие тоже
поняли, но твои мысли я могу слышать.
Ты сформулировал ответ лучше, чем
остальные. Даже лучше, чем наш славный
и красноречивый Малкарион.

Малкарион кивнул в знак уважения к
Талосу, и это заставило пророка
заговорить.

-- Речь идет не только о легионе.

-- Продолжай.

Снова приглашающий жест
императорских когтей.

-- Это урок сына отцу. Так же, как вы
внушаете нам принципы, на которых
основан крестовый поход Восьмого легиона,
вы хотите показать и собственному отцу,

что готовы принять смерть за свои убеждения. Ваша жертва навсегда оставит след в его сердце. Вы считаете, что мученическая кончина станет более убедительным примером, чем вся ваша жизнь.

--- Потому что?..

Ночной Призрак улыбнулся снова --- зубастая устешка, не имеющая ничего общего с весельем.

Талос набрал в грудь воздуха, чтобы произнести слова, эхом отдававшиеся в его снах. Слова, которые его генетический отец скажет, прежде чем падет под клинком ассасина.

--- Потому что смерть --- ничто по сравнению с оправданием всей жизни.

--- Шестьдесят секунд до входа в шлюз, --- негромко отпаторовал Сентимус.

Но ничто не могло отвлечь Талоса от его размышлений. Глубже. Глубже. Прочь от вида и запаха поврежденной силовой брони и окровавленной кожи, от покрытой выбоинами и трещинами

обшивки транспорта и «Ока бұри»,
закрепленного в когтях-зажимах под ним.
Прочь от двух поредевших отделений, от
угрюмых Астармес, их занятым душ и
горькой победы. Глубже.

--- Нострато был пропитан скверной, ---
сказал примарх.

Этой беседе между отцом и сыном
суждено было стать последней. Конрад
Курц крутил шлем Талоса в руках.
Бледные пальцы скользили по очертаниям
ностратской руны на лбу.

--- Ловец Душ, --- шепотом повторил
он. --- Совсем скоро, в грядущие ночи, ты
заслужишь то имя, которым я тебя нарек.

Талос не знал, что ответить, и не
сказал ничего. Черный тронный зал
Ночного Призрака вокруг них оставался
безмолвным, не считая отраженного от
стен гудения силовой брони.

--- Наш родной мир, --- продолжил
примарх, --- был не просто осквернен. Он
был мертв. Ты знаешь, почему я
уничтожил наш мир, Талос. Ты
чувствуешь, как завеса бесчестия и

беспощадной ненависти окутала наш легион.

--- Многие это чувствуют, мой господин. --- Талос втянул ледяной воздух. --- Но мы оружие, заточенное против Империи. И наша месть справедлива.

--- Нострато должен был умереть, --- продолжал примарх, словно не слыша Талоса. --- Я пытался объяснить это своим братьям-примархам. Я говорил им, что Нострато скатывается в жестокость и беззаконие. Мы вынуждены были приостановить набор новых рекрутов. Легион отравлял себя изнутри. Планета должна была погибнуть. Она забыла уроки, которые я преподал ей болью, кровью и страхом.

Ночной Призрак смотрел мимо Талоса, на черную каменную стену зала. Из угла его рта на подбородок стекала тонкая нить слюны. От этого зрелища сердце Талоса застучало быстрее. Но не от страха. Талос не знал страха, как и любой Астартес. Это была... неловкость. Ему тяжело было видеть примарха в таком состоянии.

--- Убийцы пришли. Огня проникнет во дворец. Ее имя...

--- М'Шин, --- прошептал Талос.

Он слышал это имя во сне.

--- Да.

Язык примарха слизнул нить слюны.

--- Да. И она, в свою очередь, вершит правосудие.

Ночной Призрак протянул шлем Талосу и, закрыв глаза, медленно опустился на трон.

--- Я ничем не лучше тех миллионов, что сжег на Нострато. Я --- тот самый убийца и гнусный злодей, о котором пишут в имперских прокламациях. И я с радостью приму эту смерть. Я наказывал тех, кто совершал зло. Теперь я буду так же наказан за то зло, что совершил сам. Восхитительное и справедливое равновесие. И этим убийством Император вновь подтвердит мою правоту. Я был прав, делая то, что делал, и он прав, совершая то, что намерен совершить.

Талос шагнул ближе к трону. И задал совсем не тот вопрос, который собирался задать.

--- Почему, --- спросил он, ощущая странное жжение под веками, --- вы нарекли меня Ловцом Душ?

Ониксовые глаза Ночного Призрака блеснули, и божество на троне вновь улыбнулось.

--- Мы прибыли, --- объявил Септимус. ---
--- Вошли в док и пристыковались. Двигатель охлаждается.

Талос встал с кресла:

--- Септимус, проверь, как там навигатор. Удостоверься, что ее операция прошла без осложнений.

--- Да, господин.

--- Первый Коготь, Седьмой Коготь, --- приказал Талос, --- за мной. У нас есть разговор к Вознесенному.

--- Война на поверхности обходится нам слишком дорого.

--- Потери приемлемы.

Талос оглядел физиономию Вознесенного --- нелепую ухмыляющуюся пародию на бледное лицо уроженца Нострато.

— Приемлемы? — переспросил пророк. —
— По каким меркам? С момента высадки
на поверхность мы потеряли девятых
Астартес. Магистр Войны мостит
нашими трупами дорогу к самым
трудным целям на Крите.

— И мы сокрушаем их.

Слюнные железы каждого
чистокровного Астартес могли
вырабатывать концентрированную
кислоту. В имперских органах,
произошедших от нечистого геносемена,
эта способность порой не проявлялась или
вообще отсутствовала. Но Повелители
Ночи были чисты. Талос почувствовал, как
в ответ на наглость Вознесенного
слюнные железы начинают покалывать.
Прошептав проклятие, он проглотил
обжигающий яд, чтобы тот безвредно
растворился в желудочной кислоте. Но
пути вниз яд обжег горло.

— Да, сокрушаем. А заодно сокрушаем
и себя. Мы сражаемся с Механикус.
Магистр Войны медленно убивает нас,
бросая на цели, ненужные нашему легиону.
Титаны с их сервиторами и

технослужащими? Они не способны
чувствовать страх, и наши усилия
пропадают втуне.

--- Воину не пристало стелать и
ныть, даже если поля боя далеко от
идеала, Талос.

--- В таком случае, --- вмешался
Аггемар, широко разведя руками, ---
спустись на поверхность, ваше
сиятельство. Оточь когти в крови
наравне со всеми нами. Прикажи своим
драгоценным Чернецам немного
пострелять. И ты увидишь все сам!

Чернецы по обеим сторонам трона
Вознесенного яростно зарычали, вертя
кlyкастыми шлемами. Сержант Седьмого
Когтя приветствовал их рык волчьей
ухмылкой.

--- Мы только что расправились с
титаном, --- темные глаза Аггемара
сверкнули опасным весельем, --- так что не
воображайте, будто, навдя на нас оружие,
вы заставите нас замолчать.

Вознесенный издал хлюпающий
стешок.

--- Приятно видеть такое

воодушевление в сержанте, который только что отправил своих людей на смерть.

Однако ему не удалось стереть улыбку с лица Аггемара. Талос окинул взглядом двух Чернецов, Гарагона и Браала, огромных в терминаторской броне. Они были напряжены. Готовы к действию.

Но действовать они не станут. Пророк был совершенно в этом уверен.

--- Достаточно этого безумия, --- сказал Талос. --- Нас швыряют в бой, как тушечное мясо. Нам приказывают проводить разведку в авангарде смертных армий. Астартес? В разведку? До такого могут додуматься только глупцы. Наше главное оружие --- страх, и этот клинок затупился в последней кампании.

--- Ты будешь драться, потому что так приказывает Магистр Войны, --- насмешливо парировал Вознесенный. --- У так приказываю я.

--- Седьмой Коготь уничтожен.

Пальцы Талоса чесались от желания взяться за рукоять Аурума. С ледяной

уверенностью он осознал, что успеет
вскочить на тронное возвышение и
вонзить золотое лезвие в грудь Вандреда,
прежде чем Чернецы покончат с ним.

Очень, очень соблазнительно.

--- Ты собрал их геносема? ---
поинтересовался Вознесенный. --- Когда-то
ты был моим апотекарием. Меня весьма
огорчит, если ты совершенно забыл свои
прежние обязанности.

--- Я сам вырезал прогеноиды из тел
павших, --- ответил Талос.

И он действительно это сделал.
Армейским ножом Талос вырезал
прогеноидные железы из груди и шеи
каждого убитого воина. Аггемар, со
слезами на глазах, погружил бесцветные
органы в охлаждающий гель и поместил в
стазис-контейнер на борту «Ока бури».

Шесть потерянных душ. Душ,
отправившихся в варн. Аггемар
представил, как тени его людей, храбрых и
сильных бойцов, со стенами уносятся в
Море Душ.

--- Аггемар и Меркүций отныне
войдут в состав Первого Когтя, --- твердо

сказал Талос. — У это не просьба.

Вознесенный пожал плечами. Увесистые доспехи и костяные наросты заскрежетали. Нынешнего командира десятой не волновала численность отделений и их состав.

— У я хочу, чтобы вы уяснили себе ситуацию, брат-капитан Вандрег. Мы все погибнем на этой войне. Магистр Войны полностью обескровит десятую роту, потому что мы для него не более чем расходный материал. А выжившие присоединятся к Черному легиону, поскольку у них не останется другого выбора.

— Магистр Войны, да пребудет с ним тысяча благословений, простил твою... выходку на поверхности тюремного мира.

— Гнилые зубы Вознесенного токро блеснули. — Не злоупотребляй его щедростью, Талос.

Талос оглянулся на Чернецов. Гарадон был там. Неужели он не рассказал своему хозяину обо всем, что произошло?

— Магистр Войны хотел посеять раздор между нами. Он желал заполучить

меня, потому что мое второе зрение не замутнено, как у его собственных провидцев. Я не могу поверить, что ты все еще отказываешься признать истину. Тарагон был с нами. Конечно, он...

--- Молот Вознесенного рассказал обо всем, что произошло. Единственное, в чем провинился Черный легион, -- это в том, что позволил заключенным напасть на наш «Громовай ястреб».

--- Ты окончательно спятил?

Талос шагнул вперед. Оба Чернеца взяли оружие на изготовку. Тарагон занес молот, а силовые когти Браала ожили и опасно сверкнули.

--- Они использовали взрывчатку, чтобы уничтожить дверь основного трапа.

Вознесенный ничего не ответил, но его улыбка все расставила по местам. Он знал, знал с самого начала, и никак не препятствовал Разорителю. Вознесенный готов был пожертвовать Талосом, несмотря на всю ценность его пророческого дара, ради милостей Магистра Войны.

В следующих словах Талоса прозвучала тихая, но нескрываемая угроза:

--- Если ты думаешь, что я позволю тебе загнать десятую роту в могилу ради благосклонности Абадгона, то сильно ошибаешься.

--- Ты хочешь занять мое место, Ловец Душ? --- улыбнулся Вознесенный.

--- Нет. Я хочу командовать наземной операцией. Я хочу выиграть эту войну и сохранить роту.

--- Ты решил сам себя повесить? Как мило.

--- Не я, Вандрег.

Наконец-то Вознесенного проняло. Сүзив глаза, он под скрип доспехов поднялся с трона:

--- Не вздумай произносить его имя. Его сон слишком глубок. Он не проснется. Я

--- Вознесенный. Я --- капитан десятой роты. Ты подчинишься мне!

--- Довольно, Вандрег. Ты не хочешь сам возглавить наши силы на Крите, и мы гибнем из-за твоего желания угодить Магистру Войны. Мы сражаемся с врагом, начисто лишенным человеческих эмоций. Они не чувствуют страха и не поддаются панике. Мы теряем время и ресурсы.

пытаясь победить их привычным нам способом. Если их дух и можно сломить, то не с помощью болтеров и клинков. Мы должны использовать наши собственные машины. Машины, которые они когда-то изготовили для нас. Я отправляюсь в Зал Памяти, -- завершил свою речь Талос. -- Первый Козоть, за мной.

Сказав это, он развернулся и пошел прочь с мостика под защитой священных болтеров и мечей вновь сформированного Первого Козтя.

Когда дверь за ними закрылась, Кирион остановился.

Он прислонился к стене, свесив голову, словно приходил в себя после сильного удара. Его правая рука дрожала. Воин удержал болтер лишь потому, что кулак свело судорогой.

Активировав закрытый канал, он надтреснутым голосом обратился к Талосу:

-- Брат. Нам... надо поговорить. Страхи Вознесенного наконец-то вырвались из-под контроля. Он

захлебывается в них.

--- Мне нет до этого дела.

--- А должно быть. Когда ты заговорил о Зале Памяти, то, что осталось от Вангрета в этой оскверненной оболочке, взвыло от ужаса.

Вознесенный и его телохранители молча смотрели вслед Первому Когтю. Когда двери захлопнулись, Гарагон вновь опустил украшенный резьбой молот на плечо. Черная львиная морда его наплечника безмолвно щерилась на закрытую дверь.

--- Я никогда не понимал, почему примарх так высоко ценил Талоса, --- сказал Чернец.

Браал, стоявший по другую сторону от командного трона Вознесенного, озвучил собственные мысли:

--- Он везучий. Фортуна благоволяет ему. Он предвидел появление навигатора. А теперь взял в плен принцесса титана. Сам Магистр Войны похвалит его за такое приобретение.

--- Я слышу отвлечение в твоём

голосе, брат. — Голос Гарагона звучал, как
всегда, холодно и бесстрастно. — Его
везение оскорбляет тебя?

Браал все еще не убрал когти-
толщи. Они шинели и сыпали искрами во
траке мостика, короткими вспышками
освещаая его массивную терминаторскую
броню.

— Да. Каждый его вдох оскорбляет
меня.

— Браал, — протянул Вознесенный.

Слова прозвучали хрипло из-за горькой
слюны, котом вставшей у существа в
глотке.

— Да, мой повелитель?

— Ступай за ним. Мне все равно, как
ты это сделаешь, но ритуал пробуждения
должен быть осквернен.

— Да, мой повелитель.

Браал коротко кивнул. Сервомоторы
его древней брони взревели.

Вознесенный облизнул заостренные
клыки, не обращая внимания на
выступившую на языке кровь.

— Талосу нельзя позволить разбудить
Малкариона.

Я не желаю этого.

Я служил достойно и
верно.

Развейте... мой прах в
пустоте. Не... затуровывайте
меня... в склеп...

Последние слова
военного теоретика
Малкариона

Снящий видел сны.

Он видел сны о битвах и
кровопролитии, сны, в которых
воспоминания мешались с кошмарами.

Планета. Поле боя. То самое поле боя.
Миллионные армии схлестнулись в

безжалостной схватке. Болтерный огонь, огонь, огонь — настолько громкий, что заглушает все остальные чувства. Насколько громкий, что ты слепнешь и во рту у тебя появляется привкус пепла. Звук болтерных выстрелов стал привычней, чем звук собственного голоса, — так глубоко он въелся в плоть и кровь.

Шли двorca, раскинувшегося на целый континент. Башни крепости, равной которой не было и не будет, цитадели из золота и камня, способной поразить воображение даже самого алчного из богов.

Он умрет здесь. Он знал это наверняка, потому что помнил.

Он умрет здесь, но ему не дадут упокоиться с миром.

А болтеры все не прекращали огонь.

Узорчатая платиновая крышка саркофага беззвучно всплыла среди тонких, полупрозрачных струй пара в отключающемся стазис-поле.

Она была красива — красива той красотой, которой никогда не узнать «Оку

бүри». «Лэндрейдер», утыканный
убийственными шипами и покрытый
чеканной броней, тоже был произведением
искусства в своем роде. Он воплощал
зловещую славу легиона. На цепях гля
трофеев корчились тела распятых врагов,
в то время как под гусеницами гибли
сотни новых противников.

«Око бүри» был жестоким убийцей,
судящим врагам неисчислимые беды. У
керамитовый корпус машины вполне
соответствовал заключенному в ней
машинному духу.

Но красота саркофага относилась к
иной, более благородной разновидности.

Он был окован бронзой и платиной.
Барельеф на металле изображал одно из
величайших сражений в истории десятой
роты. Воин в древнем доспехе стоял,
запрокинув голову к небу. В руках он
сжимал два вражеских шлема. Правую ногу
воин поставил на третий шлем и глубоко
вдавил его в землю.

Никакие чрезмерные преувеличения
не оскверняли картину — ни горы черепов,
ни рукоплещущие толпы. Лишь воин

наедине со своей победой.

Шлем в правой руке был украшен зубчатым зигзагом молнии на лбу и варварской руной на щеке. Шлем Ксорумая Кхана, капитана-мечника девятой роты Белых Шрамов.

Шлем в левой, строгий и гордый, смотрелся внушительно даже после того, как был сорван с головы хозяина. Его украшал лишь сжатый кулак на налечнике и руна высокого готика, обозначающая «Налагин». Это был шлем Лемангрусса Храмовника, знаменитого чемпиона легиона Имперских Кулаков.

И наконец, под ступней воина виднелся шлем третьего Астартеса, крылатый, с каплей крови в форме слезы, выполненной из рубина. Шлем Рагзула Мученика, капитана седьмой роты Кровавых Ангелов.

Воин зарубил этих трех противников в течение одного дня. Всего лишь один день войны в улье под стенами императорского дворца, и он прикончил троих чемпионов из верных Императору легионов.

Лязгающие краны подняли огромный саркофаг из стазис-контейнера в империальном полу Зала Памяти. Краноманипуляторы оперировали сервиторы — их механическая точность была необходима для ритуала пробуждения. Талос наблюдал за тем, как массивный гроб из бронзы, платины и керамики, размером с двух Астартес в полной терминаторской броне, поднимается из углубления. За саркофагом потянулись трубки, провода и кабели, каждый из которых выполнял свою священную функцию. Из этих волокнистых жгутов шел канал охладитель. Капли влаги собирались в сумрачный туман.

Первый Коготь в благоговейном молчании смотрел, как саркофаг переносят через зал с точностью запрограммированной, и опускают на место. Еще несколько сервиторов ждали под опускающимся гробом. Они собрались вокруг громадного танцора высотой в три роста Астартес. Руки сервиторов заменяли инструменты и держатели. Лоботомированные рабы суетились вокруг бронированного корпуса,

завершая финальные приготовления. Саркофаг должен был занять место в передней части машины.

Дредноут.

От одного слова лед растекался по жилам, но реальность превосходила воображение. Дредноут --- совершенный гибрид человека и машины. Герой Астартес, заключенный в узорчатый саркофаг, погруженный в атмнотические жидкости и навечно затерший на самом пороге смерти, контролировал практически неуязвимый керамитовый корпус шагающей боевой машины.

Ритуал длился уже два часа, и Талос знал, что еще несколько часов впереди. Он наблюдал за работающими сервиторами, которые подключали провода, заворачивали клеммы и проверяли интерфейс.

--- Мой господин, --- обратился к нему техножрец Делтриан, --- все готово для третьего этапа ритуала пробуждения.

Облаченный в черную рясу человек искусственно увеличил свой рост до роста Астартес, при этом не добавив и грамма

мышечной массы. Талосу он напоминал
Мрачного Жнеца — скелетообразного
пожинателя жизней из доимперской
мифологии Терры. Этот образ был широко
распространен во многих колонизованных
человечеством мирах, даже в тех,
которые ушли очень далеко от прародины
Земли. Пожинатель Душ.

Лицо Делтриана, обращенное черной
тканью капюшона, тоже работало на
этом образ. Зачем, Талос не мог
представить. На Астартес с усмешкой
смотрел серебряный череп. Маска была
сделана из хрома и пластали, подогнанных
под лицевые кости человеческого черепа. А
возможно, и заменивших плоть и кость.

Динамик вокса — угольно-черная
бусинка на горле человека — транслировал
искусственно синтезированный голос
Делтриана.

Глаза техножрецу заменяли две
блестящие изумрудные линзы. Их
затуманивал тонкий слой влаги: каждые
пятнадцать минут слезные железы
Делтриана испускали струйки шипящей
жидкости. Талос понятия не имел, для

чего следовало увлажнять глазные линзы техножреца. Они очень мало походили на человеческие глаза, нуждающиеся в защите от пересыхания.

Несмотря на гложущее любопытство, Талос относился к этой причуде с уважением, как и к другим аугментическим приспособлениям Делтриана. Это было личным делом техножреца.

--- Легион благодарит тебя, почтенный техножрец, --- сказал Астартес, продолжая ритуальный обмен любезностями.

Талос окинул взглядом зал с империаторным полом, со стенами, покрытыми непонятными устройствами, с углублениями в полу, скрывающими еще больше чудесных механизмов. Вновь обернувшись к техножрецу, он внезапно добавил:

--- Благодарю тебя, Делтриан. Ты всегда был нам верным и усердным союзником.

Делтриан затер, как засбоивший автомат. Сервиторы по-прежнему

деловито стучали, сверлили, подсоединяли и подключали. Изумрудные глазные линзы техножреца с жужжанием завращались в глазницах, словно пытаясь придать лицу какое-то выражение. Череп, как и всегда, безжизненно ухмылялся.

--- Вы нарушили традиционный лингвистический обмен.

--- Я всего лишь хотел выразить благодарность за твою службу. За службу, которая так часто остается неоцененной.

Черные глаза Талоса смотрели прямо и искренне.

--- Прошу прощения, если я невольно оскорбил тебя.

--- Это не было ошибкой лингвистического обмена?

--- Нет. Я сказал это намеренно.

--- Анализирую. Анализ завершен. В ответ я скажу следующее: спасибо за вашу высокую оценку, Астартес один-два-десять.

«Астартес один-два-десять»? Талос улыбнулся, когда до него дошло. Первый Коготь, второй Астартес, десятая рота. Его первоначальный номер в отделении.

--- Талос, --- сказал Повелитель Ночи. ---

Меня зовут Талос.

--- Талос. Принято. Зафиксировано.

Делтриан направил свою улыбку мертвеца на саркофаг.

--- Призвав на помощь Бога-Машину и благословенный союз просвещенных Механикум и легионов Хоруса, я остеливаюсь вернуть к жизни этого воина, в том случае если ваша миссия не противоречит Первой Клятве. Произнеси вслух свою клятву.

Вернувшись к формальной церемонии, Талос ответил:

--- Во имя моего примарха, который любил Хоруса как брата и служил его делу, я даю тебе клятву. Восьмой легион ведет войну против Золотого Трона и Культы Марса. Верни нам нашего навшего брата, и прольется имперская кровь. Наполни его своей тайной силой, и ложные Механикум заплатят за свои преступления.

Делтриан вновь затер. Талос уже начал сомневаться, правильно ли он произнес клятву. Повелитель Ночи изучал тексты, но сам проводил ритуал впервые.

--- В твоей клятве нет разногласий с Первой Клятвой. Мои знания послужат и нашему обоюдному благу.

--- Пробуди его, Делтриан, --- проговорил Талос, понизив голос и глядя прямо в глаза техножрецу. --- Буря приближается. Время платить по счетам. Он должен встать рядом с нами.

Это тоже было отклонением от предписанного ритуала. Делтриан замешкался, анализируя слова Астартес.

--- Ты осведомлен о вероятности неудачи? Эта воинская единица сопротивлялась всем четырём предыдущим попыткам пробудить ее.

--- Я знаю, --- сказал Талос.

Он смотрел на саркофаг, покрытый позолотой славы, уже установленный на должное место в корпусе боевой машины.

--- Малкарион не просыпался ни разу. У него с самого начала не хотел, чтобы его тело положили в склеп.

Делтриан ничего не ответил. Техножрец не представлял, как можно отказаться от возможности стать настолько ближе к Богу-Машине. Не

понимая эмоциональной подоплеку происходящего, он просто молча ждал, пока Талос не заговорит снова.

--- Могу я задать вопрос?

--- Я даю вам разрешение при условии, что вы не потребуете разглашения законов священного Механикум.

--- Я чту ваши обычаи. Но я хотел бы... оставить здесь почетный караул. Они будут наблюдать за ритуалом. Это неприемлемое нарушение традиций?

--- Когда-то было принято постоянно держать почетный караул в Зале Памяти, --- ответил Делтриан.

С выражением настолько близким к человеческому, что становилось жутко, механический человек склонил голову к плечу и произнес:

--- Как меняются времена.

Улыбка все это время не покидала его скелетообразного лица.

Талос кивнул, в свою очередь улыбнувшись:

--- Благодарю за понимание, Делтриан. Кирион, Меркуций и Ксарл останутся здесь. Уверяю тебя, они не

станут вмешиваться в твою работу и богослужение.

--- Ваши приказы приняты.

--- Желаю тебе всего наилучшего, почтенный техножрец. Пожалуйста, пошли за мной, когда ритуал дойдет до финальной стадии. Я хочу при этом присутствовать.

--- Подчиняюсь, --- сказал аугментический человек.

После недолгой паузы он добавил с чем-то почти похожим на неловкость:

--- Талос?

Астартес развернулся под рев сочленений брони:

--- Да?

Рука Делтриана с глиняными костяными пальцами указала на прикрепленный к стене реанимационный контейнер. Там, за стеклянными стенами, плавал в амниотической жидкости принцес Арьюран Холлисон, погруженный в искусственный сон. Многочисленные провода и трубки соединяли его обнаженное тело с системой жизнеобеспечения.

Из горлового вокс-динамика жреца

раздался треск машинного кода --- звуковой
аналог доброжелательной улыбки.

--- Он принесет ощутимую пользу.
Нам многое предстоит узнать у него.
Благодарю за то, что подарили нам столь
ценное оружие.

--- Сделайте мне ответный подарок, ---
ответил Талос, --- и мы будем в расчете.

--- Нам надо обсудить вопрос с
командованием.

Аггемар с обнаженной головой и
короткой черной бородкой цвета соли с
перцем шагал рядом с Талосом по темным
залам «Завета». Они спускались глубже в
утробу корабля, оставив позади палубы
оружейников и механиков и направляясь в
сторону отсеков смертного экипажа.

--- А что тут обсуждать? --- спросил
Талос.

Пророк ощущал необычное
воодушевление. Надежду. Чувство,
которого не испытывал уже очень давно.
Талос не солгал техножрецу: буря
приближалась. Он чувствовал поступь
урагана в своей крови. И эта буря грозила

вырваться наружу с каждым ударом сердца. Десятую роту ожидали необратимые изменения.

Шаги двох Астартес эхом разносились по окованным черной сталью переходам.

--- Я выше тебя по званию.

Голос Аггемара звучал так, словно старший воин пытался перетолочь зубами катни.

--- Верно, --- согласился Талос. --- Почему это тебя стущает?

--- Потому что в нынешней десятой ротке звание ничего не значит. Чернецы ходят под Вознесенным. А над Вознесенным нет никого, кроме его гнүсных богов. Все остальное не стоит его внимания. В Девятом Когте нет командира уже три месяца.

Талос вздохнул, покачав головой. Воистину легион разваливается на части.

--- Я не знал.

--- Я теперь в Первом Когте, --- продолжил Аггемар. --- Но кто возглавляет Первый Коготь? Бывший брат-сержант Седьмого? Или бывший апотекарий

Первого?

--- Похоже на то, что это меня волнует?

Талос опустил руку на навершие рукояти спящего в ножнах Аурума.

--- Мне хватит и того, что рота продержится до конца этой войны. Командуй. Ты заслужил свое звание.

--- А тебе никогда не приходило в голову, что, возможно, и ты заслужил более высокое звание, чем то, что пожаловал тебе Вознесенный?

--- Нет, --- солгал Талос. --- Ни на секунду.

--- Я вижу по глазам, что ты лжешь, брат. Ты не особо одаренный обманщик. Ты прекрасно знаешь, что должен возглавить Первый Коготь. Ты предлагаешь мне эту должность просто из уважения.

--- Может быть. Но это честная ложь. У тебя есть звание. Командуй, и я пойду за тобой.

--- Хватит изг. Я не желаю командовать твоим... нашим отделением. Но слушай меня внимательно. Твои действия во благо нашему легиону могут

быть основаны на чистом альтруизме. Возможно, ты не думаешь о личной славе. Но для Вознесенного все выглядит иначе.

Они ждали у закрытых дверей лифта, глядя друг на друга сквозь крошечную щель и видя все до мельчайшей черты. Талос медленно выдохнул, прежде чем ответить. Даже простое упоминание Вознесенного приводило его в бешенство.

--- Это не твои слова, Аггемар. Эти разговоры о подозрениях и интригах... Не похоже на тебя. От кого пришло это предупреждение? От чьего имени ты сейчас говоришь?

Из темного коридора за их спинами раздался ответ:

--- От моего.

Талос медленно развернулся, мысленно проклиная себя за то, что был слишком погружен в размышления и не услышал шагов. Несмотря на то что на новоприбывшем не было брони --- только форменный мундир их легиона, --- пророку следовало уловить шут его приближения.

--- От моего. Аггемар говорит от моего имени.

Агзетар склонил голову в знак уважения. Так же поступил и Талос, приветствуя чемпиона Малек из Чернецов.

Ксарл и Кирион никогда не были дружны. Разговоры между ними состояли в основном из пауз. Непринужденная болтовня не числилась среди привычек Астартес, и эта черта лишь усиливалась, когда двое Астартес терпеть друг друга не могли.

Подняв болтеры на уровень груди, они обходили по кругу Зал Памяти. Двигаясь в противоположных направлениях, Кирион и Ксарл встречались дважды на полпути. Меркуций, чьи доспехи до сих пор несли признаки различия Седьмого Когтя, стоял на страже у огромной двустворчатой двери лицом к гредноуту.

Делтриан руководил сервиторами, время от времени раздражаясь невнятицей машинного кода. Следуя его приказам, кибернетические слуги тщательно подготовили гредноут к полному пробуждению. В передней части машины

красовался саркофаг, горделивый в своей помертвевшей славе. Малкарион никогда не был таким при жизни.

Когда Кирион проходил мимо Ксарла в шестой раз, он заговорил с братом по закрытому вокс-каналу:

--- Ксарл.

--- Лучше бы ты сказал что-то стоящее.

--- Какова вероятность того, что это сработает?

--- Что Малкарион проснется?

--- Да.

--- Я... настроен скептически.

--- Я тоже.

Пауза затянулась, и через несколько минут канал автоматически закрылся. Кирион вновь активировал его движением глаза.

--- Вознесенный не позволит пробудить его.

--- Это не новость для меня, брат, --- вздохнул Ксарл. --- Для чего, ты думаешь, мы остались здесь? Конечно, Вознесенный попытается остановить ритуал. Чего я до сих пор не понимаю, так это почему. Я

едва могу поверить, что ты пришел к
такому окончательному падению.

--- Вознесенный боится. Он опасается
Талоса, но пробуждения Малкариона он
боится еще больше. Ты не чувствовал
того, что чувствую я.

--- И не хочу чувствовать. Давай
лучше не будем говорить о проникшей в
тебя скверне.

--- Я чувствую чужой страх. Но сам я
не испытываю страха. Это... просто
особенности восприятия. Как шепот в
расстроенном воксе, когда ты улавливаешь
только обрывки разговора.

--- Ты занятнан Губительными
Силати. Довольно.

Однако Кирион не унимался:

--- Ксарл. Выслушай меня хотя бы
однажды. Какая бы война ни кипела внутри
Вознесенного, Вандрег ее уже давно
проиграл. От того человека, за которым
ты следовали после Осады Терры, осталась
лишь бледная тень.

Они снова прошли мимо друг друга.
Ни один воин не показывал, что замечает
другого, несмотря на перепалку по воксу.

Меркүций продолжал стоять в
предписанном кодексом молчании.

--- Довольно! --- взорвался Ксарл. ---
Неужели ты думаешь, что мне приятно
выслушивать твои откровения о том, как
ты читаешь мысли и чувства этого
сбращенного Хаосом мерзавца? Конечно,
ты знаешь его тайны. Ты так же
избращен, как и он. Только поразившая его
скверна вудна каждому, поскольку
изуродовала его тело. А ты разлагаешься
изнутри. Незаметно и поэтому еще более
опасно.

--- Ксарл, --- мягко сказал Кирион, ---
брат мой. Во имя нашего общего отца,
выслушай меня один-единственный раз.

Ксарл не ответил. Кирион наблюдал,
как его брат молча приближается --- они
вновь сошлись на полпути вокруг зала.
Проходя мимо, Ксарл сжал край
наплечника Кириона. Это был странный и
неловкий момент. Даже сквозь рубиновые
линзы шлемов Кирион ощутил, как брат
смотрит ему прямо в глаза, впервые за
долгие годы.

--- Говори, --- проворчал Ксарл. ---

Попробуй оправдаться, если это возможно.

--- Представь, --- начал Кирион, --- потаенный голос, звучащий у каждого в душе. Голос их страха. Когда я с тобой, с Талосом, с Узасом... я не слышу ничего. Мы Астармес. «Тогда как тела смертных заполнены страхом, мы пусты и холодны».

Ксарл устехнулся, услышав цитату из трудов Малкариона. Умно, очень умно.

В воксе треснул голос Меркүция:

--- Секретничаете втайне от вашего нового товарища по отделению?

--- Нет, брат, --- ответил Кирион, --- прости, мы скоро закончим.

--- Конечно.

Меркүций отключился.

--- Продолжай, --- сказал Ксарл.

--- Рядом со смертными по-другому. Я слышу их страхи. Это похоже на стыгливый шепот --- много голосов, сливающихся в один хор. Когда ты, Ксарл, убиваешь смертного, ты видишь только то, как свет угасает в его глазах. Я слышу его безмолвный плач, слышу, как он шепчет о родном мире, который никогда больше не увидит, о жене, с которой ему

было так тяжело расстаться. Я... собираю эти мысли из разума каждого встречного, как спелые плоды с дерева.

Псайкерская зараза, подумал Ксарл. В годы славы притарха таких несчастных изгоняли из легиона или преобразали в соответствии с суровыми правилами обхождения с псайкерами и их использования. Неукрощенный талант псайкера был приланкой и распахнутой дверью для демонов варна.

--- Продолжай, --- сказал он.

Произнести это слово во второй раз оказалось куда труднее.

--- Ты не можешь представить, что я слышу в присутствии Вознесенного, брат.

Голос Кириона дрогнул и зазвучал неуверенно, словно воин не мог подобрать нужные слова.

--- Он кричит... затерявшись во тьме собственного разума. Он выкрикивает имена, имена живых и мертвых братьев, умоляя нас отыскать его, спасти его, убить его. --- Кирион перевел дыхание, прежде чем продолжить. --- Вот что я слышу, когда оказываюсь рядом с ним. Его

түки. Его ужас оттого, что он полностью потерял над собой контроль. Он уже не Астармес. Одержимость дала ему возможность ощущать страх, и страх выел его изнутри. Ужас прогрыз в нем туннели, как тысяча голодных червей.

Ксарл осознал, что все еще сжимает наплечник Кириона. Он поспешно убрал руку, борясь с гневными нотками в голосе.

--- Я прекрасно прожил бы без этого знания, брат.

--- Так же как и я. Но я открыл правду не для того, чтобы испортить тебе настроение, брат. Внутри Вознесенного обитают две души. Вандрег, чей крик медленно угасает в пустоте. И что-то другое... что-то, родившееся из его ненависти и стесавшееся с чужим разумом. Когда Талос пригрозил, что разбудит Малкариона, я впервые услышал, как обе души взвыли в унисон. То, что осталось от Вандрега, и завладевший им демон --- они оба боятся этой секунды.

--- Мы здесь, --- упрямо сказал Ксарл. --- Мы несем караул во время ритуала пробуждения. Если Вознесенный

действительно напуган и пошлет кого-то, кто попытается... помешать, --- нам ничего не грозит. Кто из Чернецов настолько бесчестен, что вступит в бой с собственными братьями? Малек? Никогда. Тарагон? Он любимчик Вознесенного, но не выстоит против нас троих. Любой из Чернецов падет, а Вознесенный слишком ценит своих избранных, чтобы разбрасываться ими.

--- Ты исходишь из того, что их жизни для него одинаково ценны. Нет, брат, --- возразил Кирион. --- Он пошлет Браала.

Оба воина обернулись на грохот распахнувшихся дверей. Кирион без промедления связался с Талосом:

--- Брат, начинается.

Ответ был кратким:

--- Первый Коготь. При первом признаке агрессии вы должны вступить в бой и уничтожить цель. Ave Dominus Rex.

--- Кирион, --- Ксарл выдернул болтер из магнитного зажима при виде вошедшего в Зал Памяти Чернеца, --- терпеть не могу, когда ты оказываешься прав.

Малек спустился в лифте на нижние уровни вместе с Талосом и Аггемаром.

— Ты не можешь позволить себе такую наивность, — сказал он Талосу.

Лицо терминатора было твердо и холодно, как у статуи из белого гранита.

— Я не наивен, — огрызнулся Талос.

Несмотря на все уважение к Чернецу, его тон разозлил пророка.

— Я действую в интересах десятой роты, — вызывающе продолжил он.

— Ты действуешь как слепой тальчишка, — жестко отрубил Малек.

В его черных глазах вспыхнул яростный огонь.

— Ты говоришь об интересах десятой роты? Именно в этом суть. Десятая рота мертва, Талос. Иногда, пытаясь сохранить прошлое, ты просто скатываешься назад. Я не сторонник перемен ради самих перемен. Мы говорим о положении дел на войне.

— Ночной Призрак никогда...

— Не стей говорить о нашем отце так, будто знал его лучше меня!

Малек сужил глаза, а в голосе его прорезался звериный рык.

--- Не стей предполагать, что он советовался только с тобой в последние ночи. Многие из нас были его избранныками. Ты не один.

--- Я это знаю. Я говорю о том наследии, которое он хотел передать нам.

--- Он хотел, чтобы мы выжили и боролись с Империей. И все. Неужели ты думаешь, что его заботило, кто станет нашими союзниками и под каким именем мы пойдём в бой? Нас осталось чуть больше тридцати. Отделения распались. Авторитет командования ослаб. Наши ресурсы на пределе. Мы --- не десятая рота Восьмого легиона. Мы перестали быть ей почти сто лет назад по нашему времени... и десять тысячелетий назад по галактическому летоисчислению. Неужели ты действительно не видишь, что творишь? --- закончил Малек.

Он покачал головой, словно сама идея была немыслимой.

--- Я готов признать...

--- Это был риторический вопрос, --- проворчал Малек. --- Все это видят. Ты случайно натыкаешься на сотню

сервиторов, когда наши ресурсы почти подошли к концу. Ты ступаешь на поверхность нашей мертвой планеты, и каждый, кто не ослеп, понимает, что это знак. Затем ты берешь в плен не абы кого, а навигатора! Теперь принцесс титана. Ты бунтуешь против Вознесенного и говоришь о том, чтобы разбудить Малкариона.

--- Талос, брат, --- вмешался Агзетар. --- Ты изменяешь роту согласно своим принципам. Поимка навигатора была самым смелым шагом. Если мы потеряем Этригию, вся рота будет зависеть от тебя и от навигатора, которого ты контролируешь. Мы даже не сможем войти в Варн без твоего... согласия.

--- Этригий абсолютно здоров, --- ответил Талос.

Но ему нечем было подтвердить свои слова. Навигаторы благодаря измененным генам жили намного дольше обычных людей. Но Этригий заперся в своей обсерватории на носу корабля, и никто не видел его в течение последних десятилетий, не считая Вознесенного.

Октавия итела достун в ту часть сүдна,
но в ее скүдных отчетах, пересказанных
Септимусом, не было ни слова о
физическом или психическом состоянии
нынешнего навигатора. Казалось, годы не
меняют его.

--- Я --- из Чернецов, ---
многозначительно произнес Малек.

Талос немедленно понял, о чем речь.
Малек никогда бы не нарушил клятвы и не
выдал секретов своего сюзерена, как бы он
ни презирал Вознесенного. Но он мог
намекнуть Талосу, что сопровождал
Вознесенного во время его визитов к
Этригию.

Возможно, захват Октавии на
мертвой Нострато оказался более явной
угрозой Вознесенному, чем полагал Талос.

Ее надо охранять. Бдительно
охранять. И пробуждение Малкариона...

--- Меркүций, Кирион и Ксарл
дежурят в Зале Памяти, --- сказал он
Малеку.

Тот кивнул. Его гранитное лицо
оставалось бесстрастным.

--- Думаю, это неглүпый ход. Сколько

уже идет ритуал?

--- Четыре часа. Когда я ушел, подключали и освещали ходовую часть гредноута. Они еще не начали пробуждение.

--- Шансы против нас, --- сказал Аггемар. --- Он не просыпался ни разу.

--- И его положили в саркофаг против воли, --- добавил Малек.

Бокс Талоса ожил, обрывая дальнейшую дискуссию.

--- Брат, --- сказал Кирион, --- начинается.

Браал неторопливо вошел в Зал Памяти.

Ревущий лев на его правом наплечнике --- знак различия Чернецов --- был покрыт вмятинами и царапинами. Похоже, после многочисленных сражений его нечасто приводили в порядок. Остальная часть терминаторской брони Браала находилась не в лучшем состоянии. Темно-синюю поверхность уродовали шрамы с металлически-серыми краями. Хозяин не озаботился даже тем,

чтобы покрыть их слоем краски.

К его перчаткам присохли чешуйки крови. Хотя при активации перчаток вся грязь на них превращалась в пепел, кровавые пятна не сходили неделями после сражений.

Другие ошибочно принимали это за пренебрежение. За неуважение. Это было почти смешно.

Что может быть большей честью для машинного духа брони, чем гордая демонстрация полученных в бою увечий? Что может лучше выразить уважение, чем все эти шрамы — шрамы от ран, которые не сумели его убить?

Шипастые пики для трофеев, торчащие из-за горбатой спины господина, были откованы из бронзы и украшены шлемами и громадными черепами Астармес. Шлемы и черепа клацали и стучали друг о друга при каждом шаге Чернеца.

Браал провел языком по зубам. Рубиновые дисплеи линз по очереди очертили контуры каждого живого существа в зале. В одном конце комнаты

сервиторы суетились над безмолвным
грудноутом, как иголопоклонники во время
варварского богослужения. В другом
техножрец Делтриан склонился над
панелью управления, расцвеченной
таинственными огнями. Вон там свежая
кровь, влившаяся в Первый Коготь, ---
зануда Меркүций --- стоит слева от
Враала в тени огромных дверей. А вон и
Кирион с Ксарлом, расхаживающие с
болтерами наперевес.

Чернец заметил краткую вспышку
предупреждающей руны. Его
просканировали аусником. Конечно, это
был Делтриан. Враал, не останавливаясь,
небрежно кивнул техножрецу.
Наукообразная тварь уважительно
склонилась в ответ. Отвратительное
создание. Проклятье Механикум за то,
что легиону приходится пользоваться
услугами подобной твари.

Враал не питал никаких иллюзий на
счету того, зачем его сюда послали.
Вознесенный вел игру осторожно, потому
что открытое противостояние с Талосом
привело бы к полномасштабному бунту.

То, что осталось от десятой роты, расколосось бы окончательно. Часть последовала бы за Вознесенным, а часть — за пророком. Лично для себя Браал тут никакого выбора не видел. Прошое или будущее. Талос воплощал первое. А что было в прошлом, кроме поражения и позора?

Браал с нетерпением предвкушал смерть пророка. Он помнил свое разочарование при известии, что план Вознесенного сдать Талоса Губительным Силам полностью провалился. Разоритель позволил пророку беспрепятственно уйти. Аббадон не сумел даже прикончить двух рабов, которых Талос столь высоко ценил. И вот десятой роте опять приходится терпеть нелепые выходки этого помешанного на прошлом идола.

Невыносимо. Как зудящий участок кожи, который нельзя почесать.

Нет, Браал не тешил себя иллюзиями. Об открытом конфликте не могло быть и речи. Это только настроит сторонников Талоса на решительный шаг. И уж точно нельзя было использовать

никого из тех Чернецов, к которым Вознесенный явно благоволил. Все бы сразу поняли, что Вознесенный действует против пророка. Но вот необузданный и непредсказуемый Браал — другое дело. Когда все будут с огорчением вспоминать его «дикий нрав» и «непотерную вспыльчивость», а Вознесенный рассыплется в извинениях за то, что ужасная выходка Браала помешала ритуалу воскрешения.

«Обида заставила его действовать необдуманно, — скажет Вознесенный. — Действия Браала опозорили всех нас. Такая разобщенность неизбежно приведет к...»

Да, он почти слышал свою похоронную речь. Вознесенный послал его сюда на смерть, жертвывая жизнью одного из слуг на благо своей боевой ватаги. Что ж, так тому и быть.

Конечно, помешать пробуждению Малкариона следовало с умом.

С тактом.

С определенным изяществом.

Когти Браала выскользнули из ножен

перчатки. Они затрещали и заискрились, окутавшись облаком убийственного света.

--- Братья! --- радостно заорал он в
вокс-передатчик. --- Сейчас все,
находящиеся в этой комнате, умрут!

Секундой позже он уже шагнул сквозь
болтерный огонь, и из его клыкастого
шлема неслись раскаты смеха.

От трофейных пик отлетали куски.
Путь Браала был усыпан осколками
металла. Один из бивней шлема лопнул.
Нагрудник тоже покрылся трещинами, а
наколенник раскололся, усеяв пол
керамиковым крошевом. Ливень
болтерных снарядов грыз и царапал его
терминаторскую броню. Это было почти
забавно.

Три слабачка из Первого Когтя
отступали, выставив перед собой болтеры
и ведя защитный огонь, который не мог
остановить нагвигающегося Чернеца. В
воксе Браала раздалось скрипучее блеяние
Делтриана:

«Как ты смеешь! Святотатство!
Этот зал посвящен Богу-Машине!»

Тьфу. Если бы у Браала было

огнестрельное оружие... Он мог бы споткнуться завывающего жреца раз и навсегда. А сейчас его когти-молнии только вспыхнули ярче, отражая гнев хозяина.

Трое противостоящих ему Астартес прыгнули, медленно приближаясь к саркофагу Малкариона и не ослабляя огня. Они действовали до отвлечения согласованно. Браал знал, что их убийство не было главной задачей, как бы у него ни чесались когти. Ему следовало раз и навсегда оборвать воскрешение Малкариона. Они преграждали самый простой путь к цели: если бы не эта троица, Браал мог бы просто раскромсать гредноут когтями.

Ну ладно.

Браал перешел на то, что в его громоздной терминаторской броне можно было условно считать бегом. Он бежал не к продолжающим пальбу Астартес. Нет, это стало бы самоубийством и не помогло бы ему выполнить миссию.

--- Техножрец!

Браал споткнулся --- вихрь

болтерного огня разбил броню левой голени и заглушил сервомоторы.

— Давай! Нам с тобой есть о чем поговорить!

Его спотыкающийся бег был до ужаса быстрым. Скелетообразный техножрец так и не отошел от контрольной панели, даже когда правая клешня Браала пропорола священный механизм. К сожалению, ничего не взорвалось.

Особенно меткий выстрел на мгновение откинул голову Чернеца назад. Стрелял, наверное, Ксарл. Этот ублюдок славился удивительной меткостью.

Но сейчас Астартес прекратили огонь. Браал возвышался среди контрольных панелей, с каждым шагом приближаясь к Делтриану. Воины Первого Когтя не хотели рисковать и повредить болтерными снарядами ценные машины. Браал развел когтистые руки по сторонам, по мере продвижения увеча еще больше благословенной техники Механикум.

Как забавно. Это надругательство заставило техножреца заплакать. Из глаз

его полилось что-то вроде масла. Темные дорожки протянулись по щекам серебряного черепа. Браал потратил полсекунды на то, чтобы полюбоваться зрелищем. За оставшуюся половину секунды четыре когтя, расположенных на костяшках его пальцев, --- каждый в метр длиной --- вонзились в грудь Делтриана.

--- Пишишишишишишиссс, --- просипел священник, и хрип оборвался разрядом статики.

--- Хорошо сказано, --- хмыкнул Браал, вытаскивая лезвия.

Сопротивление, которое оказывала при этом плоть Агентус Механикус, было неприятным и неестественным. Что за удовольствие оборвать фальшивую жизнь Механикус? Делтриан повалился на спину. Его черная роба так и не распахнулась, словно он пытался сохранить достоинство и в смерти.

Руна тревоги вспыхнула с секундным опозданием. Кто-то из Первого Когтя решился напасть.

Браал развернулся и поднял когти, готовясь к схватке с другим Астартес.

Болтер Ксарла выпалил почти в упор. Один из когтей отлетел прочь вливне осколков болтерной гильзы. Цепной меч обрушился вниз мгновением позже.

--- Просто... сдохни... --- выдохнул Ксарл по воксу.

Клинок его цепного меча скрежетнул по тяжелому доспеху Чернеца, сдирая верхний слой металла, но не проникая глубже.

Браал дернул плечами, отбрасывая меч. Терминаторская броня давала ему силу, натного превышавшую возможности обычного Астартес. А шанс, что цепной меч пробьет терминаторский доспех, был, прямо скажем... Ладно, Ксарл по крайней мере не дурак. Это делало поединок куда интересней.

Браал поднял правую перчатку, лишившуюся одного из когтей. Когда клинок цепного меча опустился во второй раз, Чернец поймал его между гвутья потрескивающими силовыми лезвиями. Ревущий меч немедленно взрызся в более податливую броню перчатки и сервоволокно. Закрахтев от усилия, Браал

вывернул руку. Когти вспыхнули от притока энергии, встретившись с цепным мечом, и раскололи его поглубоководительный треск металла.

Лишившись оружия, Ксарл отскочил назад. Отшвырнув рукоять заглохшего меча, он снова поднял болтер.

Однако не выстрелил. Мерцание рун тревоги подсказало Браалу почему. Крутанувшись на месте, Чернец очутился лицом к лицу с Кирионом и Меркуцием.

Они бросились на него одновременно, держа гладиусы обратным хватом, как кинжалы ассасинов. Удар Кириона пришелся на твердый участок брони. Клинок безвредно скользнул по доспеху, а Браал отшвырнул напавшего ударом ногтей, распоров броню противника.

Удар Меркуция достиг цели, и гладиус вошел глубоко. На какую-то страшную секунду двое Астартес оказались совсем близко, яростно глядя друг на друга сквозь рубиновые линзы шлемов. Клинок в животе Браала был словно кусок льда. Модифицированный организм Астартес уже работал.

затягивая рану и останавливая кровотечение, но Меркүций рванул меч вверх, расширяя отверстие.

Он разрезал мягкое сочленение брони. У... пришла боль...

Браал уже почти не помнил, что значит это слово, -- прошло так много времени с тех пор, как он в последний раз испытывал боль.

Что-то ударило его по спине. Ритмичные и мощные толчки. Этот ритм был ему знаком... Болтер на полностью автоматическом режиме. Ксарл... стрелял... и... надо было...

Освободиться... от меча...

Браал поднял когтистую перчатку. Поврежденная броня реагировала медленно. Меркүций продолжал тянуть лезвие вверх, кромсая внутренности Браала, -- хотя дальнейший путь клинку преградил прочный нагрудник.

Браал сплюнул кровь в шлем и ударил Меркүция левым кулаком. Противник отлетел прочь, словно тарелочка на дергающихся нитях, и врезался в разбитую контрольную панель.

Меркүций был в отключке. Кирион...
Ха! Удар Браала оторвал ему руку ниже локтя. Он все еще пытался встать и изрыгал проклятия по воксу, оглядываясь в поисках болтера.

Ксарл. Следовало покончить с...
Ксарлом. Ксарл всегда был самым опасным.

Сморгнув с глаз кровь и пот, Браал развернулся и кинулся на Ксарла, выставив перед собой все семь когтей --- семь коротких копий.

Ксарл с проклятием отскочил в сторону. Его мышцы пронзила боль --- он двигался быстрее, чем когда-либо за всю свою жизнь.

И все же не успел. Кончики когтей на правой перчатке Браала вонзились в его добычу. Ксарл сжал зубы, когда силовые лезвия пропороли его горло и левое бедро. Боль затуманила зрение, ноги подкосились, и он рухнул на землю.

Браал обнаружил, что ситуация изменилась. Делтриан, эта научнообразная механическая тварь, полз по полу к другой настенной консоли. Видимо, он был ранен. Правильно? Можно ли сказать о

механическом человеке, что он ранен?
Скорее, поврежден.

Кирион снова надвигался, сжимая
глазус в уцелевшей руке. Инъекция
стимуляторов и нейроблокаторов в его
кровь и мозг, похоже, начисто убрала боль.
Меркуций был на ногах, но безоружен. Его
клинок сломался во время падения, и
снаряды в его болтере, похоже,
закончились. Ксарл не унимался, как и
всегда, — упрямый ублюгод вытащил
болтерный пистолет и целился лежа,
потому что наполовину отрубленная нога
его не держала.

В эту минуту Браал осознал, что
вполне может победить.

— Братья, — расхохотался он, — кто
утрет первым?

— Покажи, на что способен! — рявкнул
Ксарл, вновь открывая огонь.

На дисплее Браала замелькали руны,
указывая на попадание в голову и в грудь.
Метит в шейное соединение. Браал
продолжал надвигаться, все так же
хохоча, и тут пистолет Ксарла щелкнул
вхолостую. Обойма закончилась.

Но... что это за звук?

...уииии РРРРРРРРРР...

Браал нахмурился. Что, Хаос их
разрази, происходит?

Это был звук активировавшейся
гвуствольной автомпушки класса «Жнец».
За ним последовало гулкое «кланк-кланк-
кланк» автоматического загрузчика
боеприпасов.

Браал обернулся как раз вовремя,
чтобы увидеть, как пушка открывает
огонь. От звука выстрела Зал Памяти
содрогнулся. Свирепые бури, разрушавшие
на своем пути башни городов-ульев, неслись
над планетой с меньшим шумом. У тех
сервиторов, которые оказались слишком
глупы, чтобы зажать уши, полонались
барабанные перепонки.

Шлемы Первого Когтя заглушили
звук, но все трое Астартес сжали зубы при
этом реве.

Браал слышал все с ужасающей
ясностью, поскольку залл предназначался
ему.

Шесть массореактивных снарядов ---
каждый из которых был способен разнести

В клочки «Руно» — врезались в Чернеца в течение трех секунд. Первый пробил его нагрудник. Браал умер бы через несколько мгновений от внутреннего кровоизлияния, если бы второй снаряд не убил его мгновенно, ударив прямо в клыкастый щелевой шлем и оторвав Чернецу голову и правое плечо.

Остальные четыре снаряда превратили останки в кровавое месиво. Через три секунды от Браала из Чернецов не осталось ничего, кроме осколков доспехов и тех ран, что он нанес Первому Когтю.

Гроза прошла.

Гром утих.

Огромный, окованный бронзой и темнотосиней броней гредноут шагнул вперед под рев древних сервоприводов. Комната содрогалась под его весом. Грохот выстрелов не мог сравниться с шумом воем вековых механизмов и гроыхающей поступи гизанта.

— Г...господин? — шепнул Меркуций.

— Вы пробудились, — выдохнул

Кирион. — Но как?..

Из динамиков гредноута.

установленных на шасси, раздалось низкое
рычание:

--- Я услышал болтерный огонь.

Вознесенный откинулся на спинку трона и сторщил лицо в неискренней улыбке:

--- Раг видетъ тебя, брат.

Огромное тело Малкариона занимало солидную часть мостика. Отсветы консолей бликовали на его темном кератитовом корпусе.

Корабль сейчас не участвовал в военных действиях, так что все члены экипажа, еще способные испытывать любопытство, могли взглянуть на объявившееся в их рядах чудо. Малкарион стоял в одиночестве перед тронным возвышением. Дредноут был настолько высок, что саркофаг оказался на одном уровне с сидящим на троне.

Вдоль стен выстроились все Астартес, не занятые в операции на поверхности. Они желали стать свидетелями воскрешения и первой встречи бывшего капитана с нынешним. Талос и Аггемар застыли в благоговейном ужасе. Эти же чувства испытывало большинство воинов.

Трон Вознесенного окружали Чернецы. Все, кроме Браала. Семь воинов элитного отделения терминаторов выстроились четким полукругом за троном. Малек и Тарагон, как и всегда, стояли ближе всех к Вознесенному.

Довольно долго боевая машина молчала. Черные раскосые глаза Вознесенного впились в незваного гостя, почти что внимательно изучая все детали. Извращенному Хаосом существу казалось, что оно практически слышит сквозь монотонный гул генератора гредноута всплески аниотической жидкости. Плеск, с которым останки Малкариона корчились в своем саркофаге.

--- Ты изменился, --- громыхнул гредноут.

Ухмылка Вознесенного не потеряла -- наоборот, стала как будто более искренней.

-- Так же как и ты, брат.

Машина издала звук, заменявший ей согласное ворчание. Казалось, танк переключает передачи.

-- Ты выглядишь еще гаже, чем на моей памяти, -- продолжил гредноут.

Еще одно ворчание, на сей раз больше похожее на стешок.

-- Я бы не поверил, что такое возможно.

-- Вижу, что за те десятилетия, пока ты спал, а мы продолжали сражаться во имя нашего отца, твое чувство юмора не затупилось.

-- Еще немного твоих плоских шуток, Вандред, и я вновь усну от скуки.

-- Теперь я -- Вознесенный. Лучше бы тебе заполнить это, Малкарион. Время многое изменило.

-- Но не все. Послушай меня, Вандред. Я пробудился. Меня вырвали из векового сна, заполненного кошмарными видениями величайшего из наших поражений. Ловец

Душ сообщил мне, что война вновь призывает нас. И ты расскажешь мне об этой новой войне. Сейчас же.

Вознесенный скривил губы. Ловец

Душ. Тошнотворно.

--- Как пожелаешь.

У нынешнего плацдарма было много названий. И ни одно из них не отражало реальной важности операции. Это был решающий бой, момент истины.

На вершинах горной гряды в северном полушарии планеты располагался основной бастион Механикус.

Захватчики, невольно впечатленные извилистыми скальными формациями и встроеными в них крепостями-фабриками, назвали его Когтем Омниссии. Помпезное, но меткое имя: горы напоминали стальные пальцы, простертые к небесам, словно крепости хотели сдернуть с орбиты флот вторжения.

Для бездушных когитаторов и тактических вычислителей защитников Механикус это был просто опорный пункт 017--017.

«Семна́дцать-се́мна́дцать», главный
литейный завод Лезио Маледиктус,
сердце и душа боевых сил Агентус
Титаникус на Крите Прайм.

Он был прикрыт такими
многослойными пустотными щитами,
что об орбитальной бомбежке и речи не
шло. Урония заключалась в том, что эта
защита оказалась бесполезной. Аббагдон
ясно объяснил своим капитанам и
командирам, что «Семна́дцать-
се́мна́дцать» надо захватить, а не
уничтожить. Такая база нужна была для
ремонта, переоборудования и производства
титанов, которые послужат в его новом
крестовом походе. При самом худшем
сценарии со здешних фабрик-крепостей
следовало вывезти максимальное
количество рабочих и материалов.

Времени, однако, почти не
оставалось. Астронавты сообщали о
доносящемся из варна шепоте. Прибытие
имперских сил ожидалось в течение
ближайших недель.

Кровавые Ангелы. Странствующие
Десантники. Бесчисленные полки

имперской гвардии. Абaddon забрался слишком далеко от своего логова — от Ока Ужаса, куда Империя не мог за ним последовать. И хотя Магистр Войны выбрал многообещающую цель — Крип Прайм — и его поспешно собранный флот нанес мощный удар, победы следовало добиться как можно скорее. Или же забыть о ней навсегда. Затянувшаяся на месяцы война была уже слишком долгой, а потери на поверхности — слишком велики. Механикус и их проклятые чемпионы из Легио Маледиктус оказались неумолимы и негибачемы противниками.

Если предсказания астронавов были верны, приближавшиеся имперские флоты намного превосходили армаду Хаоса. Силы Трона почувствовали, что им наконец-то представилась возможность покончить с Разорителем раз и навсегда. Навигаторы и другие псайкеры флота Абaddonа говорили о чудовищной волне давления, раскатившейся по варпу, словно фронт приближающейся грозы. Каждый воин в армии Магистра Войны понимал, что

это такое. Столкновение потоков Варна — так морские суда гонят перед собой волну. Невидимые течения Моря Душ захлестывали скопление Крит. Это означало, что бесчисленные имперские корабли движутся сквозь Варн на максимальной скорости, дабы отстоять мир-кузню и отомстить за разоренные территории.

Все должно было решиться в «Семнадцатъ-семнадцатъ», а Крит Прайм — часть.

Эншипиль начался.

Остатки десятой роты шли на острие атаки. Рядом сражались их братья с «Охотничьего предчувствия».

При поддержке перекинувшихся на сторону Абaddon полков имперской гвардии и легионов рабов, набранных на Солас, Повелители Ночи с «Завета крови» и «Охотничьего предчувствия» должны были захватить несколько литейных заводов и крепостей-фабрик.

Черному легиону, куда более многочисленному, чем Повелители Ночи,

предстояло атаковать большее количество целей. Талос уже не мог обвинить Магистра Войны в том, что он пытается обескровить Восьмой легион и жертвует Повелителями Ночи ради собственных Астартес.

Необходимость свела на нет все привилегии.

Оружейная Первого Когорта превратилась в кипящий активностью улей.

Рабы и сервиторы облачали своих господ в броню, подгоняли и закрепляли части доспехов. Среди рабов был и Септимус. Он проверял герметичность суставных сочленений в броне Талоса. Беседующие Астартес не обращали на службу ни малейшего внимания.

Кирион вытянул руку, чтобы сервитор мог закрепить наручи и перчатку. Все в комнате заметили его новую аугментическую конечность. Металлическая поверхность серого стального цвета еще не успела обрести синтешелю. Скоро предплечье из стали

и титана скрылось под темно-синим боевым доспехом.

Воины возносили молитвы и благословения оружию. Давали клятвы. Узлы входили в спинные разъемы, соединяя Астартес с силовой броней. Опустившиеся на головы шлемы окрашивали все вокруг в багрово-красный цвет визоров.

--- Я видел Октавию в последний раз уже очень давно, задолго до ее вчерашней операции, --- заговорил Кирион. --- Как поживает наш навигатор, оружейник?

Септимус, прикреплявший к наплечнику Талоса свиток с клятвой, не поднял головы. Но кремового цвета пергаменту тянулись размашистые строчки ностратских рун --- Талос подробно перечислял все задачи операции и клялся на крови добиться их выполнения. Единовременные клятвы, подобные этой, были больше не в чести у легиона. Ксарл тоже носил свиток, а вот Меркуций, Узас и Кирион уклонились от давней традиции.

--- С ней все в порядке, лорд Кирион, --- сказал Септимус. --- Я полагаю, она сейчас с навигатором Этригием. Они подолгу

беседуют. Они... часто спорят, как мне кажется.

--- Понятно. Благодарю за починку моего болтера.

При этих словах воин поднял оружие и остотрел его, благоговейно сжимая в латных рукавицах. На боку болтера витыми ностратскими рунатами было выгравировано имя --- «Баньши».

--- Рад услужить вам, лорд Кирион.

--- Как поживает рожденная в пустоте? Надеюсь, она здорова?

Септимус, проверявший заклепки на наплечниках Талоса, застыл.

--- К... кто, лорд Кирион?

--- Рожденная в пустоте. Как она поживает?

--- Ты это о чем? --- спросил Узас, внезапно заинтересовавшийся разговором.

--- Она мертвая, брат. Тебе не стоит о ней беспокоиться, --- отрезал Кирион.

--- Она... с ней все хорошо. Благодарю, лорд Кирион.

--- Приятно слышать. Не смотри так удивленно. Мы не слепы и знаем, что творится на корабле. Передай ей привет

от меня.

--- Передат, лорд Кирион.

--- Ей понравился подарок? ---

поинтересовался Талос.

Септимус приложил все силы, чтобы снова не залегенеть.

--- Да, господин.

--- Какой еще подарок?

Узас был явно раздражен тем, что его исключили из разговора.

--- Медальон легиона, --- ответил Талос. --- Кое-кто из смертной команды очень ценит эту смертную. Видимо, ценит достаточно, чтобы гарантировать ей мою защиту.

Талос снова обернулся к Септимусу. Кровь раба застыла в жилах.

--- Без моего разрешения.

--- Простите меня, господин.

--- Я слышал, что в монете просверлили дырку и смертная носит ее на шее вместо бус, --- продолжил Талос. ---

Следует ли это считать надругательством, Кирион? Как по-вашему, они осквернили реликвию легиона?

--- Думаю, нет, брат. И все же я

сообщу об этом Вознесенному. Надо быть уверенным, когда имеешь дело с подобными вещами.

Септимус вытученно улыбнулся и судорожно сглотнул. Он попытался заговорить. Но не преуспел.

--- Прости, что мы немного повеселились за твой счет, Септимус, --- сказал Талос.

Он сжал кулаки, pokrutil запястьями, проверяя легкость хода. Правая перчатка определенно была жестковата. Надо заменить ее как можно скорее.

Фаровен. Фаровен, тот брат, гибель которого Талос видел во сне. Придется снять перчатку с его мертвого тела.

Он утрет уже скоро.

Кирион прикрепил болтер к магнитному зажиму на бедре.

--- Да, с тех пор, как мы были мертвыми, прошло слишком много времени. Странное ощущение --- забываешь о том, что такое шутка.

Септимус снова кивнул, до сих пор не до конца уверенный, смеется над ним

Кирион или нет. Такой «юмор» явно его не повеселил.

--- Между прочим, --- добавил Кирион, --- бери.

Септимус легко поймал монету, схватив ее на лету.

Это был двойник медальона Талоса, серебряный и с такой же чеканкой, но с руническим именем Кириона.

--- Если ты так легко готов отгаться тою и заставить меня приставивать за какой-то десятилетней девчонкой, --- сказал Талос, --- придется мне как-то позаботиться о сохранности твоей шкуры.

Септимус благодарно поклонился обоим Астартес и закончил свою работу в пристыженном и удивленном молчании.

Октавии хватило пяти минут на то, чтобы решить, что Этригий ей совершенно не нравится.

Согласно словам навигатора «Завета», тот невзлюбил девушку с первого взгляда. И немедленно поделился с ней своим впечатлением.

Этригий уже давно не походил на

человека. Октавию это мало заботило —
намного меньше, чем другие, куда более
обыденные вещи на борту «Завета».

Она была навигатором, наследницей
Навис Нобилите. И пускай имя и честь ее
дома по галактическим меркам ничего не
стоили, в ее жилах все же текла кровь
высшей пробы.

Девушка знала, что навигаторский
ген делает с ее сородичами по происхождению
лет. В этом отношении находится
рядом с уже-не-человеческой сущностью по
имени Этригий было чуть тревожно, но
настоящего страха Октавия не
испытывала.

Намного хуже оказалось его
непрерывное бахвальство.

Ночные уроки являлись обязанностью
девушки — Этригий весьма ясно дал ей это
понять несколько недель назад, когда
впервые потребовал ее присутствия, — но
приятными не стали.

Покои Этригия были полной
противоположностью тому мраку, что
тек по внутренностям «Завета», как кровь
течет по венам. Навигатор занимал

небольшую комнату неподалеку от бронированного носа корабля. Помещение омывал пронзительно-яркий свет многочисленных лютошаров, вделанных в стены. Октавии трудно было переносить это сияние после прохладного трака корабельных залов. Ее навигаторское окошко оставалось закрытым, но человеческие глаза щипало от слез всякий раз, когда она навещала Этригия в его логове. Искусственный солнечный свет после месяцев ночи изрядно раздражал.

— Вы не могли бы приглушить светильники? — спросила она в первую ночь, когда закутанные в мантии рабы Этригия провели ее внутрь.

— Нет, — ответил он, поразмыслив, — мне не нравится темнота.

— Тогда, похоже, вы выбрали неправильный корабль.

В тот момент они могли бы стать грузьями. Их объединяло многое, и в первую очередь — отличие от других членов команды. Однако, вместо того чтобы сдружиться, они скоро скатились к перепалкам и напряженному

нейтралитету.

Служители Этригуя -- все, как один, покрытые аугментикой и не младше шестидесяти лет -- допустили Октавию в «галерею хозяина». Название оказалось подходящим. Вся стена была покрыта пикт-экранами, транслирующими десятки изображений с камер на разных участках корпуса. Сейчас экраны показывали остальные корабли флота Магистра Войны и плывущую под ними планету.

В варне... камеры начнут показывать сам «Завет». Октавия не могла не восхищаться тем, кто желал видеть каждый сегмент судна, пока ведет его через Море Душ.

Все остальное в комнате вызывало куда меньше восхищения и было куда менее аккуратным. На полу кучами валялась одежда и украшения. Когда Октавия вошла в первый раз, то немедленно наступила на золотую серьгу. К счастью, Этригий ничего не заметил.

Девушка подозревала, что когда-то Этригий был очень красив или по крайней мере тщательно следил за своей

внешностью — до того, как началась его служба в Великом Крестовом Походе, больше сотни лет назад по корабельному времени. Она сделала такой вывод из его голоса и манер, которые остались аристократически изысканными, несмотря на все произошедшие с навигатором изменения.

Его кожа была серой. Не землисто-серой, как у жителей бессолнечных миров, и даже не синеато-серого мертвецкого цвета. Она напоминала окраску брюха глубоководной акулы: рыба, плотная, совершенно нечеловеческая.

Пальцы Этригия были практически закованы в броню из золота и рубинов — он носил неимоверное количество колец. Октавия не особенно разбиралась в драгоценностях, но ее поразило то, что среди колец попадались и очень дорогие, и дешёвые поделки. Единственное, что их объединяло, — это красные камни в золотой оправе.

В каждом пальце навигатора было по одному лишнему суставу. Этригий непрерывно плел кистями невидимую

наутину, и Октавия всегда запиналась и забывала, о чем говорит, если поддавалась гипнотическому влиянию их безостановочного танца. Ноги Этригия напинали кошачьи, острые и серповидные. Ули навигатор поглаживал потертую кожу своей кушетки, вечно оставляя новые прорехи в материале.

Все остальное скрывалось под мантией темно-синего цвета, столь любимого воинами легиона. Яйцевидная голова Этригия была достаточно гладкой, чтобы Октавия заподозрила полное отсутствие волос, а «человеческие» глаза всегда прятались под герметическими точками, в толстых линзах которых плескалась какая-то странная фиолетовая жидкость. Октавия поинтересовалась однажды, как он вообще что-то видит сквозь эту луть, но ее не удостоили ответом. Этригий поступал так весьма часто. Очевидно, старый навигатор отвечал лишь на вопросы, казавшиеся ему достойными обсуждения.

— Они сняли пластину с твоего окаварна, — пробормотал он с чем-то вроде

священного ужаса.

Девушка притронулась к бандане, повязанной на лоб.

--- Думаю, они решили, что могут доверять мне. После того как я приняла илмя... После того как Талос спас меня...

--- Меня об этом не проинформировали. Почему мне не сказали, что ты вновь владеешь оком?

--- Возможно, потому, что это не ваше дело.

--- Я --- навигатор «Завета крови». Все, что касается варна, входит в область моей компетенции.

--- Я просидела здесь уже час, слушая вас. Вы только сейчас заметили, что у меня на лбу нет железной пластины?

--- Я только сейчас счел необходимым развернуться к тебе, --- ответил он, и это было правдой.

Этригий не числился среди любителей зрительного контакта.

--- Я устала чувствовать себя беспомощной на корабле, --- сказала девушка, больше самой себе, чем собеседнику.

Этригий ответил ей редкой искренней улыбкой:

--- Не надейся, что это пройдет, девочка.

Она несколько секунд молча смотрела на старшего навигатора, надеясь на продолжение.

--- Мы одновременно и марионетки, и кукловоды, --- добавил он. --- Мы рабы, но рабы бесценные.

Этригий кивнул в сторону экранов, по которым медленно плыл кружащий над Критом флот Хаоса.

--- Без нас эти предатели бессильны. Они не смогут вести свой бесконечный крестовый поход.

Взгляд Октавии был прикован к глазам серокожего человека.

--- Вы добровольно выбрали такую жизнь?

--- Нет. И у тебя не будет выбора. Но мы все равно обречены прожить ее так.

--- С какой стати я захочу заживо похоронить себя в этой клетке? --- резко возразила девушка.

--- А чего стоит навигатор без

корабля?

Этригий произнес это с тошнотворной снисходительностью.

Октавия потнула головой, не замечая, что делает. Неубедительное возражение — в сущности, лишь инстинктивная потребность сказать «нет».

Этригий улыбнулся с тем же снисходительным выражением.

— Ты жаждешь плыть сквозь звезды, как и все мы. Это в крови. Ты способна скрыть это желание не больше, чем необходимость дышать. Когда время придет, когда Астартес попросят, чтобы ты повела корабль... ты ответишь «да».

Октавия снова почувствовала, что между ними есть связующая нить. Она могла бы использовать возникшую близость, чтобы спросить о том, как провести корабль сквозь варп без путеводного света Императорского Астрономикона. Она могла бы сказать хоть одно из сотен слов, которые перебросили бы мост через пропасть между ней и товарищем-навигатором.

Вместо этого девушка встала и вышла из комнаты. Холодное чувство неизбежности сковало ей язык.

Септимус нашел ее на Черном рынке. На палубах «Завета», предназначенных для смертного экипажа, многие коридоры и отсеки выходили в общее помещение. Но мере того как Великий Крестовый Поход катился по галактике, верные слуги и рабы легиона привыкли использовать этот зал как рыночную площадь и место для собраний. Черный рынок получил свое название от вечно царящей там темноты, лишь кое-где перетежаемой светом ручных ламп и лютошаров. Даже в те давние дни, когда экипаж был полностью укомплектован, палубы для смертных оставались неосвещенными.

В зале столпилось около полусотни человек. Благодаря высокому положению Септимуса многие почтительно кланялись ему или вежливо приветствовали --- не исключая и представителей противоположных

группировок, явившихся сюда, чтобы
запаслись боеприпасами и
аккумуляторами. Здесь, во всей своей
отрачной славе, воскресла миниатюрная
копия сгинувшего навек Нострато.

Пожилая женщина приложила
немытые ладони к бронзовой поверхности
аугментической пластины, закрывавшей
ее висок и бровь.

--- Не так уж и плохо, --- улыбнулась
она, обнажив гнилые зубы.

Не считая этого, ее морщинистое
лицо было усталым и добрым.

--- Я привыкаю.

--- Из-за этой операции ты не
появлялся среди нас слишком долго.
Несколько недель! Мы беспокоились.

--- Благодарю тебя за участие, Шайя.

--- Банду Нейла перерезали недалеко
от инженерных палуб. --- Старуха понизила
голос. --- Никто не взял на себя
ответственность. Пошли разговоры о еще
одном звере, явившемся из черных глубин.

Септимус ощутил, как настроение
его мгновенно испортилось, словно на
плечи навалили тяжелый груз. Оружейник

входил в последнюю охотничью партию, которая покончила с очередным зародившимся в глубинах корабля чудовищем варна.

--- Я поговорю с хозяевами. Обещаю.

--- Да хранят тебя боги, Септимус. Да минуют тебя беды.

--- Я... слышал, что Октавия здесь?

--- Ах да. Новая девушка.

Старая женщина снова улыбнулась и махнула рукой в сторону ларька, вокруг которого собралась небольшая толпа.

--- Она с рожденной в пустоте.

С рожде... Но зачем?

--- Благодарю, --- сказал он и двинулся дальше.

Октавия действительно была с рожденной в пустоте. Малышка, чьи зрачки навеки расширились в родном для нее ларке, показывала гостям коллекцию тарионеток. Октавия стояла у прилавка в ларьке, принадлежавшем стареющим отцу и матери рожденной в пустоте. Девушка улыбалась и заинтересованно кивала.

Септимус подошел к навигатору и поклонился родителям девочки. Старик

поздоровались с ним и отметили, как хорошо подживают его раны.

--- Мне надо было уйти от Этригуя, --- сказала Октавия на готике. --- Теперь у меня есть медальон, --- добавила она, словно оправдываясь за что-то, --- и я решила прогуляться.

--- Корабль все так же опасен, с медальоном или без.

--- Я знаю, --- ответила девушка, избегая его взгляда.

Септимус кивнул на девочку:

--- Ты понимаешь, что она говорит?

--- Ни слова. Кое-что перевели ее родители. Я просто хотела увидеть ее. Внимание, которое ей оказывают, поразительно. Люди приходят сюда, просто чтобы поговорить с ней. Огин заплатил за крошечный локон ее волос.

--- Ее почитают, --- ответил Септимус.

Раб сверху вниз посмотрел на рожденную в пустоте, которая тарасилась на него сквозь гриву спутанных черных волос.

--- Атасавис же корунай тол шалтен

иша'иан? -- спросил он.

-- Кош, кош'ет тай, -- улыбнулась девочка.

С лучезарной улыбкой на мордочке она выставила перед собой серебряный медальон легиона, просверленный и надетый на кожаный ремешок. Девчушка носила его, словно заслуженную медаль.

-- Ата шо'шалнат мирса тома. Умис иша. Умис иша нереосс.

Септимус легонько поклонился ей и улыбнулся, несмотря на отвратительное настроение.

-- Что она сказала? -- спросила Октавия, стараясь скрыть свое разочарование.

Навигатор не поняла ни слова из разговора на ностратском.

-- Она поблагодарила меня за подарок и сказала, что мой новый глаз очень красивого цвета.

-- О.

Рожденная в пустоте залепетала, указывая пальцем на Октавию. Септимус снова улыбнулся:

-- Она говорит, что ты очень

симпатичная, и спрашивает, выучишь ли ты когда-нибудь ностратский, чтобы вы могли пообщаться как следует.

Октавия кивнула.

--- Яска, --- сказала она и уже тише спросила у Септимуса: --- «Яска» --- это «да», верно?

--- Яска, --- ответил он. --- Да. Угел, нам надо поговорить. Прости, что я не появлялся с тех пор, как ты ушла на операцию. Вскоре после нашей последней беседы выяснилось, что генек предстоит насыщенный.

Его не должны были будить.

Разве он не служил верно, храбро и доблестно? Разве не сокрушал врагов примарха? Разве не подчинялся приказам Воителя? Чего же еще от него требовать?

И вот он снова шагал по реальному миру. Но зачем? Чтобы увидеть распад всего, чем легион был когда-то. Чтобы схлестнуться с Вандредом, в то время как десятая рота доживает последние дни.

Это не жизнь --- не более чем

продолжение того существования, которое он по праву оставил позади.

У него было два тела. Его разум разрывался между двумя физическими форматами. На более поверхностном уровне восприятия он ощущал себя тем, во что превратили его Делтриан и помощники, и чувствовал неукротимую силу самоходной машины. Могучие руки, управляемые ревущими сервомоторами. Когти, способные пробить адамантий и кератин. Пушка, одним выстрелом из которой можно было убить десятки противников.

Неутомимое и бездушное воплощение союза между машиной и человеческой плотью, благословенное Механикум.

Но все это исчезало при секундной потере концентрации. Требовалось постоянное напряжение, чтобы удерживать иллюзию. В те мгновения, когда древний воитель терял контроль, он снова чувствовал свое смертное тело, заключенное в саркофаг с холодной, нестерпимо холодной атниотической жидкостью.

Эти реальные ощущения были

ужасны, но Малкарион время от времени возвращался к ним. Безногий, однорукий труп покачивался в колючем ледяном растворе. Его затылок и спина превратились в сплошную зубчатую гряду боли — это вонзались в тело и мозги щупальца и иглы машинного интерфейса, вновь погружая Малкариона в реальность гредноута.

Порой, пытаясь пошевелить левой рукой — когтистым силовым кулаком, он чувствовал, как его настоящая высохшая культя слабо стучит о стенку атониотического саркофага. Когда он впервые заговорил с Вангредом, вместо импульса, пробежавшего по волокнам в мозг и транслировавшегося через синтетический голос вокса, открылся его собственный рот. Лишь в тот момент он понял, что дышит ледяной жидкостью. Только это и сохраняло ему жизнь. Густой, как масло, и ошеломляюще холодный атониотический раствор циркулировал по его дыхательной системе. Жижа залепила его легкие, мертвыми комками давившие на ребра в беспомощном и бессильном

теле.

Давным-давно он сражался рядом с братьями из легиона Железных Руки. А затем, когда пришло время другой войны, он сражался уже против них. Малкарион был отлично знаком с их верованиями. И не понимал, как такие стойкие и упорные воины могут считать вечное заключение в саркофаге чем-то вроде блистательного погребения.

— Я возглавляю следующую наземную атаку, — проревел он собравшимся Повелителям Ночи.

Воины его легиона уважительно склонили головы или грохнули кулаками по нагрудникам. С гордостью! Невероятно. Они видели лишь наружную оболочку. Они понятия не имели о высохшем трупе, который прижимал изможденное лицо к передней крышке саркофага.

— Мы — Повелители Ночи. Мы — сыны Восьмого легиона. И мы возьмем «Семнадцать-семнадцать», чтобы и тысячу лет спустя Империя оплакивала тот час, когда мы явились на Крит.

Крики воодушевления были долгими и

громкими.

--- Приготовить десантную капсулу! ---
приказал гредноут. --- Я снова стою среди
вас, облаченный во тьму, и мои когти
жаждут имперской крови.

Крики стали еще громче.

Слепой, безъязыкий, однорукий труп
покачивался в корпусе боготашины, зная,
что вскоре вновь ощутит вкус войны ---
впервые за десять тысячелетий.

Я заметил одну странную вещь.

Многие имперские историки весьма благожелательно отзываются о наших действиях во время Восстания в Критском скоплении. Однако их похвалы в основном направлены на подкрепления, прибывшие со спасательной миссией под началом Астартес из ордена Кровавых Ангелов, а не на первоначальные усилия по защите планет. Чаще всего подвергается критике «неубедительное сопротивление» Агентус Механикус при обороне их главной крепости в северном

полүшарии, опорного пүнкта 017-017.

И в самом деле, сохранение нашего преимүщества в этой точке обычно целиком приписывают внутренним разногласиям в армии Архиврага на Крите Прайм и широко известной склонности легионов-предателей обращаться друг против друга при малейшей провокации.

Целые горы были выдолблены изнутри, чтобы разместить в них литейные заводы Легио Маледиктус по производству божественных титанов. Если бы Разоритель преүспел в войне, заводы Механикус стали бы бесценным источником ресурсов. Их бы полностью разграбили еще до того, как прибывший имперский флот обрушил свою священную месть на проклятые полчища Магистра Войны.

Эти скалистые горы
кишели элитными частями
скитариев, как волосы
попрошайки кишат вшами.

Организация высадок
десанта по всему горному
хребту заняла бы слишком
много времени, которого у
Разорителя почти не
оставалось.

На том этапе войны
Разоритель полагал, что лишь
недели отделяют его от
прибытия первой боевой баржи
Кровавых Ангелов и неизбежного
имперского правосудия. Абaddon,
да будет проклято его имя,
получил предупреждение от
собственных астронавтов.
Пленные, захваченные
впоследствии, подтвердили эти
сведения.

Только такие
разведданные могут объяснить,
зачем понадобилась массовая
высадка на равнинах у подножия

017--017. Если говорить кратко, Абаддон швырнул свои орды на планету и заставил их лотиться в «парадную дверь».

Я неоднократно слышал, что сильнейшее наше оружие против Архиврага --- его собственная природа. Возможно, так и есть. Судьба определенно была на нашей стороне в тот день, когда Повелители Ночи и Черный легион, входившие в ударную группу, обратились друг против друга.

Ни в одной имперской хронике я не обнаружил подробного объяснения, почему Абаддон полностью утратил контроль над частью армии. Также нигде не объяснено, чего силы Архиврага надеялись достичь --- если вообще на что-то надеялись --- своим несвоевременным расколом.

Если за их противостоянием и стоит

нечто большее, чем бешеный нрав извращенных Хаосом нелюдей, то, скорее всего, это так и останется загадкой.

Следователь Решлан
Дэрроу

Аннотация к его
основной работе
«Личины
Разорителя»

Десантную капсулу Первого Когтя затрясло.

--- Входим в атмосферу, --- сообщил Аггемар, оглянувшись на остальных Астартес. --- Одна минута до контакта.

--- Зачем такая жесткая посадка? --- спросил Кирион.

--- Чтобы нас не достали орудия

НВО, -- проворчал Меркуций.

-- На такой высоте? Вероятность нулевая.

-- Просто тяжелый спуск, -- ответил Аггемар. -- Атмосферные вихри, растущая температура, высокое давление. Не теряйте концентрации, братья.

-- Кровь, -- бубнил Узас. -- Кровь, череп и души для Красного Короля.

-- Заткнись, -- рыкнул Аггемар. -- Захлопни пасть, или я оторву тебе башку, напизую ее осколочными гранатами и использую в качестве самой мерзкой на свете взрывчатки.

-- Он не слышит тебя, -- вмешался Кирион. -- Не обращай внимания. Он всегда такой.

-- Кровь Кровавому Богу, -- прохлюпал Узас.

Он опять истекал слюной. Ядовитая слизь залепила его подбородок.

-- Череп...

Талос ударил ладонью по шлему Узаса, впечатав голову брата в спинку противоперезгрузочного кресла.

-- Заткнись! -- рявкнул он. -- Ты

отрабляешь нам каждое задание. Каждый бой. Хватим!

Узас как будто не заметил.

--- Видишь? --- спросил Кирион у Аггемара.

Аггемар лишь молча кивнул в ответ, ничего не сказав.

--- Тридцать секунд.

--- Это будет нелегко, --- заметил Меркуций. --- Нас поддерживают Насильники и Каратели Квинтуса?

--- Они дальше к востоку, --- ответил Талос, --- между нами и Черным легионом. Просто заполните наши цели. Мы проникаем внутрь, убиваем командиров частей и прорывается наружу.

--- Двадцать секунд, --- извещил Аггемар.

--- Мы не должны полностью уничтожать противника, --- добавил Талос, повторяя слова Малкариона, сказанные им на совещании командиров частей. --- И мы погибнем, если попытаемся превратить это в честный бой.

--- Десять секунд.

— Убить, прорваться наружу. Пусть мертвые выкормыши Абaddonа льют за него кровь. — Талос не стал скрывать устешку. — Это не наша работа.

План наземной атаки казался приемлемым, но и риск был очевиден.

У воинов тех отделений легионов отступников, что вызвались добровольцами для участия в операции, имелись весьма сомнительные шансы на выживание.

Перед лицом Вознесенного и Малкариона Талос потребовал, чтобы Первый Коготь участвовал в атаке.

Как и остальные армейские части, скитарии Механикус, несмотря на всю свою выучку и искусственные имплантаты, становились уязвимыми без командиров. Магистр Войны собирался сыграть на этой потенциальной слабости и бросил элитные подразделения Астартес на разные участки фронта. Каждому отряду дали задание ликвидировать командиров техноагентов.

Десантная капсула Первого Когтя
врезалась в поверхность планеты, выбросив
вверх фонтан земли. Раздались взрывы,
рухнули посадочные пандусы, и Первый
Коготь сорвался с противоперегрузочных
кресел.

Открыв на бегу огонь из болтеров, они
выскочили на равнину — обширное плато у
подножия скальной крепости 017-017.

Их капсула приземлилась прямо в
центре поля боя, посреди вражеских линий.

Море противников колыхалось в
рассеивающейся пылевой завесе. Вдали
выднелись огромные фигуры титанов
разных боевых модификаций и типов.

Ближайшая из богоподобных машин
находилась по меньшей мере в двух
тысячах метров. Гигантский взбешенный
титан класса «Разбойник» поливал все
вокруг огнем. Он был так громаден, что
невольно притягивал взгляд.

Как только Астартес высадились и
вступили в бой, в их вокс-переговорах
прорезались нотки настешливого
отчаяния.

— Попробуйте не умереть здесь.

братья, -- проворчал Меркуций. -- Мне не улыбаётся искать ещё одно отделение.

Кирион разнес в клочки трёх сильно модифицированных техногвардейцев. Болтерные снаряды сдетонировали в их телах, превратив плоть и металл в кровавое месиво.

-- На голографических картах всё выглядело куда проще!

Навстречу Астартес ринулся здоровенный гетина с двумя дополнительными парами механических конечностей. В манипуляторах противник сжимал разношерстную коллекцию шахтерских инструментов, превращенных в оружие. Кирион увернулся от бұра толщиной с его ногу и всагил гладиус в распахнутый рот скитария. Клинок вошел в плоть и кость и достиг измененного мозга техноагента, пронзив его насквозь.

-- По основным целям -- нулевая видимость, -- выкрикнул Кирион, останавливая еще несколько техногвардейцев на расстоянии болтерными очередями.

Его прицел сбился. Сетка прыгала и грожала. Очень трудно было удержать болтер на линии огня.

Новая рука. Слишком поспешная операция и примитивный протез. Хирургам придется приложить еще немало усилий, прежде чем его удовлетворит результат. Но на такой дистанции промазать все равно невозможно.

Земля под ногами была предательски неровной, усыпанной телами. Десантная капсула Первого Когтя нанесла ощутимый урон противнику, приземлившись в самом центре вражеского полка. Те, кто очутился по периметру кратера, все еще не могли организовать согласованную оборону.

--- Посадку не назовешь точной наукой, да?

Аггетар завершил короткую дуэль со скитарием с гусеницами вместо ног. Он вонзил клинок в глазницу твари и набросился на следующего.

--- По основной цели --- нулевая видимость.

Внимание Талоса постоянно переключалось на дисплей визора. Он пытался уследить за отрядом, бойцы которого все больше отдалались друг от друга.

--- Ксарл? --- позвал он.

Нет ответа. Развернувшись, пророк сделал выстрел Аурумом. Удар был неудачным --- Талос неправильно рассчитал расстояние, и меч лишь чиркнул по горлу здорового техногвардейца, вместо того чтобы начисто снести ему голову.

--- Ксарл, отвечай.

Талос пинком отправил скитария с разорванной сонной артерией на землю. Переключая режимы зрения, Астартес пытался вычленить силуэты братьев в окружающей мясорубке.

--- Я к северу от тебя, --- отозвался Ксарл. --- Ближе к передовой. Не вижу целей. Но бой здесь самый жаркий.

--- Я слишком далеко для зрительного контакта с целью, --- передал Аггетар.

--- Как и я, --- выругался Талос. --- Кирион? Меркуций?

--- Я тут... немого занят, --- ответил Меркуций.

--- Слишком далеко, --- выдохнул Кирион. --- Не вижу цели. Веду бой.

--- Души для Пожирателя Душ! --- провыл Узас. --- Череп для Трона Черепов!

--- Тебя никто не спрашивал.

Талос мечом и болтером пробивал себе дорогу в море гудящих буров, свистящих клинков, размахивающих кулаков и ослепительного лазерного огня.

Что-то ударило Астартес в боковину шлема. Анафема вывалил в направлении удара, покончив с неприятелем, кем бы он ни был. Аурум крутанулся в руке, отражая высад двух механоконечностей. Талос впечатал керамитовый ботинок в грудь техногвардейца справа, стяв его доспех и пробив легкие осколками ребер. Аурум снова сверкнул и рухнул вниз по широкой гуде, разрубив еще одного скитария, в то время как ревущий Анафема всадил три снаряда в трех других противников.

Рассеченный надвое техногвардеец попытался ударить Талоса уцелевшей рукой по ногам. Повелитель Ночи

наступил на завывающее зубчатое лезвие, раздавив его, а в следующую секунду разтозил и голову солдата.

--- Я тут прекрасно провожу время, --- раздался задыхающийся и полный сарказма голос Кириона.

--- Я тоже не скучаю, --- сквозь зубы процедил Талос.

Он потратил полсекунды на то, чтобы взглянуть в сторону чудовищного «Разбойника». Сейчас титан был ближе, но ненамного. Над полем боя завывал рог --- вызов или предостережение тем, кто копошился внизу. По сравнению с этой громадиной побежденный «Нес войны» казался карликом.

--- Предатели! --- выкрикнул огин из скитариев. --- Смерть десантникам Хаоса!

Талос выстрелил ему в лицо и двинулся дальше.

Узас первым достиг цели.

Техноагента звали Поллутос. Это имя он выбрал себе сам, а то, что он получил при рождении, забылось уже давно. По данным внутренних хронометров

Роллутоса, ему исполнилось сто
шестнадцать лет. Или, точнее, тел
немногим частям его тела, что по
прежнему стоило считать человеческой
плотью. Его восхождение к совершенству
было так близко! В нем оставалось лишь
семнадцать процентов презренной плоти.
Восемьдесят три великоленных,
божественных процента состояли из
стали, железа, бронзы и титана,
освященных и благословляемых трижды в
день в ритуале почитания Бога-Машины.

Он не был уверен, имеет ли право
называть себя Магистром Скимариев, ---
но колебался не из скромности, а от
потопленного стыда. Ему выпала
значительная роль, без сомнения, и не
лишенная достоинства. Но в черепных
когитаторах Роллутоса засела угрюмая,
слишком человеческая боль. Магистр
чего? Солдат-рабов?

Он заслуживал большего. Он
заслуживал лучшего.

Техноагент утешался обманом --- и
боролся со стыдом с помощью того же
обмана. Внешне он принял назначенную

ему роль и бесконечно изменял собственное тело, чтобы сражаться наравне с аугментированными солдатами. Он лгал начальству и соратникам-техноагентам. Как они верили ему! Как обрабатывали поступающие данные и с готовностью подтверждали его очевидную и чуть ли не академическую увлеченность тактикой ведения боя!

Но великие машины Легиона Маледиктус -- воплощения Бога-Машины -- вышагивали по равнинам, превращая в прах все приземленные и ничтожные достижения Роллутоса. Сколь часто он спускался по железным мосткам туда, где трудился лишь обслуживающий персонал, и оглаживал механоконечностью броню спящего титана! В это время его внутренние процессоры генерировали яркие и желанные образы: вот он работает на божественной машине, стараясь вызвать ее дух из глубин безмолвного механизма.

Мучаясь ничтожностью своего положения в иерархии легиона, Роллутос по крайней мере ухитрялся скрыть недовольство от немигающих глаз более

удачливых братьев. Этого слабого утешения все же хватало, чтобы удержать обиду внутри.

Не важно, что унижительная бюрократическая ошибка привела Роллутоса на передовую. Его тело было достаточно модифицировано, чтобы противостоять опасностям боя наравне с пехотой техногвардейцев, и он не тревожился о возможных повреждениях.

И все же именно об этой ошибке он пожалел в последние минуты жизни.

Астартес десантировались прямо на его полк.

Астартес. Восемь отделений
Астартес. Десантная капсула цвета ночи рухнула с неба и врезалась в землю на расстоянии пятисот одиннадцати метров от того места, где он стоял посреди фаланги верных скитариев.

Роллутос принялся вычислять принадлежность Астартес. Крылатый череп. Зигзаги молнии на доспехах. Стремительная и свирепая атака болтерные снаряды и удары клинков разрывают драгоценную аугментическую

плоть скитариев.

Повелители Ночи. Не оптимальный вариант.

Когда Роллутос направил подкрепления туда, где приземлилась ближайшая капсула со своей неприятной начинкой, первые сожаления лишь начали возникать. Они достигли пика -- и внезапно оборвались -- ровно через семь минут и девять секунд.

-- Цель уничтожена, -- передал Узас Первому Когтю. -- Враг убит.

Он даже не запыхался.

Узас поднял железную голову Роллутоса в одной руке, словно дикарь, похваляющийся черепом поверженного врага. Техногвардейцы шарахнулись прочь от его торжествующего воя.

-- Кто следующий? -- спросил Кирион.

До остальных донесся грохот оружия, толочащего о его доспехи.

-- Меня уже это достало.

-- Капитан скитариев Тизриф, -- ответил Талос. -- Ищите стяги. Дальше к северу.

Первый Козоть вернулся на «Завет крови» девятью часами позже.

Септимус и Октавия ждали их в ангаре. Оба мертвых надели униформы слуг легиона. «Гротовой ястреб», вернувший Астартес на орбиту, звался «Сутеречный» — единственный транспорт десятой роты, оставшийся на лету. Два других взвода высадились первыми. Первый Козоть спускался по трапу последним, и Октавия при взгляде на них тихонько выругалась.

Почти десять часов непрерывного боя на передовой не прошли для Астартес даром. Рука Кириона висела неподвижно — торопливо сделанный протез не выдержал жестокого напряжения битвы и отказал несколько часов назад. Ксарл практически лишился своей коллекции черепов — от нее осталось лишь несколько осколков кости, уныло покачивающихся на уцелевших цепях. Доспехи Узаса и Меркуция были сильно повреждены: лазерные лучи пропахали черные борозды в керамике и рассыпали уродливые ожоги; на других участках брони огромные топоры и цепные

лезвия оставили следы своих зубов.

Агзетар был без шлема, а лицо его расчертили кровавые порезы, уже покрывшиеся коркой и заживающие под влиянием усиленной физиологии Астармес.

Талос вышел из «Грозового ястреба» последним. Имперский орел на его нагруднике, и без того оскверненный, подвергся дальнейшим нагрудательствам. Одно крыло отсек удар клинка, так что оно теперь торчало в стороне от остального, а оперение цвета слоновой кости стенилось угольно-черным, — по предположению Септимуса, здесь не обошлось без огнемета. Правая рука Талоса окостенела и не двигалась. Похоже, перчатка окончательно отказала, и при ремонте потребуются немалая осторожность.

Септимус сразу ответил две вещи. Во-первых, починка госнеха будет делом нелегким. При виде второго слуга покрылся холодным потом.

— Где его болтер? — спросила Октавия.

Она тоже заметила.

--- Я потерял его, --- ответил Талос, проходя мимо с воинами Первого Когтя.

--- Куда вы идете, господин? --- окликнул Септимус.

--- Мне надо побудить техножреца и капитана десятой роты.

Делтриан лично занялся Малкарионом.

Повреждения, полученные жрецом во время нападения на Зал Памяти, были почти полностью устранены. И все же несколько сервомоторов в суставах верхней части тела техноагента работали на половинной мощности --- их системы еще не успели опробовать на полном ходу.

Хотя Делтриан и мучился потаенным стыдом, проявляя такую чисто человеческую слабость, он проклинал Браала всякий раз, когда непослушное тело причиняло ему неудобство при ходьбе и работе.

Техножрец и несколько его сервиторов работали над корпусом гредноута. Они паяли, подкручивали

крепления, ставили заплаты и возвращали форму погнувшейся броне. Но Залу Памяти носилось гүлкое эхо.

Талос официально поприветствовал Делтриана при входе в зал, но для беседы с древним воителем переключился на вокс.

--- Прости мою грубость, техножрец, --- сказал Астартес, вновь надевая шлем. --- Мне надо слышать во всем этом грохоте.

Делтриан поклонился в ответ. Священный техостопр должен быть громким согласно традиции. Эти звуки складывались в хвалу Богу-Машине.

--- Капитан, --- обратился Талос по воксу.

--- Я уже не капитан. Говори, Ловец Душ.

--- Равнины наши.

--- Они станут отличной зоной высадки. Осада начнется на рассвете.

--- Времени в обрез. Даже если мы возьмем город за неделю...

Талос затолчал. Малкарион знал обо всем не хуже его. До прибытия Кровавых Ангелов оставалось меньше трех недель.

--- Псайкеры Абэггона все еще уверены

в своих предсказаниях?

Талос фыркнул:

--- Абаддон сам мне сказал, что в последнее время они слишком часто его подводят.

--- Тогда почему он им доверяет?

Раздражение -- и сомнение, как с чувством неловкости заметил Талос, -- прорезалось в голосе Малкариона. Он пришел из той эпохи, когда легионы практически не терпели появления псайкеров в своих рядах. Подобных выродков либо изгоняли со службы, либо сурово наставляли и держали в узде, не полагаясь на них в планировании боевых операций.

--- Он работает с тем, что есть. К тому же астронавты флота подтверждают прогнозы.

--- Крастиан тоже?

--- Крастиан мертв, сэр. Убит шестьдесят лет назад. С тех пор у нас на борту нет астронавта.

--- Возможно, к лучшему. Псайкеры. Они мутанты и не заслуживают доверия.

--- Астронавты на борту «Охотничьего

предчувствия» согласны с псайкератами Абаддона. Имперские подкрепления еще в неделях пути отсюда.

--- Хм.

--- Как прошла ваша первая битва, сэр?

Малкарион уже несколько раз отвечал на этот вопрос. Сразу после возвращения на «Завет» ему принялись досаждать посетители: воины из разных отделений приходили выразить уважение и расспросить о ходе наземной операции.

--- Великолечно, брат. Кровь, поросившая мой доспех... Восторг, порожденный гибелью множества врагов под огнем моей пушки и ударами кулака... Когда мы захватим этот мир во имя нашего отца, это станет величайшим триумфом.

Талос улыбнулся. Что-то слабо верится.

--- А теперь скажите мне правду.

Сервиторы, работавшие на огромным корпусом Малкариона, замерли на секунду, когда гредноут издал протяжный скрип.

--- Без радости. Без огня. Без жизни.

--- Вы сердитесь на меня за то, что я разбудил вас?

--- Если бы я сердился, брат, ты был бы уже покойником. Я стер бы тебя с лица земли так же, как стер этого презренного Чернеца Браала. Никогда его не любил.

--- Его никто не любил.

--- Я просто не понимаю, зачем я вам понадобился. Вот и все.

Талос некоторое время обдумывал ответ.

--- Вы понимаете, какое впечатление производит на меня ваш голос, сэр? На всех нас? Как он колеблет воздух, подобно грому, и вырывается из voxа звуком победного горна?

--- Я не глуп, мальчик. Я прекрасно вижу, как вдохновляет вас моя нынешняя форма. Но я мертв, Талос. Это правда, и только она имеет значение.

--- Ночью мы добились достойной победы. Никто не погиб. Через три часа мы снова высадимся на планету. На рассвете крепость-фабрика падет.

--- И я сделаю вид, что мне не все равно. Не беспокойся.

--- Я слышал, как вы воодушевляли
Девятый и Десятый Когти на поле боя.

--- Все, что я делал, --- это
безостановочно убивал и орал на врагов.

Из глубин гредноута донесся еще один
скрипящий звук.

--- Что это?

--- Мой загрузчик боеприпасов, ---
солгал Малкарион.

На самом деле так звучал стех его
нынешнего колоссального тела.

--- А теперь обойдется без
формальностей, Ловец Душ.

--- Я вполне бы мог обойтись без того,
чтобы вы называли меня этим именем,
сэр.

--- И ты полагаешь, что я намерен
считаться с твоими желаниями? Я
Малкарион Возрожденный, а ты всего
лишь апотекарий, вообразивший себя
командиром.

--- Очко в вашу пользу, --- улыбнулся
Талос.

--- Достаточно пустой болтовни.
Зачем ты здесь? Что тебя беспокоит?

--- Я потерял свой болтер.

--- Хм. Возьми мой.

- - - Возьми мой? --- расхохотался

Талос. --- Так-то вы проявляете уважение к реликвиям легиона?

--- Мне он явно больше не понадобится.

Боевая машина подняла и опустила стволы автомашки. Два сервитора, занятые их проверкой, издали тревожные сигналы ошибки.

--- Извините, --- вслух громыхнул предноут.

Делтриан, скелетообразный и непредупредительный, как всегда, поклонился:

--- Все в порядке, господин.

--- Отлично.

Малкарион снова перешел на вокс:

--- Продолжай, Талос.

--- У меня было видение, сэр.

--- Вряд ли это способно меня удивить.

--- Но оно отличается от других. Оно... ошибочно. Но крайней мере отчасти. События происходят не так. С первой секунды, когда я пробудился, все в нем показалось мне сомнительным. Как будто

кто-то нашептал мне во сне ложь. Узас из
Первого Когтя, убивающий Кириона. У
теперь, когда планета готова пасть, я
начал сомневаться во всем остальном.
Фаровен не погиб, хотя я видел его
смерть.

--- А ты уверен, что все эти события
должны произойти на Крите?

--- Был уверен, --- признался Талос. ---
Теперь я даже не знаю, произойдут ли они
вообще. Так много наших братьев
погдалось порче, даже Кирион и Узас. Я
боюсь, не распространилась ли их скверна и
на меня. Возможно ли, что Губительные
Силы замутили мое второе зрение?

--- Сколько у тебя было припадков?
Они случаются так же часто, как до моей
смерти?

--- Чаще. Они становятся все чаще.

--- Хм. Может быть, Фаровен
погибнет на Крите. Может, позже.
Может, он погибнет не так, как ты видел,
и ты напрасно тревожишься. Не
припоминаю, чтобы ты столько ныл
раньше.

--- Ныл? Сэр...

--- Даже видения притарха иногда были туманными. Ступными, по его выражению. Неясными. Какое у тебя право считать свои пророчества безошибочными, если даже второе зрение нашего генетического отца иногда погводило его?

--- Позогите. Позогите.

Талос снизу вверх уставился на громадную машину. Поле визора окрасило крышку саркофага в кроваво-красный. Изображение живого Малкариона, сжимавшего три добытых в поединке шлема, молча смотрело на него.

--- Сны нашего отца, --- прошептал Талос, --- иногда были неверны?

--- Иногда их следовало трактовать символически.

--- Этого... не может быть.

--- Нет? Вот почему ты вечно вызывал враждебность в легионе, брат. Легион --- сундук с миллионом тайн. А ты, Ловец Душ, полагал, что знаешь их все. Мне всегда нравилась эта твоя черта. Нравилась твоя уверенность. Но так думал не каждый.

--- Наш генетический отец когда-нибудь говорил обо мне?

--- Только о том, почему он так тебя называл. Я расстелялся тогда. Я думал, что отец решил надо мной пошутить. Казалось совершенно невероятным, что кто-то не подчинится его последнему приказу. --- Малкарион снова издал странный механический смехок. --- И ты в последнюю очередь.

Потому что это иля
подходит тебе.

Огна дүша, сын мой.

Огна охота во иля
отмщения.

Ты бросишься в погоню за
этой единственной сверкающей
дүшой, когда все остальные
откажутся от мести.

Примарх	Конрад
Күрц	

апотекарию	Талосу
из Первого	Когтя
десятой роты	

Талос звал ее из тьмы. Повелитель Ночи произнес имя убийцы шепотом, рассыпавшись треском вокс-передатчика.

--- М'Шин, --- прошипел он.

Ассасин побежала. Талос последовал за ней.

Другие придут позже. Когда первый шок пройдет, когда их ничтожные ребяческие амбиции возобладает над горем. Когда при виде тела убитого отца они начнут рыдать не о его смерти, а о том, что его реликвии ускользнули из их жадных пальцев.

Талосу было плевать. Имперская сука убила его отца, и за это она умрет.

В те времена у него еще не было Аурума. Сжав в перчатке рукоять ценного меча, он включил воющий клинок и продолжил преследование. Хотя на войне не было шлема, бусинка вокса оставалась в ухе. Крики братьев доносились с болезненной четкостью.

--- Он преследует ее?

--- Брат, не делай этого!

--- Ты нарушаешь последнюю волю нашего отца!

Талос не мешал им бесноваться и проклипать его. Охотника сейчас не волновало ничего, кроме его добычи. Болтерные снаряды прорезали воздух, но убийца уклонялась быстро, как зигзаг черной молнии. Каждый выстрел грозным эхом разносился по темным залам дворца Ночного Призрака на Тсагүальсе.

Убийца остелелась растеяться. И у нее были причины для смеха. Что такое одинокий Астартес для опытного агента имперского Храма Каллигүс? Ничто. Меньше, чем ничто. Она уворачивалась, петляла и перепрыгивала через болтерные снаряды.

Оставшись позади, Талос выругался. Он заметлил бег и вновь растворился в тенях.

Охота была еще не закончена.

М'Шин облизнула пересохшие губы. Воздух Тсагүальсы был сух и горек и здесь, в недвижной атмосфере дворца проклятых, становился лишь суше и горше. Пальцы М'Шин зарылись в волосы ее мертвой жертвы. Ассасин крепко сжимала голову

примарха-предателя в руке. Кан. Кан. Кан.

Она разрисовывала ониксовый пол
струйкам крови, лившейся из
перерубленной шеи. Запах крови был
липким и слишком густым, словно аромат
множества специй. Священная кровь
Императора, прогоркшая от порчи и зла.
М'Шин подавила желание отшвырнуть
жуткий трофей прочь. Доказательство.
Ей нужно было доказательство, что дело
сделано.

Странно. Нечеловеческое
происхождение примарха проявилось еще
раз, даже в смерти --- отрубленная голова
начала кровоточить лишь несколько
минут спустя. Вещества свертывания
крови наконец-то сгались, выпуская на
волю темные капли.

Она могла бы просто снять
артефакты примарха с тела: обруч
корону, серебряный меч в ножнах за спиной
или плащ из темных перьев. Но эти
реликвии, несмотря на их ценность, могли
быть похищены и у живого. Ей требовалось
убедительное доказательство, чтобы
предъявить его магистрату ордена. Голова

мертвого бога -- вот то, что было необходимо убийце.

Что касается добытых артефактов, то они послужат и ее возвышению, а не только славе Храма. И как же ее восславят за совершенное!

Пикт-связь с записывающими устройствами корабля, и без того ненадежная на расстоянии, сейчас совсем оборвалась. М'Шин почувствовала, как связь исчезает, когда прыгнула на Ночного Призрака, -- и от этого тоже понахивало почти сказочной жутью. Обрыв в такой момент... Что-то здесь не так...

Постойте. Что происходит? Память ассасина была почти абсолютной -- настолько, насколько это позволял человеческий мозг, -- и все же М'Шин не могла определить, где находится. Эти коридоры, выложенные костью и ониксом, переплетались и извивались будто по собственной воле. Звук странно отражался от стен. Иногда не отражался вовсе.

Стена рядом с ее головой разлетелась фонтаном каменного крошева. Ассасин уже

двигалась — отскочила в сторону и с невозможной грацией продолжила бег. Она была Каллидус. Искусство убийства в своей самой отточенной форме, отлитое в человеческой плоти.

М'Шин бежала и бежала. То и дело она проносилась мимо Астартес в устаревшей броне Марк III и более новой Марк IV. При виде ее воины затаили на месте. Некоторые дрожали от желания выхватить оружие и вызвать ее на бой. Их жажда крови, почти осязаемая на ощупь, витала в воздухе. Некоторые — очень немногие — выкрикивали ей вслед проклятия. Таких было мало. Крепость населяли стойкие сыны самого сурового изотцов.

И их прародитель принял смерть по собственной воле. Это до сих пор поражало ее больше всего. Половина воспитанников Храма Каллидус, возлюбленного оружия Бога-Императора, охотилась по всей Восточной Окраине галактики за Конрадом Курцел, восьмым примархом, отцом легиона Повелителей Ночи.

И здесь, на пустынной Тсагүальсе, в

дворце-крепости из обсидиана, оникса и слоновой кости, со знаменами из человеческой кожи на башнях, она нашла его.

И он принял смерть по собственной воле.

Она, М'Шин, стала смертью примарха. Госпожа гост ей иля Богоубийца...

Огромная тяжесть навалилась сверху и прижала к земле. Голова примарха выкатилась из руки, плитка пола ударила в лицо. Кровь захлестнули боевые стимуляторы, и М'Шин отшвырнула противника прочь. В мгновение ока ассасин вновь вскочила на ноги и оглянулась на Астартес, которого отбросила к стене.

Он. Снова он.

Кровь Талоса тоже кипела. Его госпех непрерывно впрыскивал в тело дозы обжигающих хитикатов через разъемы в позвоночнике, шее, груди и запястьях. Цепной меч яростно визжал и взрыкивал, кромя лишь воздух. Ассасин уклонялась

от каждого удара. Казалось, она почти не двинуется — лишь миллиметр вправо или влево, ровно настолько, чтобы избежать выпада.

Голубые глаза ассасина — глаза цветавшего давно испарившихся от жара морей Терры — наблюдали за Астартес с ленивой насмешкой. Ей нечего было сказать ему и нечего бояться — смертного, костодесантника или любого другого. Она была имперским ассасином. Вершиной человеческого совершенства...

Острое клинка Талоса пронзило ее черный кольчужный доспех, разрезав верхний слой синтетической брони на груди.

Глаза ассасина испуганно расширились. Упав на пол, она перекутилась через плечо, схватила голову примарха за концы черных глиняных волос и улетела прочь с такой скоростью, что Астартес остался далеко позади.

Талос смотрел ей вслед. В ушах гремели возмущенные голоса братьев. Даже соратники из Первого Когтя шумно протестовали, обвиняя его в самой дерзкой непокорности.

--- Призрак сам выбрал эту судьбу! ---
вопил Вандрег.

--- Талос, это было его последним
желанием, --- уговаривал Кирион. --- Она
должна вернуться на Терру!

Талос вновь скользнул в тени. Губы
его кривила устешка.

Вокс вопил на сотню разных голосов ---
к спору присоединились остальные.

Сыны Ночного Призрака быстро
вспомнили о позабытых на время
амбициях. Арцебус, Халаскер, Сахаал и
другие --- другие капитаны, другие
Избранные. Их голоса настойчиво жужжали
в бусинке вокса, угрожая и требуя. Талос не
мог сдержать улыбку при мысли об их
бессильном гневе и непонимании.

--- Она забрала его перстень с
печатью! --- кричал огин.

--- У его корону! --- подвывал второй.

--- Наш отец не предвидел этого, ---
сказал кто-то третий.

И вот тут-то их лицетерие
проявилось в полную силу. Теперь они
требовали, чтобы весь легион совершил во
имя их алчности то, что Талос пытался

совершить из мести и за что они только что его проклинали.

--- Ассасин заслуживает смерти! ---
надрывались они.

--- Она совершила преступление против всех нас!

Названия похищенных у законных наследников реликвий слились в монотонную литанию. У Талоса не было ни малейшего желания ее выслушивать. Пророк отрегулировал громкость, и голоса, так внезапно преисполнившиеся праведного негодования, утихли.

Как быстро братья променяли любовь и веру в отца на пустые сомнения! Им стоило лишь осознать, что ассасин похитила реликвии и оружие. Те самые реликвии и оружие, которые они считали своими по праву.

Какая алчность. Какая жалкая и мерзительная алчность.

Сейчас Талос презирал их всех. Никогда прежде недостойные притязания его братьев не проявлялись так открыто.

Так родилась ненависть, не угасающая с годами.

Ассасин скрылась из дворца, и это, на первый взгляд, удалось ей без труда.

Повелители Ночи кинулись к посадочным площадкам и смешанными отрядами из воинов разных частей погрузились в «Грозовые ястребы», чтобы вернуться к судам флота на орбите. Флот Повелителей Ночи кольцом окружил Тсагуальсу, и началась невиданная погоня.

Вперед вырвались четыре корабля. «Охотничье предчувствие» третьей и одиннадцатой рот; «Крадущаяся тьма» первой; «Принц безмолвия» четвертой и седьмой и «Завет крови» с десятой ротой на борту.

У корабля ассасина, несмотря на всю его быстроходность, изящество и уникальную конструкцию, не было ни малейшего шанса. На хвосте улепечивающего от черного шарика Тсагуальсы судна тчались четыре крейсера. Их тяжелые орудия наводились на жизненно важные системы беглеца.

Корабль Каллидус вывалился из варпа

помятым, искалеченным, практически мертвым. Все четыре крейсера Астартес выплюнули абордажные капсулы, вбившиеся в железную плоть имперского судна и крепко там засевшие.

Охотники запустили зубы в добычу. Каждый отчаянно рвался первым отведать крови, а с ней и победы.

На борту корабля ассасина Талос сражался с остальной сворой. Слуги, смертные, сервиторы — все погибало или обращалось в бегство перед оргой завывающих Повелителей Ночи, хлынувших на палубы сквозь сотни пробоин.

Этой ночи суждено было навеки войти в историю легиона и остаться в сердцах всех присутствовавших там Астартес как ночь, когда им было отказано в отпущении.

Когда охотники выследили добычу — а эта честь досталась отделениям первой роты, — вокс заполнился новыми яростными криками.

Талос стоял в жилом отсеке экипажа, превратившемся в скотобойню.

Его окружали братья из первой роты и изувеченные трупы мертвых. Кровь запятнала стены, потолок и темную краску их нагрудников. На борту корабля убийцы не должен был уцелеть никто.

Поначалу отчеты с трупом пробивались сквозь рев Астартес, увлеченных охотой. Их кровь кипела, и сигналы тревоги потерялись среди воя и воинственных криков.

Талос услышал одним из первых. Он отключил цепной меч и склонил голову к плечу, прислушиваясь.

Как это может быть?

--- На нас напали, --- передал он тем из братьев, кто находился поблизости.

Голос охотника был холоден и спокоен, хоть в нем и сквозило неверие.

--- Нас атакуют эльдары.

В последующие века воины Восьмого легиона немало спорили о том, как ксеносам удалось застать их врасплох. Призрачные корабли эльдар, гордящихся своим знанием тайных троп варна, заскользили среди сугров Повелителей

Ночи. Орудия чужаков осветили мрачную
сонней вспышек, безжалостно вспарывая
пустотные щиты.

Некоторые утверждали, что целью
атаки были реликвии примарха. Другие
говорили, что чужакам ни к чему
сокровища человеческой расы и что
причиной нападения была либо
непостижимая логика ксеносов, либо злая
судьба, столкнувшая два флота в самый
неподходящий момент.

«Крадущаяся тьма» была потеряна, а
с ней и предатель Сахаал. «Принцы
безмолвия» нанесли серьезные повреждения,
но в конце концов с флотом чужаков
оказалось покончено.

Однако мало кто из Повелителей
Ночи радовался этой победе.

Во время эвакуации эльдары
телепортировались прямо в коридоры
корабля ассасина. Ксеносы возникали из
воздуха перед отрядами разъяренных
Повелителей Ночи, которые убивали их
прежде, чем успевала исчезнуть
мерцающая дымка — одно из побочных
явлений телепортационной технологии

чужаков.

Первый Козоть, как и другие
абордажные команды, пробивал дорогу
обратно к капсулам.

--- За чем бы они ни пришли, ---
передал Кирион и взмахом меча снес
голову возникшей из пустоты эльдарке, ---
им это действительно нужно.

--- Назад на корабль! --- кричал
капитан Малкарион сквозь гвалт и
грохот беспорядочного отступления. ---
Назад на «Завет»!

Связь не улучшилась. Торжествующие
вопли сливались с приказами отступить и
свирепыми проклятиями,
предназначенными чужакам. Где-то в этой
разноголосице Талос расслышал победные
крики капитана Сахаала и гневные
возгласы бойцов первой роты.

Что-то пошло не так. Талос понял
это по их голосам.

Замедлив шаги, пророк отстал от
остальных и полностью сосредоточил
внимание на тысячах криков и
противоречивых отчетов, разносящихся по
вокс-сети. Скоро он уловил, в чем дело.

Капитан Сахаал добыл огнү из реликвий Ночного Призрака... и тут же сбежал. Он направил «Крадущуюся тень» прочь, разбив строй и пытаясь скрыться от эльдар.

Сахаал бросил первую роту. Талос сглотнул. Неужели он расслышал все верно? Неужели один из самых уважаемых командиров легиона оставил своих бойцов погибать от рук эльдар?

Талос застыл на месте. Коридор вокруг него был тих и пуст — остальные воины отделения ушли далеко вперед.

Сахаал сбежал с сокровищем и скрылся в варне. Первая рота пробивала дорогу к абордажным кансүлам. Им оставалось либо быстро умереть в бою, либо медленно агонизировать на мертвом корабле и ждать помощи от других сүгов.

Талоса это мало заботило. Проблемы первой роты должны волновать первую роту. Легион пытался вырваться из нелепой ловушки, и десятой роте предстояло бороться за собственное выживание.

Но подтверждение смерти М'Шин

так и не поступило.

Обуреваемый жадностью, Сахаал бежал с проклятой бездельюшкой, забыв о мести... а убийца все еще была жива.

Талос развернулся и направился вглубь корабля.

Генераторы отключились, оставив ее в темноте, — но по крайней мере она наконец-то была в безопасности.

Астартес убрались так же быстро, как ворвались на корабль.

Судно все еще вздрагивало, но, кажется, чужаки — грязные ксеносы, называвшие себя эльдарати, — ушли вместе с отступающими Астартес.

Один из них отсек ей кисть руки. М'Шин не могла сражаться с пятью чужаками одновременно, и удар меча перерубил ассасину запястье. Ее подготовка позволяла не обращать внимания на боль, но М'Шин все же наложила жгут и временную повязку из синтеплоти. Потеря крови могла оказаться опасной, даже если шок и боль не причиняли вреда воспитаннице Храма

Каллидус.

Она стояла на мостике. Сверху лился кровавый дождь. Из темноты доносилось затрудненное дыхание и стоны тех немногих членов экипажа, что еще оставались в живых.

Никто из них не мог видеть. Вспомогательным генератором уже следовало заработать, а с ним должен был вернуться и свет. Судя по непроглядному мраку, ее кораблю нанесли очень серьезные повреждения.

М'Шин крутанулась на месте, сжатая меч в уцелевшей руке. Она не могла видеть в сплошной черноте, но в зрении и не нуждалась. Рядом слышалось гудение силовой брони. Низкое рычание сервоприводов и сокращающихся искусственных мышц рассказало ей все, что нужно. Местоположение Астартес, его поза — М'Шин знала все.

Ассасин подалась вправо и улыбнулась. Несмотря на усталость и потерю крови, один Астартес ей не угроза. Она...

Талос сжал пальцы на ее горле.

Повелитель Ночи чувствовал, что убийца стала медлительней. Ее реакции потеряли прежнюю остроту, а сердце билось куда чаще, чем во дворце. Ассасина ослабила погоня и недавний бой.

Но М'Шин прикончит его прежде, чем двойное сердце Астартес отмерит двенадцать ударов, — если попытаться ее удержать. Все в этом создании было заточено для убийства, и убийства куда более тонкого и искусного, чем грубая эффективность Астартес. Он был воином, а она — профессиональным киллером. Его создали для войны. Ее — только для убийства.

Астартес начал действовать в ту же секунду, когда его пальцы сожмнулись на горле ассасина.

Однако воин не стал душить противницу. Ее доспехи из драгоценной синтеплоти легко защитили бы от такой травмы. Вместо этого он подтащил ее ближе, собираясь ударить шлемом в лицо. Ошибка. Ассасин откинула голову, как змея перед броском. Проклятие, ну и скорость.

Талос почувствовал, как ассасин

поднимает кулак, собираясь выпустить на волю скрытую в кольцах смерть. Каждое кольцо было оружием неизвестной конфигурации. Астартес не стал терять времени.

Плюнув в лицо убийце, он отшвырнул ее прочь.

М'Шин не кричала уже много лет.

Дело не в боли и даже не в неожиданности. Но это не было похоже на чистый удар клинка — нет, кислота выжигала глаза. Никогда прежде боль не захлестывала ее разум целиком, гася все прочие чувства. И, даже корчась от боли, она представила, как проклятый Повелитель Ночи топчется там в своем уродском гонимом, смеясь над ее беспомощностью.

И ассасин была совершенно права. Стоя во мраке, Талос наслаждался криками. Но еще слаще оказалось чуть слышное шипение кислоты, разъедавшей ее прекрасные голубые глаза.

Задыхаясь и не видя ничего, кроме белого обжигающего огня, ассасин подавила

боль. Вспомнив свои тренировки, она использовала плотские мучения как фокус для концентрации. И тогда сквозь шипение собственных растворяющихся глаз М'Шин уловила гудение брони.

Он должен умереть. Он должен умереть немедленно.

И М'Шин прыгнула на Астартес, чтобы это жгучее желание стало явью.

Талос стрелял в пол. Взрывы болтерных снарядов наполнили помещение тостика грохотом, маскируя шум движений. Оглянувшись на ассасина, он увидел, как та дерется с пустотой. Удары ногати и мечом, направленные на слабые точки брони, были бы смертоносны — не будь совершенно бесполезны. Талос уже перебрался на другой конец тостика, не прекращая стрельбы.

Оглушенная и потерявшая ориентацию, М'Шин остановилась. Затерев в напряженной позе, она пыталась вычленить шум брони из грохота разрывов.

Повелитель Ночи выстрелил еще раз,

уже в ее направлении. Как и во дворце, ассасин с легкостью отклонилась, и снаряд прошел мимо.

Талос выдохнул проклятие. Это сработало. Ассасин повернулась к нему спиной и сорвалась с места.

Свободной рукой он ударил по шлему.

Повелитель Ночи был глупцом.

Каждый рикошетивший от пола снаряд выдал начальную точку траектории. Это требовало максимальной концентрации, а М'Шин все еще боролась с жестокой болью. Вот почему почти четыре секунды у нее ушло на то, чтобы вычислить его местоположение, — вечность по меркам Каллигус.

Снаряд с воем потчался в ее направлении. Это только подтвердило глупость Астартес. Даже вслепую она легко увернулась.

Новый звук прорезал свист летящих мимо цели снарядов. Звук, который она слышала прежде лишь однажды. Его голос, произносящий два слова:

Если бы ее удары достигли цели, он был бы мертв. Талос понимал это с холодной определенностью.

Ассасины из священных имперских храмов уже стали легендой в юном Империи. Ее целевшая рука, твердая как сталь, беспощадным клинком вонзилась бы в сочленения доспеха, стиская нервы и, возможно, даже круша мощные кости Астартес. Смерть последовала бы через несколько секунд. Та боль, что он ей причинил, была бы отпущена десятикратно.

Однако ни один из ударов так и не достиг цели, потому что ассасин не ударил. Когда размытое тепловое пятно метнулось к нему, уклоняясь от каждого выпущенного им снаряда, Талос втянул в тройные легкие пропитанный запахом крови воздух.

С грохотом первого грозового раската надвигающейся бури он выплеснул свою ненависть в крике.

В ассасинах Храма Каллидус инстинкты и выучка слились в один совершенный сплав. Это согласие разлетелось на куски, когда М'Шин потеряла не только зрение, но и слух. Крик Астартес поразил ее с силой и быстротой кулачного удара. Голову пронзила оглушительная и слепящая боль, а затем обрۇшилась тишина.

М'Шин не знала, продолжает ли Повелитель Ночи кричать или затолчал, мешаясь своей победой. Чувства ничего не подсказывали. Она ощущала лишь дрожь воздуха от движений врага и пролетающих мимо снарядов.

Оглушенная, ослепленная, с клинком, забравшим жизнь бога, в руке, она развернулась на бегу и прыгнула туда, где, по ее расчетам, должен был находиться Астартес.

Расчет М'Шин, как и всегда, оказался верным.

Талос сжимал ее со всей нежностью любовника.

--- Отец рассказал мне об этой ночи, ---

цепнул он убийце. — У я ему не поверил. Я не мог поверить, что однажды нарушу его приказ, — до тех пор, пока не пришла ты и не отняла его у нас.

М'Шин не слышала слов Астартес. Ей не суждено было услышать больше ничего в жизни, которой и осталось всего несколько секунд. Ассасин выронила меч. Обтянутые перчаткой пальцы разжались почти против воли, и тяжелый клинок стукнулся о ее ногу.

Ослабевшие руки не двигались. Дрожащие пальцы не желали сгибаться и активировать спрятанное в кольцах оружие. Анестетики скручивали спазмами ее тело, но не оказывали никакого эффекта. Живот охватил огонь. Боль была даже сильнее той, что обосновалась в опустевших глазницах. Что-то твердое и холодное ударило ниже ребер и пронзило тело.

М'Шин угадала, что это. Цепной меч Повелителя Ночи. Он насадил ее на свой меч.

Небольшой угасающей частью сознания ассасин попыталась оценить

повреждения — однако прямой и грубый человеческий разум возобладал над боевыми наркотиками и беспощадной выучкой. Она утирала. Она будет мертва через пару мгновений.

— Богоубийца, — выдохнула она, не слыша собственных слов. — Так... запомнят... меня.

Талос сторгнул с глаз жгучие слезы. Большим пальцем он нащупал активационную руну меча.

«Угроза, угроза, угроза». Талос мигнул, убирая с экрана мерцающие руны тревоги, — и на багрово-красном поле не осталось ничего, кроме скрытого маской лица ассасина и ее пустых кровоточащих глазниц.

«Ave Dominus Nox», — прошептал он и включил цепной меч.

Следующие шестнадцать часов Талос дрейфовал в пустоте. Он занял одну из аварийных капсул, брошенных первой ротой. В абсолютной тишине собеседниками Повелителя Ночи были лишь горе и чувство удовлетворенной

месту. Они отлично помогли скоротать время.

Когда капсулу подняли на борт «Завета крови», вернувшегося за уцелевшими товарищами и добычей, Талос все еще сидел в одном из кресел. На его доспехах запеклась кровь.

Люки распахнулись, и за ними Талос увидел знакомый ангар правого борта.

Там его ждали воины Первого Когтя, держа оружие на изготовку.

— Она мертва, — сказал Талос и устало поднялся с кресла.

В зубьях его цепного меча застряли клочки мяса и обломки кости. Перед тем как покинуть корабль, Астартес изрубил М'Шин в куски, вытесняя на трюме горькое разочарование. В темноте мостика мертвые члены команды, пережившие бойню, отчетливо слышали все. Воображение дорисовало остальное.

— Талос...

Капитан Малкарион, военный теоретик, медленно приблизился.

— Брат...

Талос так же медленно поднял

голову.

--- Она убила нашего отца, ---
проговорил он в потрескивающий вокс.

--- Я знаю, брат. Все мы знаем.
Пойдем. Нам надо... разобраться с
последствиями.

--- Призрак сказал, что я это сделаю.
Талос бросил взгляд на покрытый
запекшейся кровью клинок.

--- Я ему не поверил. Не верил до тех
пор, пока не ощутил то зло, что она
принесла с собой в наш дворец.

--- Все кончено, --- вздохнул
Малкарион. --- Идем, Талос.

--- Это никогда не кончится.
Талос с грохотом швырнул меч на
палубу.

--- Но теперь по крайней мере я знаю,
почему он дал мне такое имя. «Одна
душа, --- сказал он. --- Ты бросишься в погоню
за этой единственной сверкающей душой,
когда все остальные откажутся от
места».

--- Брат, идем...

--- Если тронешь меня, Малкарион,
ты утрешь следующим. Оставь меня. Я

иду к себе. Мне надо...подумать.

Талос оставил меч на полу. Прилус подберет его.

--- Как хочешь, Ловец Дүш, --- сказал капитан.

Талос хмыкнул в ответ. Смешок отдавал горечью.

--- Ловец Дүш. Что ж, думаю, я смогу к этому привыкнуть.

Пещеры и туннели под горной грядой, называвшейся Козоть Омниссии, скрывали множество тайн и чудес. Именно здесь был основан командный центр Легиона Маледиктус, сердце операций Агентств Механикус на планете Крим Прайм.

В этих туннелях работало до миллиона человек — миллиона живых душ различной степени модификации. Задымленный воздух грозил от нестерпимого жара, оставляя после каждого вдоха металлический привкус.

По всей подземной системе протянулись ленты конвейеров: полотнища транспортной системы, перевозящие сырье, боеприпасы, детали и серверов из одной пещеры в другую.

Каждая из этих пещер достигала нескольких сотен метров в высоту. В любой из них мог бы спокойно уместиться титан класса «Владыка войны». Своды пещер были практически не видны. Их усеивали консоли, датчики, подвесные люстры, подъемники, лифты, цистерны с прометиумом, а также огромные иконы Марсианского Механикус. Красный камень стен, простиравшийся когда-то на несколько километров вглубь глаз смертного — а то и дальше, — почти исчез под позднейшими наслоениями.

Город заводов и кузниц, скрытый под бронированной шкурой коры этого мира. Город, основанный для того, чтобы снабжать Империум Человечества божественными машинами, единственное предназначение которых — вести людские армии в крестовые походы умирающей Империи. Город, процветавший на протяжении почти двух тысячелетий.

Равнинная местность у подножия горной гряды была захвачена Магистром Войны еще вчера. Последняя вылазка войск Агентус Механикус не смогла снять осаду

врат поселения 017--017, и следы этой неудачи простирались до самого горизонта. Десантные транспортники и «Грозовые ястребы» Астартес свозили солдат и костодесантников как с орбиты, так и с других фронтов этого мира, собирая перед грядой армию невиданной силы. Остальную часть равнины покрывали трупы скитариев и смертных. Тут и там можно было увидеть корпуса поверженных титанов. Мертвая плоть разлагалась в лучах утреннего солнца. Органические части скитариев уже начали стердеть и покрываться трепными пятнами. По останкам навших титанов ползали муравьи — это личные техноагенты Магистра Войны собирали части гигантских машин для использования их в битвах на других мирах.

Абагдон тщательно выбирал цель атаки. Он знал, что основные силы легиона Титанов сражались на других планетах сегментума. Взятие 017--017 не только дало бы победителям доступ к сырьевой базе. Если поселение падет, Империя

лишится еще одного оплота могущества.

Главные врата долго не продержатся. Поселение 017-017 слишком сильно разрослось. Аллея Триумфа, ведущая к основной части нижнего города, находилась вне зоны действия пустотных щитов. Вход в поселение теперь защищали только агамантий и стойкость бойцов Agentus Механикус. Но это их не спасет. Под концентрированным огнем врата падут за несколько часов. Они достаточно широки, чтобы пропустить трех титанов... равно как и армию Магистра Войны.

Находясь в кольце осады, грозящей полным уничтожением, тайный город воззвал к лучшим своим сыновьям. И те из них, кто остался в строю, ответили на зов. Они шли по пещерам под знаменами былой славы, оцетинившись мощнейшими из орудий. И рядом с ними миллионы агентов, сервиторов и скитариев подняли оружие, чтобы отбить атаку захватчиков.

Последние сыны Легио Маледиктус пробудились, и город грозил под их

тяжелой поступью.

«Опаленный» в полной готовности стоял на палубе. Транспортник походил на стервятника в темном оперении брони. Его двигатели завывали, заставляя угрожать раскаленный воздух ангара. Корабль дышал жаждой битвы, и боевой дух Астартес пробуждался при одном взгляде на него.

Первый Коготь разоткнутым строем промаршировал к опущенному пандусу. Броня бойцов была залатана — в той степени, в какой ее можно было починить за несколько часов, проведенных бойцами на борту «Завета крови». Семь шрамов покрывала каждый доспех. Меркүций и Узас, оставшиеся без опытных оружейников, вообще выглядели так, словно выжили в последнем бою только чудом. Керамитовые пластины их доспехов были испещрены трещинами, царапинами и вмятинами.

Меркүций жаловался на то, что машинный дух доспеха отзывается на команды с большим запозданием. Оно и

неудивительно, учитывая, что пришлось пережить его броне.

Астартес переключал на ходы режимы зрения, тихо ругаясь в канал вокса.

--- Охотничье зрение не работает, --- сообщил он через какое-то время.

Меркуций говорил неохотно --- и на то имелись веские основания.

--- Плохое предзнаменование, --- немедленно хмыкнул Узас. --- Очень плохое.

--- Я не верю в предзнаменования, --- отрезал Аггелар.

--- Интересно тогда, --- ответил Узас, --- что ты делаешь в отряде, которым командует пророк?

--- Узас, --- сказал Талос, поворачиваясь к нему.

--- Что?

Талос не ответил. Даже не шевельнулся.

--- Что? --- повторил Узас. --- Нравоучений не будет?

Талос по-прежнему стоял молча и без движения.

--- Его показатели с ума посходили. ---

Кирион сверился с данными, выводившимися на визор. -- Проклятье... Ксарл!

Полуобернувшись, Талос споткнулся и начал медленно заваливаться на бок. Ксарл подхватил его в падении. Их головы столкнулись с громким лязгом.

-- Что с ним? -- спросил Меркуций.

-- Семь глаз откроются без предупреждения, -- выдохнул Талос в вокс, -- и сыновья Ангела взмоют ввысь, и отпущением будут гореть сердца их.

-- Ты еще не понял? -- бросил Меркуцию Кирион. -- Септимус! Ты нам нужен.

-- Сыновья Ангела ищут золотой клинок... и несут возмездие братьям, чьи души выгорели дотла...

-- Септимус! Бегом! -- Кирион сорвался на крик.

Вознесенный повернул розатую голову к смертному, чье имя он даже не пытался заполнить.

-- Статус запуска, -- медленно протянул он.

Офицер оправил поношенную униформу старого образца и бросил взгляд на мониторы консоли.

--- Капсула лорда Малкариона уже на поверхности, повелитель. Все отделения в пути или высадились... все, кроме Первого Козтя.

Вознесенный подался вперед, сопровождаемый скрипом костей и железа.

--- Что?!

--- Сейчас разберусь, повелитель. --- Офицер прикрепил микрофон вокса к воротнику. --- Первый Козоть, это мостик. Доложите обстановку, прием.

Вознесенный всегда чувствовал человеческий страх. Вот и сейчас он с нездоровым вниманием наблюдал за тем, как бледнеет лицо офицера. Сердце человека начало биться сильнее и чаще. Похоже, плохие новости. И он явно боится их передать.

--- Повелитель, Первый Козоть докладывает, что лорд Талос... выведен из строя. У него был очередной... приступ.

--- Передай им, чтобы оставили его и спускались на поверхность.

Офицер передал приказ. Выслушав ответ, он смог проглотить комок в горле только с третьей попытки.

--- Повелитель...

--- Говори.

--- Первый Козоть отказывается исполнить приказ.

--- Ясно. --- Козти Вознесенного впились в подлокотники трона. --- И на каком основании они отказываются вступить в бой с противником в этой священной войне?

--- Повелитель, лорд Кирион сказал, что, если вам так важен исход битвы на поверхности, вы можете взять их «Громовой ястреб» и слетать туда сами.

Больше всего в случившемся Вознесенного поразило то, что офицер произнес эту тираду без единого намека на угрозу в голосе. Вознесенный ценил профессионализм подчиненных.

--- Ты молодец... смертный. Передай Первому Козтю, что их измена принята к сведению.

Офицер отдал честь и исполнил приказ. Ответ --- от воина по имени Ксарл

— не заставил себя ждать. Но в этот раз офицер не решился передать слова Астармес Вознесенному.

Через мгновение в ухе раздался сигнал Вокса. Снова Первый Козоть.

— Повелитель?

Вознесенный обернулся, заинтересовавшись проскользнувшей в голосе офицера тревогой.

— Говори.

— Лорд Кирион просит прямую связь с вами. Говорит, это дело экстренной важности.

— Открой канал.

— Вангред, — разнесся по мостику голос Кириона. — Немедленно отзови с поверхности все Козти.

— И с чего бы мне это делать, брат Кирион?

— С того, что Кровавые Ангелы будут здесь гораздо раньше, чем через три недели.

Вознесенный провел языком по беззубой пасти, чувствуя как пульсируют вены под кожей щек.

— Первый Козоть, ваше

противодействие моим приказам
становится утомительным. Я вас
выслушаю... но только на этот раз.
Подключите меня к voxу Талоса.

--- ...пробивает обшивку. Я убиваю его.
Перед смертью он узнает мой меч...

В полной тишине Вознесенный почти
минуту слушал пророка. Когда капитан
десятой снова заговорил, сделал он это с
явной неохотой:

--- Свяжитесь с «Духом мщения». Я
должен поговорить с Магистром Войны.

Малкарион пробирался по одной из
пещер подземного города. Осада длилась
уже больше часа. Бойцы десятой роты под
командованием Малкариона должны были
штурмовать комплекс в составе второй
волны, но сопротивление имперских
частей в первых пещерах задерживало
наступление сил Хаоса.

По бокам от него --- и все же держась
на почтительной дистанции, чтобы
позволить гредноуту вести огонь, ---
продвигались два Когтя Повелителей
Ночи. Они непрерывно стреляли из

болтеров по беспорядочно
откатывающемся противнику.

Воскрешенный воин знал каждого из
них по имени. Малкарион помнил их
доспехи — даже несмотря на шрамы,
полученные в сражениях, которые он
пропустил.

Но сейчас, когда бессмертная
машинная оболочка пригасила в нем
жажду битвы, Малкарион ощущал лишь
холод. Он больше не чувствовал связи с
братьями из десятой роты, чьим
командиром когда-то был.

Их знала в бой дикая, необузданная
ненависть... а он ее больше не разделял.
Они выкрикивали проклятия с горечью,
которой бывший капитан десятой больше
не чувствовал.

Темные мысли. Бесплодные мысли,
рассеивающие внимание.

Массивные бронированные ноги
гредноута давили тела врагов.
Двустольное оружие, затенявшее ему
правую руку, выкашивало ряды скитариев.
А они все шли и шли, словно их
притягивало то надругательство над

священными законами Механикум, которое позволяло ему существовать. Шли с одной лишь целью — прервать его не-жизнь.

Забавно, но часть его хотела, чтобы они преуспели в своем начинании. Малая часть. Та, что оставалась безмолвной и мертвой даже в круговерти битвы. Малкарион не испытывал радости — для него, знатока войны, бойня никогда не приносила наслаждения. Но полное погружение в битву позволяло ему сосредоточиться на внешних целях. Помогало не думать о том, кем он был сейчас — холодным полутрупом, затворенным в саркофаг.

Перед гредноутом возник скитарий с четырьмя ценными клинками вместо рук. Малкарион схватил его, оторвал от земли и с хрустом сжал в кулаке. Наметаллические когти гредноута хлынули кровью стражника. В воздухе заплескали электрические разряды. Малкарион дал залп из закрепленного под кулаком огнемета, окутывая жертву огненным облаком, сжигая органические части

стязного в лешку солдата. Дредноут
швырнул останки скитария в ряды солдат
вперед и пожалел лишь о том, что их
лоботомированные мозги не в силах
оценить масштабы бойни. Кровь Хаоса, в
этой войне пустили на ветер жизни
лучших бойцов легиона!

--- Малкарион, --- раздалось из вокса.

Ему стоило больших усилий
перенаправить звук с внешних динамиков,
вмонтированных в броню, на внутренний
вокс-канал. Грохот бьющей в пещерах
битвы не помогал делу.

--- Это Кирион.

Дредноут выпустил очередь из
автоматической в скитария, возвышавшегося
над остальными, --- наверняка чемпиона
или капитана. Воин-киборг рухнул к ногам
своих бойцов грудой обломков. Крики тысяч
солдат невообразимым ревом раскатились
по пещере.

--- Разве вы не должны быть здесь,
внизу? Вы пробудили меня, чтобы я сделал
за вас всю работу?

--- Сэр, вам нужно отступить из
«Семнадцатая-семнадцатая». Отведите

Когти к «Грозовым ястребам».

Призрачная боль обдала его, словно всплеск кислоты. Малкарион -- то, что от него осталось, -- закричал в своем саркофаге. Он ощутил, как жижга мягко обволакивает кожу лица. На теле синяками выступили психостигматы.

От скитария, просверлившего коленный сустав гредноута, через мгновение остались кровавые ожоги. Малкарион развернул корпус и ударил силовым когтем. Еще несколько скитариев, пытавшихся повалить гредноута, отлетели к рядам своих собратьев. Удар переломал им кости.

-- Мы в пещерном городе, -- прогудел Малкарион.

Даже по вокс-связи в его голосе слышалась боль.

-- Мы не можем отступить. Победа будет за нами.

-- Талоса посетило новое видение. Он говорит, что имперский флот будет здесь не через несколько недель, а через пару часов. Кровавые Ангелы на подходе.

-- А что Вандрег?

--- Он поставил в известность
Магистра Войны. Но отказался отзывать
войска. Более того, «Охотничьему
предчувствию» был отдан приказ не
забирать солдат с поверхности.

Малкарион провел силовым когтем
перед собой, сжигая врагов из огнемета.
Чуть позади --- в его тени --- с болтерами и
клинками наперевес наступали два
отделения десятой роты Повелителей
Ночи.

Дредноут остановился. Медленно
развернулся. Огляделся.

Внезапно в его сознание прорвался
грохот битвы. Грохот, которого он не
слышал из-за скрежета собственных
суставов и рева орудий. Снаряды щелкали
по броне и отлетали со звоном. Странно.
Почти как дождь.

--- Рядом с нами наступает Черный
легион и их смертные рабы. Мы должны
бросить их? Прозрения Ловца Душ не
всегда точны.

--- Малкарион, мой капитан, во что
вы верите сами?

Реактор дредноута заработал еще

громче — Малкарион снова ринулся в атаку, работая кулаком и автомашками. Динамики на его броне взревели на ностратском:

— Повелители Ночи! Назад! Отходим к кораблям!

На борту «Завета крови» Вознесенный наблюдал за тем, как протекает битва. Он переключал точки обзора: со шлемов всех командиров отделений и камер, установленных на броне танков десятой роты. Картинка с орбиты была бесполезна — сражение переместилось под землю, в пещеры под Когтем Омниссии. Все, что оставалось, — это наблюдать за дерганьями, сбивчивыми кадрами. Это досаждало Вознесенного как тактика.

Слева от него стоял Малек, справа — Тарагон.

— Вы это видели? — Вознесенный сосредоточился на кадрах, транслировавшихся с красного визора одного из Астартес.

— Да, повелитель, — хором ответили воины.

--- Любопытно, не правда ли? С чего бы
всем нашим отрядам отступить сквозь
ряды бойцов Магистра Войны?
Удивительное дело...

--- Осмелюсь высказать
предположение, повелитель, --- сказал
Гарагон и крепче перехватил двуручный
молот.

--- Да? --- Вознесенный позволил себе
слегка улыбнуться. --- Просвети же меня, о
брат мой. Поделись своими подозрениями.

Прежде чем заговорить, Гарагон
равкнул, словно собирая в кулак всю злость.

--- Пророк начал исполнять свой план.
Он собирается свергнуть вас и захватить
власть над боевой ватагой.

Малек лишь тряхнул своим шлемом-
маской:

--- Талос только что перенес приступ
и сейчас без сознания. Ты не там ищешь
заговоры, Гарагон.

--- Каждый знает, что ты
поддерживаешь его, --- парировал Гарагон. ---
С такой пылкостью оправдываешь
каждую его неудачу...

--- Братья, братья. --- Вознесенный

больше не улыбался. --- Тихо. Смотрите.
Слушайте. Думаю, сейчас, в любую
секунду...

--- Вам сообщение, мой принц, ---
раздался голос офицера связи.

--- Как раз вовремя, --- выдохнул
Вознесенный. --- Включай громкую связь.

--- Это капитан Халаскер, ---
раздалось из динамиков.

Все присутствующие знали это имя.
Халаскер, брат-капитан третьей роты,
командир «Охотничьего предчувствия».

--- Я --- Вознесенный, командир десятой
роты.

--- Приветствую, Вандрег.

--- Что тебе нужно, Халаскер?

--- Почему твои отряды отходят к
зоне высадки? Кровь нашего отца, военный
теоретик отдал приказ к отступлению
всем силам Восьмого легиона! Проклятье,
в какие игры ты задумал играть?!

--- Я не отдавал им такого приказа.
Малкарион снятил и действует по
собственной воле. Магистр Войны
требует, чтобы мы продолжали штурм.

--- Ты не в силах управлять

собственными войсками?

Вознесенный выдохнул сквозь стиснутые клыки:

--- Не тогда, когда Малкарион находится на поверхности. И действует так, словно все еще командует десятой.

--- Так почему же ты не на поверхности, Вандрег?

Настешка, сквожившая в голосе Халаскера, могла бы уязвить Вознесенного сильнее всего, что он слышал за долгое время... если бы не следующие слова капитана.

--- Вандрег, где пророк? Малкарион и твои Когти передают вести о новом пророчестве. Я должен поговорить с Повцом Душ.

--- Он... без сознания, --- процедил Вознесенный, стиснув зубы так сильно, что один из них раскрошился, как фарфоровый. --- Болезнь нашего отца снова настигла его.

--- Так это правда?

--- Я не сказал, что...

--- Назад! --- прокричал Халаскер своим отрядам через вокс. --- Отступаем вслед за

Малкарионом!

От рева Вознесенного, раздавшегося с
мостика, бросило в дрожь всех смертных
членов экипажа.

Талос открыл глаза. Образ
сверкающих госпехов растаял, стенившись
темно-красным отблеском визора. По
дисплею, мигая, струились ручейки рун.
Стук сердец затеделся. Он сглотнул
скопившуюся во рту кровь.

Сетка прицела навелась на знакомые
детали его собственной каюты. Быстрого
взгляда на встроенный в дисплей
хронометр хватило, чтобы понять,
сколько времени он провел без сознания.

Могло быть и хуже.

--- Кирион, --- проговорил он в вокс.

Дверь в каюту распахнулась в ту же
секунду.

--- Брат. --- Вошедший Кирион был все
еще облачен в полный госпех.

--- Кай, войска Трона уже близко.
Странствующие Десантники,
Расчленители. И разумеется, Кровавые
Ангелы. Они почти здесь.

--- Ты три часа пробыл без сознания.

--- Я знаю.

--- Вознесенный созвал военный совет. ---

- Кирион отошел от двери, жестом приглашая Талоса следовать за ним. ---

Кровавые Ангелы уже здесь.

Зал военных советов использовался по назначению впервые за долгие десятилетия.

Вдоль стен тянулись ряды экранов и контрольных панелей, где трудились сервиторы. Многих из них перепрограммировал техножрец Делтриан после захвата рабочей силы на острове Нострато. На огромном обзорном экране виднелся зал военных советов «Охотничьего предчувствия», куда более просторный и помпезный, — хотя это помещение было самым обширным на «Завете крови». Боевая баржа предназначалась для перевозки целых трех кораблей, а ударный крейсер нес на борту лишь одну.

Над огромным центральным столом
светилась ядовитой зеленью
голографическая проекция Крита и
десятков зависших над ним кораблей. Рой
ярко-красных точек изображал второй
флот, расположившийся неподалеку от
планеты. Точки мерцали, клубились и
перемещались резкими рывками.

На экране появился капитан
Халаскер в терминаторском облачении.
Сняв шлем, он встал перед
гололитическим столом.

--- Они пока выживают.

Вознесенный подтащил свое
усыпанное шипами тело ближе к проекции
и ткнул в нее раздувшейся когтистой
клешней.

--- Две боевые баржи, три ударных
крейсера. Это огромная сила. Возможно,
две трети ордена.

--- Мы знаем, сколько их. Чего мы не
знаем, так это того, почему они прибыли
так быстро.

Малкарион стоял напротив
Вознесенного. По сравнению с гигантским
угреподобным бывший капитан казался

карликом, несмотря на все мутации. Нельзя было не заметить, что находившиеся в комнате разделились на два лагеря.

--- Магистр Войны солгал нам, --- упрямо гнул свое Халаскер. --- Он должен был знать.

--- Зачем ему лгать и подвергать опасности собственные силы на поверхности планеты? --- возразил Вознесенный.

--- Допустим. Но разве столько астронавтов могут ошибаться?

--- Что насчет твоих астронавтов? Разве они не согласились с прогнозами Магистра Войны? --- спросил Вознесенный. --- Такой большой флот поднимает ощутимые волны в Море Душ. Твои астронавты подтвердили предсказания астронавтов Магистра Войны. Прилив не должен был обрушиться на нас раньше чем через месяц.

--- Провидцы --- смертные, --- не соглашался Халаскер. --- Я бы им вообще не доверял.

Талос, стоявший рядом с

Малкарионом, заговорил:

--- Более мощный флот все еще находится в пути. Мы имеем дело с Умлатериумом --- измерением, непонятным всем нам. Можете ли вы, капитан Халаскер, заглянуть в варп и определить, какие потоки являются закономерными в пространстве, не подчиняющемся никаким природным законам? Можете ли вы сказать, способна ли приливная волна одного флота замаскировать появление другого? Все, что нам доступно, --- это предположения, основанные на разрозненных фактах.

Вознесенный скрестил взгляд со взором черных глаз Халаскера.

--- Если Кровавые Ангелы останутся на месте, мы можем не обращать на них внимания до тех пор, пока Крит не падет. Можем снова ввести свои силы в сражение и избежать гнева Магистра Войны.

--- Вводи десятую роту, куда тебе заблагорассудится, --- отрезал второй капитан. --- Я лично завязываю с этой бессмысленной затеей. На симуляциях все выглядело превосходно. Так превосходно,

что нас всех чуть не перебили, когда дело дошло до болтера и клинка.

--- Магистр Войны пустил нашу кровь на ветер, --- утробно рыкнул Ксарл. --- Мы ничего ему не должны.

--- Я согласен, --- сказал Талос. --- Мы должны отделиться от его флота, как только эвакуируем все наши силы с поверхности.

--- Согласен, --- сказал Халаскер.

--- Согласен, --- громыхнул Малкарион.

--- Я буквально наслаждаюсь этой демонстрацией детской наивности.

Вознесенный провел языком по клыктам. Потекла темная кровь. Глаза, черные, как мертвые звезды, уставились на Талоса и Малкариона.

--- Но Разоритель этого не допустит. Он остановит нас силой и никогда не простит предательства.

--- Хватит, Вангред, --- покачал головой Халаскер. --- Твоя преданность Древней Войне похвальна, но Абaddon --- глупец. Он попытался откусить больше, чем может прожевать, и оказался сейчас слишком далеко от ресурсов и резервов. Его

легионы постоянно грызутся друг с другом. Это лишь одна из измен, которые Магистру Войны придется простить, потому что в дальнейшем ему снова понадобятся союзники.

— Слушайте, слушайте, — прогудел предноут. — Последние из моих бойцов будут на борту «Предчувствия» в течение часа.

— И как, по-твоему, мы успокоим Магистра Войны? Уверяю тебя, Халаскер, — если мы попытаемся сбежать, он прикажет открыть по нам огонь.

— Мы выведем из строя его корабли.

Все взгляды обернулись к Талосу.

— Что ты сказал? — произнес Вознесенный так тихо и мягко, как не говорил уже долгие годы.

— Оторвавшись от флота, мы бездвигим «Дух мщения» или любой другой корабль, который попытается атаковать нас.

Талос бестрепетно взглянул в глаза Вознесенному. Тот задумчиво протянул:

— У оставим их на милость Ангелов?

— Похоже на то, что я стану

оплакивать их гибель?

--- У я не стану, --- добавил Халаскер. ---
У Абадгона достаточно кораблей. Даже
без нас его численное превосходство над
Ангелами одиннадцать к пяти.

Комната заполнилась шумом голосов
--- Астартес начали обсуждать
предстоящее бегство.

--- Нет, --- прорычал Вознесенный, ---
этого не должно быть и не будет!

Халаскер сузил глаза:

--- И почему же?

--- Почти все силы Магистра Войны
заняты в операции на поверхности Крита.
Если Кровавые Ангелы нанесут удар --- если
они возьмут на abordаж крейсера Черного
легиона, --- Магистр Войны вряд ли
сможет сохранить хоть малую часть
флота. Там, на кораблях по другую
сторону от планеты, может быть до
шести сотен Кровавых Ангелов! Они
стеснут любое сопротивление на судах
Черного легиона.

--- Тогда ему следовало отдать приказ
об отступлении несколько часов назад,
когда у пророка было видение. Ему послали

предупреждение. Ты сам и послал. Абадгон не прислушался -- что ж, это его выбор.

-- Малкарион, -- теперь Халаскер обращался к дредноуту, -- все бойцы десятой на борту «Завета»?

-- Да, брат.

-- Тогда готовься к отлету. У меня на земле еще пятнадцать отделений и броневая поддержка. Они пробились глубоко в пещеры, так что отступление затянулось. Вандрег?

-- Да, братишка?

-- Даже после всех этих лет ты остался полным ничтожеством, -- объявил Халаскер.

На этом экран погас.

Вознесенный оглядел свою потрепанную роту. В ней осталось не больше тридцати Астартес. Воины, выстроившиеся вокруг стола, смотрели на бывшего командира. Их доспехи были покрыты трещинами и вмятинами, но осанка осталась гордой и строгой, несмотря на все превратности бессмысленной войны. Как же до этого дошло? Одно предательство следовало за

друзим. Доверие было потеряно, братские
узы — разорваны.

— Входящее сообщение, — прожужжал
сервитор от настенной консоли.

Экраны вновь ожили. На сей раз на них
появилось не лицо Халаскера, а темный
шлем с глазными линзами, скошенными к
вискам. Астартес склонили головы в
приветствии. Черно-золотые госпехи
блестели в свете капитанского мостика
по ту сторону экрана.

— «Завет крови». Магистр Войны
желает знать, почему вы до сих пор не
вернули свои войска в бой.

— Передай Магистру Войны, что он и
без нас сумеет проиграть эту войну, если
захочет ее продолжать. Кровавые Ангелы
уже здесь, и скоро придут другие силы
Империума.

— Помолчи, Мертвец. Вознесенный,
послушай меня. Ты знаешь, кем я был и кто
я сейчас. Я Око Магистра Войны и говорю
от его имени. Лорду Абaddonу плевать на
сынов Сангвиния и их жалкий флот. Он
требует, чтобы «Завет» занял
оборонительную позицию рядом с «Духом

мщения».

--- Нет.

--- Нет? Нет? Ты позволишь им взять нас на abordаж?

Вознесенный покачал головой:

--- Рувен, ты и сам когда-то принадлежал к десятой роте. Тебе ли не знать, что мы не подчинимся. Мы --- не рабы Магистра Войны. Тебе это известно лучше, чем другим. Малкарион говорит верно. Отзовите свои силы с Крита, пока еще не слишком поздно.

--- Это не так просто. Мы по уши ввязали в бой за «Семнадцать-семнадцать».

--- Оставьте мертвых внизу. Пусть подыхают. Какая разница, выживут они или нет, чтобы погибнуть позже в другой войне? Возвращайте на борт Астартес и готовьтесь к встрече с Кровавыми Ангелами. Быть может, мы сумеет уничтожить их до прибытия других орден.

--- У нас на поверхности титаны. Тысячи Астартес. Сотни танков. Мы --- Черный легион, а не жалкая свора

оборванцев, оплакивающих неудачи и
мученическую смерть своего примарха.

Вознесенный вновь притронулся
кончиком языка к раскрошившемуся зубу.
Он почувствовал привкус собственной
крови и дикое желание пустить кровь
поносящему их ублюдку. Да кем он себя
вообразил, этот несчастный предатель,
чтобы говорить в таком тоне о
Новелителях Ночи...

--- Если вы не подчинитесь, ---
продолжил Рувен, --- и попытаетесь
бежать, мы откроем огонь.

--- Месть Трона уже здесь, --- тихо
проговорил Вознесенный. --- Мой пророк
настаивает на том, что в течение
ближайших часов к ним придет
подкрепление. Мы не собираемся
жертвовать своими жизнями ради вашего
спасения. И это последнее предупреждение.

--- На слова вашего пророка нельзя
положиться. Ты сам это говорил.

Вознесенный хрипло вздохнул:

--- Может, и так. Но он --- мой брат, а
ты всего лишь предатель, обрядившийся в
черный цвет Абаддона. Я доверяю ему, как

верил собственному отцу.

Вознесенный провел по горлу многосуставчатым пальцем, требуя оборвать связь. Сервитор на вокс-консоли подчинился, и экран погас.

--- Всем боевым постам, ---
скотанговал Вознесенный, ---
приготовьтесь к выходу из общей
формации.

Минуты текли с издевательской неторопливостью. Они складывались в часы, и на гололитических экранах появлялись все новые опознавательные рунны.

Суда, принадлежащие Странствующим Десантникам, а также оргенат, родственным Кровавым Ангелам, --- Расчленителям и Вермилионовым Ангелам, --- занимали места рядом с соратниками.

Опытный взгляд Вознесенного скользил по вражеской формации, а в мозгу его проигрывались сотни вариантов сражения. Строй был неупорядоченным, словно у капитанов не имелось опыта совместных действий и они не горели

желанием сотрудничать. Судя по тому, что знал Вознесенный, так оно могло и быть. В любом случае начало положено.

Они скоро нападут.

Вознесенный был в этом уверен, поскольку, командуй он вражеским флотом, поступил бы именно так. Нанести мощный удар и вонзить острие копья прямо в сердце армады Магистра Войны. Подобный ход был сопряжен с немалым риском и неизбежными потерями. Корабли Разорителя обладали сокрушительной огневой мощью и все еще превосходили противника числом.

Странно. Лоялисты не только умело замаскировали свой подход, но и в самом нарастающем напряжении между двумя флотами было что-то от поэтической м е т а ф о р ы . Наше преимущество заключается во внешней силе, которую мы можем обрушить на них. Их преимущество — угроза изнутри. В прямом поединке кораблей у Астартес Трона шансов не было. Но в космической войне никогда нет столь четкой определенности. Если учесть возможность абордажа, Магистр

Войны может потерять флот.

Расстояния в космической войне измеряются тысячами километров. Когда руны, символизирующие вражеские суда, начали мерцать и перемещаться по экрану, Вознесенный встал в полный рост. Он обратился к Малкариону --- единственному Астармес, оставшемуся в комнате, кроме него:

--- Предупреди «Предчувствие». Они будут здесь через сорок минут.

Система визуального наблюдения с орбиты вновь обрела значение с началом отступления. Талос смотрел, как по обзорному экрану бежут размытые фигурки Астармес и катятся танки, отступающие из города. Отдельные лица различить было невозможно. Вдобавок смог, загрязняющий небеса планеты, делал изображение еще более мутным --- и все же искаженные и разрозненные кадры складывались в общую картину.

Талос видел, как Черный легион отходит к транспортным судам, рассыпанным по захваченной равнине. За

Астартес катилась темная людская волна. Титаны и танки казались островками спокойствия в этом вихре.

--- Как полагаешь, им удастся вытащить оттуда больше пары сотен Астартес, прежде чем Ангелы атакуют? --- спросил Талос.

Вознесенный смотрел на тот же экран.

--- Нет. Им придется положиться на воинов из орденов-отступников, оставшихся на борту своих судов. Чистильщиков, Карателей Квинтуса и Насильников... Вот, смотри.

Вознесенный указал на другие корабли армады. Их гололитические изображения подрагивали и обменивались потоками меньших судов.

--- «Грозовые ястребы», --- заметил Талос.

--- Верно, мой пророк. Черный легион запрашивает помощь у более слабых союзников. Астартес из орденов-отступников придется защищать корабли Абaddonа.

Вознесенный со вздохом покачал головой:

--- Наш Магистр Войны в очередной раз бросил слишком много сил в битву. По крайней мере ему хватило ума оставить на орбите достаточно союзников на случай катастрофы.

Талос кивнул сидящему на троне существу. Как ни досадно было признать, сейчас Вознесенный находился в своей стихии. Тысячи ходов и уловок орбитальной войны зажигали огонь в его глазах.

--- Если это только передовые части Трона, --- сказал Талос, --- не хотелось бы мне видеть то, что произойдет, когда подойдет основная часть флота.

--- Шансы все еще на нашей стороне.

Вознесенный на секунду отвел глаза от обзорного экрана, чтобы быстро взглянуть на миниатюрную тактическую схему, проецирующуюся из подлокотника трона.

--- Две боевые баржи и шесть ударных крейсеров при поддержке фрегатов... Нас основательно потреплют, но мы выживем.

если они не проберутся на борт.

Вознесенный позвал к трону одного из офицеров связи:

--- Ты. На каком этапе находится эвакуация «Предчувствия»?

--- Согласно последнему сообщению, у них на поверхности еще пятьдесят Астартес и их транспорты.

--- Открой канал с капитаном Халаскером.

--- Есть, мой господин.

--- Халаскер, --- недовольно спросил Вознесенный, --- почему твои люди так мешкают?

Вокс треснул, включаясь, но изображение так и не появилось.

--- У меня сейчас пять отделений дерутся на посадочной площадке. Это безумие, Вандред. Черный легион сбивает наши «Грозовые ястребы».

--- Мне нужны доказательства.

--- Сейчас не время препираться над картинками! Пятьдесят моих людей внизу клянутся, что они ведут бой с Черным легионом и что собственными глазами видели, как силы Абaddonа сбивают наши

транспортники. Черных возглавляет
какой-то боевой маг... Мои люди не могут
убить его.

--- Не трать понапрасну желчь,
братец. Просто знай, что через двадцать
минут нам придется либо вступить в бой
с Ангелами, либо прорываться в варн.

--- Нет. Я не оставлю половину роты
подыхать в пыли этого несчастного мира,
который Абагдон так и не смог
захватить.

--- Ты командуешь одной из последних
боевых барж нашего легиона. --- Голос
Вознесенного сорвался на рык. --- Если
собираешься продать жизнь подороже,
сделай это в борьбе с Императором, а не в
попытке удовлетворить собственное
тщеславие и пасть смертью храбрых. Я
эвакуирую твоих Астартес. Мои
«Грозовые ястребы» и транспортники
стоят наготове. А затем мы уберемся в
Великое Око, где имперские псы нас не
догонят.

--- Смело, Вандрег. Очень смело.
Полагаешь, твой маленький «Завет»
стоит выжить там, где не справится

«Предчувствие»?

--- Да. Полагаю.

--- Потому что он менее заманчивая
цель?

--- Нет. Не поэтому.

--- Похоже, у тебя есть план, брат.

--- Халаскер...

Вознесенный опустил свою
чужовищную голову и прикрыл черные
глаза.

--- Довольно. Беги, пока можешь.
Ошибка Абадгона не должна стоить жизни
всем нам. По крайней мере «Предчувствие»
точно должно выжить. Будь готов
стартовать по моему сигналу.

--- Ave Dominus Rex, Вандрег. Да
пребудет слава с десятой ротой. Желая
вам погибнуть с честью.

Воздух заклокотал у Вознесенного в
легких.

--- Поглядим.

После того как канал закрылся,
существо вновь заговорило:

--- Передайте на флагман Магистра
Войны следующее сообщение: «"Завет
крови" снова вступает в бой». А затем

погведите нас к «Духу тщения», как приказал Разоритель.

Офицер связи коротко кивнул и выполнил поручение. Штурман последовал его примеру. По корпусу судна пробежала дрожь — включились маршевые двигатели.

— Вандрег, — начал Талос.

— Не делай поспешных выводов, мой пророк.

Существо пронзило Талоса скупным и жестким взглядом. Улыбка изогнула сетку вен на его щеках.

— Верь мне.

В затеянном танце вакуумного полета «Завет крови» дрейфовал сквозь рассеянный строй флота Хаоса, приближаясь к флагману Магистра Войны. Черно-синий меч — ударный крейсер Повелителей Ночи — был вдвое меньше колоссального «Духа тщения».

— Запускайте «Грозовые ястребы», — приказал Вознесенный, вновь расположившись на командном троне.

— «Грозовые ястребы» стартовали, — отозвался офицер.

--- Дайте мне знать, как только они
оторвутся от флота.

Это заняло меньше минуты.

--- «Грозовые ястребы» оторвались.
Все пять входят в верхние слои
атмосферы.

--- Двигайтесь к следующей позиции.

Вознесенный простучал когтями по
клавишам встроенной в подлокотник
консоли.

--- Не включайте таршевые
двигатели. Дрейфуйте. Используйте
маневровые двигатели, но не дольше, чем
по две секунды на каждый. Случайные
аусник-сканы не должны засечь выбросы
дюз.

«Завет» повиновался. Вознесенный
наблюдал за изображениями с внешних
камер. Железная шкура флагмана
приближалась. На какое-то мгновение, как
и всегда, в сознании существа всплыл образ
двух акул, скользящих мимо друг друга в
открытом океане.

--- Откройте односторонний канал
связи с «Предчувствием». Не дайте им
ответить.

--- Выполнено, господин.

--- Халаскер, это Вознесенный. Бези.

Двигатели сержито взревели, унося «Охотничье предчувствие» прочь от флота вторжения. Вознесенный следил за гололитическим дисплеем и показаниями аусника, но его внимание сосредоточилось не на удаляющейся боевой барже, а на остальной части флота. Несколько крейсеров начали наводить орудия вслед за безлецу.

--- Входящее сообщение, повелитель.

--- Полагаю, от «Духа мщения», --- ухмыкнул Вознесенный.

--- Так точно, повелитель. Они требуют, чтобы мы немедленно направились к позиции у их правого борта.

--- Вот ведь незадача, --- ухмыльнулся Вознесенный. --- Неужели мы случайно угодили на их линию огня? Как же и теперь удастся открыть огонь по «Предчувствию», прежде чем баржа уйдет в варп?

Несколько офицеров мостика улыбнулись в ответ.

— Они повторяют приказ и требуют немедленного исполнения, — сказал офицер связи.

— Передай флагману, что нам нужно подтверждение. Всего лишь пару минут назад нам было приказано занять эту позицию. А теперь они хотят, чтобы мы сместились? Когда Кровавые Ангелы вот-вот атакуют?

Глупливая и лишенная всякой человечности ухмылка Вознесенного была поглотить все остальное в этом создании.

Пока офицер отправлял сообщение, Вознесенный снова взглянул на голограмму. Три других крейсера приводили в боевую готовность лазер-излучатели, готовые распылить «Предчувствие» за предательство. Этим можно было не брать в расчет. Они либо не успеют нанести сколько-нибудь ощутимый ущерб, либо вообще не смогут выстрелить и довольствуются видом боевой баржи, исчезающей в варпе.

В груди Вознесенного вспыхнула гордость, неожиданно горячая и желанная.

Возможно, легиону удастся пережить эту ночь с честью.

--- Приказы подтверждены! ---
выкрикнул вокс-офицер.

Вознесенный кивнул штурману:

--- Следуйте указаниям флагмана.
Они уже не успеют развернуться.

В то время как корабль по ре-
маршевым двигателям начал выполнять
маневр, его капитан открыл вокс-канал с
каждым динамиком судна.

--- Говорит Вознесенный. Мы
остаемся с флотом до тех пор, пока не
эвакуируем с поверхности наших братьев.
«Грозовые ястребы» должны достичь цели,
так что тянем время. В ближайшие
минуты мы подвергнемся атаке со
стороны наших бывших братьев, Кровавых
Ангелов. Запечатать все люки. Чернецам
подняться на мостик. Всем отделениям
занять боевые посты. Всему персоналу
собратся к рабочим местам.
Приготовьтесь отразить нападение
абордажных команд.

Встреча флотов была краткой.

--- Такие битвы выигрываются и проигрываются за счет начальных маневров, --- сказал Вознесенный, глядя на несущийся им навстречу флот Астартес. --- Если у одной из сторон сильная позиция, второй --- при условии, что командуют не идиоты, --- лучше отступить, чем погибнуть в безнадежной схватке.

Гарагон смотрел на трехмерную гололитическую схему без малейшего проблеска понимания.

--- Они не отступят, мой принц.

--- Нет. Не отступят. Еще одна потерянная возможность. Штурман, приготовьтесь сойти с орбиты по моему сигналу.

--- Соими с орбиты? --- проворчал Малек. --- Но, господин...

--- Мы не покидаем Крит, Малек. Как раз наоборот.

Вознесенный прикрыл глаза и начал дышать медленно и глубоко. Это продолжалось несколько секунд. Наконец существо заговорило, по-прежнему не открывая глаз:

--- Первые лэнс-излучатели произведут залп... сейчас.

Чернецы, вся облаченная в терминаторскую броню семерка, устояла на гололитический экран, на котором вспыхнули огненные росчерки.

--- Боевые баржи, находящиеся в авангарде Кровавых Ангелов, будут поражены огнем лэнс-излучателей с наших кораблей охраны... сейчас.

Вознесенный открыл глаза и убедился, что его прогнозы верны. Офицеры и сервиторы у контрольных панелей лихорадочно засуетились.

--- На нас движется ударный крейсер Кровавых Ангелов, так? --- спросил Вознесенный.

--- Да, лорд! --- выкрикнул офицер.

--- Как предсказуемо. Иногда можно предвидеть будущее и без Талоса. Представления наших противников о тактических маневрах столь примитивны.

Гарагон кивнул, но ничего не сказал.

--- Открыть огонь из лэнс-излучателей, --- приказал Вознесенный как раз в ту секунду, когда артиллерийский офицер собирался объявить о вхождении ударного крейсера Ангелов в зону поражения.

--- Лэнс-излучатели активированы, господин.

Вознесенный вновь обернулся к схеме, не обращая внимания на грохот корабля, пораженного первыми вражескими залпами.

Щиты устойчивы. Расход энергии шесть процентов.

--- Щиты устойчивы! --- крикнул офицер. --- Расход энергии семь процентов.

Приемлемая точность.

--- Орудийные батареи, по моему сигналу.

--- Есть, сэр, оружийные батареи готовы.

Давай. Ближе. Ближе.

Мостик снова согнулся. Рүна, обозначавшая ударный крейсер Кровавых Ангелов «Злоба», неслась на них, как копье. Значит, этот. Именно с него абордажники попытаются проникнуть на борт «Духа» и «Завета». Они уже давно находятся в радиусе сканирования и знают, насколько уязвимы основные суда Магистра Войны. Как пусты их коридоры, не защищенные отрядами Астартес.

Огни на мостике потускнели, а затем погасли на несколько секунд. Столкнувшиеся флоты обменялись яростным ураганом огня. У небольших кораблей вроде «Завета» пустотные щиты были куда менее мощными и устойчивыми к перегрузке, чем у древних боевых монстров вроде «Духа мщения».

--- Щиты пробиты, --- выкрикнул офицер, словно подслушав мысли командира.

Дрожь, сотрясавшая корабль, десятикратно усилилась.

--- Мой принц, --- рапортовал один из артиллерийских офицеров, --- они в радиусе поражения орудийных батарей.

Выждать. Выждать...

--- Повелитель, вражеский крейсер «Злоба» запустил абордажные капсулы.

Вознесенный издал kloкочущий звук, который заменял ему стешок.

--- Все батареи --- огонь.

Две из восьми капсул, обозначенных на голограмме, вспыхнули и исчезли. Остальные устремились к намеченным целям. Четыре врезались в «Завет».

Вознесенный спокойно потребовал, чтобы ему открыли канал связи со всем кораблем. Офицер связи у консоли кивнул.

--- Всем Когтям, говорит Вознесенный. На корабль проникло от тридцати до сорока Астартес в абордажных капсулах. Координаты точек прорыва переданы командирам отделений. Найдите лоялистов, братья. Убейте их.

Вознесенный поднялся с трона и подтащил свою бронированную тушу к краю тронного возвышения. Существо устоялось на обзорный экран, где

вращался серый шар Крита.

--- Репортируйте о повреждениях.

--- Небольшие повреждения корпуса, преимущественно по правому борту.

--- Передайте приказ двигателю отсек: сбросить плазму из реакторов в космос.

--- Сэр? --- неуверенно заикнулся мертвый офицер мостика.

--- Выполняй приказ, мертвый.

--- Как пожелаете, господин.

--- Офицер связи.

--- Да, мой повелитель.

--- Передайте на «Дух мщения» сигнал об экстренной аварийной посадке. Сообщите им, что у нас пробоина, повредившая реактор. Скажите, что мы теряем высоту из-за притяжения планеты и что наши двигатели работают на полную мощность.

Когда озадаченный вокс-офицер повиновался, Вознесенный обернулся к штурманскому отделению мостика:

--- Мы сбрасываем плазму? Просканируйте «Завет». Убедитесь, что все выглядит так, будто главный реактор

истекает топливом.

Рулевые склонились над консолями.

--- Да, милорд, --- ответил один из них.

--- Тогда уходим в пике.

--- Что? --- Малек шагнул вперед. ---

Повелитель, вы сняли?

--- Никируем!

Как меч, навший с небес, «Завет крови» накренился вниз и запустил двигатели. Пламя окутало лишившийся щитов ударный крейсер, когда он вонзился в загрязненную атмосферу планеты.

Сентимус знал «Опаленного» на максимальной скорости, держа курс низко над равниной. За ним неслись еще два «Громовых ястреба» и два транспортника, образуя кривоватую букву «V».

--- Будьте готовы заметить ход при первых признаках атаки, --- предупредил Сентимус по воксу.

--- Принято, --- ответили три сервитора.

--- Понял, --- отозвался более низкий голос.

Астартес. Сентимус понятия не

и мел, кто именно.

Струйка пота стекала по спине раба. Противная влага, казалось, скапливалась у каждого позвоночного выступа. Одно дело --- знать, что ты когда-нибудь погибнешь на службе Восьмому легиону. Совсем другое --- понимать, что смерть ждет тебя в ближайшие минуты. Даже если Черный легион прекратит сбивать катера Повелителей Ночи, какой у них шанс прорваться обратно на орбиту и войти в шлюзовую камеру прямо в разгар космического сражения?

Септимус выругался вполголоса и открыл общий вокс-канал:

--- Все части Восьмого легиона, это «Грозовой ястреб» десятой роты «Опаленный». Доложите о вашем местоположении.

В голосах, прозвучавших в ответ, слышалось напряжение, гнев и ярость боя. Септимус уменьшил тягу. Двигатели взревели громче, и боевой катер приблизился к лесиву беспорядочной схватки, захлестнувшей посадочную площадку войск Магистра Войны.

--- Следите за небом, Повелители Ночи, --- сказал пилот на безлопастном ностратском. --- Мы на подходе.

--- Поспешите, --- отозвался кто-то. --- Большинство из нас уже вынуждено убивать их голыми руками.

В хоре голосов Септимус разобрал детальный список того, что надо было эвакуировать с поверхности. Там оставались «Лэндрейджер», четыре «Рино», «Поборник» и сорок один Астартес.

Всего через несколько минут «Опаленный» завис над посадочной площадкой. Двигатели высоты поддерживали корабль в воздухе.

Посадочная площадка, построенная одиннадцатой ротой с «Предчувствия», была самой базовой --- если вообще заслуживала это название. Уцелевшие танки и люди сгрудились вокруг клочка опаленной земли, обратив оружие на плотные ряды окруживших их смертных рабов Черного легиона. Смертные заметили приближающиеся боевые катера и пытались теперь скрыться, захватив машины Повелителей Ночи.

Как и сказал неизвестный Астартес, несколько воинов Восьмого легиона отбивались от смертных кулаками. Постановка боеприпасов прекратилась несколько часов назад. Даже оружейные башни танков лишь изредка изрыгали смертоносный огонь в бурлящую вокруг них человеческую массу.

— У них там не хватает места, чтобы перезарядить танки. Мне начать стрелять по толпе? — спросил Сентимус. — Мой боезапас практически на нуле.

Катер, зависший в пятидесяти метрах слева, немедленно начал поливать смертных огнем из тяжелых болтеров, пробивая в запаниковавшей толпе огромные дыры.

Глупо спрашивать такое у Повелителей Ночи. Открыв огонь, Сентимус добавил свою лепту к царившему внизу хаосу.

Брат-сержант Мелькия целеустремленно продвигался по вражескому кораблю.

Его люди разбились на отряды по

пять и следовали за ним.

Темнота не стущала брата-сержанта. С ней легко справлялись системы визора. Переплетающиеся коридоры тоже не представляли никаких затруднений. Он выбирал направление по памяти, потому что ударные крейсера Астартес почти идентичны друг другу. В этом заключалось рациональное зерно постройки кораблей по стандартизированным шаблонам, принятым у Агентус Механикус.

Мелькия крался по коридорам, держа перед собой тихо ворчащий цепной меч и плазменный болтер. Тьма, затопившая судно Предателей, расступалась перед ним. Линзы шлема окрашивали все вокруг в изумрудно-зеленый, выхватывая из мрака детали: участки стен, боковые туннели и тепловые следы недавно прошедшего здесь человека.

--- Аусник, --- передал сержант брату Хиралусу.

--- Движения нет, --- ответил Хиралус. --- Слабые тепловые отпечатки повсюду вокруг. Они сходятся в отсеке

впереду нас.

--- Вперед, во имя Императора, ---
сказал Мелькия, продолжая движение.

Сержант снял шлем, решив, несмотря на абсолютную темноту, положиться на собственные чувства. Он был Астартес. Такова их природа.

Восприятие Мелькии, больше не защищенное шлемом, обострилось в ту же секунду. Шлем, при всех своих достоинствах, не всегда мог заменить природные чувства.

Весь корабль был пропитан скверной. Даже в воздухе ощущался ее отвратительный привкус. Судно слишком долго времени провело в варне, слишком долго его обитатели дышали рециркулированным воздухом. Теплый и затхлый, он покалывал кожу и стальные заклепки над бровью Мелькии. Три штуки --- знак долгой и славной службы.

На плече каждого воина виднелась рубиновая капля крови величиной с кулак мертвого, с белыми траморными крыльями по бокам. Этот символ пережил тысячелетия, так что Повелители Ночи

узнают его без труда. Собственная
эмблема Предателей казалась
издевательской и извращенной пародией на
символику Кровавых Ангелов: клыкастый
череп вместо священной крови примарха, и
неопыринные крылья вместо чистого
перения убитенного Ангела, Сангвиния.

Давняя ненависть вскипела в сердце
Мелькии, когда он с плазменным
пистолетом на изготовку проник в отсеки.
Дрожь, сотрясавшая корабль, становилась
все яростней. Удивляло то, что это был не
рванный ритм боя, когда судно содрогается
под вражескими ударами, а куда более
регулярная тряска. Трение при вхождении
в атмосферу? Возможно. Однако у
Мелькии не хватало данных, чтобы
объяснить поведение вражеского корабля, и
брат-сержант выкинул это из головы. Ему
следовало выполнять долг. Он дал клятву.

Помещение было довольно
просторным. Почти впечатляющим. На
борту «Злобы» такая же комната служила
часовней Бога-Императора Человечества.
На «Завете», похоже, ее приспособили под
загон для рабов. Мусор усыпал пол. Столы,

пустые и пыльные, стояли в случайном порядке. У одной из стен валялись спальные мешки.

--- Аусник, у вас есть что-нибудь? --- снова спросил Мелькия. --- Я ничего не вижу.

--- Вот поэтому ты покойник, --- прошипел Талос, падая на сержанта с потолка.

Словно пауки, они выжигали в засаде, закрепившись на потолке. Когда Кровавые Ангелы вошли в комнату, Первый Коготь рухнул вниз, пролетев десять метров и уже на лету поливая лоялистов огнем.

Талос нанес удар первым. Аурум отразил болтерный снаряд и в глубоком вынаде вонзился в грудь сержанта, пытавшегося глупость снять шлем.

--- Аурум! --- зарычал сержант. --- Наши клинок!

В ответ Талос ударил противника головой в лоб. Заклепки, полученные за долгую службу, пробили кость и вонзились в мягкую мозговую ткань.

Два отделения врезались друг в друга.

Они были равны во всем, но Первому Когтю удалось застать противника врасплох.

Талос рванул меч влево, разрезав позвоночник Мелькии, легкие, одно из сердец и керамитовый нагрудник с такой легкостью, словно кромсал пустой воздух. Кровавый Ангел, пошатнувшись, отступил назад, и Повелитель Ночи всагил в его шею болт. Всего один снаряд. У Мелькии была ровно секунда на то, чтобы впиться пальцами в открытую рану, -- после чего грохотнул взрыв, и голова сержанта разлетелась кровавыми брызгами.

-- За Императора! -- выкрикнул кто-то из Ангелов.

Темному прорезали вспышки болтерного огня и сполохи силовых клинков.

Талос прыгнул на крик. Его золотой меч обрушился вниз, расколов нагвое болтер Ангела. Противник встретил обратный удар клинка собственным гладиусом.

-- За Императора! -- снова крикнул Ангел, и на сей раз в голосе его прорезалось рычание.

--- Твой Император мертв! --- равкнул
Талос.

И тут настал этот миг: миг, когда
взгляд Ангела метнулся к клинку,
сжатому в темных перчатках
Повелителя Ночи. Талос не видел глаз
врага, но почувствовал секундную потерю
концентрации. В этот решающий
момент Талос отшвырнул противника к
стене. Три болтерных снаряда мгновенно
прошили шлем и череп Кровавого Ангела.
Талос благодарно кивнул Кириону.

Узас, Меркуций, Ксарл, Аггемар,
Кирион и Талос замерли во мраке,
прислушиваясь к шипению остывающих
болтерных стволов и глядя на последнего
Кровавого Ангела, появившегося в дверях.
Тот развернулся и побежал, тяжело
грохоча ботинками по палубе.

--- Неожиданный ход. --- Талос сдержал
стех. --- Узас, сделай одолжение.

Узас ринулся во тьму под рев своего
ценного меча.

Кровавый Ангел не собирался
спасаться бегством. Узас это знал.

При всем нежелании допустить подобную мысль Повелитель Ночи вынужден был признать, что Кровавые Ангелы являлись грозной силой — по крайней мере во времена Великого Крестового Похода. Теперешние, с разжиженной кровью, не могли равняться с прежними. Истинное геноцид припарха было в них настолько разбавлено, что они стали почти смертными. И все же Ангел не бежал. Астартес уходили от боя лишь в одном случае — когда понимали, что смогут принести больше пользы в другом бою. Фокус, как усвоил Узас, заключался в том, чтобы убить врага раньше.

Он настиг Ангела меньше чем через минуту, но лоялист не собирался дешево продавать свою жизнь. Теперь, когда элемент неожиданности — столь блестяще, как неохотно признал Узас, привнесенный в схватку Талосом — был потерян, противники стояли друг друга.

Кровавый Ангел выхватил гладиус из узорчатых ножен и сделал выпад. Узас парировал первый удар и уклонился от второго, третьего и четвертого. Кипящая

кровь Кхорна, этот ублюдок утешиваться.

--- Я лучше тебя, -- насмешливо бросил Ангел и врезал Повелителю Ночи кулаком слева по шлему. --- Что, позовешь на помощь своих братьев-Предателей?

Узас отступил, отражая мечом удары гладиуса, направленные в горло и в грудь. Стальные зубья прыснули фонтаном. --- гладиус Ангела основательно проредил ценное лезвие меча.

--- Я вырву прогеноиды у тебя из глотки голыми руками, -- прорычал Узас, -- и сожру твоё геносемя.

--- Ты сдохнешь...

Ангел пнул Повелителя Ночи бронированным ботинком, отбросив к стене.

--- ...и будешь забыт.

Шлем Кровавого Ангела стаялся с оглушительным звоном, а затем разлетелся дождем кровавых осколков.

Узас медленно выдохнул. Мертвый Кровавый Ангел рухнул на палубу, отозвавшуюся металлическим гулом. Талос опустил болтер и покачал головой.

злядя на брата.

— Ты возился слишком долго, — сказал он и двинулся обратно по коридору.

«Завет крови» был построен на верфях Марса в ту эпоху, когда человечество еще не ведало раздора. С момента своего рождения на кораблестроительном заводе «Завет» никогда не совершал посадки и не входил в атмосферу. Пока объятый пламенем крейсер несли сквозь атмосферу Крита, разрывая слои туч, глаза Вознесенного оставались закрытыми. Он не видел ничего из происходившего на командной палубе.

Его корабль, который он знал лучше, чем свое изуродованное варпом тело, разваливался на части. Мучительная дрожь, сотрясавшая «Завет», отдавалась болью в позвоночнике Вознесенного.

Но он поклялся, что скорее умрет, чем нарушит обещание, данное этому тщеславному псу Халаскеру.

Экипаж мостика вцепился в консоли или пристегнулся к собственным

командным тронам. Терминаторы Чернецы стояли на коленях -- даже их искусственно усиленные мышцы не могли противостоять гравитационным силам, играющим сейчас с судном. Они слаживали на боготольцев, распротершихся перед троном Вознесенного. При этой мысли по губам существа скользнула слабая улыбка.

-- Репортуйте о нашем местоположении, -- приказал он рулевым.

Получив ответ, Вознесенный обернулся к вокс-офицеру:

-- Вызовите «Грозовые ястребы». Дайте им знать, что у них две минуты на взлет -- иначе им некуда будет возвращаться.

-- Мы будем наг «Семнадцать-семнадцать» через девяносто секунд, господа!

-- Уменьшите скорость корабля, смертные. Мне плевать, как вы это сделаете, но это должно быть сделано. Дайте «Грозовым ястребам» время войти в шлюз.

Тряска мешала охоте.

Талос вырвался: гравитация усилила хватку в самый неподходящий момент, и болтерный снаряд прошел мимо цели. На другой стороне отсека второй отряд Кровавых Ангелов держал оборону вокруг загерметизированной абордажной капсулы. Поялисты скорчились за теми ненадежными укрытиями, что нашлись на территории Черного рынка, и вели ответный огонь по Первому Когтю. Талос и его братья использовали как укрытие изгиб коридора.

Ни одна из сторон ни на шаг не приблизилась к своей цели.

--- Брат, у меня плохие новости, --- передал Агзетар.

Старший Астартес сидел на корточках рядом с пророком, и его болтер ревел в унисон с болтером Талоса.

--- Видишь эту капсулу, что они защищают?

Талос выстрелил еще три раза и трижды промазал.

--- Вижу.

Корпус обуглился и погнулся там, где раскаленная докрасна капсула пробила

шкүрү корабля.

--- Ее сложно не заметить, Агзетар.

--- Это капсула гредноута.

--- Что?! Откуда ты знаешь?

--- Посмотри на размеры треклятой
дыры в нашем корнүсе!

Талос выглянул из-за угла. На дисплее
визора высветились параметры
отверстия. Астартес сдержал вздох.

--- Ты прав.

--- Я всегда прав.

Корабль снова тряхнуло, причём так
сильно, что два Кровавых Ангела кубырко-
полетели на палубу. Узас и Ксарл тоже не
удержались на ногах. За грохотом брони
последовали ностратские проклятия.

Словно стальной цветок,
открывающий лепестки навстречу солнцу,
передняя панель шишкообразной капсулы
распахнулась. Изнутри показалось нечто
огромное, покрытое раскаленным железом
и изрыгающее угрозы.

--- Я прикончу вас, Предатели. Я
прикончу всех вас!

Воздух между двумя отрадами
загрожал от жара. Показания

температурных датчиков на дисплее
Талоса скакнули вверх с угрожающей
скоростью. Гигантская мультимедиа
дальнобой, способная превращать танки в
лужи расплавленного металла, только
начала разогреваться.

--- У него пушка-испаритель! --- взвыл
Меркуций. --- Мы трупы!

--- Ну и отлично, --- отозвался
Кирион. --- Хватит с меня твоего нытья и
травчатых предсказаний.

Распластавшись по стене, Талос
несколько раз выстрелил за угол вслепую и
прокричал в вокс:

--- Говорит Талос из Первого Когтя.
Срочно пришлите подкрепление на
кормовую палубу для смертных.

Голос, прозвучавший в ответ,
бальзамом пролился на его душу:

--- Понял, брат мой.

Многие станут
утверждать, что достойны
возглавить легион после моего
ухода.

Многие станут
утверждать, что они -- и
только они -- являются моими
наследниками по праву.

Я ненавижу этот легион,
Талос.

Я уничтожил его родной
мир, чтобы остановить приток
яда.

Скоро я предстану перед
последним судом и преподам
Повелителям Ночи самый
важный урок.

Неужели ты и вправду
считаешь, что меня заботит
то, что случится с вами после
моей смерти?

Примарх Конраг
Курц

апотекарию Талосу
из Первого Когтя
десятой роты

Септимус что было сил рванул на себя штурвал, пытаясь набрать высоту. Вокруг него столпились Астартес из одиннадцатой роты — сплошные незнакомцы, только что открывшие для себя тот неприятный факт, что благословенной реликвией легиона управляет мертвый раб. Септимус ожидал, что в любую минуту кто-нибудь потребует передать ему штурвал.

Однако этого не случилось. Раб сомневался, что дело в усталости — судя по его опыту, Астартес не уставали, как мертвые, — но вид у них был определенно

неважный. Темная, украшенная черепами броня выглядела столь же окровавленной и помятой, как недавно у Первого Козтя.

Турбулентность молотила «Опаленного» тяжелыми кулаками. Желудок Септимуса ухнул вниз, и раб, даже не взглянув на датчики, понял, что они снова теряют высоту. Бросив рычаги, он опять взялся за штурвал. «Опаленный» заграл нос и медленно пошел вверх.

Позади них взорвался транспортник. Куски обшивки и двух «Рино», которых тот перевозил, полетели на землю в клубках дыма и огня. Десятки смертных погибли под обломками.

— Черный легион, — тихо и угрожающе проговорил один из Астартес. — За это они умрут кровью. Каждый из них.

Обещание встретили одобрительным ворчанием. Септимус сглотнул: месья волновала его в эту секунду меньше всего. Единственное, чего он хотел, — это чтобы проклятый «Астреб» набрал высоту.

Ему надо было выйти на орбиту. Надо было добраться до «Завета».

И тут он увидел...

--- Трон Бога-Императора, ---
прошествовал Септимус в первый раз с тех пор, как его захватили в плен.

«Завет крови» пылал. Он разрезал тучи огненным метеоритом, и за ним тянулся глиняный дымный хвост. Небеса согрознились от грома --- это корабль пересек звуковой барьер, но не ускоряясь, а, наоборот, тормозя.

--- Говорит Вознесенный, --- пробилось сквозь треск вокса. --- Братья из седьмой роты, мы за вами пришли.

Вокс-каналы были забиты отчетами других Когтей. Кровавые Ангелы, пусть их и было меньше трех десятков, рассыпались по кораблю и отчаянно сопротивлялись охотничьим партиям.

Талос закашлялся и сплюнул кровь. Болтерные снаряды, угодившие в его нагрудник и шлем, превратили доспехи в груды обломков. Хотя боевые наркотики и заморозили нервные окончания, притупив боль, он знал, что кровохарканье --- скверный признак. Усиленная илмунная

система не справлялась с внутренними повреждениями.

Он стал свидетелем того, как погиб Аггемар.

Это заняло меньше секунды.

Бывший сержант метнулся к среднему с занесенным мечом. Боевая машина развернулась с невероятной скоростью, крутанувшись вокруг поясной оси, и выдохнула из мультиметного невидимое облако испепеляющего жара. Броня Аггемара мгновенно обуглилась и треснула, сочленения расплавились, и пустой доспех грянулся на палубу, чтобы тут же превратиться в лужу расплавленного металла. От тела не осталось и следа.

Все в мгновение ока.

Все ради того, чтобы спасти раненых Меркуция и Узаса на другом конце комнаты. Талос прикрыл их огнем и получил за свою доблесть изрядную порцию болтерных снарядов от Кровавых Ангелов.

Неужели Кровавые Ангелы были готовы пожертвовать жизнями? Иначе зачем они использовали мелту на корабле?

Чудо, что корпус еще не расплавился и что всех их не вышвырнуло в безвоздушную пустоту за бортом.

Талос сжал Аурум, чувствуя, что силы возвращаются. Хорошо. Значит, ранения не смертельны. Что-то было не так, но сейчас этим придется разобраться позже. Сейчас надо покончить с Кровавыми Ангелами — содрать с них шкуру и распять живьем за то, что они постели осквернить священные палубы «Завета» своим присутствием.

Сначала он подумал, что палуба угрожит от очередных атмосферных вихрей. Снаряды все еще взрывались вокруг его ненадежного укрытия. Талос сообразил, что происходит, только когда Малкарион прошагал мимо, с трудом протискиваясь в узком коридоре. Дредноут вошел в зал, не обращая внимания на палящих из болтеров Кровавых Ангелов.

Вдохновленные присутствием боевой машины, оставшиеся воины Первого Когтя усилили огонь. Астартес в красной броне погиб. Меркуций и Кирион тоже упали, пораженные болтерами.

Талос почувствовал, что вновь обретенная сила покидает его. Прижавшись спиной к стене, он соскользнул на палубу. Руки зашарили по разбитому нагруднику.

Дредноуты несколько секунд взглядывались друг в друга с почти комическим спокойствием.

--- Убей его! --- выкрикнул Талос. --- Убей его как можно скорее!

--- Я уже сделал это однажды, --- гортыхнул Малкарион.

Дредноут Кровавых Ангелов издал тот же звук переключающихся передатчиков, который Талос слышал от Малкариона. Взгляд Повелителя Ночи уперся в саркофаг, установленный в новом теле военного теоретика. Там, на узорчатой крышке, живой Малкарион сжимал три вражеских шлема. Один из этих шлемов принадлежал...

Чемпиону Кровавых Ангелов... Разуилу Мученику.

--- Даже после смерти, --- прорычал Кровавый Ангел, --- я отомщу за себя.

--- Ты заслужил свой шанс, Разуил.

Силовые кулаки треснули и заускрились, и две боевые машины начали то, ради чего вернулись в мир живых.

Бой разыгрался в двух измерениях, и до своей последней ночи Талосу так и не суждено было узнать, какую из битв он действительно видел. В повседневном, примитивном, чувственном мире, в мире мучительной тряски и боли, два бронированных колосса терзали друг друга когтями и молотили кулаками. Керамический рвался в их руках как бумага, и осколки брони летели во все стороны, словно град, хлещущий из грозовых туч над мертвой планетой.

Но плавающие в атмосферической жидкости трупы не видели и не чувствовали этого.

Там, где они сражались, стены сверкали золотом. Оба воина были облачены в гордые доспехи своих легионов, и оба бились за Терру: первый — чтобы защитить ее и умереть за Империум, второй — чтобы покорить ее и принести Империуму гибель.

Их мечи вращались и сталкивались

со звоном до тех пор, пока не сломались. Затем все свелось к закованным в латные рукавицы кулакам и удушающим объятиям.

Талос смотрел, как гредноуты рвут друг друга в клочья, и видел то же, что видели заключенные в саркофаги мертвецы.

«Опаленный» с ревом и визгом двигателей неся рядом с «Заветом».

Остальные «Ястребы» и транспортники уже пришлюзовались и выгрузили на борт ударного крейсера свое драгоценное карго. «Опаленный» был последним.

Рывы тревоги вспыхивали на экранах приборных панелей — Септимус заставил двигатели работать за пределами всех возможных ограничений. Штурвал трясся в его руках, дергаясь почти в такт с воением сирен безопасности. Темная стрела «Громового ястреба» круто свернула к несущемуся «Завету». Турбулентность усилилась — «Опаленный» каждую секунду мог угодить в воздушную струю за кормой

крейсера.

«Завет» начал набирать высоту.

Септимус и сам это видел, без проклятий и упреков сгрудившихся в рубке незнакомых Астартес.

Он постарался не обращать внимания на их крики и на сердитую кроваво-красную морзянку тревожных рун.

Но «Завет» определенно набирал высоту. Пусть медленно, однако это сделало и без того трудную стыковку практически невыполнимой. Нос крейсера задрался, прорезав грязно-серое небо. Корабль готовился к выходу на орбиту.

--- Еще немного, --- неслышно прошептал Септимус и вдавил три рычага тяги в гнезда, далеко за красную отметку на контрольной панели. «Опаленный» взревел, дернулся и полчился вперед, вдогонку за кораблем-носителем.

Пока «Громовай ястреб» несясь вверх рядом с крейсером, сворачивая все ближе к открытому ангару, Септимус успел подумать, что один из двигателей «Опаленного» или все они вполне могут взорваться от перегрузки.

Септимус вновь потянул на себя руль высоты. Двигаясь параллельно большому кораблю, он поднялся выше дверей ангара с тем расчетом, чтобы в любой момент сбросить скорость и нырнуть внутрь. «Грозовой ястреб», дрожа и кренясь то на правый, то на левый борт, поглотел на тридцать метров к шлюзовому люку.

«Опаленный» тчался слишком быстро, чтобы использовать стыковочное оборудование. Когти оторвет в ту же секунду, когда Септимус выпустит их из корпуса. Придется высвободить когти позже, когда «Опаленный» уже будет в ангаре, — и молиться, что времени хватит и они сумеют выдержать вес катера.

— Сейчас или никогда, — шепнул пилот и заложил крутой вираж вправо.

«Грозовой ястреб» лег на крыло и вошел прямо в ангар.

Следующие десять секунд превратились для Септимуса в вечность — вечность, наполненную немилосердной тряской и жутким грохотом.

Левый двигатель взорвался при входе

в ангар, отчего турбулентность усилилась десятикратно. Септимус был готов к этому. «Опаленный» отстал бы от крейсера или, ударившись о борт «Завета», отскочил и рухнул на землю грудой обломков, если бы не мгновенная реакция пилота. Он тут же компенсировал неисправность за счет перегрузки других двигателей. Один последний рывок — и корабль очутился в ангаре.

Септимус рискнул и выкинул посадочные опоры. Отвратительный скрежет рвущегося металла спел прощальную песню передней опоре. Остальные выдержали.

Когда «Опаленный» нырнул внутрь «Завета», на иллюминаторы обрушилась тьма. У Септимуса было меньше секунды на то, чтобы сообразить, что они двинутся верным курсом — но не совсем верным. Еще через мгновение «Громоподобный» влохнулся в ангар. Катер снова трянуло — это его хвост задел край иллюзорового люка. «Опаленный» встал на дыбы, дернулся в сторону, отклоняясь от уже безутного курса, и со страшной силой

врезался в пол.

Задние посадочные когти впились в палубу. Нос корабля прочертил в стальном покрытии глубокую борозду. Терзаемый металл завизжал, посыпались искры. Через несколько десятков метров отчаянного скольжения задняя опора оторвалась, и вся хвостовая часть с жутким грохотом обрушилась на палубу.

Двигатели и ускорители корабля заглохли, так что «Опаленный» остановился, только ударившись о боковую стену ангара.

Это последнее позорное столкновение швырнуло Септимуса вперед, но ремни безопасности выдержали и не дали ему вылететь с командного трона.

Наконец-то все затерло, кроме бешено стучащего сердца пилота. Септимус испустил самый долгий вздох в своей жизни.

— Мы... мы сели, — проговорил он, не удивляясь грози в собственном голосе.

Воины одиннадцатой роты растегнули ремни и покинули рубку, не сказав ни слова.

Двигатели других «Астребов» еще не успели остановиться, а Астартес уже спешили высадиться — Вознесенный призывал их для обороны «Завета». Судя по всему, на борт проникли верные Тронностигодесантники.

Септимус настолько устал, что эта новость его почти не взволновала. Он медленно встал с пилотского кресла, пытаясь удержаться на дрожащих ногах.

Болела шея. Болела спина. Болели руки.

Болело все. Септимус с ранней юности водил корабли и никогда бы не поверил, что можно пережить такую посадку. Астартес ушли, не поблагодарив его ни словом. Но и на это ему было наплевать.

Точнее, почти наплевать.

Пошатываясь, Септимус спустился по пандусу и протер слезящиеся от напряжения глаза. «Опаленный» позади негошипел и потрескивал — корпус корабля, переживший бешеные перегрузки, медленно остывал.

Хвостовую часть оторвало во время

толкновения с «Заветом». От посадочных опор остались огни воспоминания. Гордое ястребиное тело корабля усеивали черные пятна гари, загравшиеся куски обшивки и полосы погнутого железа.

--- Никогда больше такого не сделаю, --- пробормотал Септимус.

К «Опаленному» приблизились сервиторы. Их примитивным вычислителям требовалось время на то, чтобы оценить ущерб и решить, что делать дальше с лежащей перед ними грудой смятого металла. Несколько сервиторов устроились на Септимуса, пытаясь понять, были ли его последние слова командой.

--- Возвращайтесь к работе, --- приказал он и активировал бусинку вокса. --- Октавия?

Ответ прозвучал еле слышно. Голос девчушки дрожал от слез.

--- Ты должен поточь мне, --- тихо сказала она.

--- Где ты?

Навигатор ответила, и Септимус, преодолевая боль, сорвался с места.

В стратегиуме Вознесенный наблюдал за тем, как горный хребет исчезает внизу. Его корабль поднимался, копьем пронзая небеса. Команда мостика разразилась хвалебными криками. Эти звуки потрясли Вознесенного — прежде он никогда не слышал ничего похожего.

Через несколько секунд голубые краски на обзорном экране сменились чернотой.

Чернотой костоса. Мучительная тряска наконец-то прекратилась. Вернулась искусственная гравитация, вес тела стал меньше.

— Пройдите между этими двумя кораблями, — приказал Вознесенный.

Он уже опять восседал на троне, изучая вновь появившуюся голографическую схему сражения. Обострившиеся чувства рвались с поводка, спеша разгадать тайны, вычислить траектории полетов и оценить потери, понесенные флотом с того момента, когда он последний раз смотрел на голограмму.

Корабль снова тряхнуло, и на сей раз в стратегиум хлынули отчеты о

повреждениях.

--- Меня не интересует, сколько у нас пробоин.

Корабль снова согрознулся под ударом лэнс-излучателей.

--- Просто ведите нас в варн.

Смертоносный и быстрый, как стрела, «Завет» сорвался с орбиты Крита Прайм и полчился сквозь сражающиеся флоты.

--- Навигатор Этризий, ответьте мне, --- потребовал Вознесенный.

--- Он... он мертв, --- откликнулся женский голос.

Первый Коготь приблизился к навшим дредноутам.

Те, кому повезло больше, хромали. Узасу и Меркүцию пришлось ползти на руках.

Дредноут Кровавых Ангелов, лежащий на спине, все еще подергивался. Его когтистая клешня сжималась и разжималась, кротсая лишь воздух. Талос кивнул на саркофаг --- указать рукой мешала боль.

--- Вскройте его.

Ксарл и Кирион взялись за мечи. Цепные лезвия впились в крышку гроба, не выказывая ни малейшего уважения к поминальным изречениям и спискам славных деяний, вытравленных на саркофаге ваалианскими иероглифами. Покрахтывая от усилия, двое воинов подняли крышку и отшвырнули прочь, обнажив содержимое саркофага.

Их клинки повредили внутренний контейнер. Прозрачный амниотический раствор, кое-где затумившийся от крови, вязкими струйками стекал из пробитого гроба.

Талос взобрался на корпус навшего средноута и сверху вниз посмотрел на безрукие, безногие, аугментические останки того, что некогда было человеком.

--- Я Талос из легиона Повелителей Ночи. Кивни, если понимаешь меня.

Сраженный герой кивнул. Выцветшая кожа натянулась и подрагивала от болезненных судорог --- системы жизнеобеспечения отказывали одна за

другой. Талос при виде этого улыбнулся.

— Так знай же, Кровавый Ангел. Твоя последняя миссия провалилась. Твои братья мертвы. Мы облачимся в ваши доспехи, когда выйдем на бой с Ложным Императором. Знай также, чемпион Девятого легиона, что сыны Ночного Призрака дважды убили тебя. Отправляйся в свое погребение в варне, помня, что ты оказался слишком слаб и ни разу не смог одолеть нас.

Талос скрестил взгляд с корчащимся в гробу мертвецом. Твердой рукой, несмотря на охватившую его слабость, Талос занес Аурум — клинок другого павшего Ангела.

— Твои кости станут трофеями и украсят наши доспехи. Мы поглотим твои геносема. А то, что останется от этого хрякачего гроба, наши техножрецы превратят в обитель чемпиона из нашего легиона.

Он обрушил меч вниз. Золотой клинок пробил гроб и вошел в распахнутый рот имперского героя.

— Утри, — договорил Талос, — со

вкусом вечного поражения вашего органа на губах.

Октавия стерла кровь с лица Этригия.

Жутковатое лицо навигатора после смерти стало спокойным и почти по-детски невинным. Девушка могла бы поверить сейчас, что эти глаза не видели бесчисленных тайн и кошмаров, выдержать которые удалось бы немногим смертным.

Одно из колец соскользнуло со слишком глинного пальца. Октавия вновь надела его на руку мертвого навигатора, не понимая, зачем она это делает. Просто казалось, что так будет правильно. Трон, он ведь даже не нравился ей. Он был невыносимым и высокомерным ублюдком.

И все же он не заслужил такой смерти. Никто не заслужил.

Октавия прикрыла ладонью кровоточащую рану на месте третьего глаза Этригия. Снайпер... Какой-то легковооруженный мальчишка-Астартес. Он прокрался в покои Этригия и уложил

его одним выстрелом. Навигатор умер
посреди глинной жалобы на
турбулентность. Октавия была слишком
потрясена, чтобы двинуться или хотя бы
потянуться за пистолетом, слишком
растеряна... Она не пошевелилась, даже
когда обряженные в мантии сервиторы
навигатора обнажили когти и разорвали
юного Кровавого Ангела на куски.

--- Он мертв, --- сказала Октавия
демонической твари с мостика, когда его
голос прогребезжал в воксе. --- Они убили
его.

Чудовище --- Вознесенный ---
вскрикнуло. Корабль согнулся, словно его
сдавило в кулаке огромное и гневное
божество.

И снова до Октавии донесся голос
Септимуса. На сей раз не по воксу. Девушка
подняла голову и обнаружила, что раб
стоит в дверях.

--- Октавия.

--- Они убили его, --- повторила
девушка сквозь сжатые зубы.

Трон, почему она плачет? Почему
корабль не перестает трястись... хотя бы

на секунду...

--- Октавия.

Септимус подошел к ней и помог подняться на ноги.

--- «Завет» под обстрелом. Мы все погибнем, если ты не...

--- Если я... не выведу нас в варн.

--- Да.

Септимус стер брызги крови с ее лица. Его аугментический глаз с жужжанием повернулся в глазнице. Девушка услышала слабый щелчок.

--- Ты что, сейчас сфотографировал меня?

--- Возможно.

Улыбка, слабая и тоскливая, ответила за него.

Октавия оглянулась на залитое кровью ложе для медитации и сказала, не оборачиваясь:

--- Тебе лучше уйти. Это зрелище не из приятных.

Септимус заколебался, не желая отпустить ее даже теперь, когда имперские орудия разносили корабль. Девушка осторожно оттолкнула его.

--- Не бойся, --- сказала она, шагнув к нему и положила руку на его плечо. --- Мы увидимся позже. Может быть.

--- Может быть.

Октавия наконец-то обернулась. Септимус уже стоял в дверях.

--- Я понятия не имею, что делать. Я не могу найти Астрономикон и вести корабль по свету Императора. Но у меня есть нехорошее предчувствие, что это наведет на наш след погоню.

--- Да. Просто... сделай все, что сможешь.

--- Я могла бы убить всех вас, если бы захотела. --- Она усмехнулась. --- Вы ведь еретики, знаешь ли.

--- Знаю.

--- Ты должен идти.

Он не знал, что еще сказать, поэтому вышел из комнаты, не произнеся больше ни слова. Дверь покоев Этригия --- нет, покоев Октавии --- герметически закрылась у него за спиной.

--- Навигатор, --- рыкнули вокс-динамики, расположенные по периметру комнаты.

--- Я здесь, --- ответила она.

--- Это Вознесенный.

--- Я знаю, кто ты.

--- Тебе знаком участок костоса неподалеку от центра галактики, где находится рана в реальном пространстве -- вход в варп, именуемый Великим Оком?

Бывшая Эвридика Мерваллион, а ныне Октавия с «Завета», глубоко вздохнула.

--- Свяжите меня с ходовой рубкой, --- сказала она.

Голос девушки постепенно набирал силу.

--- Мне нужно поговорить с пилотами.

Оказалось, что это не так уж и трудно.

Корабль ненавидел ее. О, как он ее ненавидел и презирал! Навигатор почувствовала, как дух «Завета» метнулся прочь при первом ее прикосновении, словно гадюка, защищающая свой выводок.

--- Я ненавижу тебя, --- прошипел «Завет».

Машинный дух корабля корчился в ее сознании, визжа и исходя неистовой злобой.

- - - Я ненавижу тебя, --- снова
предостерег он, ничуть не похожий на
послушную и спокойную «Звездную деву»
Картана Сайна.

--- Ты не мой навигатор, --- сплюнул он.
--- Нет, --- сказала она комнате,
пустой, если не считать трупа ее
предшественника, --- нет, я твой
навигатор.

Октавия закрыла человеческие глаза,
открыла око варпа и потянула «Завет
крови» в пространство между мирами.

--- Ты это чувствуешь? --- спросил
Ксарл, когда корабль скользнул вперед со
странной плавностью, ничуть не похожей
на рывки оружейного огня.

Талос кивнул. Он тоже ощутил
переход в варп.

--- Мы выжили, --- буркнул Кирион. ---
По крайней мере большинство из нас.

Малкарион больше не шевелился.
Первый Козоть собрался вокруг навшего
героя. Ценной меч Ксарла снова взревел.

--- Думаешь, мы должны?.. --- спросил
он у Талоса. --- Делтриан может спасти

Его, если он еще жив.

--- Нет. Пусть он покоем с миром, как и хотел. Его образ уже и так навсегда останется с нами.

Пророк некоторое время не отводил взгляда от триумфальных сцен на передней крышке саркофага.

--- Было здорово увидеть, как он отражается, --- проворчал Узас, --- в последний раз.

Остальные фыркнули или обменялись удивленными взглядами --- никто не ожидал от него такого признания.

--- Клянусь, я снова видел бой у Дворца Терры, --- сказал Кирион. --- А не просто... боевые машины, избивающие друг друга.

Талос не ответил. Вместо этого он вызвал Зал Памяти.

--- Делтриан.

--- Да, один-два-десять. Я здесь, Талос.

--- Военный теоретик Малкарион пал в битве.

--- Судя по вашему голосу, такое развитие событий вас опечалило. Если выражение сочувствия облегчит вашу боль, я вам сочувствую.

--- Благодарю, но это еще не все.

--- Теперь ваши голосовые паттерны указывают на насмешку.

--- Отправь две команды сервиторов-погрузчиков на кормовую палубу для мертвых, в зону, известную как Черный рынок.

--- Обрабатываю запрос. Одной командой достаточно, чтобы забрать священные останки Малкариона и его саркофаг. На каком основании вы запрашиваете две команды погрузчиков?

--- Потому что, почтенный техножрец, --- Талос бросил взгляд на прах Рагуила Мученика, заключенный в бесценную машинную оболочку, --- у Первого Когтя есть для тебя подарок.

Закрыв канал, Талос пристально взглядел труп одного из Кровавых Ангелов. Нагружник воина остался нетронутым, несмотря на сильные повреждения бедренной, ножной и плечевой брони. Имперский орел гордо расprostер на нем платиновые крылья. В тусклом свете нагружник поблескивал золотом.

Пророк слабо кивнул на великолепный

госпех убитого Ангела.

--- Это мое, --- сказал он и соскользнул на палубу, слишком вымотавшийся, чтобы пошевелить хоть пальцем.

ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЯ

В темном чреве «Завета крови» рыдали отец и мать.

Смертные члены экипажа тоже пострадали в битве. Некоторыепали жертвами абордажных команд Кровавых Ангелов -- те в праведном гневе убивали спасавшихся бегством людей. Другие погибли от взрывов во время обстрела корабля вражескими судами. Еще больше сгинulo в теждоусобице людских банг -- группировки смертных использовали сутягицу орбитальной войны, чтобы выяснить отношения с соперниками.

Мужчина держал на руках труп своей дочери, прижатая легкое тельце девочки к впадой груди. Кровь все еще пятнала губы и щеки убитой. Ее последний

затрудненный вздох прозвучал меньше часа
назад. Глаза мертвой, темные от вечного
травма, безжизненно уставились на
собравшуюся толпу.

У девочки не было ног. Их отрубил
ценной меч Кровавого Ангела, когда один
из героев Империи пробивался сквозь
толпу еретиков. Его режущий клинок
пресек множество жизней, пока Астартес
одного из Когтей не покончил с
владельцем меча.

Отец сжимал останки дочери и
рыдал от неизбывного горя.

Собравшиеся люди начали
перешептываться. Они негромко говорили
о проклятии, о дурных знаках и черных
предзнаменованиях. На груди девочки
тускло поблескивал медальон легиона.

Отец поднял тельце десятилетнего
ребенка и выкрикнул в безмолвие «Завета»:

— Этот корабль проклят! Он обречен!
Ее отобрали у нас!

Все больше людей сходилось из
темноты. В широко раскрытых глазах
поблескивали слезы. Все смертные
«Завета» разделяли страхи и

предчувствия убитого горем отца.

Таише было тревожно, несмотря на мирную гармонию сада.

Она пришла сюда, под купол, черневший костической пустотой и искрящийся миллионати далеких звезд, в поисках ответов. Мягкая трава чуть слышно шелестела под босыми ногами. Ступни касались прохладной земли. Мантия из мерцающего темно-зеленого шелка облекала стройное тело, оставляя одно плечо обнаженным. Волосы, темно-красные, как человеческая кровь, и достаточно глинные и густые, чтобы скрыть женщину до пояса, были собраны в тугой узел на макушке.

Мингалевидные, скошенные к вискам глаза Таиши остановились на фигуре, преклонившей колени в траве перед ней. Его роба была черна, как бесконечная тьма между тирати. Он заговорил, не поднимая головы:

— Приветствую тебя, дочь Кхайне и Морай-Хез.

Таиша склонила голову настолько,

насколько велел этикет, почтительно признавая высший ранг мужчины и мужество, что он оказал ей, заговорив первым. Эльдарка не опустилась на колени рядом с ним. Это было бы нарушением приличий. Она остановилась в нескольких метрах поодаль, легонько оглаживая пальцами рукоять меча из призрачной кости. Кончик изогнутого клинка почти касался земли — настолько глинен был меч. Пояс, с которого он свисал, удерживал зеленую мантию запахнутой.

--- Приветствую, благородный провидец. Как твое здоровье?

--- Благодарю, я здоров, — ответил он, все еще не глядя на гостью.

--- Я помешала твоей медитации?

--- Нет, Таиша.

Стоявший на коленях мужчина смотрел вниз, на землю, где между росистых стеблей травы были рассыпаны рунные камни размером с монету.

--- Ты пришла за ответами, так ведь?

--- Да, благородный провидец.

Эльдарку не удивляло то, что хозяин сада знал о ее беспокойстве или о

нынешнем визите.

--- Мои сны в последнее время тревожны.

--- Не только твои, Таиша.

--- Я слышала, благородный провидец. Некоторые из моих сестер чувствуют такое же беспокойство в часы отдыха.

--- Да, но слуха простирается куда дальше.

Теперь он наконец-то взглянул на гостью. Глаза провидца были холодны, как кристаллы голубого льда.

--- Война снова грозит миру-кораблю. Война, в которой тебе, дочь Богини Судьбы, придется пролить кровь мон-ки.

--- Мы -- Ультве. --- Она снова почтительно склонила голову. --- Война всегда за порогом. Но кто идет сюда, благородный провидец? Кто из народа мон-ки?

Провидец собрал разбросанные по траве руны. Камни жгли ладонь и предвещали недоброе.

--- Ловец Душ, Таиша. Тот, кто скрестит клинки с Охотником Пустоты.